А. ШИШОВ

ТАДЖИКИ

(Этнографическое исследование)

АЛМАТЫ–2006

ББК 63.5 (5 Тад)
Ш 65

Подготовка текста и комментарий
Кадира Рустама

Редактор
Саломуддин Мирзорахматов

Книга издана при содействии алматинского кружка по изучению таджикской культуры

Шишов А.
Ш 65 Таджики. Этнографическое исследование. – Алматы, 2006. – 392 с.

ISBN 9965–27–932–2

"Таджики" А. П. Шишова, первая фундаментальная книга по этнографии таджиков, впервые была издана в 1910 году в городе Ташкенте.

Книга является обобщающим трудом, где на основе публикаций русских и европейских исследователей и путешественников описана история, этнографические особенности и бытовая культура таджиков.

Ш $\frac{0505000000}{00(05)–06}$

ББК 63.5 (5 Тад)

ISBN 9965–27–932–2

Предисловие

Настоящий очерк "Таджики" составлен по совершенно той же программе, как и ранее вышедший очерк "Сарты".

При составлении этого очерка пришлось пользоваться теми литературными материалами, какие нашлись на месте в г. Ташкенте. Все, что возможно было достать, использовано.

Собранный материал, думаю, дает основания для некоторых выводов.

К сожалению, относительно быта горных таджиков можно сделать только один вывод- то, что опубликовано, дает слишком мало для этого знания.

У нас имеются отрывочные данные об умственных дарованиях этого народа; можем сделать заключение о первобытных формах его жизни, о вечной заботе не умереть голодной смертью, о полной зависимости от производительных даров природы и слишком ограниченном умственном кругозоре, вследствие своеобразных условий жизни в горах.

У нас слишком мало данных для суждения о способности горных таджиков к культурному развитию и совершенствованию.

Пусть настоящий труд послужит указанием, что нами слишком еще мало сделано по изучению бытовых условий тех народов, которые волею судьбы, вошли в состав нашего обширного отечества и побудить к более интенсивной работе.

г. Ташкент,
25 октября 1910 г. А. Шишов

1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Таджики, долинные и горные занимают громадную территорию равнин и горных долин; их поселения на севере (в Ташкентском уезде) достигают до 41,5° параллели, на западе в Самаркандской области до 37° меридиана, на юге в афганских и индийских владениях до 36° параллели и на востоке, в китайских владениях на западном Куэн-Луне, до 53° меридиана.

В русских владениях таджики живут по обоим берегам Сыр-Дарьи и Зеравшана с их притоками и могут быть разделены на две группы, а именно: на таджиков гор и таджиков равнин.

Таджики гор по Сыру суть те, которые живут в горах по верховьям Чирчика и по теснинам кряжа Кендыр-давана. Это горные таджики правого берега Сыра.

На левом берегу этой реки таджикская народность рассеяна в долине, в Ходжентском уезде, и по отрогам Туркестанского хребта. Все горы южнее Ходжента, а именно: горы в верховьях Зеравшана и горы, разделяющие бассейн Зеравшана от бассейна Сыра, густо населены таджиками и весьма незначительным числом узбеков.

Наконец, горные части Наманганского, Кокандского и Маргеланского уездов Ферганской области также заселены таджиками, а равно и Сарыкол на русских Памирах.

В Ташкентском уезде Сыр-Дарьинской области таджики живут в верхних частях долин р. р. Чирчика и Ангрена отдельными селениями между сартами* и тюрками. Чирчик берет начало в высоких, снежных хребтах гор Алатау и в верховьях носит название Чаткал. В горах Чаткал принимает несколько многоводных притоков: Санталаш, Терс, Пскем и Угам; после соединения с последним, Чаткал принимает название Чирчика у селения Чимбайлык. По Чаткалу с притоками, главным образом, и поселены таджики.

В прежнее время берега Чаткала были населены более густо, чем теперь; в настоящее время на среднем течении существуют несколько таджикских и сартовских селений, уцелевших от грабежей киргизов и кара-киргизов*, уничтожавших оседлые поселения незадолго до завоевания г. Ташкента русским оружием.

По причине высокого положения страны над уровнем моря, от 2000 – 5000 и даже 7000 ф. и значительному количеству выпадающих снегов и дождей, по берегам Чаткала существуют посевы без

ирригации, а под дождь (богарные поля), хотя на более низких местах встречается и орошение при помощи горных ключей. Сам Чаткал, заключенный в глубокую и узкую долину, местами с высокими отвесными скалистыми берегами, совершенно недоступен для канализации.

Река Ангрен значительно меньше Чирчика и берет начало в тех же Алатауских горах, где получает начало и Чирчик, а именно: в южных цепях Кураминской и Ангренской (Наманганские горы). Все земледелие плодородного Ангренского района сосредоточено в верхней долине, заключенной еще в отрогах боковых горных цепей, и в лощинах левой стороны; прекрасная канализация и образцовая обработка почвы делают этот район одним из богатейших в крае.

Непосредственно к востоку от долин р. р. Чирчика и Ангрена, отделяясь от них Наманганскими горами, примыкает горная часть Наманганского уезда Ферганской области, где также таджикские селения разбросаны среди сартовских и кочевых киргиз. Обращают на себя внимание среди таджикских кишлаков своей древностью кишлаки Ахсы* и Касан, Наманганского уезда. В самой ферганской долине таджики рассеяны по всем городам и живут совместно с сартами и другими народностями, населяющими города долины. Наибольшее же количество их и более чистый тип обитает в горных долинах, часто неприступных, на юге Ферганской котловины, в Кокандском и Маргеланском уездах.

Горы на юге Ферганы представляют собою тройной ряд кулисс, начинаясь предгорьями, как бы сморщенными глубоко врезывающими, отвесно набегающими бороздами; эти предгорья представляются мягкими образованиями, в которых снеговая вода прорвала правильные размоины. Позади этих предгорий высится второй, зубчатый ряд сумрачных, многоразлично сформированных скалистых цепей, которые, благодаря их смене света и тени, служат более темным фоном для красноватого отблеска предгорий. Наконец, как бы для того, чтобы увенчать эту восхитительную панораму, над сумраком второго ряда возвышается до самых туманных облаков еще третий ряд высочайших гор, одетых местами, темно-пятнистым ослепительным снеговым покровом. Эти горы отделяют Ферганскую долину от Каратегина.

В глубоких долинах этих гор, особенно по рекам Исфайрамт, Шахи Мардан, Сох и Исфара расположены таджикские кишлаки. На пред-

горьях лежит большой кишлак Канибадам, далее в горы: Исфара, Сох, Ворух.

Продолжение Ферганских гор на западе носит название Туркестанского хребта. Отроги этого хребта занимают южную часть Ходжентского уезда Самаркандской области и отделяют Ходжентский уезд от долины реки Заравшан.

Город Ходжент представляет из себя центр населения таджиков равнинных*. Северные предгорья Туркестанского хребта населены также таджиками, а равно и г. Ура-Тюбе. О городе Ходженте, как населенном, преимущественно таджиками, в дальнейшем изложении будет сказано более подробно.

Одно из лучших мест, густо населенных таджиками – это Зеравшанская долина Самаркандской области.

Начиная от г. Самарканда, по мере удаления вверх по Зеравшану, замечается постепенное обеднение в разнообразии племен, составляющих население кишлаков обоих берегов Зеравшана; остатки прежних завоевателей уступают место коренным жителям Средней Азии, таджикам – галча. Уже от кишлаков Ёри и Суджина, к истокам Зеравшана, нет другой народности, кроме таджикской.

Зеравшан берет начало из Зеравшанского ледника, залегающего в горном узле Туркестанского, Гиссарского и Алайского хребтов. Ледник этот питается обширными фирновыми полями и принимает в себя ледники, спускающиеся с Туркестанского и Гиссарского хребтов. Длина ледника равняется 24 верстам, нижний конец его залегает на высоте 9000 ф., а верхний, у перевала Матча, на высоте 13 800 ф. На 50 верст ниже современного окончания ледника, у селения Диаминора, залегает первая морена; выше замечается ряд огромных морен, доказывающих отступления Зеравшанского ледника. В нижнем конце своем последний образует ледяной свод, из под которого и вытекает р. Зеравшан, называющаяся в своем верхнем течении Матча. На высоте 4590 ф., возле селения Варзиминора в Зеравшан с левой стороны впадает р. Фан-Дарья, составляющаяся из двух рек: Искандер-Дарья и Ягноб-Дарья. Ниже Зеравшан принимает слева Кштут-Дарью, а еще ниже последний приток – Магиан-Дарью, впадающую в него также слева. До безуездного г. Пенджакента р. Зеравшан протекает в скалистых утесах и совершенно недоступна для эксплуатации с оросительными целями; за Пенджакентом же, из нее начинают выходить каналы. В 8 верстах от г. Самар-

канда, р. Зеравшан разделяется на два рукава – Ак-Дарья (длина около 105 в.) и Кара-Дарья (100 в.) которые соединяются вновь, близ г. Хатырчи в Бухарском ханстве. Замкнутое, между обоими рукавами, пространство земли представляет собою огромный остров в 13 в. ширины, по всем направлениям изрезанный оросительными каналами и очень густо заселенный. Остров этот носит название Мианкол и является богатейшею частью Зеравшанской долины[1].

Поднимаясь вверх по долине "золотоносной реки" (Зеравшан) через г. Пенджакент, мы вступаем в Когистан, эту чудную страну аллей с её живописными ущельями, серебристыми водопадами, снеговыми альпами. В этой длинной аллее гор, откуда постепенно идет подъем к плоским возвышенностям цепи Каратегин, можно видеть, так сказать, резюме Центральной Азии, со всем, что она заключает в себе приятного и грандиозного в картинах природы.

При входе в долину раскинулись фруктовые сады, орошенные струящимся водами. Выше: зеленеющие луга, засеянные поля, рощи и лески, окаймляют течение реки, или как у Варзиминара, покрывают высокие аллювиальные террасы, оставленные изчезнувшими озерами. Сквозь ветви деревьев виднеются белые вершины гор; стоячие воды рассеяны в гранитных бассейнах, и с высоты цирков спускаются ледяные реки.

Горную часть Зеравшанской долины представляют собою волости Фальгарская и Матчинская. Фальгарская волость начинается с попутного кишлака (на левом берегу) Ябан и простирается по Зеравшану включительно до кишлака Шамтич. Она разделяется на два аксакальства: Урмитанское и Варзиминорское; в первом 10 кишлаков с 632 дворами, а во втором 21 кишлак со 697 дворами, а всего следовательно, 1329 дворов. Матчинская волость начинается кишлаком Оббурдан и кончается ледником "Ходжа-Муса" (Зеравшанским); она тянется вверх по Зеравшану на протяжении 144 верст и разделяется также на два аксакальства: Оббурданское и Пальдаракское. Первое состоит из 10 кишлаков с 270 дворами, а второе из 22 кишлаков с 366 дворами, а всего 636 дворов. Самые восточные кишлаки: Вадиф, Дихауз и Ди-Гиссар.

Когда именно гальча заняла верховья Зеравшана – сами не знают; у них сохранилось какое-то темное предание, что они двигались

---

[1] *Гейер И. И.* Путеш. по Туркестану. Ташкент, 1901. С. 137.

с юга, тоже из горных стран. Подобные переселения происходили недавно и производились мирным путем и по большей части в моменты, когда, в следствии каких-либо причин, население долин Заравшана редело, оставались незанятыми хлебородные земли. Так, в 1767 году, при эмире Данияре, вследствие междуусобных войн, голода и холеры, Самарканд и его окрестности опустели, от чего осталось много незанятых земель. Гальча из Фана, Матчи, Каратегина и других мест перешли со своими семействами на эти не занятые места и водворились на них.

В бухарских владениях, поселения таджиков также значительны. По меньшей мере две трети всего городского населения Бухары* состоит из таджиков.

Самая населенная часть бухарского оазиса – та, которая составляет продолжение Мианкаля или бухарского "Междуречья"; в этой области от Ката-Кургана до Пайшамбе, деревни (кишлаки) соединяются в один непрерывный город, утопающий в зелени фруктовых деревьев, которые издали придают ему вид леса; каждый сад как бы стережется важными аистами, которые время от времени постукивают своими клювами; хивинцы в насмешку говорят, что это постукивание аистов заменяет бухарцам пение соловья.

Один из кишлаков этой плодородной страны известен под именем Урус, т. е. русский, в память беглых московских людей, которые поселились в этом месте лет двести или триста тому назад. Несчастные переселенцы, заподозренные в том, что они продолжали поклоняться прежнему Богу и тем навлекли напасть на свое новое отечество, были все перерезаны бухарцами.

Население Гиссарского края – общего названия южных частей Бухары – слагается из двух главных элементов: узбекского и таджикского, при чем первый является преобладающим, так что весь Гиссарский край в Бухаре называется Узбекистан (страна узбеков). Подобно тому как в долинах Сыра и Зеравшана узбеки вытеснили в горы коренное таджикское население, и в гиссарских владениях таджики сохранились в наибольшей чистоте только в горных кишлаках. Дербент заселен сплошь таджиками, из которых даже многие не понимают ни слова по узбекски. То же нужно сказать и о жителях, окрестных Дербенту кишлаков: Сайраб и Ялгыз-баг и других[2].

---

[2] *Маев Н.* Географ. очерк Гиссарского края и Кул. бекства. "Турк. Вед". 1877. № 7.

Гиссарский край лежит по нижнему течению реки Вахша, по Кафирнигану, Сурхану, к югу от Гиссарского хребта. В частности северная часть называется Гиссаром, южная – Кабадианом и восточная – Кулябом. Сравнительно невысокое положение края (б. ч. до 3000 ф.), мягкий, теплый климат и обилие воды делают его одной из наиболее важных частей Бухары. Гиссарский край производит в изобилии хлеб, все среднеазиатские фрукты, скот; дает соль и т. п. продукты. Административным центром гиссарского бекства является г. Гиссар (Гиссари Шадман*), лежащий на высоте 2210 ф., в 4 в. от реки Кафирнигана, в местности, известной злокачественными лихорадками.

Население больших городов, лежащее в долинах Сурхана и Кафирнигана, конечно, смешанное, как и во всех больших городах Средней Азии. Здесь узбеки перемешались с таджиками так, что провести какую нибудь разграничивающую черту положительно невозможно. Однако можно заметить, что начиная с Душанбе, к востоку, таджикский элемент постепенно начинает брать перевес. Горные кишлаки, приютившиеся в ущельях: Варзоб-таг и Ромит-таг населены таджиками, также как города: Кафирниган и Файзабад, с окрестными кишлаками.

Население Гиссарского края скучено почти исключительно в долинах верхнего течения рек Сурхана и Кафирнигана. Здесь лежат города: Денау и Юрчи, Регар, Сари Осиа, Каратаг, Гиссар, Душанбе, Кафирниган и Файзабад. От Денау до Гиссара есть прямое сообщение через хребет Баба-тог. Северные города служат связью узбекского населения с таджиками горных кишлаков[3].

Юго-восточную часть бухарского ханства составляет горная страна Каратегин, расположенная по средному течению р. Вахш (Сурхаб), правого притока Аму-Дарьи. Каратегин есть прекрасная страна высоких гор, ледников, водопадов, граничащая на С. – Гиссарскими и Алайскими хребтами с Самаркандской и Ферганской областями, на В. – условной линией, направляющейся на ЮВ. от перев. Бокбаш в Алайском хр. с Ферганой, на Ю. – хребтом Петра Великого с бекством Дарваз и на З. с Гиссарским бекством. Долины рек занимают не более $^{1}\backslash_{5}$ пространства страны, остальные же $^{4}\backslash_{5}$ заняты горами. В общем Каратегин представляет горную страну, прорезан-

---

[3] *Маев Н.* Указанное сочинение.

ную по середине с СВ. на ЮЗ. р. Сурхаб и заключающую в своих пределах южный склон Гиссарского и Алайского хр., западную оконечность Заалайского хр., долину Сурхаба и сев. склоны хребта Петра Великого. Склоны первых двух хребтов, имеющих весьма значительную высоту, скалисты, трудно проходимы и населены только по ущельям и небольшим притокам правых притоков Сурхаба; через Гиссарский хребет (перевал Пакшиф – 12 т. фут.) Каратегин сообщается вьючным путем с верховьями Зеравшана, а через Алайский хр. (перевал Тарак) таким же путем с Ферганой. Пути эти зимой большею частью непроходимы или доступны только для пешеходов. Долина Сурхаба, протекающая по Каратегину на протяжение 165 в., представляет наиболее населенную и важную часть страны; восточная часть её лежит на высоте 6 $^1\!/_2$ т. ф., а западная (город Гарм) на высоте 4520 ф. Сурхаб в восточной части Каратегина принимает слева значительный приток Мук-су, истоки которого находится в с. з. части Памиров. К югу от долины Сурхаба высится огромный хребет Петра Великого, средняя высота коего не ниже 14 т. ф., а отдельные вершины достигают 20–22 т. ф.; немногие перевалы, служащие для сообщения с Дарвазом, весьма трудны и зимой недоступны. Климат континентальный, здоровый; зима продолжительна и довольно сурова; снега выпадает много; жаркое лето длится не более двух месяцев. Население состоит из оседлых таджиков (около 50 т.), живущих на западе страны, и кочевых кара-киргиз (около 10 т.), на востоке. Таджики-гальча Каратегина, хотя обращены официально в магометанскую веру, сохранили свои старые нравы, напоминающие времена Зороастра, и продолжают говорить персидским языком, среди киргиз тюркского языка*. Эти горцы народ очень промышленный: они умеют ткать материи, ковать железо, промывать золотоносные пески своих ручьев, добывать каменную соль из своих гор, а летом ведут довольно большую торговлю с Кокандом, Бухарою и Кашгаром: овчинами, шкурами лисиц, куниц и барса, чулками, ковровыми вьючными мешками и т. п.; но эти промыслы недостаточны для прокормления жителей. Будучи все земельными собственниками, они не хотят дробить своих земель до бесконечности, и потому молодые люди края уходят массами искать заработки на стороне, в городах равнины; эти "оверньяты" Туркестана особенно пригодны, где нужна большая физическая сила от чернорабочего.

На юге Каратегин высоким хребтом Петра Великого отделяется от Дарваза, крайней юго-восточной провинции бухарского ханства.

Оба склона хребта Петра Великого в этнографическом отношении представляют одно и тоже и населены таджиками. Дарваз расположен по обеим сторонам р. Пянджа (верхней Аму-Дарьи) и занимает около 386 кв. географ. миль, с населением около 35000 душ. На севере, Дарваз отделяется от Каратегина высоким хребтом Петра Великого, на востоке граничит с западной окраиной Памиров, с Юга – афганскими владениями (Бадахшан), а с запада бухарскими бекствами Бальджуаном и Кулябом. Дарваз изрезан высокими хребтами, глубокими ущельями, по которым текут быстрые, трудно проходимые реки, и кроме чрезвычайно плохих, местами доступных только для опытных пешеходов, тропинок, иных путей сообщения не имеет. Последовательно с севера на юг Дарваз представляет следующие части: долину реки Оби Хингоу (Хуллес) левого притока Сурхаба; Дарвазский хребет (снеговой, трудно проходимый), отделяющий долину р. Оби Хингоу от ущелья, по которому протекает р. Пяндж, и от долины Ванча (пр. приток последного); долину Пянджа и Ванча и, наконец, весьма гористую, круто спускающуюся к Пянджу страну по левую сторону последного. Горы высоки, скалисты, покрыты вечными снегами и ледниками. Древесная и кустарная растительность отличается скудностью, а травяная довольно богата и представляет хорошие пастбища. Климат довольно суровый: господствуют бури, морозы и метели. Летом бывает довольно тепло, так что в наиболее низких местностях страны сеют хлопок. Жители занимаются земледелием и скотоводстом: суровая природа страны мало обеспечивает жителей, вследствие чего, мука из сушеных тутовых ягод (тут-талкан) составляет в зимнее время самую обыкновенную их пищу. Довольно важным промыслом является охота на лисиц, куниц, медведей, диких коз и т. п. До 1878 г. Дарваз по большей части управлялся родовыми владетелями –ша, а в 1878 г., будучи присоединен к бухарским владениям, составляет особое Дарвазское бекство, бек которого живет в Калаи Хуме, на правом берегу Пянджа. Жители говорят персидским языком и хорошо сохранили предания маздеизма, не смотря на то, что они теперь исповедуют мусульманскую веру. Население живет бедно; верования, воззрения и быт их первобытны, что объясняется трудной доступностью и замкнутостью страны.

По течению р. Хингоу (серая или голубая вода*) лежит небольшая горная страна Вахиё. В административном отношении Вахиё подчиняется беку Дарваза, имея своего непосредственного началь-

ника, живущего в Той-Дари, подчиненого дарвазскому беку. Вахиё разделен на две части – Вахиёи боло (верхняя Вахия) и Вахиёи повун (нижняя Вахия). Жители Вахиё- таджики и говорят двумя отдельными наречиями. Наречие верхней части Вахиё сильно разнится от нижнего, ближе подходящего к каратегинскому, но несколько отличного от последного. Жители Вахиё называют сами себя вахиёчи. Под этим же названием они известны окрестным таджикам и тюркам.

Согласно русско-английского договора от 2 февраля 1895 г. часть Дарваза, лежащая по левому берегу Пянджа, передана Афганистану, взамен Шугнана, благодаря чему в настоящее время даже ближайшие родственники кишлаков, населяющие берега Пянджа, принадлежат подданству разных государств (Бухары и Афганистана).

На юг от восточной части Дарваза находится Рошан. Границы Рошана не определены. Рошанские кишлаки узкой лентой тянутся от Бардара вниз по Бартангу (правому притоку Пянджа) до впадения его в Пяндж. На Бартанге стоят следующие кишлаки: Бардара, Чадут, Балит, Аджирх, Бижрафт (Раздудж), Дарьянус, два Сипонджа, Рамит, Рит, Багу, Уемс и Суджан. При всей своей суровости, климат Рошана здоровый. Пространство 768,9 кв. миль, население таджики, занимающиеся земледелием. Число жителей в 1838 г. определялось Вудом в 100 семейств; ныне с прекращением работорговли, оно возросло не менее чем в 5 раз. Главный город Рошана – Калаи Вамара, при впадении Бартанга, т. е. нижнего течения Мургаба в Пяндж. Вообще Рошан мало исследован. В начале 1870 г. он вместе с Шугнаном находился под властью одного эмира.

К югу от Рошана находится бухарское бекство Шугнан, также населенное таджиками. Шугнан расположен в бассейне р. Гунт и левого притока его, реки Шахдара. Эта бухарская провинция более исследована. Впервые о Шугнане упоминает знаменитый китайский путешественник, буддийский монах Сюан-Цзян, бывший в странах, лежащих на истоках Аму-Дарьи в XII веке по Р. Х. Сам он лично не посетил Шугнана и приводит только краткие расспросные сведения об этой стране, представляющие большой интерес исключительно потому, что сведения эти первые по времени и из них мы узнаем о начале исторической жизни ханства. Затем, до 1836 г., т. е. в течение целых 12 столетий, ни один из путешественников, посетивших верховья Аму-Дарьи, даже не упоминает о Шугнане, вследствие чего,

сведения о нем, Сюан-Цзяна, приобретают особое значение, так как благодаря им прибавляются целых 12 столетий к исторической жизни ханства.

Подобно Сюан-Цзяню, Вуд в 1836 году, а затем в 1874 г. Троттер приводят о Шугнане сведения расспросные, со слов туземцев. Первым из европейцев, лично посетившим Шугнан, был русский доктор Регел, который в 1883 году объехал большую часть территории ханства, но к сожалению, не опубликовал почти ничего о своем путешествии.

Границы Шугнана определить точно очень трудно, так как селения Шугнана сливаются с селениями Рошана и Вахана; сами жители не могут дать точных указаний в этом отношении. Приблизительно, однако, можно сказать, что границами Шугнана служат: на севере – хребет Рошанский; на востоке – Лилия, идущая через озеро Яшиль-куль и перевал Кой-тезек и Мас; на юге – водораздельный хребет Ваханский и, наконец, на западе – Пяндж. В этих пределах Шугнан имеет форму сжатого элипсиса, большая ось которого идет с запада на восток, а малая – с севера на юг; правый фокус – водораздел р. Гунда и Шахдара – перевел Кок-бай, а левый фокус – место соединения этих двух рек. Большая ось имеет в длину около 100 в., меньшая около 90 в. Площадь, занимаемая Шугнаном, равняется 8000 кв. верст или 160 кв. г. миль.

Шугнан наполнен горными хребтами, а именно: по середине идет хребет Шугнанский, на севере – южный склон Рошанских гор; на юге – северный склон Ваханского хребта. Все эти хребты имеют величественный вид; громадные плато, перерезанные вдоль и поперек глубокими и узкими ущельями с бурными речками, и среди них возвышаются горы, покрытые вечными снегами, то в виде башен, то в виде пиков. Особенно выделяются размерами и красотой два пика в Ваханском хребте. Чудную картину представляют они при восходе и закате солнца, блестя ледяной одеждой. Тогда они видны на далекое расстояние. Название их общее – Лазыр (т. е. лед). Высота их: одного 23 000, другого 20 000 ф.

Орошается Шугнан двумя большими горными реками – Гунтом и Шахдарой и множеством мелких речушек. Длина Гунта: от перевала Кок-бай (приток Тогуз-булак) до соединение с другим притоком, вытекающим из Яшиль-куля, 43 версты; отсюда до соединения с Шахдарой 105 в. и до соединение с Пянджем еще 7 в., всего 155 верст. Длина Шахдары: от перевала Кок-бай до соединения с р. Масом 15 в., отсюда до соединение с Гунтом 130 в., всего 145 в.

Наибольшее расстояние между этими реками с севера на юг 60 верст. Притоков у Гунта: правых – 20, левых – 24; у Шахдары: правых -14, левых – 20. Берега обеих рек круты и обрывисты. Скорость течения очень велика. Уровень воды в реках зависит от зимнего и летного, а также ночного и дневного таяния снегов, почему и глубина их изменчива, но не менее одной сажени. Переправляться в брод возможно лишь в верхнем течении Шахдары и в среднем Гунте, где река разбивается на несколько рукавов. Жители совершают переправу на турсуках, что для непривычного человека сопряжено с риском. Вкус воды в обеих реках очень приятный, несмотря на мутность, происходящую от того, что боковые речки размывают свои берега. Чем ниже по течению, тем вода становится мутнее; так, в Гунте у сел. Сардвин вода светла, но при впадении в Пяндж совершенно мутная. Рыба водится в верхнем течении Гунта и Шахдары. Озер в Шугнане, два больших и несколько малых. Турумтай-кул (озеро копчиков) имеет поверхность в 15 в. Оно питается прибрежными и подводными ключами. Вода в нем пресная. Берега покрыты сочной травой. Принимая в себя немноговодную речку Ак-джилга, Турумтай-кул отдает свою воду при посредстве р. Ак-сая в р. Тогузбулак, впадающую в Гунт. Другое большое озеро Друм-куль; его поверхность до 2 кв. верст. Северный берег его- пологий; южный – возвышенный; восточный и западный берега – крутые высокоподнимающиеся обнаженные скалы. Вода пресная. В озеро Друм впадает речка того же названия; при выходе из озера речка принимает название Сендж и соединяется у селения того же имени с Шахдарой. Рыба – в обеих озерах[4].

Шугнан и Рошан получили от обитателей равнин название Зуджан или “Страна двух жизней”, имеющее тот смысл, что всякий, кто вступает в эту счастливую землю, кто дышет ее здоровым воздухом и пьет ее чистые воды, может быть уверен, что проживет два века. Но очень небольшое число людей пользуется этим великолепным климатом. Дворов – 512, мужчин –2885, женщин – 2563. Торговля невольниками была, как и в Вахане, причиной обезлюдения страны, и очень еще недавно, несмотря на отмену рабства, официально провозглашенную в Кабуле и во всех афганских владениях, в состав

---

[4] Кап. Александрович. Краткий очерк Шугнана по данным рекогносц. 1894 г. "Турк. Вед." 1895 г. № 12.

которых недавно входили берега Пянджа, люди продавались и покупались, как товар, в земле "двух жизней". В 1869 году, тамошний властитель торговал своими собственными подданными, чтобы поддержать равновесие своих финансов; в тех местах цены мужчины или женщины представляли ценность 10 или 15 волов или от 5 до 8 яков.

Крайнюю провинцию бухарских владений на западной части Памиров, населенную таджиками, представляет Вахан – страну, расположенную по р. Вахон-Дарье, между Гиндукушем и Ваханским хребтом, имеющую около 3000 душ обоего пола. Вахан – страна бедная; жители занимаются отчасти земледелием и главным образом скотоводством, вследствие чего, ведут полукочевой образ жизни. В менее высоких местностях в нижнем течении Вахан-Дарьи, сеют пщеницу, ячмень и бобовые растения; посев производится в апреле, а уборка в июне. Главное богатство ваханцев – их стада, состоящие из рогатого скота, овец, коз и яков. Лошади мелкие, но хорошо сложены и прекрасно ходят по горам. Шерсть, полученная от ваханских коз, очень хорошего качества; вместе с овечьей она перерабатывается на ткани, как для местного потребления, так и для меховой торговли, которая ведется с окрестными странами.

Калаи Пяндж, главное поселение в Вахане, расположено по левому берегу Вахан-Дарьи в 10 в. ниже слияния ее с р. Памир; оно состоит из группы домов, у подножия пяти холмов, на вершине которых расположены небольшие укрепления; в главном из них живет правитель Вахана – мир. Жителей здесь не более 150 обоего пола.

Эта область так возвышена, так холодна, так бедна растительностью, что ее редкие жители не могли нигде поселиться, кроме как в нескольких хорошо защищенных от ветра лощинах, на берегу реки: самая низкая деревушка Вахана лежит на высоте 2700 метров, а самое возвышенное селение, Сардах, находится на высоте 3600 метров, следовательно, выше чем вершины высочайших пика Пиренейских гор; за Сардахом, еще выше, разбросаны там и сям летние жилища. Тальник и другой низкий кустарник составляют единственную растительность этой холодной страны.

Главное удовольствие жителей – это охотиться летом на каменного козла, кочкаря (avis Poli), а также на куропаток с помощью прирученных соколов.

Удаленность от главнейших исторических центров Средней Азии и замкнутость памирских ханств, примыкающих с одной стороны к

безлюдному и пустынному Памиру и окруженных чрезвычайно трудно достигаемыми горными хребтами, отделяющими их от соседних стран, способствовали, без сомнения, тому что таджики Шугнана, Рошана и Вахана, менее других представителей арийского племени, подвергались смешению с народами тюрко-монголской крови, и потому представляются членами арийской семьи, наиболее сохранившими чистоту типа.

Немало способствовали этому также и то обстоятельство, что горцы-таджики исповедуют магометанскую религию шиитского толка* и, как еретики, преследовались правоверными мусульманами-суннитами, считающими их хуже собак. При таких условиях, чтобы сохранить веру отцов и не подвергаться гонениям, таджикам оставалось только одно – забраться подальше в свои труднодоступные горы и по возможности избегать всяких сношений с соседними народами.

Арийское происхождение большинства туземцев, составляет предмет их гордости. Остатки местных династий в Вахане, Шугнане и Дарвазе кичатся даже происхождением от Александра Македонского*; и в самом деле, мы знаем из истории, что Балх, "мать городов" по верхному Оксу, служил столицей государства, основанного македонцами и существовавшего 136 лет сряду.

В Афганистане таджики рассеяны по всей стране, как потомки первоначального иранского населения, любящие заниматься земледелием и превосходящие другие племена своею численностью, которая простирается до 1 миллиона человек. Наиболее населенные таджиками провинции Афганистана, суть северные, лежащие по Аму-Дарье и ее притокам. Эти провинции – Балх, Хульм, Кундуз и Бадахшан*.

Бадахшан – горная страна, расположенная по р. Кокша (Кокча, Кукча), естественно делится на две части – восточную, которая граничит с Ваханом, и через которую протекает Пяндж, поворачивая на север, и западную, которую орошает р. Кокша, т. е. "Зеленая", под притоком средней Аму-Дарьи. С южной стороны протянут высокий гребень Гиндукуша, где открывается два пролома: Нускан (5100 м. высоты), над которым господствуют ледники, и Дора (4000 м.), немного менее трудный для перехода. Две половины Бадахшана разделены очень высокой отраслью Гиндукуша, примыкающей даже на севере к возвышенным плоскогорьям, которые огибаются верховьями Аму-Дарьи.

Выдающиеся города суть: Файзабад, Джерм и Ишкашим. Важнейшим транзитным пунктом является Ишкашим, именем которого иногда называют всю восточную часть Бадахшана: он расположен на южном берегу Пянджа, в том месте, где эта река поворачивает на север к Шугнану и Рошану, чтобы соединиться с другими реками, образующими Аму-Дарью. Ишкашим находится, следовательно, в точке пересечения естественных путей, перерезывающих страну с запада на восток и с севера на юг. Это селение обязано своим важным значением также соседству рубиновых копей, приобревших всемирную известность со времен глубокой древности; они занимают в 32 километрах ниже Ишкашима, верхнюю часть крутых утесов, возвышающихся на 360 метров над правым берегом Пянджа.

Южный Бадахшан тоже обладает копями, прославившимися на всем Востоке, месторождениями бирюзы и лазуревого камня, или лазурика, которые находятся на северном скате Гиндукуша, близ истоков Кукчи, в округе Лажурд или Лазурд –откуда и произошло слова "лазурик" (Lapis lazuri) и "лазур", "лазурный".

Эксплуатация лазуревых копей часто прерывались то по причине малых выгод, то по случаю войн или внутренних волнений и междуусобий, парализующих промышленность страны; однако, бадахшанские камни все еще хорошо известны купцам: бухарским, кабульским и кашгарским.

Бассейн реки Кукчи, один из замечательнейших во всей Азии по своим минеральным богатствам, известен обыкновенно под именем Хамакан, что значит "сплош усеянный рудниками", ибо кроме лазуриковых копей, он изобилует также важными месторождениями меди, свинца, квасцов, серы и железной руды, разрабатываемой с незапамятных времен.

Богатый минеральными сокровищами, Бадахшан есть, вместе с тем, одна из стран Центральной Азии, поставленных в наиболее благоприятные естественные условия в отношении здрового климата, чистоты вод, красоты тенистых рощ и лесов, плодородия долин. Бадахшанские арбузы и дыни, яблоки, персики, виноград, славятся во всех соседних странах. Тамошние лошади замечательны своей крепостью и верностью шага на трудных горных дорогах; качества, которым они обязаны тем, что кабульский эмир выбрал их, как главную дань, платимую ему этим краем. Бадахшанские бараны доставляют часть шерсти, употребляемой для тканья чудесных каш-

мирских шалей; стада диких свиней бродят во всех малонаселенных местностях Бадахшана. Но обитатели этой страны, так изобилующей естественными ресурсами всякого рода, живут по большей части в крайней бедности; феодальный порядок, затем войны, внесенные кундузскими узбеками в долину Кокчи и сопровождающиеся грабежем и истреблением населения, наконец тягостные подати, налагаемые кабульским эмиром и еще увеличиваемые его вассалом, – все это легло тяжелым гнетом на край, и довело до нищеты почты всех бадахшанцев.

Кроме того, властители страны предавались до недавнего времени торговле невольниками; ни один путешественник не мог быть уверен в своей личной безопасности, пока не вступил на улицы какого-нибуд города.

В силу религиозной традиции, одни только неверные могли быть обращены в рабство, но сунниты также причислялись к неверным, и многие сунниты, подвергаемые пытке, принуждены были выдавать себя за последователей Аги*. Однако, нужды торговли ставили индусских купцов и евреев вне всякой опасности быть захваченными в плен и проданными в неволю[5].

На западе от Бадахшана лежат провинции северного Афганистана: Кундуз, Хулм и Балх, хотя населенные в большей своей части узбеками*, но в городах в большом числе сохранились остатки древних обитателей этих провинций – таджики. Кундуз расположен в низменной долине р. Кундуз или Ак-сарай и принадлежит к самим нездоровым местностям Центральной Азии. "Если хочешь умереть, поезжай в Кундуз", гласит бадахшанская поговорка. Сам город Кундуз, как столица провинции, представлял, даже во времена наибольшего могущества Муратбека, невзрачную кучку жилищ, состоявшую из пятисот или шестисот глиняных домишек, камышевых хижин, и узбекских палаток, разбросанных среди садов, засеянных хлебом полей и болот. Таликан, лежащий восточнее, у подошвы горной цепи, которая отделяет Кундуз от Бадахшана, кажется, имеет, более важное значение. Уже Марко Поло говорит об этом городе, который он называет Тайканом, как о значительном населенном пункте и большом рынке, где производилась деятельная торговля хлебом, фруктами и солью. Соседние соленосные горы находятся на юго-востоке

[5] *Реклю* Э. Земля и люди. Т. VI. С. 351 и след.

и на востоке от того города, именно близ Ак-булака в Бадахшане. Идя в этом направлении, путешественники поднимаются к горному проходу Латтабанд, обыкновенной дороге караванов, отправляющихся из Кундуза к Бадахшану и Памиру. С этого перевала открывается великолепнейший и обширнейший вид, что особенно поражает взор, с западной стороны, так что виден величественный конус Кохи амбара, возвышающийся всего только на 800 метров над уровнем окружающих равнин, но представляющий замечательную правильность форм. Пастбища этой горы славятся разнообразием, и сочностью своих трав, и жители Кундуза, Таликана и Хазрет имама, городов лежащих соответственно к западу, востоку и северу от Кохи амбара, посылают туда свои стада. Лев бродит в равнинах, растилающихся на севере от этих гор. Область Хульм или Хулум не так обширна, но не менее густо населена, чем Кундуз, пропорционально пространству, хотя она не столь обильна водой. Река Кундуз или Ак-сарай, питаемая снегами Гиндукуша и Кохи бабы ("отца гор") довольно многоводна, по крайней мере, настолько многоводна, что течет до соединения с Аму-Дарьей, тогда как река Хульм, берущая начало в предгорьях цепи Каракох, не имеет достаточной массы воды, чтобы достигнуть главной реки бассейна: она теряется в ирригационных каналах при вступлении ее в равнину. Но географическое положение Хульмского края, составляющего средоточие древней Бактрианы, чрезвычайно важно. В этой области оканчивается дорога в Персию и Индию, идущая через Бамианский порог; здесь находится естественный центр громадного амфитеатра горных хребтов и плоских возвышенностей, который тянется от персидского Мешеда до Бухары через индийский Кавказ, Памир, Самаркандские горы.

Выше Хульмского края соединяются все большие реки, которые смешивают свои воды в Аму-Дарье; Ак-сарай, текущий из Кундуза, и Сурхаб, спускающийся с Алая и севернего Памира; следовательно, в этой области Азии сходятся естественные пути полукруга, имеющего более 1500 километров протяжения. Некогда Балх, "матерь городов", был местом пересечения всех торговых путей страны. После разрушения этого большого города Чингиз-ханом, в 1220 году, и обезлюдения части бассейна Аму-Дарьи, центр торговли, впрочем, сильно уменьшившейся, должен был переместиться, но удержался, однако, в той же области. До половины текущего столетия Хульм был самым важным городом древней Бактрианы: населенный почти

в 10 000 жителей, таджиков по большей части, он производил большую торговлю мехами всякого рода: бараньими, волчьими, лисьими, собачьими и кошачьими. Обширные и тенистые сады, простые и фруктовые, окружают город поясом зелени; самое ложе реки, где река течет не постоянно, обращено местами в сад. Хульм – город новый, которому в начале дали имя, столь обыкновенное в Туркестане: Таш-Курган или "Каменная крепость"; Старый Хульм, в расстоянии 8-ми километров от нынешного, теперь не более, как куча мусора. Балх, который в древности пользовался такой славой, как столица империи и как священный город, место, где проповедывал Зороастр, средоточие элинской цивилизации в Средней Азии после Александра Македонского, и впоследствии один из главных центров буддийской религии, представляет теперь одну обширную руину. Город носит еще громкий титул "матери городов"; имеет на северной стороне плохую цитадель, в которой находится обрубок белого мрамора – будто бы трон Кира, и три жалких училища; расположенные близ обширнейшего поля, 6-7 часов ходьбы в окружности, со следами развалин некогда блестящей Бактры или Зориаты, родины Зороастра и Кира*. Город был совершенно разрушен монголами в 1220 году. В настоящее время Балх насчитывает едва 1500 жителей, отчасти уроженцев Кабула, главное занятие которых составляет пряжа, преимущественно шелковая; среди развалин, где еще находится каравансарай, большой базар и мечеть, живет 2000 афганцев, весною перекочевывающих в Мазар, главный город афганского Туркестана, лежащий к востоку от Балха в более возвышенной местности и насчитывающий до 25000 жителей. Политический центр афганского Туркестана находится, с 1858 года, в Шахти пуле, километрах в двадцати к востоку от древного Балха; но городское население, цифра которого по Гродекову простиралась в 1878 г. до 25000 душ, переселилось немного далее, вокруг мусульманской святыни Мазари Шериф (могила Шерифа), пользующейся славой даже по ту сторону Гиндукуша, благодаря чудесам, которые не перестает творить из глубины своего склепа пророк Али*. Мазари Шериф, приметный издалека по четырем высоким голубым минаретам, находится еще в пределах области, орошенной рекой Балх или Дегас, которая получает свои первые воды с гор Кохи баба и Сафедкох. В низменной области эта река не более, как обведенный с боков плотинами, но еще быстрый канал, называемый Бенди Барбари или "Плотина варва-

ров", который оканчивается, на севере от Балха, после течения более 300 километров, в садах Сиягирда. Там тоже развалины покрывают огромное пространство. Неизвестно, был ли Сиягирд предместьем Балха, или независимым городом. На западе от Балха таджикское население значительно редеет; преимущественно по численности берут туркмены, главным же образом узбеки. К городам с редким таджикским населением афганского Туркестана, относятся : Акча, Сарипул, Шибирхон и Андхой[6].

Арийское население в Афганистане встречается и на южных склонах Гиндукуша, в Кафиристане*, стране неверных, не мусульман. Кафиристан имеет границы: на севере Гиндукушский хребет и Бадахшан, на востоке Читрал и долина реки Кунара, левый приток р. Кабул (правый приток Инда), на юге и западе – Афганистан. Кафиристан представляет горную страну, состоящую из системы узких, иногда щелеобразных долин и ущелей, разделенных высокими, подчас снеговыми хребтами, представляющими южные отроги Гиндукуша и достигающими местами 17 т. в. высоты; на северной окраине Кафиристана, в Гиндукуше, отдельные вершины поднимаются до 24 т. ф., а перевалы, ведущие в Бадахшан (Нуксан, Дора) достигают 15–16 т. ф. и большую часть года недоступны. Природа Кафиристана дика, но величественна и живописна: огромные скалы, снеговые горы, ледники, бурные потоки, глубокие и мрачные ущелья составляют обычный ландшафт страны. В более низменных частях долин и ущелий растут плодовые деревья (виноград, каштан); склоны гор покрыты зарослями кустарников, вечно зеленым дубом и др. породами; выше 5–6 т. ф. преобладают хвойные леса (сосна, кедр), предел коих, повидимому, лежит на высоте 13 т. ф. Единственными путями сообщения являются тропинки, нередко весьма опасные, проходящие по балконам над пропастями и пролегающие по берегам ручьев и речек.

Родиною человечества, жителями Кафиристана, признается Кашмир, где последовало и смешение языков.

Кроме скотоводства, кафиристанцы занимаются земледелием, сеют особенно пшеницу, а отчасти ведут также меновую торговлю с соседями или разбойничают.

Наконец, в дуге, обращенной выпуклостью к северу, образованной Гиндукушем и Мустагом, в отдельных владениях, часто встречаются племена, родственные таджикам западного Памира.

---

[6] Реклю. Россия европейская и азиатская. СПБ. 1881 г. Т. 2. С. 363 и след.

Так, выше впадения реки Канра-Горбадской долины в Инд, начинается Кухистан; это имя также употребляется афганцами в долинах к западу до самого Кабула, для обозначения округов, населенных более древней расой, которую они выселили. Кухистан долины Инда называется местными жителями Шинкари, т. е. страна шинов, он населен остатками разных племен, повидимому, одной и той же расы, прародители которой занимали долины, прикасающиеся к Пенджабу, а быть может, и часть равнины внизу. Они и племена к северу и к северо-западу, до настоящего времени часто назывались общим названием дардов – имя, которое в действительности не имеет никакого значения[7]. Этим именем жители долин Бунер, Дубер, Путтун, Сео и Кандия называют жителей, обитающих левый берег Инда против этих долин; это единственный случай употребления этого имени среди народов, которые так названы исследователями*.

Населения Читрал весьма смешанные; разделяются на классы. Привилегированные классы – шангаллии и зиндре – совершенно освобождены от податей. Податным классом являются ашимадеки, т. е. "дающие пищу", разделяющиеся на 12 отделений. Ашимадеки должны поставлять правителю и его свите, при их проходе через деревню, провизию: по 8 баранов и 8 харваров пшеницы с дома. Это единственная подать, которую они платят; и живущим в отдаленных деревнях часто по много лет не приходится ничего давать. (Ашимадеки – гальча. См. знач. слова "гальча").

Из ашимадеков отделение шигние и каше считают себя пришельцами из Каша, деревни близ Джерма в Бадахшане. Имена многих других указывают на происхождение от известных личностей и, весьма вероятно, они потомки таджиков из Бадахшана, поселившихся в Читрале во время водворения нынешней династии, около начала XII столетия, основателя которой они, вероятно, сопровождали и поддерживали. Их настоящее положение, впрочем, не создано завоевателем, а как кажется, они постепенно разрослись в обширный привилегированный класс. Они говорят на хаварском языке и образуют наибольше воинственную часть населения. Существует предание, что вся Читральская долина была некогда занята кафирами, но неизвестно, подразумевается ли под этим именем племя сияхпушей (живу-

---

[7] *Майор Бидделф*. Народы населяющие Гинду-Куш. Пер. П. Лассар. Асхабад. 1886 г. С. 11.

щих в настоящее время в Кафиристане), или же предание указывает лишь на народ не мусульманский. В Мадаглуште живет небольшая колония бадахшанцев, говорящих по персидски[8].

Значительно далее, на северо-восток от Раскума, лежат на разных притоках Яркенд-Дарьи две небольшие общины Пакпу и Шихпу. В первой около 4000 жителей, во второй около 5000. Первая лежит на высоте 10 000 ф., вторая на 9000 ф. Обе платят дань правителю Хунзы (Канджута). Этот интересный и малоизвестный народ принадлежит к арийской расе; передают, что они белолицы и румяны. Они говорят на тюркском-джигатайском наречии, но подобно гальча в Сарыколе и странах на севере от Гиндукуша, многие из них говорят также по персидски. Доктор Белью, который имел случай встретить нескольких человек этого племени, описывает их как высоких, белокурых и красивых людей, совершенно арийской наружности, одетых весьма бедно, вооруженных кремневыми ружьями, застенчивых и сдержанных в обращении, и чрезвычайно осторожных относительно сообщении сведений о себе. Он упоминает, что они говорят по тюркски с другими, но между собой объясняются на совершенно отличном языке, и что они мусульмане шиитского толка, подобно бадахшанцам и ваханцам, т. е. моулаи.

На Памирах принадлежащих к русским владениям Алайский хребет и долина р. Алая населены племенами тюркского происхождения или смешанного; сарты заняли равнинные местности на северном склоне хребта, а киргизы охватили своими кочевьями оба склона и долину Алая. В долине Алая по р. Кизыл-су таджики начинают встречатся уже в селении Ачик-сельма. За Дораут-курганом население преимущественно таджикское. Отсюда по р. Кизыл-су таджики занимают всю долину, и селения их продолжаются по Сурхабу и Зеравшану; об этом сказано уже ранее.

Собственно памирское плато занято довольно редким киргизским населением. Представителями древней арийской расы в Кашгарии являются таджики Сарыкола, переселенцы из Вахана, и обитатели трех горных бекств Шихпу, Пахту (о них уже упомянуто выше) и Чипан, в юго-западной части каргалыкского уезда. Сарыколские таджики или сарыколи, как они называют себя, живут оседло в долинах Ташкургана, Тагармы, Вачи, Мариона и по Яркенд-Дарье от Мариона до Косараба.

---

[8] Там же.

Ваханцы, живущие мелкими поселками в долинах рек Кильянг-су и Верхнего Тизнаба, близ урощ. Тохтахом, выселились в Кашгарию из Вахана в конце прошлого столетия; кроме того, лет 6-7 тому назад, верстах в 50 к югу от Ташкургана в Сарыколе, выходцами из афганского Вахана основан поселок Девдер (или Девдар), в котором насчитывается тепер до 40 дворов[9].

Население Сарыколского округа известно с глубокой древности. Великий памирский путь пролегал от Ишкашима в Бадахшан через Вахан и далее через Большой или Малый Памиры, одним из перевалов через Сарыколский хребет к Ташкургану.

Ташкурган есть, по всей вероятности, знаменитая "каменная башня" (Лтинос Пиргос) Птолемея, – крайний торговый пункт страны шелка (серики) на западе. К этому выводу о глубокой древности Ташкургана и его тождестве с "Каменной башней" древних географов приходит, между прочим, др. Stein (Archaelogical exploration in Chinese Turkestan, 1901 г. стр. 12--13), который высказывает мнение, что из Ташкургана путь на запад пролегал через Памир – Тагдушбаш к истокам Оксуса (т. е. на Малый Памир), через Большой Памир и отсюда к Шугнану.

Проф. Бартольд считает, что этот путь, по арабским географам, шел через Вахан. Движение через Шугнан могло существовать, но лишь временно; это был частный местный путь для торговых сношений Ферганы с припамирскими странами; из Ферганы вывозился хлеб; из припамирских стран – невольники. Главным путем оставался путь между Ишкашимом и Ташкурганом[10].

Жители Восточного Туркестана не представляют чистого типа и сильно напитаны арийской кровью. Смесь тюрков с таджиками особенно заметно в городах, как Кашгар и Яркенд. Но главная масса таджикского населения сохранилась в неприступных горах, окружающих Кашгарию с запада и юго-запада[11].

Примесь арийской крови среди жителей Кашгарии можно проследить далеко на юго-восток. О них находим упоминание у Н. М. Прже-

---

[9] *Корнилов.* Кашгария или Вост. Турк. 1903 г. С. 240.

[10] *Снесарев А. Е.* Великий Памирский путь в средние века. "Турк. Вед. " 1902. №18.

[11] *Куропаткин А. Н.* Кашгария. СПБ. 1879 г. С. 24 и 25. Роберт Ша. Очерк верхней Памирии, Яркенда и Кашгара. СПБ. 1872 г. С. 22.

вальского. Та наружная часть западного Куэн-Луня, которая лежит между реками Кэрийский и Юрун-Каш (Куэн-Лун в указанном районе представляет собой двойной кряж высоких снеговых гор, наружный хребет которых, служит высокой оградою Тибета к Таримской впадине, другой стоит на самом Тибетском плато), не имеет у туземцов общего названия и назван Н. М. Пржевальским Кэрийским.

Жители в Кэрийских горах принадлежат исключительно племени мачам или мальчи, как они иногда здесь называются. Это племя считает себя давнишним коренным населением Восточного Туркестана и обитает в юго-восточной его части как в оазисах, так и в горах. Последние, т. е. горные мачинцы представляют монгольскую расу в смеси с арийской, но с преобладанием, как кажется, последней над первою[12].

2. КЛИМАТ

Так как таджики занимают своею оседлостью в припамирских странах и равнины, и долины, и горы, необходимо из этого следует, что жизнь их протекает при всевозможных климатических условиях.

Особенно резким колебаниям подвергнуты в различных местах, занятых таджиками, состав воздуха и температура его.

В то время как таджики Ходжента живут почти при нормальном составе воздуха, благодаря незначительному поднятию площади города над уровнем моря (1050 ф.), таджики Пенджакента и Ура-Тюбе уже занимают предгорье, где, правда, состав воздуха еще не перетерпевает больших колебаний, но уже таджики Ташкентского уезда (напр. Чимган – 4790 ф.) живут при среднем барометрическом давлении 640,8 м., таджики Дарваза и других горных областей живут уже при барометрическом давлении 595, 2 м. (7140 ф. пост Хорогский); таджики занимающие горы, лежащие на уровне или выше поста Памирского (12100 ф.) живут при барометрическом давлении в 492, 1 м., т. е. где парциальное давление кислорода падает ниже 100

---

[12] *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь чрез Лоб-нор по бассейну Тарима. Четвертый путь в Центральн. Азию. СПБ. 1888 г. С. 414 и 420.

м. и где обеднение организма кислородом делается уже очень заметным и начинает проявляться в форме, так называемой, горной болезни.

С другой стороны, воздух в горных областях часто бывает загрязнен, так называемыми, пыльными туманами. Впрочем, пыльные туманы не редки и в равнинах.

Среднюю годовую температуру местностей, занятых таджиками, можно определить приблизительно, согласно тем данным, которые имеются относительно местностей вблизи лежащих, где производятся метеорологические наблюдения. Так, в г. Ходженте средняя годовая температура равна 14,8, Ура-Тюбе 12,1, пост Хорогского (в Шугнане) 8,8, а на уровне поста Памирского 1,2 градусов.

В зависимости от средней годовой температуры находится величина безморозного периода, если этот период определять температурой отдельных месяцев ниже нуля. Температура ниже нуля в Ходженте бывает только в январе, в Ура-Тюбе и Пенджакенте в январе и феврале, тогда как на высоте поста Памирского, месяцы с температурой ниже нуля суть октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль и март; при чем на посте Памирском последний мороз весной бывает даже в первой половине июня, а первый мороз осенью – во второй половине августа.

Годовые количества осадков также весьма различны. Наименьшее количество осадков в равнине (Ходжент – 153 м.) и в местностях, примыкающих к Памирскому плато (пост Хорог – 208 м.); количество осадков заметно увеличивается на предгорьях (Ура-Тюбе – 330 м., Пенджакент – 371 м.), а в горных долинах значительно увеличиваются осадки, особенно на счет выпадения снега, засыпающего долины.

То же разнообразие заметно в силе и направлении ветров.

Чтобы дать понятие о климатических условиях местностей, занятых таджиками, попытаемся сделать характеристику этих условий по отдельным местностям.

Вообще долина г. Ходжента характеризуется тем, что виноград воспитывается высоко и климат дает возможность к произрастанию на открытом воздухе еще более южным растениям и плодам, как например фисташки.

Это пространство, по средней темпаратуре зимы, равняется климату средней Франции, хотя и находится значительно южнее последней.

В Ходженте зима значительно мягче, чем в Ташкенте и река Сыр-Дарья, опоясывающая город с севера, почти никогда не замерзает. Мягкости климата способствует хребет Могол-тау (4 т. ф.), высокою стеною защищающий Ходжент с северной стороны.

Лето в Ходженте более продолжительно, чем в Ташкенте, и фрукты созревают двумя неделями ранее, чем в Ташкенте, Ура-Тюбе и Джизаке.

Долины предгорий служат незаметным переходом от климата равнин к климату горных областей. Полную противоположность климату Ходжента представляет климат Каратегина. Здесь хотя климат континентальный и здоровый, но зима продолжительна и довольно сурова; снега выпадает много; жаркое лето длится не более двух месяцев.

Продолжительность и суровость зимы Дарваза находится всецело в зависимости от высоты над уровнем моря. Есть места в Дарвазе, где зима холодная и снежная в продолжении восьми месяцев, наименьшая 2 – 4 месяца, в среднем от 4 до 5 месяцев. В некоторых местах иногда зима наступает так рано, что не успевают даже снять пшеницу. Снегу выпадает вообще много; бывают бури, морозы и метели. Летом в горах бывают частые дожди и грозы. Скалы за день слишком накаляются и от них по вечерам при малейшем ветре пышет, как из печки. Поднявшись же из долины на какой-нибудь перевал, сразу попадаешь в относительный холод. Летом часто бывает пыль и пылевые туманы настолько сильные, что солнце кажется только светлым пятном, на которое можно смотреть свободно невооруженным глазом. В наиболее низких местах страны возможен посев хлопка.

Климат Шугнана уже мягче, утренне-холодный. Лето не жаркое, вследствие охлаждения воздуха снегом. Зимы снежные, но не особенно суровые. Средняя их продолжительность четыре месяца – на востоке страны продолжительные, на западе короче. Господствующие ветры – западные вдоль долин рек. Климат вполне здоровый.

Бадахшан известен своим прекрасным и здоровым климатом, обилием воды.

О природе Кафиристана можно сказать, что она дика, величественна и живописна; огромные скалы, снеговые горы, ледники, бурные потоки, глубокие и мрачные ущелья составляют обычный ландшафт страны. В более низменных частях (виноград, каштан), скло-

ны гор покрыты зарослями кустарников, вечно зеленым дубом и другими породами; выше 5–6 т. ф. преобладают хвойные леса (сосна, кедр), предел коих, повидимому, лежит на высоте 13 т. ф.

3. РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

Главная особенность равнинной части Туркестанского края заключается в том, что на громадной ее территории отсутствует естественный строевой лес и для строительных работ прибегают к искусственно разведенному лесу на усадебных участках. Об этом уже нами было сказано более подробно в другом месте (Сарты, ч. 1, стр. 132 и след.). Предгория же и невысокие горные долины покрыты обильной кустарной растительностью и даже целыми рощицами фисташкового дерева, высоко ценимого в Средней Азии. Фисташковое дерево дает съедобные орешки –общераспространенное лакомство у всех туземцев Средней Азии и необходимая принадлежность дастархана (угощения); на листах фисташкового дерева, от уколов насекомых, образуются галлы (наросты, чернильные орешки) бузгундж, которые в большом количестве собираются туземцами, для получения из них черной краски. Наконец, фисташковый куст дает прекрасный уголь. Можно еще упомянуть, что из трещин и нарезов коры фисташника вытекает ценная мастика (смола); но она не собирается ни туземцами, ни русскими и пропадает непроизводительно.

Но в последнее время в доступных местах растительность уничтожается весьма быстро для обжигания угля. Так, от Пенджакента до Урмитана склоны гор, обращенные к Зеравшану, носят только следы существовавшей недавно растительности. В поперечных ущельях этой части гор можжевельник, боярышник, дикая груша, глоговина удерживается еще до поры до времени, только в верхних частях склонов и то, в таком ничтожном количестве, что хватит не надолго. Только в Урмитане ущелья Лянгар, упирающееся в правый берег Зеравшана, богато можжевельником, достигающим Сангзарского перевала, на котором он, очевидно, входит в связь с хвойными порослями длинного ущелья Сангзар, загроможденного крупными деревьями можжевельника и боярышника до затруднительности проезда этим путем верхом. От Урмитана до Оббурдана склоны гор обоих кряжей и самые берега Зеравшана носят крайне безжизнен-

ный характер с полным отсуствием даже кустарной растительности; но поперечные теплые ущелья Арнахун, Гузун, Сурхкат на левом берегу, и Комадон на правом берегу, густо поросли березой, серебристым тополем, осиной, козьей ивой, шиповником, барбарисом, смородиной, костяной и синей жимолостью, занимающими узкую полосу обоих берегов речек, и можжевельником, растущим по скатам гор твердого сланца. Широкое ущелье Оббурдана, выходящее к левому берегу Зеравшана, также богато можжевельником, тополем серебристым, барбарисом и иргаем, но за то ущелье этого кишлака, упирающееся в правый берег, лишено всякой растительности. От Оббурдана по Фалгару до самого Урмитана Зеравшан идет в такой тесноте, что по берегам его нет места для растительности, и склоны гор, обращенные к этой реке, на всем 80-ти верстном пути, также совершенно обнажены. Но в поперечных ущельях обоих берегов встречаются обильные поросли лиственных пород деревьев и кустарников по берегам притоков Зеравшана, и можжевельника по скатам гор. Особым обилием хвойной растительности выдаются в Фалгаре ущелья: Дарх, Шамтич, Фатьмаут, Тагоб, Рарз и Гузарибат– все на левом берегу Зеравшана. Выше по Зеравшану, до селения Лянглиф, встречаются: осина, бредина, серебристый тополь на нижних склонах гор и можжевельник отдельными группами в верхних скалистых теснинах. Барбарис сопровождает берега реки почти непрерывной лентой, остальные кустарники и представители древесных пород располагаются отдельными экземплярами. Верховья Зеравшана усеяны густыми побережными порослями корзиночной ивы, кустарных ив шелухи, песчаной и ломкой ивы, а также кустарниками черной смородины и барбариса[13].

Все кишлаки густо засажены деревьями: тополем, талом, карагачем, плакучей ивой, разными фруктовыми даревьями, в зависимости от превышения данного кишлака над уровнем моря, начиная с яблони, ореха, абрикоса, вишни, черешни, сливы, тута и кончая виноградом, гранатами и даже винными ягодами. Там же в кишлаках встречаются громадные по величине чинары.

В отдаленных от городов горах Фана, Нижнего Ягноба (от селения Хршаток до Равата), Искандер-Куля, Кули Алаутдин (иначе Кули Калан*), куда не достигают спрос на уголь и строевой лес, древесная ра-

---

[13] *Арандаренко Г. А.* Досуги в Туркестане. СПБ., 1889 г. С. 401 и след.

стительность держится хорошо. Скаты и ущелья гор, сопровождающих названные реки, имеют довольно густую, повсюду встречающуюся хвойную растительность, а по берегу Искандер-Дарьи и Кули Искандер растет в большом количестве береза обыкновенная, береза кустарниковая, обыкновенный ясень, серебристый тополь, ива, вяз, и из кустарников – барбарис, разные виды шиповников и два вида жимолости.

В противоположность Фану и Ягнобу, горы Кштуда и Магиана год от года заметно беднеют древесной растительностью, энергично вырубаемой и местными жителями и пришлыми промышленниками на углеприготовление и для строевых надобностей.

Древесная и кустарная растительность как Дарваза, так и Каратегина весьма бедна для общей площади гор. Деревья (арча, береза, клен, дикая яблоня, груша, орех, серебристый тополь, ива, ясень) не встречаются сплошными рощами, а располагаются по склонам гор и в неприступных трещинах отдельными экземплярами. Из культурных пород деревьев имеются в садах: весьма сахаристая шелковица, абрикосы, вишни, сливы, груши, яблони, изредка виноград.

Наибольшее количество кустарной растительности (барбарис, боярышник, миндаль колючий, можжевельник, иргай, разные шиповники, облепиха, гребенщик) залегает по обоим берегам Хингоба и его притокам, но вообще, недостаток древесной и кустарной растительности ощутителен для дарвазцев-каратегинцев в потребностях и строительных, и даже топлива, для которого во всех почти оседлостях служит кизяк. Зато зона трав гор Каратегина и в особенности системы Хингоба в Дарвазе и обильная и разнообразная с преобладением кинца и полынных; что притягивает из Гиссара, Бальджуана, Куляба, Байсуна в эти бекства, на летние пастьбы (с половины мая до половины сентября) массы баранов, рогатого скота (по Хингобу) и лошадей (в долине Даштыбидона ниже впадения Хингоба в Сурхаб) частью с хозяевами-кочевниками, частью же с одними пастухами.

Вообще же нужно сказать, что горцы нуждаются как в строевом лесе, так и лесе на разные поделки.

4. ХОДЖЕНТ

Город Ходжент принадлежит к древнейшим равнинным городам Средней Азии, населен таджиками.

Ходжент, вместе с Ура-Тюбе, Джизаком и их районами, постоянно составлял отдельное владение, управлявшееся по временам независимыми беками. Из числа этих последних особенно замечателен, владевший Ходжентом в начале ХУШ столетия, Ак-Бутабек (родом узбек), который впервые укрепил город*, исправил цитадель и разделил город на 24 квартала. Гулбаг (сад цветов), место жительство беков, выстроен Шадман-беком, уроженцем г. Ташкента. Затем, в начале нынешнего столетия, Ходжент был взят Кокандским властителем Алим-ханом, и с тех пор лишился самостоятельности, находясь, до взятия его русскими, попеременно, то под властью кокандцев, то под властью бухарцев*. В 1866 г. 24 мая после упорного сопротивления взят русскими.

Ходжент – уездной город Самаркандской области, под 40°18` сев. шир. и 69°38` вост. долг. от Гринвича, лежит на левом берегу р. Сыр-Дарьи, у выхода ее из Ферганской котловины, на высоте около 333 м. над уровнем моря, причем река опоясывает его с северной и северозападной стороны, а с востока, юга и юго-запада город окружен садами и пашнями, которые занимают огромное пространство, так как на юго-западе они тянутся приблизительно на протяжении 6–7, на юге на протяжении 2–3, и на востоке на протяжении 7–8 верст. Город, имеющий около 12 верст в окружности, представляет фигуру неправильного многоугольника, в средней части своей съуженного; восточная его половина значительно больше западной. Город с трех сторон был окружен двойным рядом толстых и высоких стен, а со стороны Сыр-Дарьи одною стеною; часть этих стен сохранилась и ныне. Стены имели восемь ворот; на восточной стороне ворота: Калаи нау, Казы и Кокандская, на южной- Червак, Чуянчи, Чар-Чарак и Мечеть Саур, на северной – Янги Дарваза; на западной стороне ворот нет.

Климат Ходжента умеренный; летом очень жаркий. Средняя температура года +15, мин. – 12, мак. + 42,6, годовое количество осадков 137, 3. Летом в Ходженте нестерпимая удушливая жара: белые скалы горы Могол-тоу, возвышающейся к северу от города, на другой стороне р. Сыр-Дарьи, сильно накаляются и отражают на Ходжент знойные солнечные лучи; кроме того, почти постоянные горячие ветры по направлению реки: днем обыкновенно западные, а ночью восточные, производят пыльные ураганы, которые при сильной жаре едва выносимы. Ветры эти происходят от всасывающего влияния Ферганской котловины; почва здесь сильно накаляется и вызы-

вает восходящие токи воздуха, на место коего врываются воздушные течения из пустынь.

Ходжент был разделен Акбута-беком на 24 махале (прихода), которые затем раздробились на 80 махале; такое число приходов существует и в настоящее время. За городом 6 махале: Унджи, Руман, Кулангир, Шайх Бурхан, Пули чукур и Ява или Курук, носящие название по тем более или менее значительным арыкам, которые орошают их пашни и сады. Эти махале образуют отдельно в садах лежащие предместья, в которых часть жителей проживает постоянно, а часть выселяется из города только на лето.

Весь город Ходжент разделен на две части: Разак – восточную и Калаи нау – западную. Пограничною чертою между этими принят арык Ходжа Бокарган, входящий в город между воротами Червак и Чуянчи и вливающийся в Сыр-Дарью, около махале Каландар-хана. В части Разак вместе с загородным махале Курук 2800 жилых дворов, а в другой части – Калаи нау, с остальными загородными махале, до 3000 жилых дворов. Жители по переписи 1897 г. 30076 (16196 мужчин и 13880 жен.) Жители почти все таджики.

Разак богат садами, славящимися во всем Туркестане, превосходными фруктами; в особенности хороши персики. Калаи нау более населен; здесь сосредоточиваются торговопромышленные (шелкоткацкие фабрики) заведения. Жители Разака занимаются в больших размерах разведением шелковичного дерева и шелководством.

Из городских строений Ходжента относительно замечательны три медресе из жженого кирпича; из них одно, начал строить Акбута-бек, о котором упомянуто выше, а окончила работы по постройке его жена Изаят-Алям, около 175 лет тому назад. В этом медресе один учитель (мударис) обучает около 50 учеников; всех комнат, в которых живут студенты, 28. Остальные медресе выстроены 70-80 лет тому назад: одним ходжентским беком Шахи Диван-беги, с 23 помещениями; другое медресе построено Мухаммад Садык Алимом, также с 23 помещениями. Эти медресе носят название по именам тех лиц, которые строили их.

Из числа медресе, выстроенных не из жженного кирпичного, а из сырцевого, более других замечательны: 1) медресе Намазга, которое строил около 85 лет тому назад, бек Халы-Куш Мирза; в нем 23 помещения; 2) медресе Хазрет Шайх Муслихэдин выстроил, лет 45 тому назад Мирза Хаким Потавали с 10 помещениями; 3) медресе

Магомед Гусара выстроено беком Хаш Барканбаем, около 200 лет тому назад; в нем 13 келий. Всех слушателей в медресе до 1000 человек.

Всех мечетей в городе 144. Из мечетей, отличающихся своею древностью и относительно красивою архитектурою, более других замечательны следующие: 1) мечеть Хазрет Баба, выстроена Тянгрыкул Диванбеги, около 175 лет тому назад; 2) мечеть Хазрет Ходжа Камол, выстроена, приблизительно, 200 лет тому назад беком Абдулкасим Кушбеги; 3) в честь главного святого, покровителя Ходжента, мечеть Хазрет Шайх Муслихэдина, построена одним из жителей ходжентского предместья Унджи, около 175 лет тому назад. Лет 45 назад эту мечеть исправили и перестроили на общественный счет, так что в настоящее время эта мечеть представляет собою действительно изящный образец средне-азиатской архитектуры; 4) Хош-Мечеть построена около 150 лет тому назад; 5) мечеть Тахта Тути Калан, построена около 175 лет назад; ей дано название по тутовому дереву, действительно громаднейших размеров, которое растет около нее; 6) Намазга; эту мечеть построил, около 150 лет назад Фазил-бек, бывший одновременно ходжентским и уратюбинском беком; 7) мечеть Джамеи Пегу Аркыш, построена более 100 лет тому назад; 8) мечеть Дари Шакиф, построена более 200 лет тому назад; 9) мечеть Джамеи Сары Сянь построена более 100 лет тому назад.

Промышленный характер города Ходжента выражается числом лавок, промышленных и ремесленных заведений, общий итог которых простирается до 1141. Это общее число торгово-промышленних заведений подразделяется следующим образом: лавок серебрянных изделий 4, железных и скобяных 13, чугунных изделий 6, для выделки ножей 5, медных изделий 8, лавок для продажи ножей 7, кузниц 6, кожевенных заводов 2, лавок для продажи кожевенных изделий 23, сидельников 5, сапожных и вообще обуви 54, заводов для выделки глинянных изделий 11, лавок курительного табаку 15, лавок нюхательного табаку 6, маслобоен 50, лавок с кунджутным маслом 22, мыловаренных заводов 18, лавок с мылом 8, свечных мастерских 6, мясных лавок 48, столярных 2, мелочных лавок 32, лавок с чаем и сахаром 22, лавок с солью 5, мучных лавок и зернового хлеба 24, лавок с рисом 15, фруктовых 27, овощных 4, лавок с халвою 10, пекарен лепешек 12, чайных лавок (чайхана) 17, лавок с пряжею 6, краси-

лен 21, лавок с краскою 9, скорняков 5, для производства шерстяных изделий 9, шелкомоталенн 20, пильщиков 4, ткацких шелковых 95, ткацких бумажных 115, лощилен полушелковой материи 9, лавок с шелковыми тканями 7, лавок с полушелковыми 20, халатных лавок 10, лавок с тюбетейками 10, лавок с матою 5, лавок с пестрою матою 6, лавок с кисеею и чалмами 10, лавок с подкладочным товаром 78, менял 4, цирюльников 4.

Базаров в Ходженте два: большой и малый. В них лавок и мастерских: в первом 510, во втором 280. В обыкновенные дни лавки на базарах большею части закрыты; но они все открываются в базарные дни, которых в Ходженте три в неделю: в среду, четверг и пятницу. Общий характер устройства базаров в туземных городах почти одинаков; они отличаются только величиною площади, занятой под базары, и большим или меньшим богатством содержимого в лавках. Более подробно нами в другом месте описан Ташкентский базар и это описание может дать общее представление о туземных базарах (Сарты, т. 1, стр. 40 и след.). Каравансараев в Ходженте 5. Кладбищ в городской черте 15.

5. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

О древнейших временах местностей Средней Азии, занятых в настоящее время таджиками, существуют только легендарные сказания. Древнейшими источниками сведений служат индийские и иранские религиозно-этические предание. На них основывается, между прочим, гипотеза, что Памирская высь была колыбелью арийского племени, которое разошлось отсюда в разные стороны. Здесь мы должны обратится к древнейшему источнику, самой Зенд-Авесте*, потому что в ней заключается древнейшее воззрение иранцев на землю и на разделение собственных их областей и частей народа, столь же тесно сопряженное с космологией и религией, как и индийское понятие о земле с религиозным учением Брахманов.

О различии трех упомянутых греками народов – бактрийцах, мидянах и персах, зендские писания еще не говорят: там все эти народы зовутся совокупно арийцами (иранцами) или “ормуздовым народом”, земли же их – Ариею.

Из Вендидата, "Откровения", одного из отделов Зенд-Авесты, обнаруживается несколько довольно важных географических фактов, относительно Ирана и его обитателей[14].

Эриене-Вэедьо* (Иран-Вейи, т. е. "чистый Иран") было первобытным местом жительства зендского народа, т. е. многочисленного племени, которое потом обитало преимущественно в Согдиане, Бактрии, Мидии и Персиде. Здесь Ормузд впервые собрал живые существа, т. е. здесь люди со своими стадами впервые обратились в роды и составили общины. Тогда царь Джамшид при содействии небесных людей, т. е. родоначальников и предводителей (греческих полубогов), собрал живые существа, т. е. соединил отдельные племена в один народ и стал главою народов и стад.

После того Ормузд дал Джамшиду золотой кинжал, лезвие (плуг), символ земледелия, и повелел народ приучать к обработке земли.

Но в Эриене-Вэедьо вторглась суровая зима. До того, там было 7 теплых и 5 холодных месяцев в году; в Джамшидово время зима распространилась на 10 месяцев, а для лета остались только два (как в настоящее время в Верхней Азии, Тибете, Ладаке и т. д.). Тогда Джамшид, по повелению Ормузда повел народ из Эриэне-Вэедьо в *светлую* землю, т. е. в более теплую, на юг. Переход начался с (прихода) первобытного жителя в Согда (Согдиана), оттуда в Муру (Мерв), оттуда в Багды (Бактрию), оттуда в Нисаим (Ниса), оттуда в Харою (Герат), Векеретем (Arachjlia), Хетумат (Hindmend), Раган (Rhagis нынешний Рей). Последние три места благодати суть: Верена (Ver, Persis –где по Роде, Персеполь), Хапта Хенду (Sapta Heando, семь Индий, или страны притоков Инда) и Ренгеяо, которую должно искать под именем Aravastana, на западе от Персии, в Верхней Ассирии, на Тигре и Ефрате. Таким образом, народ, прибыв в более теплый, южный край, распространился даже на восток к Инду и на запад к Ефрату, до Мессопотамии. Преимущественно же он развился по середине, между этими землями, в очаровательном Чистом Вере (т. е. долине, орошаемой водою), который так понравился Джамшиду. Эту пространную, четырмя сторонами ограниченную землю (стало быть тоже, что четырнадцатое место благодати, Верене, с четырьмя углами), Джамшид населяет и обрабатывает. Здесь основал он города, размещая в них по 1000, по 600 и по 300 жителей;

---

[14] *Риттер К.* Иран. Пер. Ханыкова. СПБ., 1874 г. С. 31–32.

проложил дороги, ввел земледелие и садоводство и самому себе, на возвышении, построил дворец.

На протяжении всего своего шествия Джамшид и народ его, все страны, куда ни приходили они, находили пустыми и невозделанными. Джамшид впервые населил их людьми и животными. В этих новых, плодоносных нивах народ, сравнивая их с первобытною дикой родиной своей, находил себя столь счастливым, что время это почитается в саге золотым веком.

Отличным от этого края, где по повелению Ормузда впервые приступлено к земледелию и построению городов и дворцов, где началось обращение кочующих дикарей в оседлых граждан, отличным, повторяем, от этого теплого южного края, лежащего на солнечной стороне земли, было первоначальное местопребывание зендского народа, начавшего свое передвижение из Эериене-Вэедьо на юг. Это Эериене-Вэедьо, древнейшее жилище, должно находиться на севере от позднейшего второго отечества, той роскошной земли, обработанной Джамшидом, которая в гимне называется тоже Эериене-Вэедьо. Поэтому есть два в чистоте созданных Эеризне: одно было отечеством зендского народа до переселения, другое – после и смешивать их не должно.

Первое – Эеризне, Ария, Иран в теснейшем смысле, на севере, родовая колыбель иранцев, первоначальное их отечество, которое упоминается в первом отрывке Вендидада, и откуда началось переселение всех иранцев. Второе – Эеризне, Ария, Иран в обширном смысле, великая плодородная страна, на юг от предшествующей, в начале пустая, впервые населённая и обработанная Джамшидом, пришедшим туда с иранскими поколениями, которые до того перешли уже много стран, – земля, которую посещает сам Ормузд со своими изедами, в которой Джамшид воздвигнет престол, собирает старшин своего народа и устраивает совершенное государство. Эта последняя и есть общеизвестная Эеризне, Арима, Ариана, Иран – страна, которую впоследствии занимали иранцы под владычеством блестящих единокровных им царских родов, утративших не только власть над первобытной родиной, но и даже само воспоминание о ней.

Где находилось северное первобытное жилье зендского народа, определенно неизвестно. Великая стужа, десять месяцев в году делавшая эту землю неприютной, указывает только на центральную часть Верхней Азии, около источников Оксуса и Яксарта, на Памир,

Белур, западный Тибет, где находится и Куэн-Лунь, райская земля китайцев, и на лежащие за ними плоские возвышенности, которые одни соответствуют такому описанию природы.

Из Вендидада мы видим, что в первобытной стране зендского народа было сперва 7 теплых месяцев и 5 холодных, а затем наступила великая стужа, 2 теплых месяца и 10 холодных, т. е. произошел великий геологический переворот.

И. В. Мушкетов о прошлом Памира говорит[15] : Рассмотрение горных систем, окружающих Туркестан, приводит нас к тому заключению, что орография Туркестанского бассейна в дотретичную эпоху имела совершенно другой характер, нисколько не похожий на современный. На месте Туркестана и Хан-Хоя было обширное море, среди которого кое-где выступали невысокие гранитные и сланцевые гряды, образовавшие целый архипелаг островов вытянутый к северо-востоку. Продолжительное нахождение древних пород под водою объясняет нам, продолжает И. В. Мушкетов, значительную метаморфизацию и повсеместно развитую оруденелость их. Последующими, медленными, но постоянно, в течение многих миллионов лет, действовавшими процессами старая картина заменилась новой. Море постепенно отступало, изолировалось, а на месте архипелага нагромождались складки; последние все более и более, так сказать, цементировали отдельные старые гряди, превращая их в складчатые горные хребты, повсюду правильные, за исключением высочайших гранитных горных узлов, которые, вероятно, соответствуют бывшим островам.

Одновременно с образованием хребтов появилось много кристаллических пород, выход которых нужно считать не причиною, а следствием общей дислокации и самые породы не активными, а пассивными. Этот грандиозный процесс дислокации земной коры начался в дотретичную эпоху и, кажется, еще не закончился и продолжается в наши дни.

Вышеприведенные рассуждения проф. Мушкетова указывают на то, что когда-то предгорья, окружающие современный Восточный Туркестан омывались водами громадного моря, и следовательно, климат там был приморский, т. е. более мягкий и теплый, нежели в настоящее время. Все это подтверждает сказание Вендидад о бывших ранее в земле зендского народа 7 теплых месяцев и 5 холодных.

---

[15] Туркестан. Т. I. СПБ. 1886 г. С. 42.

На возможность резких климатических перемен в этих странах указывает г-н Шварц в своем труде[16]. Находясь на западном берегу озера Эби-нора, в горах Алатау, г. Шварц набрел на скалы, поразившие его странностью своих очертаний. Подойдя к скалам, он увидел за ними громадную котловину, окруженную высокими утесами. Осмотрев внимательно эти последние и поднявшись при этом до их вершины, г-н Шварц пришел к заключению, что здесь действовали некогда гигантские водяные силы, о размерах которых челевеческому воображению трудно составить себе понятие. Рекогносцировка окружающих гор дала ему результат, вполне соответствующий таким выводам: г-н Шварц нашел на высоте 6000 ф. над уровнем океана ясные признаки морского берега, направление которого показало ему, что он имел дело со следами исчезнувшего Монгольского моря, существовавшего еще, как это вполне установлено наукой, за 4000 лет до настоящего времени.

Все вышеизложенное в совокупности привело г-на Шварца к вопросу: не произошел-ли именно возле Эби-Нор тот прорыв, через который ушли воды Монгольского моря, и что же в таком случае могло заставить этот огромный водоем, площадь которого равнялась площади всего Средиземного моря, низвергнуть свои воды, с высоты 6000 ф., разрушая и заливая все, что попадалось ему на пути его страшного шествия? Шварц утверждает, что причиною этого грозного явления было безусловно землетрясение, и рисует затем картину последнего, на основании современной сейсмологической теории, приблизительно следующим образом. Вследствие давления огромной массы воды Монгольского моря на его дно, в последнем могла образоваться трещина, через которую вода попала в большом количестве в одну из огромных пустот, имеющихся в толще коры земного шара. Там, под влиянием высокой температуры, вся вода мгновенно обратилась в пар, который давлением своим и произвел могучие толчки, разрушившие преграду, сдерживавшую воды Монгольского моря со стороны Эби-Нора. Воды моря, ринувшись вниз с ужасающей скоростью в 559 ф. в секунду, стерли с лица земли жителей, фауну и флору восточной части Туркестана – нынешних Ферганской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Закаспийской областей.

---

[16] Franz v. Schvarz. Sundfluth und Volkenwanderung. Stuttgard 1894 . Verla von Enke. Реферат "Турк. Вед." 1895 г. № 7.

Образовав Аральское и Каспийское моря, гигантский поток устремился к устью Волги, затопил ту часть Астраханской губ., где теперь длинной узкой полосой тянется Маныч и нашел себе выход в Азовское и Черное моря, которые от этого выступили из берегов и затопили их, пока разрушительная сила водяных масс не прорвалась через нынешний Босфор. Дарданели представляли уже меньшее сопротивление; волны Монголского моря смешались с волнами Средиземного и, наконец, когда преоделена была последняя преграда, узкий перешеек Гибралтар, соединивший некогда Африку с Европой, – нашли себе успокоение в широком океанском просторе.

Окружавшее Средиземное море население пострадало от бывших при этом наводнение; всемирное бедствие отразилось и на номадах Сахары, которая, как предполагает г. Шварц, вновь превратилась в море. Такой ход катастрофы вполне согласуется, по словам автора "всемирного потопа", с распространенностью народных легенд о потопе.

Вследствие всех этих перемен в распространении вод на территории Средней Азии, атмосферные осадки сильно уменьшились, что в свою очередь повлияло самым разрушительным образом на климат страны. Это обстоятельство имело огромное значение для всей истории края.

Эти рассуждения г-на Шварца могут служить еще более веским доказательством справедливости указаний Вендидата на изменение климатических условий, заставивших зендский народ оставит свою прародину и искать более благоприятных условий для существования.

Исследования последних лет, а также и многочисленные явления природы ясно показывают, что огромная область, простирающаяся из глубин Центральной Азии до юго-восточных пределов России, находится на пути к полному высыханию. На основании массы наблюдений, сделанных во время последного путешествия, Свен-Хедин утверждает, что площадь многочисленных озер южного Тибета в настоящее время значительно меньше, чем она была когда-то. В Восточном Туркестане также было сделано большое число наблюдений, из которых явствует, что две тысячи лет тому назад климат этой области был еще умеренный. В окрестностях озера Лоб-Нор, где теперь простирается мертвая песчаная пустыня, когда то жило многочисленное трудолюбивое население, и через центральную часть реки Тарима проходил чрезвычайно оживленный торго-

вый путь. Теперь об этом прошлом свидетельствуют только жалкие остатки, похороненные в песках пустыни[17].

Все вышеприведенное свидетельствует о том, что действительно климат Памира и сопредельных ему стран резко изменился и это изменение климата заставило зендский народ искать более благоприятных условий для существования.

Что зендский народ действительно занимал Памир в давнопрошедшие времена, подтверждается еще мнением, высказанным лингвистом Бюрнуфом, которое заключается в том, что по ту сторону пределов земли, обыкновенно разумаемой под именем Ария (Иран), именно в Туране, Плиний помещает многих древних народов, имена которых: Ariacae, Antariani, Arimaspi, Aramaei заставляют предполагать, что эти кочующие племена, не смотря на всегдашнюю вражду свою к согдианцам и бактрианцам, все таки по языку, были им сродственны, ибо имена их до известной степени, объяснимы только из зендского. Ariacae и Antiariani непосредственно напоминают древние зендские Aria и Arya. Часто встречающееся в именах людей и мест слова **асра** (по зендски конь) и **arvat** (по зендски **aurat)** такого же значения, но реже употребительное, служат достаточными доказательствами чрезвычайного распространения зендского языка до самых Аримаспов (тоже от **асра,** конь) и Ари или Айраманов, которые не могут быть армянами, а должны быть приняты за ариан.

Переселение иранского племени из той холодной, суровой земли, с снеговыми горами (переселение, которое приписывается, не как в других сагах напору враждебных народов, а по причине всякого зла, Ахриману, испортившему климат) – также не только не находится в противоречие с историческими сведениями нашими, а еще подтвреждается ими. Встречающиеся на этих высотах различные народы, доныне сохранившие туземные наречия свои, вероятно, суть остатки тех древнейших племен. Другое любопытное обстоятельство, встречающееся в саге, касается географии. Переселенцы идут сперва в Согдо. Если под этим Согдо разумеют непосредственно прилегающую Согдиану, то довольно ясно обозначается первое направление движения арийцев из центральной части Верхной Азии туда и далее в Бактрию и Иран, стало быть с востока на запад, или правильнее, с северо-востока на юго-запад, по направлению долин и горных уще-

---

[17] Вест. и Библиотека самообраз. 1905 г. №49. С. 1566.

лий, направлению, которому должны были следовать и все позднейшие перекочевки народов, даже до нынешного времени. Там, стало быть, должны мы искать первобытное, родовое отечество как древнейших иранских, так индийских народов, как арийцев, так и Айрийцев, т. е. страну, которая по зендски называлась Эериэне, и по санскритски Айрия.

Имена эти впоследствие перенесены были переселенцами: поклонниками Ормузда на юго-запад, в Иран, а поклонниками Брахмы на юг и юго-восток к Инду и Гангу, в Айрия-варту. У обоих этих отдельных и самостоятельных, но судя по языку родственных племен, в священных преданиях их, исконно, сохранилось воспоминание о холодном, снежном, родном и священном севере: Брахман переносил туда на Кайласу обитель своих богов, иранец – первое созданное Ормуздом место благословения, Эериэне-Вэедьо. Те и другие в учениях жрецов своих восхваляли позднее приобретенные поселения: Брахманы – Айрия-Варту, как землю доблестных (ачуа по санскритски значит **exceiens**), иранцы – свой Иран, как светлую землю чистых, возведенную Джамшидом на степень совершества. Новые места поселения зендского народа, правда, тоже не были свободны от неудобств суровой зимы, но здесь Ормузд обратил зло в благо: как скоро лед и снег весною стаивают, земля, орошенная ручьями, покрывалась роскошною зеленью. Тут, следовательно, кочующие орды могли оставаться на постоянное жительство и обратить свои степные стада в домашних животных.

Джамшид этих древнейших преданий, совершенно соответствует их простоте: это покровительствуемый Ормуздом глава кочующего племени, иранский Авраам, ведущий свой народ из суровой горной страны в прекрасный плодородный край, где впоследствии уже народ этот и развивается до полного величия. Все относящееся к этому герою, можно сказать и о его народе и земле. Но главные характернейшие черты все таки узнаются в самом древнейшем предании. В обширном Иране, между Индом, Тигром и Ефратом, между Яксартом, Каспийским и Индийским морями – повсюду видим величайшее разнообразие в климате, тепле, холоде, плодородии, образе жизни и почве, смотря по тому, находится ли местность в горах, пустынях или на плодородных полосах; каждому удалена там своя благодать и свое бремя, и всем вместе: всегдашняя ясность неба, сияние солнца и звезд, но мало дало дождя и воды вообще,

отчего безпрестанно прославляются полные ручьи, цистерны, водопроводы и т. д. Плодородные полосы, отовсюду ограниченные пустынями, перетерпевают много неудобств и нужд: то вызывается Ахриманом, источником всякого зла, который наносит холод, насекомых, болезни, нищету, вредные сомнения, обман, преступления, порчу нравов и т. д.[18]

Историки сообщают нам, что Туркестанский бассейн в древности был далеко не то, что он представляет в настоящее время. Это была цветущая страна, в которой зародилась и достигла значительного развития одна из древнейших цивилизаций мира. Арийское население по долинам Оксуса и Яксарта в самой глубокой древности основало такие государства, как Бактриана (Балх), Трансоксиана* (Бухара), Согдиана (Зеравшан) и Харазмия или Хаварезм (Хива), которые отличались необыкновенною людностью, материальным богатством и высокой степенью политического развития. Бактриана с городом Бактиа или Бактрис – нынешний жалкий Балх, по свидетельству Ктезия и Диодора, процветал еще во времена Нина Ассирийского, за 1200 лет до Р. Х., и по праву носил почетное название "матери городов", "сердца настоящего Ирана". Нынешняя бедная Хива, по сообщению Аль- Бируни, некогда стояла так высоко по своему образованию, что солнечный календарь ее считался лучшим; эра леточисления харазмийцев начиналась за 678 лет до Р. Х. Знаменитый Якут свидетельствует о богатых библиотеках Мерва, некогда славного города Хварезма*, а ныне ничтожного туркменского кочевья.

Процветение Хварезма (страны света) достигло высшего предела в XI веке и продолжалось до нашествия Чингиз-хана в первой половине XIII в. Здесь же лежала цветущая Гиркания, славившаяся своей высокой культурой и обширной торговлей с Балхом. Трансоксиана славилась, помимо образования, своей обширной торговлей, особенно драгоценными металлами, о чем свидетельствуют и китайские источники.

Согдиана была древнейшей культурной колыбелью кроткого учения Зороастра о двойственном начальном существе – Боге света и духе тьмы; эта священная земля Востока, которая разливала свои лучи по всему миру, благодаря в особенности Зенд-Авесте – этому древнейшему произведению индо-европейской духовной жизни. Кро-

---

[18] *Риттер К.* Иран. Пер. Ханыкова СПБ. 1874 г. С. 40–48.

ме, так сказать, внутренного высокого развития, туркестанский бассейн издавна служил местом обмена древнейших цивилиций Востока и Запада; через него пролегала самая популярная и древнейшая дорога, по которой происходила торговля шелком. Шелк приготовлялся в Китай еще за 2000 лет до Р. Х. и, с другой стороны, греки еще до Геродота, за 800 лет до Р. Х., знали шелк, ценили его на вес золота и получили его из страны Issedon serica, нынешного Восточного Туркестана.

Уже в глубокой древности арийское население в этих местах было довольно сильно. В 1500 г. до Р. Х. упоминается отражение нападения многочисленной орды голубоглазых "тамагу" на западную границу Египта. Диодор рассказывает, что Рамессу III Мейамун, фараон XIX египетской династии (1462–1284 г. до Р. Х. царствов. династии) завоевал Ливию, Эфиопию, Персию, Скифию и Бактриану. По Ктезию, Бактриана была завоевана вавилонским царем Нином, который совершил этот поход, будто-бы с армией в 1700000 пехоты, 200000 конницы и 10600 колесниц, вооруженных косами*.

Многочисленные племена, обитавшие в горах и на высоких плато, прежде чем попасть под иго великих империй, пользовались полной политической свободой и находились в положении, сходном с тем, в каком в настоящее время находятся бахтиары – подобно им, они жили очень просто, занимались возделыванием долин и скотоводством на альпийских лугах[19].

Древняя историческая легенда мидян, приводимая Геродотом, рассказывает нам, что обитатели высоких плоскогорий одни лишь не подчинялись законам войны и не знали других законов, кроме законов правосудия. Это с самого своего появления была, должно быть, гордая и сильная народность; воспитание ее детей заключалось в трех вещах; "в умение ездить верхом, стрелять из лука и говорить правду"; обычай этой страны запрещал даже упоминать о вещах, которые не позволено было делать. Можно напомнить также восклицание великого царя мидян Астиага, побежденного персидским царем Киром: "Удивительно, как эти люди, питающиеся фисташками, могут сражаться с такою храбростью".

Одна из особенностей первоначального языка арийцев, поскольку он известен нам из учения различных происшедших из него диалек-

---

[19] *Реклю.* Человек и земля. 1906 г. Т. 1. С. 404

тов, заставляет нас заключить, что у первоначальных народностей этой расы были в высокой степени мирные наклонности. Действительно, слова относящиеся к мирным занятиям, большею частью между собой сходны или происходят от общих корней; точно также названия, обозначающие домашних животных родственны в арийских наречиях как востока, так и запада; тогда как слова, имеющие отношение к войне, к охоте, и названия диких животных относятся почти все к языкам позднейшего происхождения, указывая тем, что вслед за периодом первобытного полного мира наступили во всей стране эпохи борьбы.

Если верить "Книге царей"*, то первобытные иранцы не ели мясо животных и не знали другой пищи, как корни, зерна и плоды. Фирдоуси рассказывает нам, каким способом прелестный и добрый принц Захак превратился в чудовище жестокости: его заставили съесть яйцо и затем приучили постепенно есть мясо, сперва жареное, затем сырое, – в конце концов, он стал отвратительным людоедом, над которым одержал победу кузнец Кавэ со своим знаменем из кожанного передника. Такое воспитание принца, конечно, символ революции, происшедший в нравах народностей при переходе к мясной пище; революция эта, совпадает, по всей вероятности, с периодом тех бывших войн, которые вели обитатели плоскогорья с народностями низменной равнины.

Иранцам мы обязаны самыми первыми началами, которые позволили развиться математике. Именно: у обитателей Ирана, как мы можем об этом судить по близкой родственности у всех арийцев терминов, обозначающих единицы, десятки и сотни, – возникла та система нумерации, которая освободившись совершенно от применения метафор и синонимов, установила раз и навсегда для каждого числа вполне определенное обозначение. В этом заключалось одно из наиболее значительных событий в эволюции человеческого рода! Первобытное счисление ограничивалось, повидимому, лишь сотнями, так как наименования "тысяча" различаются в индо-европейских наречиях. Те первобытные религиозные культы, которые, соединившись с другими элементами, сложились позже в маздеизм и сделались причиною того, что страны Ирана получили название "чистых" стран, заключались, повидимому, в поклонение всеочищающему огню и в обожании земледелия, которое заставляет человека вступать в союз с землею; такой двойственный культ не выходил долгое время из пределов отдельных семей и не вызывал возникновения жреческой касты.

Вполне естественно, что из всех корней, из которых выросло величественное древо маздеизма, корнем наиболее древним был именно культ солнца и его земного представителя – ослепительного племени, все сожигающего и все очищающего. Эта первобытная религия, следы которой отчасти стерло позднейшее общее развитие человечества, сохранила в иранском мире столь определенные и ясные черты, что иранские народности во все времена находились столь же всецело под ее влиянием, как и в самом начале своей сознательной жизни.

Вполне понятно, что приемы добывания огня считались первоначально священнодействиями, и что долгое время добывать огонь старинным способом, путем вращения стержня из твердого дерева в дощечке из мягкого дерева, было долгом главы семьи. Домашний огонь в течении тысячелетий был окружен внешними знаками глубокого почитания, и, как это ни странно, совершенно одинаковые обряды почитания огня встречаем мы и у пантеистов и политеистов – арийских народностей Индии, и у дуалистов – иранцев, и у фетишистов Африки и Нового Света, – но ясно ли доказывает это, что культ огня предшествовал у всех народностей развитию религиозных представлений и верований?

Другой религиозный культ возник у предков иранцев в те очень давние времена, когда какой-то изобретательный земледелец приспособил заостренный кусок дерева или кремневый нож к первобытному плугу и запряг в него быков, животных, после собаки, пользовавшихся наибольшим почетом у человека. Собака, кстати сказать, уже в те времена была верным другом и спутником человека, – ее имя помещается в надписях непосредственно за именем свободных людей.

Неизвестно, где именно было сделано это открытие систематического разрыхления плодородной почвы, но то почитание вспахивания земли, которое мы встречаем у восточных арийцев в их Ведах, указывает нам, что повидимому, они унаследовали это искусство, – наше внимание направляется к тем плоскогориям, с которых они спустились. С другой стороны, мы встречаем знакомство с плугом также и у подножия западных склонов Ирана в Месопотамии, в эпоху, отдаленную от нас по меньшей мере на 7 тысячелетий. Из этих местностей, по сю и по ту сторону Ирана, открытие обработки почвы распространилось на чрезвычайно обширную область Старого Света.

Изменение в способе обработки почвы повлекло за собою, повидимому, также и замену одних пищевых веществ, служивших у иранс-

ких народностей для поддержания существования, другими. Растение, которое доставляло до того времени человеку хлеб, было просо; когда же земледелец стал располагать инструментом, который позволял ему легче и на более обширном пространстве разрыхлять землю, он стал обрабатывать другие полезные растения и прежде всего пшеницу и рожь, родину которых ботаники ищут в горах Ирана и в Малой Азии.

Неудивительно, что иранцы, исполненные самого наивного энтузиазма, благодаря победам, которые они одержали над окружающим, явились также и основателями новой религии – культа земледелия с его празднествами пахотьбы, посева и жатвы. "В чем заключается послушание истинной веры"? говорится в одном месте Авесты. "Оно заключается в усиленном возделывании хлебных злаков" – гласит ответ Ормузда. "Когда хлеб всходит, демонов объемлет страх; когда его жнут, они воют от отчаяния; когда его молют, они рассеиваются"!

К этим первоначальным религиозным верованиям первобытных иранцев, нашедших себе вполне ясное выражение в Авесте и других священных книгах Персии, перемещались, естественным образом, и различные другие религиозные представления, свойственные первобытному поклонению природе и онимизму. Восторженное поклонение небу и облакам, обожание животворящей воды, бьющей ключом из под земли, боязнь злых духов, порожденных расстроенным воображением человека, входили уже в виде примеси в состав первобытной иранской религии еще до того времени, когда был формулирован маздеизм – поклонение "Наивысшему", "Премудрому Существу".

Маздеизм получил затем чрезвычайно важное значение как в истории Ирана, так и вообще в истории человеческой мысли, – охватив собою предшествующие формы религий, он добавил новую идею – идею антогонизма двух начал, добра и зла.

Для нас имеет мало значения, был-ли основатель этой религии, некий Заратвастра, Заратуштра, Задуч или Зороастр, действительно исторической личностью, родившейся в Бактриане, в Раге или в Атропатенах, или же это было легендарное лицо, созданное уже позднее фантазией людей. Был-ли Зороастр, согласно с допустимым, но не вполне достоверным этимологическим толкованием, действительно "добрый земледелец"*, и верно-ли, что он являлся первым жрецом, первым воином и первым землепашцем – этого мы не знаем; достаточно, что имя его является символом по существу дуалистической религии Ирана*.

В священном мифе иранцев контраст между двумя началами выражается в рождении двух божественных близнецов, вышедших из одного чрева*, равных по могуществу и обладающих властью над неисчислимыми сонмами духов. Один из этих божественных близнецов – Ахура-Мазда или Ормузд, что значит "премудрый властитель", другой Ангро-Майну или Ариман, что значит "дух притеснения", "дух порабощения и зла". Между обоими этими божествами колеблются непрерывно судьбы мира – все мы не более как игрушка, служащая предметом раздора этих великих борцов. Впрочем, человек не должен отчаивается в исходе борьбы, происходящей в небесной выси: если он постоянно будет прилагать свои силы в сторону добра, то именно благодаря ему, через 7000 веков ожидания, Ормузд одержит победу, и при том победу самую благородную, – Ариман будет обращен и сделается сам божеством справедливости и мировой любви.

Такова была религия, во многих отношениях очень высокая, которую персы проповедывали народностям окружающих равнин, начиная с эпоху Ахаменидов; позднее, впрочем, эта религия сильно изменилась, благодаря примеси различных местных религиозных культов и благодаря тем превращениям, которым она подвергалась, вследствие деятельности жрецов, жаждущих материальных благ и власти.

Без сомнения, Авеста в том виде, в каком мы ее знаем в настоящее время, была распространена жрецами около III века христианской эры в стране мидян: оттуда и пришли к нам новые священные книги, возникшие, по всей вероятности, из остатков прежних древних книг[20].

О языке древних иранцев мы можем судить также по Авесте. Из двух наречий, встречающихся в Авесте, одно прилагается только к наименьшей части ее, к Ясне и нескольким кратким молитвам, из коих большая часть выражена метрически и их называют Гатами, вследствие чего и самое наречие получило название диалекта Гатов. Что эта именно часть Авесты есть самая древнейшая, видно из самого текста всей книги, так как Гаты и другие молитвы, написанные тем же диалектом, поминаются в остальных частях Авесты с особенным уважением и отчасти даже подвергаются толкованию, что показывает, что наречие этих частей книги должно было пред-

---

[20] *Реклю.* Человек и земля. Т. 1. С. 404–416.

шествовать изданию других частей Авесты. Однако, так как миросозерцание Гат в остальных частях Авесты мало чем отличаются друг от друга, то невероятно также, чтобы слишком большой промежуток времени разделял составление этих двух отделов книги; скорее приписать различие этих двух наречий разноместности их употребления. А так как язык остальной части Авесты принимают за язык бактрийский, то всего удобнее принять, с Вестергаардом, за отчизну старейшего диалекта, область, лежавшую на север от Бактрии, а именно Согдиану. Хотя мы, говорит проф. Спигель, таким образом, довольно основательно можем отнести оба наречии Авесты к наречиям восточного Ирана, к сожалению, мы не имеем возможности сделать столь же положительных выводов относительно сравнительной древности этих наречий[21].

Сравнительное изучение народов показывает, что в течении всех периодов своего процветания или, по крайней мере, политического могущества, Бактриана находилась в свободных торговых сношениях или даже в политическом единении со странами по ту сторону склонов гор. Так, в течение доисторических веков, когда в бассейн Оксуса возникал маздеизм, арийцы господствовали, повидимому, на высоких плоскогорьях Азии, от склонов Тян-Шаня и Памира до хребтов Азербейджана. После этого периода, в течении которого Бактрия обладала даже, быть может, некоторой гегемонией над народностями той же расы, обитавшими по южному склону гор, страна эта оставалась еще долгое время связанной с ними, как в счастье, так и в несчастья, так как она подпала затем под власть ассирийцев, а позднее мидян, персов, македонян и греков – селевкидов.

Древние историки, описывая поход царя ассирийского Нина в Бактрию за 1200 лет до Р. Х. свидетельствуют о крайне ранней людности, политическом развитии и цветущем состоянии этой страны.

В то самое время, когда ассирийское могущества обладало наибольшим распространением, могущественный толчок, произведенный передвижением народов Центральной Азии, нарушил все равновесие. Саки (скифы) наводнили в 633 г. до Р. Х. всю переднюю Азию, от Бактрианы до местностей, соседних с долиной Нила. В семь или восемь лет, к концу царствования Ассурбонипала, они разгромили

[21] *Риттер К.* Иран. Пер. Ханыкова. 1874. Прилож. II проф. Спигеля. С. 192–193.

Мидию, Ассирию, Армению, Вавилонию, Палестину, Финикию и затем исчезли, как-бы растворились в побежденных им народностях. Разрушительный поток лишь прошел по стране, но равновесие всех народностей было совершенно нарушено.

Известный ориенталист, проф. Григорьев, в своем исследовании "О скифском народе саках", на основании данных санскритской литературы, клинописи эпохи Ахеменидов, летописей китайцев и показаний греческих и римских историков и географов, пришел к положительным выводам, что саки жили по правую сторону Яксарта и занимали всю страну на севере и востоке от этой реки. По всем этим свидетельствам выходит, говорит он, что главная масса саков размещалась изстари, приблизительно, около истоков Аму-Дарьи и Яркенд-Дарьи, простираясь на севере отсюда через Тян-Шаньское нагорье до озера Балхаша, на северо-востоке – до вершины Илийской долины, на северо-западе до низовьев реки Чу. Переведя на современные название стран, найдем, что в YI – YII ст. до Р. Х. саки жили в обитаемых частях Памира и Алая, в Фергане, на западной границе Кашгара, в Семиреченской области и в северо-восточной части Сыр-Дарьинской области.

Нет ничего мудреного, что саки растворились в побежденных ими народах, так как сами принадлежали к иранскому племени, но только вели, кроме оседлого, также и кочевой образ жизни.

Что касается до национальности тех скифов, которые еще во времена Александра жили в нынешном Туркестане, то я здесь не могу, говорит г. Шварц пускаться в подробное рассуждение об этом предмете, оставляя это до другого времени, а теперь замечу только[22], что на основании всего того, что нам известно об образе жизни, народном характере, физических приметах и распространение этих скифов, я пришел к заключению, что главное их племя состояло из предков нынешних славян. Германист Фресель, старавшийся доказать, что скифы были предками германцев, своими толкованиями еще более утвердил меня в этом моем убеждении. Германские народы, составлявшие прежде со славянами один народ, но раньше их переселившиеся из Туркестана, жили в то время, относительно которого мы имеем древнейшие известия о скифах, в Средней и Западной России, в севере-восточной Германии и в Скандинавии.

---

[22] Александр Македонский в Туркестане. Перевод 18-ой главы труда Шварца "Alexander des. Grossen Xeldzuge t. Turkestan. "Турк. Вед." 1894 г. № 56.

Так как названия "киргиз" и "кайсак", употребляющиеся в настоящее время для обозначения монголских кочевников Туркестана, взяты из турецкого языка, к которому принадлежит язык киргизов и кайсаков, то, вероятно, и слово "скиф" взято из словаря того же народа, который преимущественно назывался скифами. В русском языке есть глагол "скитаться", от которого произошли имена существительные "скиталец", "скитание" и "скит". Кроме формы "скиталец", повидимому, существовала еще кратчайшая форма "скитец", подобно тому, напр. : как от глагола "писать" произведены два существительных "писатель" и "писец"; равным образом, от глаголов "читать", "плавать", "резать" и "покупать" и многих других произведены по два имени существительного с различным значением: от "читать" – слова "читатель" и "чтец"; от "плавать" – "плаватель" и "пловец"; от "резать" – "резатель" и "резец"; от "покупать" – "покупатель" и "купец". Поэтому я думаю, говорит г. Шварц, что греческое слова "скифис" ничто иное, как грецизованное слово "скиталец", и что слова "скиф" прежде не обозначало особого народа, но просто кочевников в противоположность оседлому населению. Скифы, с которыми Александр имел дело в Туркестане сперва у Ходжента, а после вблизи Бухары, по мнению г. Шварца были предками теперешних славян, в особенности восточных славян. После того как различные германские, кельтские и другие арийские народы, вследствие постепенного высыхания страны, уже раньше были принуждены переселится в Европу, и славяне, наконец, были окончательно вытеснены из Туркестана, отчасти теми же обстоятельствами, отчасти натиском монголских* племен, и таким образом явились последними индо-германскими переселенцами на юго-восток Европы, между тем как их оседлые прежние соплеменники, сумев удержатся в городах и горах, до сегодняшнего дня сохранились в лице таджиков, рядом с позднее переселившимся монгольским населением.

Известно, что древние немцы обозначали восточных соседей, славян, виндами или вендами, каковое название сохранилось за одной частью славян до новейшего времени. Слово "венден" некоторыми лингвистами считается однозначущим со словом "скиталец". Если такое объяснение верно, то это обстоятельство служит дальнейшим доказательством вышеприведенного мнения, потому что название, данное славянам древними германцами, тогда было ничем иным, как немецким переводом славянского слова "скитец", кото-

рое греки по ошибке считали за настоящее народное имя славян и поэтому без изменения ввели в свой язык.

Арриан различает азиатских и европейских скифов. Под европейскими скифами нужно подразумевать тех, которые жили на правом берегу Сыр-Дарьи; только в 3-ой главе IУ книги он непоследовательно называет их азиатскими скифами. Под азиатскими же скифами Арриан подразумевает тех, которые кочевали на левом берегу Сыр-Дарьи, между этою рекою и Аму-Дарью, где теперь живут киргиз-кайсаки. Скифов на юг от Аму-Дарьи Арриан называет массагетами. Различие азиатских и европейских скифов основывается преимущественно на том, что спутники Александра считали Танаис или Сыр-Дарью тождественным с Танаисом или Доном и поэтому, вследствие своих недостаточных географических познаний, причисляли к Европе страну правого берега Сыр-Дарьи.

Что Дон и Сыр-Дарья в древности имели одинаковые названия, можно очень просто объяснить тем, что народы, которые прежде жили на Сыр-Дарье, дали Дону после своего переселения в южную Россию название той реки, близ которой до сих пор была их родина, подобно тому, как и европейские переселенцы пересаживают любимые ими имена в Америку, так что там, также как и в Европе существуют Брауншвейг, Афины, Орман, Кембридж, Толедо и проч. В восточной части Пруссии, в уезде Гумбинвен находится река, имеющая то же самое название, какое носит правый приток Сыр-Дарьи на севере от Ташкента, т. е. Арыс. Прусский Арыс – сток озера Арыса в озеро Сирандиг, у которого лежит одноименный город Арыс. Очевидно, сходство названной прусской реки и туркестанской реки не случайно и оно может служить доказательством утверждения, что славяне, к которым, как известно, принадлежат по происхождению пруссаки, переселились из окрестностей Ташкента.

Следующею причиною, которая заставила греков причислить скифов правого берега Сыр-Дарьи к Европе, было то обстоятельство, что греки очень хорошо заметили сходство их лица, языка и образа жизни с языком, лицами и образом жизни тогдашних обитателей южной России. Поэтому, нужно считать верным, что во время Александра западная отрасль славян, предков теперешних западных славян, уже достигла южной России, на что и указывает замечание Курция (VIII, 35), что оратор посланного к Александру скифского посольства сказал, что их народ распространяется от Бактрии до Фра-

кии: "Ceterum nos ef Asiae ef Europae custodes habbedis: Baetra nisi dividat Tanais, contingimus; ultra Tanain usque ad Phracam colimus: Phracae Macedoniam consunmmatam esse fama fert"*.

Упомянутые в 1-ой главе IV кн. Арриана и в 26 гл. VII кн. Курция абии, отправившие послов к Александру во время его пребывания у Сыр-Дарьи, повидимому, жили в пустыне Кызыл-Кум, к западу от Сыр-Дарьи. Эта страна теперь населена самыми бедными киргиз-кайсаками, которые, вследствие бесплодной почвы, могут иметь очень небольшое количество скота, и то только верблюдов и овец, и вовсе не могут заниматься земледелием; так как у них по причине их бедности, нечего было отнимать, то никто на них не обращал внимания, а они со своей стороны не в состоянии были делать набега на соседей; о чем тоже упоминает Арриан и Курций относительно абиев.

О том что саки уже в древнее время достигли высокого культурного состояния, свидетельствует весьма древний санскритский письменный памятник, героическая поэма Магабгарата, а именно: рассказ о дарах, доставленных саками и другими народами царю Юдиштаре по случаю задуманного им великого жертвоприношения (асвамеда). Вот рассказ о принесенных дарах: "Я видел, что у ворот дожидались саки, тухары и канки, говорит Дудводана, один из героев Магабгараты, волосатые люди, со лбами украшенными рогами. Руки их были полны дарами: материями из шерсти ранку, из шелка, из волокон дерева патто, тысячами кусков украшенных узорами материй, одеждами из тонкой хлопчатобумажной ткани и из тончайшей овечьей шерсти, нежными драгоценными мехами, длинными мечами с отточенными клинками, саблями, железными копьями, боевыми топориками, острыми секирами, напитками, разными благовониями и тысячами драгоценных камней".

После нашествия саков, о чем было говорено выше, на переднюю Азию, мидяне первые оправились от последствий нашествия и тотчас же стали мечтать об уничтожении ассирийцев. Вскоре на развалинах Ниневийской империи возникла империя мидян. Ниневия была разрушена до основания, и ее имя не упоминается больше в истории. При мидийском царе Фраорсте (Фравартис) Мидия вступила на путь завоеваний и в 655–633 годах вместе с Парфией и Персией была покорена и Бактрия. Столетие спустя Бактрия вошла во времена Кира в состав созданной им огромной Персидской монархии, причем бактрийцы с подвластными жителями Согдиана и Маргианы доброволь-

но признали владычество Кира и вместе с странами, населенными скифскими племенами, составили 12-ю сатрапию Персидской монархии. Уже в это время Бактрия славилась своим просвещением и главный город ее Бактра был важным пунктом торговли Средней Азии. Сатрапия Бактрия должна была подчиняться одновременно со всем персидским царством Александру Македонскому, который основал в ней 12 городов и поселил в этой местности 14000 греков, насадивших здесь греческую культуру. Александру несколько раз приходилось вступать в бой против Дария. В последний раз в 330 г. Александр вступил в Экбатану, а оттуда далее на восток. Известие, что несколько возмутившихся сатрапов, в том числе Бесс, сатрап бактрийский, схватили бежавшего Дария и низвергли его, заставило его еще больше спешить, но Дарий был убит прежде, чем ему удалось подоспеть. Узнав об этом, Александр поспешил подчинить себе как Бесса, провозгласившего себя персидским царем, так и остальную восточную часть персидской монархии, а именно: Гирканию, Арию, Дрангиану и Арахозию, а затем в 329 и 328 г. г., – также Бактрию и Согдиану, противопоставившие ему более серьезное сопротивление, чем он до сих пор встречал. Ему приходилось там, несмотря на то, что в Согдиане ему выдали Бесса, подавлять постоянно возникающие возмущение народа и осаждать укрепленные жилища знати. Таким образом, он проник до самых восточных пределов Персидского царства и перешел даже через р. Яксарт, в страну скифов, овладев, считавшеюся до сих пор неприступною горною крепостью и подчинив себе, таким образом, окончательно Согдиану; он женился на Роксане, дочери бактрийского князя Оксарта, и укрепив таким образом за собой Бактрию, сделал этот важный шаг для поддержания своего владычества в этой стране.

По смерти Александра Великого в 321 г. до Р. Х. Бактрия и Согдиана достались Станазору; но уже во время похода в Индию Селевка 1, в 307 г. до Р. Х., оба эти страны были присоединены к Сирийскому царству. Бактрия отпала от него около 255 г. в правление Антиоха II наместник которого Диодот I сделался таким образом, основателем в Средней Азии Греческого государства Греко-Бактрийского, продержавшегося полтораста лет, и испытавшего в это время не мало перемен. Эвтемедас, наследовавший Диодоту II с 220–190 г. был побежден Антиохом Великим, во время похода его в Индию, но оставлен владетелем царства для защиты от северных кочевников, наводнивших Согдиану.

Бурные полчища кочевников, гнездившиеся с незапамятных времен в Центральной Азии, никогда не находились в покое; они, как волны моря, время от времени разливались по обширному пространству степей, тесня и изгоняя друг друга; они направлялись, следуя естественным благоприятным условиям, а потому понятно, что в Туркестан они проникли или через древнюю торговую дорогу – Терек-даванский перевал или через Джунгарию.

Стремление их в пределы Китая, в конце III века до Р. Х. (212 г) было парализовано мировым сооружением Великой Китайской стены, имевшей огромное политическое значение в том отношении, что она обратила эти полчища к Западу, к Туркестанскому бассейну.

Весьма подвижный народ Июю-Чи (Июю-ти, Четы; по транскрипции о. Иакинфа, которой держится и Григорьев – Юе-Чжи), в II в. до Р. Х. населял Хотан, рядом с их соседями – кочевниками, белокурыми и голубоглазыми усунами (у-сунь); в то время к северу от Тян-Шана, в нынешней Джунгарии, обитал народ Сее или Сэ. В 177 году до Р. Х. Июю-Чи или Юе-Чжи, теснимые народом Гионгну или хуннами, монголского происхождения, принуждены были переселиться в Джунгарию и на Сыр-Дарью, вытесняя Сэ (саков) далее к югу.

Позднее усуни, побуждаемые теми же хуннами, принудили Юе-Чжи переселиться далее на юг в Согдиану, Трансоксиану и Бактрию, отбросив Сэ в Фергану; в этих местах усуни встретили население с большими глазами и выдающимся носом.

По смерти Менандра, вероятно, в правление короля Гермеса, около 90 г. Греко-Бактрийское царство было побеждено Юе -Чжи, которые основали новое царство гетов или индоскифов, простиравшееся до самого устья реки Инда.

Голубоокие усуни населяли пространство между Сыр и Аму-Дарьей; они вскоре смешались с другими народами и не имели впоследствии сколько нибудь выдающейся исторической роли.

Старое население, которое Юе-Чжи застали в занятых ими землях, численностью около миллиона, жило в городах и занималось торговлею. Чрезвычайно интересно известие, заимствованное из китайской Истории Северных дворов, написанной Чен-Сином, что жители государства Юе-Чжи умели выплавлять цветные стекла из камней и в V в. по Р. Х. это уменье было заимствовано отсюда Китаем. "Впалые глаза и густая борода" – совершенно определяют это население этнографически.

Около этого же времени китайцы достигли власти в бассейне Тарима и вели оживленную торговлю с странами, лежащими к западу, особенно с Персией. Китайцы, как и теперь, пользовались дорогою через перевал Терек-даван, который они прозвали Таунглинг. По ту сторону они вступали в землю Тази (таджиков), главный город которых Чзи (Чзгеид) был расположен в западной половине Ферганы.

Чанг-Киенг, посланный императором китайский чиновник, поспешил в Фергану в середине II столетия и писал: там разводят хлеб и рис, приготовляют вино из винограда (его тогда вовсе не знали в Китае) и выращивают превосходных лошадей. Жители Тазиа (в отношении национальности прозваны китайцами также Пас-се, т. е. персами) – народ оседлый, строящий дома и живущий в городах. Нравы их сходны с нравами жителей Тавана* (или Осрушна, область, занимавшая пространство между Самаркандом и Хаджистаном с главным городом Бунджикат, развалины которого находится в 25 верстах к юго-западу от Ура-Тюбе), но солдаты их слабы и робки; поэтому Юе-Чжи было легко отнять у них часть принадлежавшей им земли. Тазиа превосходные торговцы, и в главном городе бывают богатые базары.

Сношение китайцев с Персией шли через Фергану и Таван на Самарканд. Страна Таван славилась своими лошадьми и у властителя небесной империи было сильное желание овладеть таванскими лошадьми, благодаря чему возникали враждебные действия. Уже развившуюся торговлю, шедшую через Хаджистан, эти враждебные действия остановить не могли.

Но все-таки на время торговые сношения Китая были прерваны восстаниями в Средней Азии, пока, наконец, Китай снова не овладел бассейном Тарима во второй половине I-го века по Р. Х. и тем явился в глазах своих западных соседей столь грозным, что даже мало покорный Таван предупредительно послал Китаю дань лошадьми. Эта дань была трижды повторена впоследствии, да и совершенно кстати, ибо Китай не только подчинил своей власти Юе-Чжи в Бактрии, но и распространил свое владычество до самого Каспийского моря, так что в середине II в. по Р. Х. даже Рим снарядил посольство в Китай.

Затем власть Китая на западе начала падать с каждым годом; и если столетие спустя (265 лет по Р. Х.) в Китай все еще посылались подарки со среднего течения Сыр-Дарьи и Согда, если властители

Согда в первый раз приняли китайский титул (около 280 лет по Р. Х.), – это был лишь отзвуком былой славы. В то время как персы в правление Сасанидов достигли могущества и увеличили пределы своего государства, главное внимание монголов в течение нескольких столетий, как кажется, было направлено на Европу, до тех пор, пока спустя 70 лет после Аттилы*, номады снова не напали на страны, лежавшие по рекам близнецам и не основали там сильного государства (519 л. по Р. Х.), под названием Иета которое уже по прошествии 30 лет подпало под власти тукиу (турок).

Тукиу все более утверждали свое господство, а в исходе VI века тукийский князь даже отправил посольство в Византию, ко двору Юстиниана II, с целью завязать торговые сношения.

В начале VII в. по Р. Х. китайцы снова овладели бассейном Тарима, поработили все восточные тюркские племена, побили также тукиу и вторично взяли не только Согд, но даже книзу лежащие страны Междуречья. В 656–660 г. г. по Р. Х. князь Аланов в Ходженте был причислен к вассалам Китая.

Но в это время Китаю на Западе приходилось иметь дело не только с тюрками, но и персами, могущество которых при Хосрое I (531–579) достигло высшей степени. Хосрой вместе с турками уничтожил государство гефтолитов. Блеск Персии, конечно, отражался и на таджиках, населявших Согд и сопредельные страны. В это время в Персии религия Зороастра сделалась государственной в полном смысле слова (строгое преследование как иноверческой пропаганды, так и ересей); значение духовенства усилилось. Каждый из покоренных народов сохранял свой язык, свою религию, свои нравы, законы, нередко и своих национальных вождей, но над всем господствовала общая администрация.

Внутри государства Хосрой поддерживал порядок, опираясь на консервативные элементы (дворянство и духовенство). Но уже в это время персидское государство несло внутри себя разложение и слабость. В царствование Хосроя I в Мекке родился человек, призванный к тому, чтобы дать закон миллионам людей для всех отношений их жизни и оспаривать в течение тысячелетия у христианства господство над миром. Мухаммед родился в апреле 571 года.

Вторжение племен извергнутых северными странами, способствовали изоляции Бактрианы от центров тогдашней цивилизации. Широко открытые с севера и с северо-запада степи, ограничивающие об-

ласти Яксарта и Оксуса, угрожали тем большей опасностью в смысле вторжения кочевых народностей, что данные области были превосходно обработаны и усеяны богатыми городами. Орды разбойничьих племен уже с самых первых времен нападали на выдвинувшиеся слишком далеко вперед колонии и только и ждали случая, чтобы вторгнуться в страны, которые могли им дать богатую военную добычу. Чем чаще повторялись набеги, тем более изменялся состав народонаселения данных областей, так как вторгнувшиеся племена во многих местностях занимали места прежних жителей, которых или совершенно истребляли или оттесняли в высокие долины горы.

В это время уже выступила на мировую сцену грозная сила, окончательно подорвавшая иранскую културы и верования.

Уже в 638 г по Р. Х. Фергане и сопредельным с ней странам пришлось обращаться с просьбой к Китаю о заключении оборонительного союза, ибо арабы уже вторглись в Персию, распространяя вокруг страх и ужас. В 653 г. эта просьба была повторена. Китайцы, поглощенные внутренними смутами, не оказали деятельной помощи, и вот с этого времени начинается падение их влияния на Западе и в то же время возвышение арабов. В первое время завоеватели-арабы руководились только стремлением к добыче и славе и для них религия имела в сущности также мало значение, как и для защитников страны. Были случаи личной дружбы между арабскими и туземными витязями. Идеалы рыцарства не остались без влияния на завоевателей; желая воодушевить своих воинов, Кутейба назвал их "дихканами арабов". Прочное владение арабов в стране началось лишь с тех пор, как наместником Хорасана был назначен Кутейба б. Муслим (705 г.). Но и при нем арабы прочно могли укрепится только в южной части страны. В покоренных странах были оставляемы арабские наместники, но эти наместники были только военными начальниками и сборщиками податей и рядом с ними продолжали существовать туземные династии, в руках которых, по всей вероятности, было оставлено гражданское управление. Но коренное население и при таких условиях не могло равнодушно смотреть на власть арабов и продолжало надеяться на помощь Китая. Самарканд посылал дань Китаю еще в 731 и 741 г. г. по Р. Х., Фергана же в 754 г.

Какой же политический быт застали арабы в Междуречьи!

Главной чертой этого быта следует признать господство земельной аристократии (так называемых дихканов), не сдержанной, как в

Персии, союзом трона и алтаря, т. е. сильной монархической властью и влиятельным духовенством[23]. Местные владетели были только первыми дворянами; даже самые сильные из них, подобно своим поданным, назывались дихканами*. В арабских источниках несколько раз говорится о личной гвардии владетелей, о так называемых шакирах или чакирах; но из рассказа Наршахи о дворе бухарской царицы видно, что эта гвардия имела только характер почетной стражи и состояла из молодых представителей аристократии, которые поочередно отправляли эту повинность при дворе своих королей и герцогов. При таком политическом устройстве не могло быть речи о государственной религии в строгом смысле слова; не смотря на то, что и здесь, как в Персии, религией господствующего сословия был зороастризм, среди населения были распространены буддизм, дуалистические секты и христианство. Еще до сих пор местные туземцы многие могильные курганы приписывают "мугам", т. е. магам огнепоклонникам. В раскопанных курганах, как известно, были находимы небольшие гробы с костями. Небольшая величина этих этих гробов показывает, что в них могли быть положены только одни кости трупа. Кости не обожжены. Обычай срезывать мясо с костей трупа сам по себе кажется невероятным, но существование его подтверждается свидетельством Табари*; в 739 году тогдашний владетель Бухары (бухар-худат) был убит двумя враждебными ему дихканами; рассказав об этом событии, историк прибавляет: "от его тела отделили мясо, а кости его отвезли в Бухару"[24]. На борьбу между зороастризмом и буддизмом указывает только рассказ Сюан-цана о Самарканде; слова того же отшельника об успехах его собственной деятельности показывают, однако, что эта борьба не имела острого характера. В борьбе с арабскими завоевателями духовенство, насколько известно, не играло никакой роли.

Нет данных для решения вопроса, существовали ли среди самой аристократии различные степени и классы, как в Персии. В отдельных местах Табари применяет и к среднеазиатским вельможам термины, служившие для обозначения высших классов персидской аристократии; но в то же время, как известно, слово дихкан обозначало

---

[23] *Бартольд.* С. 182 и след.

[24] *Бартольд В.В.* Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии." Турк. Вед." 1896 г. №43.

одинаково простых землевладельцев и владетельных князей; в этом смысле оно употребляется и теперь.

Особое место, повидимому, занимала денежная аристократия, т. е. купцы, разбогатевшие благодаря караванной торговле с Китаем и другими странами. В рассказе о выселении согдийцев эти купцы названы Табари рядом с "царями"; рассказ Наршахи о бухарских купцах показывает, что они владели обширной недвижимой собственностью, жили в замках и по своему положению мало отличались от дихканов. Мы имеем здесь дело с отдельными богачами, интересы которых были тождественны с интересами аристократии, а не с многочисленными торговопромышленным сословием, как в мусульманский период. Об антогонизме между дихканами и купцами нет никаких известий. Для нравов страны особенно характерен согдийский обычай, о котором рассказывает Табари: ежегодно в Самарканде выставлялся стол и на нем яство и кувшин вина для храбрейшего витязя Согда; если кто другой прикасался к яствам, он этим вызывал на бой витязя; кто из них убивал своего противника, того признавали храбрейшим героем страны до появления следующего претендента.

Арабам при вступлении в Междуречье пришлось иметь дело с множеством мелких владений, между которыми происходили постоянные войны, и с воинственным и храбрым, но совершенно неорганизованным, рыцарским сословием. При таких условиях исход борьбы не мог быть сомнителен. В сравнении с местными раздорами междуусобия среди самих арабов, даже вражда между северо-арабскими и южно-арабскими племенами, не могли иметь значения. Отчасти победа арабов была одержана при помощи самих туземцев. Известный закон Омара, по которому только правоверные имели право носить оружие, в Средней Азии не был применен.

Кутейба и другие арабские завоеватели при своих походах пользовались услугами жителей одних местностей против других. Медленность завоевания объясняется отчасти тем, что сами арабы долгое время, довольствуясь военной добычей и данью, не имели в виду прочного завоевания страны, отчасти борьбой с природными препятствиями. Не смотря на блестящие военные качества арабов, на них не могли не отразиться природные условия их родины; если для них почти не существовали трудности степных походов, то к горной войне они привыкли только с большим трудом и очень неудачно дей-

ствовали даже на таких перевалах, которые для современных войск не представляют никаких затруднений.

По рассказу Табари местные князья в это время ежегодно собирались в одном из городов по соседству с Хорезмом и давали друг другу обещание решать все свои споры мирным соглашением, не прибегая к военным действиям, и общими силами вести борьбу с арабами.

Насколько эти обещания исполнялись, видно уже из того, что их приходилось возобновлять ежегодно, и из истории завоевания Кутейбы[25].

Кутейба не останавливался ни перед какими средствами; действуя хитростью и вероломством там, где смелость оказывалась недостаточной, он первый прочно утвердил владычество арабов в Мавераннагре.

В значительной степени он воспользовался раздорами среди самих туземцев; в 712 году, во время похода в Самарканд, бухарцы и хорезмийцы усердно сражались за Кутейбу, так что согдийский ихшид Гурек упрекал арабского полководца в том, что он одерживает победу только благодаря "братьям и родственникам" своего врага.

Кутейба (705–715) положил начало прочному завоеванию страны, поместив арабские гарнизоны в ее главнейших населенных пунктах, но окончательное покорение Мавереннагра произошло тольку в эпоху династии Аббасидов, сменившей в половине VIII века Омейядов.

Кутейба построил мечети в Бухаре, Самарканде и некоторых других пунктах и заставил жителей Бухары уступить арабам половину домов шахристана; самаркандцы по одному известию должны были совершенно очистить свой город, который был занят арабами, причем Кутейба произнес стих Корана о гибели племен Ад и Самуд.

В 713 и 715 годах Кутейба доходил со своим войском до Ходжента и даже до Касана в Фергане, лежащего на правом берегу Сыр-Дарьи, к с. -з. от Намангана; во многих областях, между прочим даже в Фергане были оставлены арабские наместники.

Ходжент находился в узле дорог и принимал живое участие в судьбах народов во время арабского покорения Средней Азии. Ходжент был один из больших городов Мавереннагра с цитаделью, шахристаном и рабадом; в цитадели находилась тюрьма, в шахрис-

---

[25] *Бартольд.* С. 186.

тане соборная мечеть, в рабаде среди площади – дворец. Город славился своими виноградниками и садами; население было так многочисленно, что произведения окраинных полей не могли удовлетворять его, и хлеб для города должен был привозиться из Ферганы и Осрушны.

Главная дорога из Ходжента на Терек-даванский перевал через конечный пункт Ферганы –Узгенд, проходила по южной части Ферганы через следующие города (каждый отстоял на один день пути от предыдущего): Кенд (Канибадам), Сох, Риштан, Зендерамш и Куба.

Несмотря на то, что Фергана только в IX в. окончательно была завоевана мусульманами, в окрестностях Андижана уже раньше были мусульманские святыни.

С северной стороны Ходжент был защищен от набегов турок двойной преградой; река Сыр-Дарья служила ближайшей к Ходженту преградой; долина же Чирчика с северной стороны была ограничена стеной, простиравшейся от гор Сайлык до берега Сыр-Дарьи. Остатки этой стены сохранились до настоящего времени в виде вала, который у туземцев, подобно бухарскому валу, носит название Кемпир-дувал ("Стена старухи").

Что касается дороги от Бинкента (Ташкента*) в Ходжент, то здесь до новейшего времени имели большее значение горные пути, чем нынешная дорога через степь. Упоминают два пути: один путь вел от Бинкента до серебрянного рудника, находившегося против нынешного селения Аблык, через перевал Кендер-даван, на Хаджистан, бывший укрепленный пункт около горной цепи; от Хаджистана через Самгар на Ходжент. Этот путь быль очень важен, так как вблизи Хаджистана находились большие соляные копи, удовлетворявшие потребностям Шаша, Ходжента и других областей (каменная соль, как известно, и теперь добывается в горах близ Самгара). Второй путь шел вниз по реке Сыр-Дарье до впадения в нее реки Ангрена, переходил на правый берег Дарьи и шел на север.

Путь между Ходжентом и Самаркандом входил в состав области Осрушна. Об этой области упомянуто выше. Теперь только добавим, что городская жизнь в Осрушне был мало развита; область менее других подверглась влиянию арабской культуры и потому должна была сохранить дольше особенности древне-арийского аристократического строя. В области добывался материал для железного

оружия, которое выделывалось в Фергане и вывозилось во все области до Багдада. В горах добывались золото, серебро, купорос и нашатырь.

Уже в VIII в. Ходженту приходилось принимать участие в восстаниях жителей против арабского владычества и терпеть лишения от соперничества турок с арабами в этих местах.

Так, в 721–22 году мятежные против арабов согдийцы, именно дихканы и богатые купцы, решили покинуть свою родину; Ферганский царь обещал им уступит им местность в Исфаринском округе, но вероломно предал их арабам. Осажденные арабами в Ходженте, беглецы должны были сдаться, при чем обязались уплатить оставшиеся за ними недоимки по хераджу. После передачи города арабы нашли предлог нарушить договор, и согдийцы были вероломно перебиты; посредством того же вероломства арабы овладели всеми укрепленными пунктами в долинах Зеравшана и Кашка-Дарьи и вполне восстановили свою власть.

В 724 году арабы снова совершили поход на Мавераннагр и дошли до Ферганы, но на обратном пути были разбиты турками и вернулись с большим уроном.

Турки уже тогда начали вдвигаться между арабами и китайцами в Мавераннагре.

Владея всей западной частью Средней Азии, Сулу, начальник племени турков-тюргешей (племя, подвластное западно-тюркским ханам и входившее в состав пяти аймаков дулу; после падения власти западно-тюркских ханов место их заняли родоначальники племени тюргешей. Их алтайское происхождение удостоверяется существованием и в настоящее время у черневых татар родов тюргеш и кергеш), основал могущественное государство, просуществовавшее по арабским источникам до 737, а по китайским – до 738 года. Владея всей западной частью Средней Азии, Сулу не мог без борьбы уступить арабам Мавераннагр; если арабы смотрели на Согд, как на "сад повелителя правоверных", то и для турков обладание богатою областью имело большое значение. Во все время своего царствования Сулу оказывал поддержку мятежным дихканам против арабов и причинил последним столько вреда, что они дали прозвание Абу-Музахим (соб. "ударяющий, бодающийся", т. е. слон или бык).

От своеволия арабов и лихоимства их наместников прежде всего страдало покоренное население. Иногда интересы казны и власть

имеющих приходили в столкновение с интересами религии, во имя которой предпринимались завоевания. Как во всем арабском государстве, так и здесь представлял большое затруднение вопрос, следует ли взимать харадж с принявших ислам туземцев.

Хоросанский наместник Атрас в 728 г. задался целью обратить в мусульманство жителей Мавераннагра; в Самарканд были отправлены два миссионера, араб и перс, причем Атрас дал им обещание, что с новообращенных не будут взиматься подати. Успех проповеди превзошел все ожидания и вызвал одинаковое неудовольствие среди представителей казны и среди дихканов; последние были заинтересованы в сохранение аристократического строя и потому не могли относиться равнодушно к распространению новой религии, еще не утратившей в это время своего демократического характера. Сам Атрас убедился, что "в харадж заключается сила мусульман", и велел освободить от подати только тех из новообращенных, над кем будет совершено обрезание, кто будет исполнять предписания ислама и прочтет суру из Корана. Ему ответили что, туземцы действительно приняли ислам и стали строить мечети, так что "все люди стали арабами" и подати взимать не с кого. Тогда последовало решение: "Берите подати с тех, с которых брали ее раньше". Произошло общее восстание; весь Согд поднялся на арабов и призвал на помощь тюрков. Туземцы, надо думать, по примеру персов, более склонны были к принятию учения шиитов*, потому что шииты, борясь за право Алия и его потомков, тем самым стояли в оппозиции к правительству, нелюбимому персами. Посредством компромисса между исламом и верованиями туземцев, особенно учением о переселении душ, Абу-Муслим (около 747) привлек на свою сторону дихканов и сельское население.

После одержания победы над омейядским наследником Абу-Муслиму пришлось употребить новые усилия для того, чтобы удержать в повиновении всю эту массу и вступить в борьбу как с арабами, так и с персидскими народными движениями. В Нишабуре из среды огнепоклонников выступил религиозный реформатор Бих-Афарид (у Ауфи Мих-Афарид), желавший восстановить в чистом виде учение Зороастра и резко нападавший на официальное парсийское духовенство. Маги пожаловались Абу-Муслиму, что явился человек, который подрывает как их, так и его веру, и Абу-Муслим оказал им поддержку при подавлении движения; как одному из самых деятельных

эмиссаров Аббасидов, Абу-Муслиму пришлось принимать участие в подавлении восстания в пользу Алидов, место которых Аббасиды постепенно занимали.

Как известно, шиитское движение в начале было поднято только во имя предписания пророка и в пользу его семьи, при чем не было произнесено имя какого-нибудь определенного претендента. Естественными преемниками пророка считались Алиды.

В Бухаре в 750–751 г. было поднято восстание арабами против Аббасидов. Глава движения, Шерик б. Шейх ал-Мехри, объявил: "не для того мы последовали за домом пророка, чтобы проливать кровь и совершать несправедливые дела". Шерик поднял восстание в пользу Алидов; его сторону приняли представители арабской власти в Бухаре и Харезме; за него стояло городское население Бухары. Восстание было подавлено с большою жестокостью; город был сожжен и горел трое суток; затем в Самарканде были побеждены остальные мятежники.

Одновременно с внутренними смутами Мавераннагр подвергался большой опасности со стороны внешнего врага. В 748 г. китайцы вновь появились в Фергане и Шаше. Зияд б. Салих, полководец Абу-Муслима, только что подавивший восстание Шерика, в июле 751 г. разбил китайское войско под начальством Гао-Сянь-Чжи. Эта битва в истории Туркестана имеет весьма важное значение, так как ею был решен вопрос, которой из двух культур, китайской или мусульманской, должно принадлежать господство в стране.

Таким образом, Абу-Муслим одержал победу над внешним и внутренними врагами; но его огромная популярность среди туземцев Хоросана, для которых он был не только представителем государственной власти, но и вероучителем, возбудили опасение в Аббасидах; привлеченный ко двору халифа, Абу-Муслим в 755 г. был изменнически умерщвлен. После этого сторонники Абу-Муслима сделались врагами Аббасидов. Руководители целого ряда шиитских движений в Персии и Мавераннагре* так или иначе связывали свое дело с именем Абу-Муслима. Отличительным цветом партии (конечно, только во время открытых движений) сделался белый цвет одежды и знамен; таким образом, партия действовавшая во имя того, кому некогда черное знамя было обязано своим торжеством, получило название Сапид-Джамаган (носящие белую одежду", по арабски: ал-мубейда). Табари относит начало шиитского движения в Хоросане еще

ко времени царствования Омара II (717–720 гг.); но только в 734 г. Харис б. Сурейдж поднял черное знамя во имя "книги Божией и предписаний (сунны) пророка его"; он обещал "соблюдать договоры, заключенные с иноверцами, не брать податей с мусульман и никого не обижать".

Первые представители династии Аббасидов были такими же светскими правителями, как Омейяды, и открыто поддерживали греческую науку и рационалистическое учение мутазалитов. От Омейядов их отличали главным образом государственные стремления: тогда как Омейяды были прежде всего предводителями арабского народа, Аббасиды хотели создать государство, в которое могли бы войти на равных правах области с персидским* и области с арабским населением. Образцом для них служила стройная государственная система Сасанидов, казавшаяся арабам высшим образцом государственной мудрости. (Джагиз в 869 г. говорит, что сасанидские персы превосходили все народы в исскустве управлять государством, как китайцы – в ремеслах, греки – в науках, тюрки – в военном деле).

В эпоху Аббасидов мусульманский государственный строй начал принимать тот характер, который он в общих чертах сохраняет до настоящего времени. Задача аббасидской политики заключалась в том, чтобы привлечь на свою сторону умеренные элементы обеих наций и с их помощью подавлять как восстания народов, не желавших признавать равноправность покоренных народов, так и антимусульманские движения арийского населения во имя народных верований. Надо было создать такой строй, чтобы все составные части населения находили для себя полезным поддерживать новый порядок. Применив в общих чертах персидскую бюрократическую систему управления, Аббасиды взяли под свое покровительство ислам, под условием, однако, подчинения духовной власти светской. Так как власть Аббасидов не имела национальной основы, то для охраны ее служила гвардия из иноземцев, главным образом, из тюркских рабов. Подданые представляли из себя лишь ту массу, которая была обязана давать государству денежные средства – платить налоги.

Этим определялась также задача областных наместников, в частности наместника Хоросана, которому по прежнему был подчиннен Мавераннагр.

Два раза во главе области, как при Сасанидах, был поставлен сын главы государства, что объясняется важностью хоросанского наме-

стничества, где борьба с внешними и внутренними врагами представляла большие трудности. Задачи наместников сводилась к укреплению государственного строя в духе сасанидских традиций, к объединению всех сторонников порядка и спокойствия, к усмирению беспокойных элементов и к войне с вассалами непокорными и их степными союзниками. Полное подчинение страны мусульманскому владычеству и полное установление внешней и внутренней безопасности было достигнуто только тогда, когда во главе страны, вместо часто сменявшихся наместников, были поставлены наследственные правители из туземных аристократов (Тахириды), хорошо знакомые с местными условиями и пользовавшиеся доверием населения.

Само собой разумеется, что эти правители действовали более в своих интересах, чем в интересах халифов, и что их зависимость от последних скоро сделалась чисто номинальной.

Аббасидские наместники, правившие в Хоросане до начала династии Тахиридов, должны были подавить целый ряд восстаний, как со стороны арабов, так и со стороны персов. После усмирения восстания Шерика, нужно было усмирить целый ряд восстаний арабских шиитов в Бухаре.

Что касается "людей в белых одеждах", т. е. партии Абу-Муслима, то их деятельность никогда не прекращалась (секта существовала еще в XII в.), хотя сравнительно редко проявлялась в открытых возмущениях. О существовании в деревнях Мавераннагра религии "людей в белых одеждах", обряды которых походят на обряды зендиков (дуалистов) говорит также Макдиси; больше всего "людей в белых одеждах" было среди сельского населения Илака.

Упоминаем о восстании в 806 г. Рафи б. Ляйса. Неизвестно, какими средствами Рафи удалось привлечь на свою сторону туземцев, убить самаркандского наместника и овладеть Самаркандом. Жители Несефа сами просили у Рафи помощи против правительства; Рафи послал им "владетеля Шаша с его тюрками"; Кроме того Яъкуби называет сторонниками Рафи жителей Ферганы, Ходжента, Осрушны, Чагиниана, Бухары, Хорезма и Хутталя. Даже токуз-огузы, карлуки и тибетцы прислали Рафи вспомогательные отряды. Восстание было подавлено только в 810 г.; покинутый в 809 г. тюрками, Рафи сдался Мамуну.

Необходимо отметить еще одну меру аббасидских наместников, несомненно имевшую большое значение в экономической жизни стра-

ны, именно – введение низкопробной разменной монеты. По рассказу Наршахи в Бухаре первый стал чеканить серебрянные монеты (дигремы) бухар-худат Кана; монеты были введены им в царствование халифа Абу-Бакра (632–634 гг.). дигремы чеканились из чистого серебра, на них был изображен бухар-худат с венцом на голове. К концу VIII в. эти монеты уже исчезли из обращения и были вытеснены хорезмийскими.

Недовольные этим бухарцы обратились к наместнику Гитрифу б. Ата с просьбой чеканить для них серебрянную монету того же вида, как дигремы бухар-худата, но такую, которая бы служила исключительно для местных потребностей и не могла быть вывезена из пределов области. Так как серебро было дорого в то время, то Гитриф, по соглашению с представителями города, стал чеканить монету из сплава шести металлов: золота, серебра, свинца, олова, железа и меди. Монеты были чеканены с прежними изображениями, но с именем Гитрифа; оттого монеты получили название гитрифа.

Гитрифийские дигремы не были ни единственными, ни первыми монетами того рода. Кроме дигремов Хорезма историки и географы различают три вида низкопробных дигремов, которыми уплачивались подати в Мавереннагре, именно дигремы мухаммеди, мусейяби и гитрифи, при чем подати в Шаше, Илаке и Хофисите уплачивались мусеябийскими дигремами. На всех этих монетах были изображения, резко отличавшие их от обычного типа мусульманских монет, на них также непонятные письмена.

Нумизматические данные пока выяснили только факт, что в Согдиане в V и в VI в. начали чеканить дигремы в подражание сасанидскими; если хронологическое указание Наршахи относительно чеканки монет в Бухаре верно, то бухар-худаты, вероятно, заимствовали тип монет от своих согдийских соседей, а не непосредственно от Сасанидов (иначе они, как скоро после того сделали арабы, приняли бы за образец дигремы Хосроя II).

Крайне любопытно, что еще в конце YIII в., когда в Мавераннагре уже давно чеканились дигремы и фельсы куфического типа, потребность населения в разменной монете пришлось удовлетворить посредством дигремов старого образца, с языческими изображениями.

Последним крупным военным предприятием арабов в Средной Азии, о котором до нас дошло известие, был поход в 822–23 г. на Осрушну, – область, простиравшуюся от Джизака почти до Ходжента.

На северо-востоке арабы доходили до Таласа, где в 751 г. разбили китайское войско; потом арабы отказались от долины этой реки и от области Исфижаб (Чимкент и его окрестности), а в степи Калас, отделявшей Исфиджаб от Шаша (Ташкента) выстроили стену для защиты от набегов кочевников. Стена эта простиралась от Сыр-Дарьи до гор Сайлык. Остатки ее и по настоящее время заметны в степи.

Вообще в северной области Мавереннагра, подчинившейся арабам только в IX веке, арабский элемент совсем не привился, и существенные черты арийской культуры сохранились в них дольше. К таким областям принадлежит и Осрушна. В то время, когда во всех других областях уже водворились арабские переселенцы, в Осрушне их не было, ибо ее население не допускало к себе на жительство арабов. Таким образом, Осрушна заслуживает особого внимания при изучении остатков древней культуры. Местоположение столицы Осрушны, называемой арабами Бенджикентом (Пенджикент), определяется следующими словами арабских географов: "от Сабата (Савата) идут два фарсаха (фарсах равен 6–7 верстам) по равнине и потом 5 фарсахов вверх по реке, текущей около города; по обе стороны дороги находятся горы, покрытые селениями". Судя по этому описанию, очень вероятно, что остатками столицы Осрушны следует признать интересные развалины около селения Шахристан, верстах в 25 к юго-западу от Ура-Тюбе.

Важные перемены произошли, когда правителями Мавераннагра были назначены Саманиды, подчиненные хоросанскому наместнику. К этой эпохе относится окончательное подчинение Мавераннагра мусульманскому владычеству, при поддержке багдадского правительства. В 875 г. внук перса Саман-худата, принявшего мусульманство, получил от халифа Муътамида диплом на управление всем Мавереннагром. К этому времени относится также возвышение влияния тюрков во внутренном управлении Мавереннагром. Уже при Муътасиме тюркская гвардия, в состав которой входили выходцы из Согда, Ферганы, Осрушны и Шоша, сделалась одной из опор престола*. Это обстоятельство способствовало окончательному утверждению мусульманского владычества в стране. Жители были признаны добрыми мусульманами и сами начали принимать участие в борьбе "за веру" со своими соседями тюрками.

Но по своему аристократическому происхождению и по своему положению официальных представителей арабской власти Самани-

ды не могли сделаться выразителями национальных и демократических стремлений*, подобно Абу-Муслиму и других "даи" т. е. шиитским проповедникам.

Особенно много сделал в государственном устройстве Мавераннагра в духе просвещенного абсолютизма Исмаил б. Ахмад (892–907 гг.).

В 893 г. была низложена туземная династия Осрушны и эта область присоединена к непосредственным владениям Саманидов.

К этой эпохе относится полное сформирование государственного устройства Мавераннагра и имеются подробные сведения об экономическом быте населения.

Во главе государства стоял самодержавный правитель, ответственный только перед Богом. Персидские историки иногда называют Саманидов "повелителями правоверных" т. е. дают им тот-же титул, как халифам.

По персидскому идеалу самодержец прежде всего должен быть хорошим "хозяином" (кадхуда) своего государства и заботиться о его внешнем благоустройстве: о прирытии каналов и подземных арыков, о постройке мостов через большие реки, о благосостоянии деревень и поддержании земледелия, возведении укреплений и основании новых городов, об украшении городов высокими и красивыми зданиями, об устройстве рабат на больших дорогах и т. п.

Большею частью, конечно, роль монарха сводилась к выбору лиц, которым могли бы быть поручены отдельные отрасли управления. Через всю систему восточно-мусульманской политической организации красною нитью проходит деление всех органов управления на две больших категории, на дергах (дворец) и диван (канцелярию). До эпохи Саманидов мы не имеем никаких известий о существовании в восточно-мусульманских государствах, как при дворе Аббасидов, личной гвардии государя, состоящей из купленных рабов, главным образом, из тюрков. При дворе Исмаила и его преемниках мы уже находим подобную гвардию, хотя "люди дергаха" в эту эпоху не приобрели такого значения, как впоследствии. Главные военные должности поручались не только начальникам гвардии, но также представителям местных знатных родов; в состав войска, кроме тюрков, входили также дихканы; вообще жители Мавереннагра в то время большею частью еще носили оружие.

Так пали значение и власть туземных владетелей отдельных областей, входивших в состав Мавераннагра, и над всем Междуречь-

ем утверждалась неограниченная власть дергаха и дивана с системою бюрократического правления.

Сама борьба с феодалами велась благоразумно; в большинстве случаев феодальные владения путем покупки переходили в руки торгово-промышленного сословия.

Под властью местных династий, при чисто внешней зависимости от центрального правительства, в эпоху Саманидов оставались только восточная часть нынешного Бухарского ханства (область Хуттал и Чаганиан), Хорезм и тюркские владения в Исфиджабе. В городе Тункете, столице этой области, жил по выражению арабского географа, "сильный дихкан", пользовавшийся даже правом чеканить монету*.

Что касается народных масс, то положение их в эпоху Саманидов было довольно благоприятно, в виду обеспечения внешного мира и значительного развития промышленности и торговли. Из Самарканда вывозились ткани серебрянные (симгук) и самаркандские, большие медные котлы, изящные кубки, палатки, стремена, удила, ремни; из Джизака – хорошие сорта шерсти и одежда из нее; из Бенакета – туркестанские ткани; из Шоша – высокие седла из лошадиной кожи, колчаны, палатки, кожи (привозимые от тюрков и подвергаемые дублению), плащи, молитвенные коврики, наплечники, хлебное зерно, прекрасные луки, иголки высшего качества, хлопчатая бумага, идущая к тюркам, ножницы; из Самарканда – еще парча, вывозимая к тюркам, и красные ткани, известные под названием мамарджиль, ткань синиза (полотнянная), много шелку и шелковых тканей, орехи; из Ферганы и Исфиджаба – тюркские рабы, белые ткани, предметы вооружения, мечи, медь, железо. Таким образом, мы видим, что уже 1000 лет (назад) вырабатывалось в здешнем крае то же самое, что и теперь.

Промышленность несомненно развилась под влиянием Китая. Арабские завоеватели нашли в Мавераннагре множество китайских произведений, сбыт которых, конечно, должен был уменьшаться с развитием местной промышленности; впечатление, произведенное на мусульман искусством китайских ремесленников, видно уже из того, что арабы называли все искусно сделанные сосуды китайскими. Из произведений Мавераннагра наибольшею известностью в мусульманском мире пользовались шелковые и хлопчатобумажные ткани долины Зеравшана и ферганские металличекие изделия, особенно оружие, находившее себе сбыт даже в Багдаде. Развитию

металлической промышленности в Фергане несомненно способствовали каменоугольные копи Исфаринского округа (“горны из черных камней, которые горят, как уголь; пепел служит для беления одежды”).

Самаркандская бумага имеет большое значение в истории культуры, как древнейший известный нам образец тряпичной бумаги. По мусульманским известиям самаркандцев научили приготовлению бумаги китайские ремесленники, взятые в плен Зиядом б. Салихом в 750 году; но, по исследованию проф. Карабачека, самаркандцы могли заимствовать у китайцев только идею приготовления бумаги и самостоятельно нашли способ выделки ее из тряпья, так как в Китае тряпичная бумуга появляется только с 940 г. К концу X в. самаркандская бумага в мусульманских странах уже успела совершенно вытеснить папирус и пергамент.

Большое значение всегда имела торговля с кочевниками, от которых получали в большом количестве убойный и вьючный скот, кожи, меха и рабов. Торговля с оседлыми народами столь же необходима кочевникам, получающим таким образом предметы одежды и хлеб. Кочевники сами пригоняли свои стада к границам соседних поселений, не дожидаясь прибытия караванов в степь.

Наконец, развитию промышленности и торговли содействовало отсутствие обременительных податей и пошлин.

Нужно отметить, что Саманиды ограничивались уплатой жалованья и не раздавали воинам земельных наделов.

Благодаря описанной выше организации государства династия Саманидов могла продержатся около 100 лет в Мавераннегре.

При Саманидах усилилось шиитское движение* в Мавераннагре, особенно в последний год царствования Насра II б. Ахмеда (943 г.) Шиитская пропаганда в Хоросане, где находится одна из главнейших святынь шиитов, никогда не прекращалась, и потомки Али издавна пользовались большим влиянием на население. Средства шиитской пропаганды значительно усилились с образованием фатимидского халифата (в начале X в.); фатимидские эмиссары проникли в Хоросан и обратили в шиитство Хусейна б. Али Мервези, преемником которого был Мухаммед б. Ахмед Нахшеби. Исполняя завещание своего учителя, Нахшеби перенес свою деятельность в Мавераннагр, где имел успех сначала в своем родном городе Несеф (Карши), потом и в столице. Ему удалось обратить в свою веру нескольких

вельмож, среди которых были главный хаджиб Айташ, приближенный секретарь (дебири хос) Абу Бакр б. Абу-Ашас, ариз Абу-Мансур Чагани, бухарский реис, начальник финансового ведомства и правитель Илака (при Саманидах владетель Илака, глава местных дихканов, живший в Тункете, на берегу Ангрена, не имел политической власти, но продолжал оказывать влияние на народ, так что Макдиси называет его "сильным дихканом") Хусейн-Малик. Через них он получил доступ ко двору, и скоро сам эмир сделался "карматом".

Увлечение эмира шиитской ересью не могло быть одобрено духовенством, которое обратилось к своим обычным союзникам, к представителям тюркской гвардии.

Это увлечение привело к тому, что эмиру пришлось отказаться от престола в пользу своего сына Нуха.

Нух объявил, что до похода на неверных тюрков надо уничтожить неверных в собственной стране; их имущество, начиная с казны впавшего в ересь эмира, должно было перейти в руки правоверных. Было произведено избиение еретиков в Мавераннагре и Хоросане, начиная с Нехшеби и его знатных приверженцев; при этом были приняты меры к тому, чтобы вместе с еретиками не были убиты (из личной вражды) правоверные. С тех пор шииты продалжали существовать в Мавераннагре только в качестве тайной секты.

К эпохе Саманидов относится усиление тюрков. Вытесненные монголами, тюрки крепким кольцом заняли земли, окружавшие Мавераннагр. Установились оживленные сношения между тюрками и Мавераннагром. Купцы и проповедники начали проникать в степь, а вместе с ними и мусульманство. Некоторые военноначальники из рабов-тюрков при Саманидах пользовались большим влиянием. Некоторые орды огузов (туркмены), по неизвестной причине покинувшие свои земли, с согласия правительства заняли в Мавераннагре часть земель, удобных только для кочевников, и за это обязались защищать границу от всяких нападений. Другая ветвь туркмен под начальством Сельджука отделилась от своих соплеменников у низовьев Сыр-Дарьи; Селджук принял ислам и освободил мусульманского правителя, находившегося в самых враждебных отношениях к потомкам Сельджука; последние были приняты Саманидами и поселились в окрестностях Нура (ныне Нур-ата, к северо-востока от Бухары).

В IX в. карлыкские илеки овладели Хатаном и Кашгаром и начали грозить Мавераннагру и, наконец, в 999 г. илек Наср решил покончить с последними остатками господства Саманидов в Мавераннагре.

По рассказу современника и очевидца события, Саманиды решили оказать врагам отчаянное сопротивление; по приказанию правительства хатибы бухарских мечетей убеждали народ взяться за оружие для защиты своей династии. В то время бухарцы, как вообще жители Мавераннагра, еще носили оружие; если-бы Саманидам удалось организовать народное движение в свою пользу, то это причинило бы Караханидам серьезные затруднения, хотя едва ли можно было предотвратить падение династии. Проповеди хатибов, однако, не имели никакого действия. Саманиды, не исключая самого Исмаила, никогда, не старались приобрести доверия народных масс и сделать их опорой своего престола; о том-же свидетельствует преследование шиитских движений, несомнено имевших демократический характер. Мы знаем, что учение шиитов и при последних Саманидах имело в Мавераннагре тайных последователей, к числу которых принадлежали, между прочим, отец и брат знаменитого Авиценны. Сочуствие суннитского духовенства, не смотря на все заботы Саманидов о религии и ее представителях, также находилось не на стороне династии, а на стороне ее врагов. Население не убежденное проповедью хатибов, обратилось "к тем, которые у них считались факихами", т. е. к представителям неофициального духовенства, всегда имевшего на население гораздо больше влияния, чем назначенные правительством хатибы и имами. Как всегда бывает в аналогичных случаях, суеверные кочевники, сравнительно недавно принявшие ислам, были гораздо более усердными почитателями религии и ее служителей, чем культурное правительство. Население последовало совету своих учителей и решило, что "когда борьба идет из-за благ сего мира", то мусульманам нет надобности "подставлять себя для убиения".

Илек объявил, что идет в Бухару; население встретило завоевателей совершенно пассивно; предводители бухарских военных сил, Бек-тузун и Энал-тегин, добровольно явились в лагерь завоевателей, где были задержаны. В понедельник 23 октября 998 года илек без сопротивления занял Бухару и овладел казной Саманидов. Абд-ал-Малик и все прочие члены династии были отправлены в Чзгеид (в Фергану), куда вернулся и сам илек, оставив в Самарканде и Бухаре своих наместников; так при всеобщем равнодушии, совершилось падение знаменитой династии. Едва-ли кто нибуд в это время сознавал значение исторического события, положившего конец господству туземного арийского элемента.

Владение Караханидами Мавераннагром не было благоприятно, государственное устройство было переделано, земледелие и промышленность начали приходить в упадок.

Ханы продолжали вести кочевую жизнь, Шемс-ал-мульк, только зиму проводил с своим войском в окрестностях Бухары, причем строго следил за тем, чтобы воины оставались в своих шатрах и не притесняли жителей; после захода солнца ни один воин не смел оставаться в черте города. Не смотря на кочевой образ жизни Караханиды исполняли и ту обязанность государей, которая выражалась " в украшении городов высокими и красивыми зданиями, устройстве рабатов на больших дорогах и т. п. "

Персидский взгляд на монарха как на единодержавного правителя государства, также был чужд кочевникам, в глазах которых империя была собственностью всего ханского рода. Удельная система и неизбежные при ней междуусобия получили широкое развитие в государстве караханидов. Столь же вредно должна была отозваться на интересах населения система военных ленов, т. е. земельных наделов, раздававшихся войску взамен уплаты жалованья или части его. В восточной части мусульманского мира эта система получила широкое развитие только после тюркского завоевания. Пожалование надела (икта) было обычным фактом, но это явление не привело к установлению крепостного права; Низам-ал-мульк напоминает владельцам наделов, что им только разрешается взимать с жителей определенную сумму и что, кроме того, они не имеют никаких прав на личность, имущество, жен и детей населения.

От беспорядков, вызванных удельной системой, вероятно, также системой земельных наделов, преимущественно, конечно, страдал класс землевладельцев. Очень возможно, что в первое время господства новой династии значение дихканов увелечилось, как показывает факт появления монет илакского дихкана. Но в рассказах о монголском завоевании мы уже не встречаем никакäх известий о значении этого класса в Мавераннагре, тогда как в Хоросане по прежнему упоминаются землевладельцы, жившие в родовых замках; собирая по своему всегдашнему обычаю сельских жителей для осадных работ, монголы посылали соответственные приказания землевладельцам.

Упадок класса землевладельцев в Мавераннагре, вероятно, был вызван крайним обесценением земельной собственности, о котором

говорит переводчик Нершахи; в его время землю, которая при Саманидах продавалась по 4000 дигремов за джуфт, никто не брал и даром; если находился покупатель, то земля все таки оставалась необработанной "вследствие жестокости (правителей) и немилосердного отношения к подданым".

При Мелик-хане вся мусульманская Азия подчинялась одному государю; но в это время к восточным границам мусульманского мира приближался народ, впервые заставивший мусульман Мавераннагра признать над собою власть неверных.

Кара-Китани (Кара-Кидини-тюрки), занимавшие Монголию, овладели бассейном Тарима. Во второй четверти XII века, бежавший из Киданьского северного Китая, который завоевали в это время чжурчжени, киданьский князь Елюй-Даши, составив себе армию из подобных ему киданьских беглецов и из тюрков разных племен, подчинил уйгуров восточного Тяньшаня, обратившихся к оседлости и потерявших притяньшанские земли еще около 1028 г. С увеличившеюся, по меру дальнейших успехов, привлекаемыми военною добычею тюрков армией Елюй-Даши покорил западный Тяньшань и Мавераннагр (разбив войско Махмуд-хана при Ходженте в 1137 г.).

Мавераннагр переживал в эту эпоху тяжелую междуусобную войну. Харезмшах старался добиться гегемонии над этими странами и пользовался помощью Кара-Китаев, от которых он находился в вассальной зависимости. Хорезмшах не мог остаться вассалом неверных Кара-Китаев и уже для поддержания своего авторитета должен был принять на себя роль освободителей мусульман. (Обстоятельства были благоприятны для него, так как в это время – в начале XIII века – произошло одно из самых обширных в истории мусульманских движений, охватившее Восточный Туркестан, Семиречье, Кульджинский край и Мавераннагр).

Кара-китайское государство, имевшее центром долины р. Чу, где находилась столица Баласагун, существовало до 1211 г., когда последний Кара-киданьский Гурхан был пленен зятем своим, найманским Кучлук-ханом, лишенным монголами своих земель и нашедшим у киданей убежище. Не предпринимая завоевательного похода на Восточный Туркестан, Кучлук три или четыре года к ряду (т. е. с 1211 по 1213 или 1214) вторгался в страну во время жатвы и опустошал ее. Хорезмшах Мухаммед в это время отправлял отряды в ту же область. Набеги Кучлука вполне достигли своей цели; в стране на-

чался голод, заставившей жителей выразить покорность Кучлуку. Судя по поведению хорезмийцев в других местах, можно думать, что присутствие в стране одновременно с войсками Кучлука отрядов войска Мухаммеда только способствовало принятию жителями такого решения. Столь же мало Хорезмшах мог остановить жестокое гонение, которому после победы Кучлука подвергся ислам в Восточном Туркестане. Мухаммед не только не оказал помощь своим кашгарским и хотанским единоверцам, но даже не мог защитить от Кучлука северные области Мавераннагра. По Ибн ал-Асиру султан по крайней мере до 1218 г. проводил лето в Самарканде, опасаясь нашествия Кучлука на Мавераннагр; наконец жители Исфиджаба, Шаша, Ферганы и Касана получили приказ переселиться на юго-западе, после чего эти области были опустошены, чтобы они не достались Кучлуку. Относительно Исфиджаба и Шаша известие Ибн ал-Асира вполне подтверждается словами Якута, который приводит ту же самую причину этой меры: Хорезмшах опустошил те области потому, что не был в состоянии удержать их в своей власти.

Вообще перед монголским нашествием государственная власть во владениях Хорезмшаха была уже сильно пошатнута. Нуждаясь в своей тюркской гвардии, Мухаммед поневоле должен был употребить все старания, чтобы жить с нею в мире. Наемные войска составляли единственнную военную силу Хорезмшахов; на народные массы в XII в. еще в большой степени, чем прежде, смотрели как на рабочую силу, которую следует держать в полном повиновении. Ал-Катиб ас-Самарканди* приводит характерный анекдот о султане Санджаре, который будто бы сказал, что ограждение сильных от обиды со стороны слабых еще более необходимо, чем защита слабых от произвола сильных; оскорбление слабых сильными – только несправедливость, тогда как оскорбление сильных слабыми – и несправедливость и позор. Если народные массы выйдут из повиновения, то произойдет полный беспорядок; “малые будут исполнять дела великих, а великие не могуть исполнять дела малых”, т. е. простой народ захочет вести жизнь знатных людей, и некому будет исполнять работы, составляющие удел простолюдинов. Еще более характерный отзыв о классе ремесленников и земледельцев мы находим в одном из официальных документов времени Санджара: “Они не знают языка царей, и для них недоступно понятие о согласии с правителями или о возмущении против них: все их дела имеют только одну

цель – добыть средство к жизни и прокормить жен и детей; ясно, что их не за что упрекать, и что они пользуются постоянным спокойствием".

Таким образом, наемное войско составляло единственную опору престола, и государь в собственных интересах должен был отдать ему предпочтение перед гражданскими элементами.

Система военных ленов, получившая распространение при Селджуках, продолжала существовать.

Одним словом, восточно-политический строй, созданный Аббасидами, получивший дальнейшее развитие при Тахиридах и Саманидах, теперь дошел до полного разложения. Народ, освобожденный Мухаммедом от ига неверных, восстал против своих освободителей и был усмирен потоками крови.

Понятен исход борьбы между таким государством и свежими силами кочевников, объединенными в это время одним из гениальнейших организаторов всех времен.

Этнографический состав населения Мавераннагра перед нашествием монголов уже значительно изменился. В городах тюрки дали уже значительный класс горожан. О разнообразии этнографическом мы можем судить только приблизительно по составу армии. Защите Самарканда, главного города Мавераннагра, Хорезмшах придавал особенное значение; естественно, что здесь было сосредоточено больше войска, чем в других местах. По Джувейни в Самарканде было до 110 000 войска, из них 60 000 тюрков и 50 000 таджиков. По Несеви войска было только 40 000, Ибн ал-Асиру 50 000, по Джузджани 60 000 со включением тюрков, таджиков, гурцев, халаджей и карлуков. Араб Идриси, в числе кочевников, окружавших Фергану, называет также кипчаков (хифтчак) и булгаров*. Таким образом, нужно думать, что коренное население Мавераннагра перед нашествием монголов уже успело значительно отуречиться*.

Нашествие монголов резко отразились на Мавераннагре как в смысле ухудшения экономического благосостояния населения, так и состава этнографического коренного населения.

Начало осады Самарканда относят к сентябрю 1219 года.

Несомнено, что монголы Чингиз-хана находились на очень низкой степени культуры, даже по сравнению с своими соплеменниками, кераитами и найманами; оттого, после объединения Монголии, еще до покорения культурных областей, явилась необходимость сде-

лать заимствование у покоренных народов. Первыми представителями культуры при дворе Чингиз-хана были мусульманские купцы. Письменное делопроизводство возникло в государстве Чингиз-хана после покорения найманов (1206 г.); уйгур Ташатун, хранитель печати найманского хана, занял ту же должность при дворе Чингиз-хана; кроме того, ему было поручено обучать уйгурской грамоте сыновей хана. Таким образом, первыми учителями монголов и первыми чиновниками монгольской империи были уйгуры; впоследствие уйгурские чиновники вместе с монголскими завоевателями пришли в культурные страны и как в Китае, так и в мусульманских странах, успешно выдерживали конкуренцию с туземцами, гораздо более образованными.

Первый город подвергшийся нападению в Мавераннагре, был Нур. Город был взят; по требованию Субудая жители очистили город, взяв с собой только жизненные припасы, земледельческие орудия и скот; после этого их дома были разграблены монголами. В феврале 1220 г. Чингиз-хан подошел к Бухаре; город был взят. Жители должны были доставить моноголам все припасы, приготовленные для войска султана, и засыпать ров цитадели; после взятия ее все защитники были перебиты. Наконец все жители, взяв с собой только ту одежду, которая была на них, должны были выйти из города; их имущество было разграблено монголами. После разграбления город был сожжен; уцелели только соборная мечеть и некоторые дворцы, выстроенные из жженного кирпича.

На пути из Бухары в Самарканд монголы уже вели с собою огромные толпы пленных. По сведениям Ибн ал-Асира участь этих пленных была крайне тяжелой; они должны были пешком следовать за монголской конницей; кто изнемогал по дороге, того убивали. Кроме пленных горожан, в той толпе, несомненно, были сельские жители; во всех странах, где им приходилось действовать, монголы для осадных работ сгоняли крестьян окрестных деревень.

В марте монголы подошли к Самарканду. Тюрки, служившие в войске султана, предложили свои услуги монголам, на что последние сперва согласились. Город сдался, цитадель была взята приступом; ее защитники перебиты. Тюркские воины султана, которые сначала были приняты на службу моноголами, теперь были окружены на ровном месте и перебиты со всеми своими предводителями. Что касается оставшихся жителей, то из них 30 000 ремесленников были от-

даны сыновьям и родственникам Чингиз-хана; столько же было уведено для осадных работ; остальные получили позволение вернуться в город, при чем с них взяли выкуп в 200 000 динаров. После того еще несколько раз уводили жителей из города, так что он почти совсем опустел. Дошла очередь до Бенакета (около устья Ангрена). Монголы перебили гарнизон, а из жителей увели ремесленников и отряд молодых людей для осадных работ. Из Бенакета отряд пошел в Ходжент. Осада Ходжента представляет один из любопытных эпизодов военной истории. Начальник Ходжента Тимур-малик не мог удержаться в городе и с тысячью воинов укрепился на одном из островов Сыр-Дарьи; есть основание предполагать, что имеется в виду остров, расположенный в версте ниже Ходжента. В конце концов Тимур-малик все-таки должен был покинуть свой остров; вероятно, запас провианта и оружия приходил к концу. Ночью Тимур-малик посадил свой отряд на суда и при свете факелов поплыл вниз по реке. У Дженда все таки потерял весь свой обоз и всех своих спутников и один только благополучно прибыл в Хорезм. О действиях монголов повествует еще история взятия Хорезма. По взятии города жители были выведены в поле; было объявлено, чтобы ремесленники стали отдельно; некоторые исполнили это, другие скрыли свое знание, полагая, что монголы, как в других городах, уведут ремесленников с собой, а другим позволят остаться на родине. По Джувейни, ремесленников было более 100 000, их увели в "восточные страны", где они образовали большое число поселений. Малолетних детей и молодых женщин увели в плен; остальные жители были перебиты, при чем на каждого монгольского воина будто бы пришлось 24 человека.

Выше уже было сказано о запустении деревень и падении ценности на земли во время междуусобных войн в Мавераннагре перед монгольским нашествием. Во время же нашествия монголов были разрушены города, погибли ремесла, а вместе с городами погибла и масса коренных жителей Мавереннагра.

Земли по обе стороны Тяньшаня и Мавераннагр составляли удел второго сына Чингиз-хана Джагатая.

Не забудем, что монголы были кочевники. При занятии Мавераннагра они должны были кочевать на занятых землях, особенно на предгорьях, где зеленели обширные пастбища и журчали обильные водою ключи и родники. Как и теперь, эти кочевники должны были повести за собой уничтожение зарослей кустарников, при чем обна-

женная почва предгорий не могла противостоять разлитию водою весенних и летних ливней. Все это немедленно вело к уменьшению площади удобных пастбищ и засорению многих ключей. Так постепенно менялась природа самой местности.

Этнографический состав ближайших соседей Мавераннагра в это время был следующий: от реки Талас до Сыр-Дарьи кочевали канглы (теперь род Большой Орды) и карлыки; западный же Тяньшань занимали кыргизы в качестве аборигенов и кара-кыргизы.

В конце января 1223 г. ханская ставка была уже на правом берегу Сыр-Дарьи; монголы уже возвращались, сделав свое разрушительное дело. Власть их над Мавераннагром уже никем не оспаривалась.

Хотя Джагатай получил из армии отца и небольшое число, притом еще не вполне омонголенных тюрков, а потому военные силы его состояли из подвластных тюркских племен, тем не менее власть джагатаидов была крепка, пока не исчез страх, внушенный завоевателем, и пока тюркские роды и племена, продолжавшие сохранять родовой быт и кочевой образ жизни, не почуствовали свою силу, благодаря в особенности раздорам между чингизидами за власть и уделы, при которых одерживали обыкновенно верх те, кто привлекал на свою сторону сильнейшие роды тюрков.

Сознание родами своей силы, при естественном их стремлении к самостоятельности, неизбежно должно было привести к разложению улуса Джагатая. Уже во второй половине XIY века джагатаиды потеряли Мавераннагр, доставшийся сплотившему около себя местных тюрков Тамерлану и его потомкам.

Как известно, Тамерлан избрал своим главным местопребыванием Самарканд. Тимур происходил из отуреченного монгольского племени барлас*. Во время его малолетства произошло распадение джагатайского царства. В Мавераннагре с 1346 г. власть принадлежала тюркским эмирам и, возводившиеся ими на престол ханы правили только номинально. Мавераннагр переживал смое смутное время; особенно тяжело было оседлому населению. 10 апреля 1370 г. Тимур принял присягу от всех военноначальников Мавераннагра. Первые годы своего царствования посвятил установлению порядка в стране и безопасности на ее границах. Самарканд был украшен великолепными постройками. Тимур заботился преимущественно о процветании своего родного Мавераннагра, о возвышении блеска своей столицы – Самарканда, где были собраны из разных стран

представители всех отраслей искусства и науки; только в последние годы им принимались меры для поднятия благосостояния других областей государства, преимущественно пограничных. На благоустройство гражданского управления также обращалось внимание, о чем свидетельствуют многочисленные случаи наказания за лихоимство высших сановников в Самарканде, Герате, Ширазе, Табризе. Тимур оказывал внешний почет богословам и отшельникам, не вмешивался в управление имуществами и духовенства, не допускал распространения ересей (запрещение заниматься философией и логикой), заботился о соблюдении его поданными предписаний религий, но лично не отказывал себе в запрещенных религиею удовольствиях и только во время предсмертной болезни велел разбить принадлежности своих пиров. Устройства военного и гражданского управления определялось почти исключительно законами Чингиз-хана; впоследствие богословские авторитеты отказались признать Тимура правоверным мусульманином, так как законы Чингиз-хана он ставил выше предписаний религий.

Немедленно после смерти Тимура разные племена начали возвращать себе утраченные владения. Власть тимуридов слабела, так как было слишком много соперников; государство распалось на несколько мелких владений. В то время, как трое сыновей Махмуда – последние тимуридские владетели Мавераннагра – сражались между собою за остатки империи, приближалась новая сила, покончившая со всеми мелкими владетелями в Мавераннагре и вновь установившая твердую власть после периода анархии. Это была в 1503 году- Тимуриды были изгнаны узбеками под начальством Шейбана-хана.

Имя узбеков первоначально давалось тюркским племенам восточной части джучиева улуса для отличия их от джагатайцев. Ранее Узбек-хана, царствовавшего с 1312 по 1342 г., оно не встречается, а потому надо полагать, что оно получило свое начало от имени этого государя, памятного как по продолжительному тридцатилетнему царствованию, когда привыкли называть его поданных узбековцами, так и по утверждению между кочевыми его поданными мусульманства. Во второй половине XY в., когда отложившиеся части тюркских родов приняли именование вольницы, казаков*, оставшиеся верными Абул-Хаир-хану и его потомству, части тех же родов удержали название узбеков. Сохранилось оно за приверженцами шейбанидов и

6-155

тогда, когда они очистили пределы Джучиева улуса, перебравшись в Мавераннагр в дружинах Шейбана-хана и его наследников. Узбеки Мавераннагра составились, таким образом, из частей тех же тюркских племен, главные массы которых вошли в состав киргизов-казаков, но в составе узбеков играли весьма видную роль, отчасти даже и количественно, потомки коренных монголов и северо-восточных тюркских племен, составлявших "полк" Джучи, и жившее службою ханам и вообще чингизидам служивое сословие. Сверх того в состав узбеков, уже в Мавераннагре, не замедлили, конечно, войти перешедшие на службу победоносных шейбанидов местные тюркские племена, служившее дотоле тимуридам.

Узбеки нашли уже в Мавераннагре, Фергане и Ташкенте многочисленные оседлое тюркское или отуреченное население, которого умножение продолжалось и при них, вследствие оседания самих узбеков и их слияния с местным населением. (Среди шейбанидских дружинников встречаются имена родов: маджар, уйшун, татар, уйгур, кунграт, салур-катак, дюрмен, ямалик, отаджи, киат, найман[26]).

Они завладели землею между реками-близнецами и подобно всем своим предшественникам, продвигались вверх по реке, овладев Самаркандом, и наконец Ферганою. В течение всего XVI в. Мавераннагром правили шейбаниды; они предоставили Хорезм (Хиву) особой династии ханов, тоже происходившей от Шейбани, а Хорасан уступили Сефевидам. Затем Джанаиды или Астраханская династия, родственники Шейбанидов по женской линии, управляли той же постепенно уменьшавшейся областью в течении XVII и XVIII вв. Наконец, их родственники по женской линии, мангыты, овладели Бухарским ханством, теперь значительно уменьшившимся вследствии образования нового Кокандского ханства, вследствие возникновения независимых владений в Ташкенте, Ура-Тюбе, Ходженте и других местах и вследствие возвышения Дураннидов в Афганистане.

В 1758 году Китай снова овладел Ферганой до Ташкента, после страшного истребления калмыков в Джунгарии. Китайцы не долго оставались в здешних местах и власть потомков Шейбани была восстановлена, пока Бухара, Хива и Коканд не пали перед нашествием русских.

---

[26] *Аристов.* С. 147 и 159.

Прийдя в Мавераннагр, все вообще узбеки долгое время вели исключительно кочевой, пастушеский образ жизни; в городах жили лишь беки, правившие отдельными вилайетами, старшие военные чины и другие лица правящего сословия. Все остальное бродило со своими стадами в разных пунктах, переменяя время от времени свои места в зависимости от таких случайностей, как войны, и, в особенности – войны междуусобные.

С течением времени, по мере того, как кустарные заросли предгорий стали исчезать вследствие непрестанного потребления их кочевым населением, полоса эта стала обсыхать, а бывшие здесь пастбища начали уменьшаться. Население возрастало как путем естественного прироста, так и эммиграции узбеков, а также таджиков из Каратегина и Гиссара.

Оскудение пастбищ принудило, в конце концов, узбеков обращаться к земледелию, что являлось делом тем более исполнимым, что в то время вся почти земля, за исключением лишь наделов, принадлежавших таджикским селениям, находилась в общинном, родовом владении узбеков-завоевателей. Обращаясь к земледелию, часть узбеков стала вместе с тем постепенно переходить от кочевого и полукочевого образа жизни к оседлому. Устраиваясь в совершенно новой для них обстановке оседлого земледельца и садовода, узбеки весьма естественно должны были обращаться к чему либо уже существующему, готовому. Они так и сделали. Они всецело восприняли выработанный, если не тысячелетиями, то, по крайней мере, веками, культ аборигена таджика; они позаимствовали от таджика не только способы и орудия обработки земли, но и архитектуру своего жилища, утварь и разного рода производства, вместе с орудиями и способами тех производств.

Таким образом, усваивая все это в совершенно готовом уже виде, узбек явился в даном случае послушным учеником покоренного им таджика. На этом основании, прикрепленный к земле, узбек не остановился; приобретая от таджика тот или другой инструмент, то или другое орудие, для названия которого в собственном языке его слов не находилось, так как самого предмета этого в его прежнем кочевом быту не имелось, узбек стал называть этого предмета так же, как называл его таджик, т. е. по персидски. Таким путем в языке узбека вошла целая масса персидских слов, наравне с чем новая, мусульманская религия со своей литературой внесла не меньшее,

если не большее, число арабских терминов; единовременно с изменением быта стал изменяться и язык[27].

Такова культурная роль аборигенов края – таджиков.

6. ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА "ТАДЖИК" И "ГАЛЬЧА"

Слово "таджик" происходит от персидского существительного тадж, корона, и означает "коронованный", "увенчанный"*. Более подробное объяснение этого слова и его историю мы находим у Н. В. Ханыкова[28].

Таджек или таджик, – говорит г. Ханыков, – значит, коронник, человек носящий корону. Но само собой разумеется, продолжает г. Ханыков, что здесь дело идет не о царском венце, а о том, который имеет такое важное и мистическое значение в зороастровом учении и коим, несомненно, прежде отличались последователи этой веры от неверных, подобно тому, как христиане доселе еще отличаются ношением креста, а мусульмане чалмою. "Из всего этого, мне кажется, говорит Ханыков, позволено заключить, что слово таджик, как арабское слово салеби (крестник) или Бани салиб (сын креста), как наше слово крестьянин, т. е. крестящийся, носящий крест, крещенный, не было сначала именем этническим, т. е. именем какого-нибудь отдельного племени, а просто означало всех последователей учения Зороастра". В течение веков вера эта была особенно усвоена иранцами, поглотившими все чуждые национальности, исповедывавшие ее; это также несомненно, так как даже в классической древности, в списке народов, населяющих Персию, со времен Геродота и Дариевой надписи, мы (Ханыков) безпрестанно видим эту внутреннюю, племенную работу. Новые племена то появляются, то исчезают, а общий этнический термин, Иран, постоянно растет и, во времена Сасанидов, входит уже в титул царей, повелевающих Ираном и противоположным ему, ан-Ираном, т. е. не Ираном. Самое географическое распространение этого имени ручается нам в справедливос-

[27] *Наливкин.* История Коканд. ханства. С. 16–19.

[28] *Ханыков Н.В.* Прилож. VI. Примечание к объяснению 2-му главы II Риттерова подлинника: Жители восточного рубежа Ирана – аборигены и переселенцы. Иран Риттера. Перев. Ханыкова, СПБ. 1874 г. С. 509 и след.

ти этого объяснения. Всего более распространенно это имя в колыбели учения Зороастра, или правильнее там, где оно впервые сделалось государственною верою, в древней Бактрии и Согдиане. Действительно в Бухаре, Балхе и Афганистане таджик – всякий, считающий персидский язык языком родным. В Хоросане и Сеистане слово это уже теряет свое резкое, определительное значение. В Западной Персии и Закавказьи его вовсе не употребляют иначе, как в сокращенной его форме **тат***, но что эта последняя имеет то же значение, в этом нам порукою свидетельство итальянского дворянина Pitro della Yall, бывшего на службе у шаха Аббаса, в начале XVII века. На стр. 469, т. II французского перевода его писем, напечатанного в 1663 г. мы читаем: "Кызылбаши есть имя известного племени, вторгшегося в Персию и усилившегося там, как я вам писал уже раньше, при шахе Исмаиле Сафи; тогда как тат есть название тех, которые нисходят, по прямой линии, от истинного древнего персидского племени"[29]. Таким образом, название таджик становится тем реже, чем мы более удаляемся от центра учения Зороастра".

"Переходя к разбору истории самого слова таджик, мы заметим, говорит Ханыков, что слово это происхождения персидского". В персидском как самое слово тадж, венец, – таджлар, имеющий венец, таджвер, венценосец, без сомнения очень стары, так как мы знаем по Дегинью, что в китайских летописях, под 122 г. до Р. Х., по отзыву полководцу Тан-Киао, говорится о царстве Тяоджи, дальнейшие же частые упоминания о них китайскими летописцами, не позволяют сомневаться, что тут дело действительно идеть о таджиках. Кроме того, тадж очень давно усвоено армянами в форме тагх, из него они сделали таговур, венценосец. В Индустане оно по Fordtsy употребляется народом в форме Thath. Греческое слово Taios встречающееся уже у Есхила, обыкновенно производит от глагола Tassia, но я (Ханы-

---

[29] Вамбери говорит, что слово таджик встречается в Западной Азии, а именно: армяне называють таджиками тюрков и арабов, т.е. вообще магометан, но только между собою, по секрету, и мне кажется, что это не более как насмешливое название, даваемое притесненными своим тиранам, так как название это я (Вамбери) встречал, решительно у всех армян Малой Азии, то мне кажется, что этим именем называют не только магометан, но вообще, всех последователей иных религий, и что это слова, по всей вероятности, древнее и в последствии уже с древних обывателей Персии, с которыми при Сасанидах армяне находились в сношениях, перешло на арабов. А.Вамбери. Очерки Средней Азии. С. 320 и 321.

ков) не уверен, чтобы оно не имело соотношения с таджем персиян. Как бы то не было, слово это очень древнее и со всеми своими производными было в употреблении за несколько веков до Р. Х. Если же это так, мы непременно должны найти упоминание о таджиках и у древних греческих писателей. Действительно, в III кн. & 91 истории Геродота мы читаем, что саттагиды, гандарийцы, дадики и апахиты все вместе платили 170 талантов подати в год, внося ее в Сузе, и составили 7-ю сатрапию. А так как Суза, о которой здесь идет речь, очевидно, не Сузиана западная, т. е. теперешний Шуштер, а Суза Арийская, где, по Арриану, Александр Македонский, на походе из Гиляна и Мазандарана в Бактрию, назначил Сатиборзана сатрапом арийцев, то весьма вероятно, что дадики галикарнасского историка – хорасанские таджики, тем более, что в кн. VII, & 66 Геродот сравнивает их, по вооружению, с бактрийцами. Хаммер того же мнения об этих дадиках. Далее, Риттер (Землевладение Азии, т. VII, стр. 714) заметил уже, что Дионисий Перигетский, современник Нерона и Трояна (54–93 г. по Р. Х.), упоминает о них под именем "Таспаи".

В течение всего периода династии Сасанидов китайцы находились с ними в самых тесных сношениях, и последние остатки царского рода нашли в Китае приют от преследования арабов и не теряли надежды возвратить себе престол, с помощью пекинского двора, до 771 г. по Р. Х., где об них в последний раз поминается в китайских летописях. По мере того, как китайцы знакомились с более западными областями персидской монархии, они стали употреблять и слово Посе, для означения персиян, не оставляя однако же и прежнего означения их именем Тяоджи, так что нет ни малейшего сомнения, что слово это нисколько не считалось зазорным при Сасанидах. Как же объяснить теперь, что термин этот совершенно пропадает с подчинением Персии арабам и с принятием персиянами мусульманской веры?

Я (Ханыков) нарочно искал его у арабских географов первых столетий хиджры, его нет даже в персидском переводе истории Табари, сделанном в Бухаре. Более того, не только Якут, последний арабский географ до монгольской эпохи, но даже Ибн Батута, первый арабский путешественник, после завоевания Персии монголами, не упоминает о них.

Вообще, повторяем, до эпохи Тимура, слово это как бы пропадает из языка*. Даже после Тимура, например в записках Бабура, оно

попадается всего два раза, а именно, он говорит: "В кабульском государстве есть много различных племен. Долины и равнины его заселены тюрками, аймаками и арабами. В городах и в большей части деревень, живут, главным образом, таджики. Многие другие селения и округа занимают: пашаи, парачи, таджики, береки и афганцы. В горной части области, к западу, живут хазаре и нукдери. Между хезаре и нукдери (нукодоре Марко Поло), есть еще племена, говорящие по монголски".

Исчезновение этого слова из языка письменного, действительно поразительно. Благодаря богатству рукописей британского музея и обязательности хранителя их Г. Рие, Ханыков пересмотрел множество старых персидских словарей, но нигде не нашел ни малейшего упоминания о таджиках. Они начинают попадаться в лексиконах со второй половины XYII ст., следовательно, к той же эпохе должно отнести вторичное возвращение этого слова письменному языку.

Таким образом, очевидно, что в слове этом было что-то противное арабам, и если бы оно просто означало "народ говорящий по персидски", то наверное, арабы не выключили бы его, но так как оно значило "тиарник", т. е. носящий внешний знак исповедывания религии Зороастра, то не только ревностные мусульмане – завоеватели, но и обусурманившиеся завоеванные, рады были отказаться от него. Затем, чтобы не смешивать их с теми частями иранского населения, которые несмотря на притеснения, остались верны учению Зороастра, арабы назвали последних кафырами, т. е. беззаконными, из сего впоследствие выработались: гяур и гебр.

Впрочем, Вамбери говорит, что название таджик существовало в Средней Азии уже в весьма ранюю эпоху – это всего лучше доказываает уйгурский манускрипт 'Кутадгу балиг" (счастливое знание). Этот манускрипт помечен 465 годом хиджри и в нем слово таджик весьма часто упоминается в противоположность слову турок[30].

Таким образом, кажется несомненным, что слово таджик, означавшее, с глубокой древности и до покорения Персии арабами, приверженцев учения Зороастра, вышло из утопребления, вследствие причин религиозных, и вновь появилось в письменном языке уже после того, как монголы, потоками крови, разбавили несколько семитический фанатизм, привитый арабами иранцам, в такую эпоху, когда исла-

[30] *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. С. 321.

мизм уже довольно окреп, чтобы не бояться старых воспоминаний, – и появилось, действительно, в смысле термина этнографического "персоязычников". Теперь таджиков не мусульман нет; но замечательно, что между ними более, чем между другими иранцами, сохранилось много поверий, носящих печать того первобытного уважения огня, которое должны были ощущать первые люди, понявшие возможность применить эту природную силу к надобностям человека, так резко отличающую теперь людской род от всего царство животных.

В настоящее время таджики равнин, как истые горожане здешнего края, зовут себя именами обитаемых ими городов: тошканди, ходжанди, самарканди и т. п. ; напротив, таджики го́р известны в долинах, по большой части, под одним названием "гальча", хотя в пределах территорий своей, т. е. в горах, тоже носят имена обитаемых ими рек, напр., матча, или общим, как напр., каратегин, или, наконец, ущелий и деревень.

Гальча в переводе значит провозитель хлеба* (галля – хлеб и ча – род занятий или мастерство). Название это дает понятие о горных таджиках в том смысле, что они, вследствие недостатка в местных земледельческих продуктах, живут и могут существовать чужим хлебом, привозимых ими из ближайших городов. Поэтому таджики равнин объясняют слова "гальча" в смысле "бедняки, жалкие".

7. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАДЖИКОВ

Древнейшими источниками сведений о Туркестане служат индийская и иранская религиозно-этические предания. На них основывается, между прочим, гипотеза, что Памирская высь, ограничивающая Туркестан с юго-востока, была колыбелью арийского племени, которое разошлось, отсюда в разные стороны.

Одна из ветвей арийцев, состоявшая из последователей Зороастра, заняла Согдиану (страну между реками Аму и Сыр), Маргиану (Мерв), Бактриану (Афганский Туркестан), Ариану (Иран) и все Иранское плоскогорие, вес Иран, а также Ховарезм (Хиву).

Арийцы, сохранившиеся в Туркестанском крае до настоящего времени под именем таджиков, составляют коренное оседлое населе-

ние бассейнов Аму и Сыр-Дарьи, также как и Тарима в Восточном Туркестане.

Кочевое население края, известное в древности под именем скифов, массагетов, саков и проч., было, по свидетельству греческих писателей, родственно оседлому, и, следовательно, также арийского происхождения.

Цивилизация арийцев в Западном Туркестане одна из самых древнейших. Древние историки описывая поход царя ассирийского Нина в Бактрию за 1200 лет до Р. Х., свидетельствуют о крайне ранней людности, политическом развитии и цветущем состоянии этой страны, и хотя, по восстановлении Ассирийской монархии, на основании клинописной литературы, личности Нина и Семирамиды оказываются легендарными, но сущность представления о Бактрии, как о могущественном государстве в древние времена, сохраняет свое значение.

Древний Хоросан, простиравшийся до Китайской Татарии, был основан и заселен арийскими колониями, как об этом свидетельствует топографическая номенклуатура.

В древности в Ховарезме процветала также высокая культура и, насколько вглубь веков хватают наши сведения, государство это имело вполне развившуюся гражданственность. Что древнее население Хивинского ханства принадлежало к арийской семье, в этом согласны все новейшие исследователи древней истории Хивы. Не особенно давно[31] обнародованы были извлечения из сочинения знаменитого математика и астронома Аль-Бируни (жившего в конце X и начале XI в.) "Асар-ул-бакийе", сочинения известного до того лишь по названию. В нем Аль-Бируни говорит, что солнечный календарь хорезмский есть лучший из всех ему известных, что он вернее греческого и арабского; а ему, как знатоку своего дела, мы не верить не можем. Тут-же находим названия 12 месяцев, 30 дней каждого месяца, знаков зодиака и т. д.

Вся та номенклатура служит образчиком того языка, которым говорили в Хорезме; все эти названия большею частью зендская и притом в форме, более чистой той, какая сохранилась в Персии. На основании приведенных нескольких слов древнего языка Хорезма, видно, что язык этот близко подходил к зендскому, древнепарсскому

---

[31] *Веселковский П.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПБ. 1877. С. 2 и 3.

и пехливийскому, значит, древнее население Хорезма принадлежало к парсскому отделу, арийской семьи народов.

Начало развития гражданственности в Хивинском оазисе теряется в глубокой древности. Аль-Бируни, по имеющимся у него сведениям, сообщает, что эра, от которой велось здесь леточисление древнее селевкидской 980-ю годами; начиналась она, следовательно, за 1292 год до Р. Х. Селевкидская эра началась с 1-го октября 312 г. до Р. Х., со дня вступления Селевка в Вавилоне.

Если мы при настоящих сведениях и не можем решить, насколько указание это заслуживает вероятия, тем не менее имеем полное право заключить, что культура древней Хивы была и родственна и одновременна с культурою Бактрии; в крайнем-же случае развилась из древно-бактрийской.

Исторические сведения нам показывают, что уже в глубокой древности оседлые жители этих мест подвергались нашествию соседних народов, но удержались на своих местах и сохранили свой родовой тип. Может быть, этому способствовало то, что нападающие кочевые народы были родственны оседлому населению.

Ближайшие к государствам Средней Азии кочевники, теснимые более отдаленными кочевыми народами, вторгались обыкновенно в земли оседлого населения. Напоры их были сильны и заставляли оседлых подчиняться вторгшимся кочевникам.

Раньше других вторгся[32], по китайским источникам, в оседлую область народ сэ или сай, признанный всеми исследователями об этом народе тождественным с саками греческих писателей. Саки разрушили Греко-Бактрийское царство и заняли страну народа Дахя, т. е. Согдиану и Бактриану.

Причина этого вторжения была та, что саки, жившие в Джунгарии, сами подвергались напору другого кочевого народа – юечжей и усуней, которые, в свою очередь, были теснимы хуннами, жившими от Гоби и Хуан-хе до Илийского края и области внутренне-азиатских озер, и это напирание дальних кочевников вызвало движение в передних. Вслед за саками обрушились на Междуречье юечжи. Вот как описывает это событие Чжан-Цян (китайский посол "в Западный край" в конце II в. до Р. Х.): "Дом Юечжи занимал страну между Дунь-Хуан и хребтом Цилянь-Шань (нынешний Тангут); когда-же

---

[32] *Веселовский П.* У. с. С. 2 и след.

хунны поразили его, то удалился оттуда, ударил на Дахя и покорил сие владение, вследствие чего и утвердил свое местопребывание на северной стороне реки Гуй-Шуй (т. е. Аму-Дарьи)". Описывая землю, занятую юечжийцами, Чжан-Цян говорит, что она лежит "почти в 3000 м. от Давана (Ферганы) на запад, от реки Гуй-Шуй на север. От него на юг лежит Дахя (Бактриана и Согдиана), на запад Аньси (Парфия), на север Кангюй (нынешние киргизские степи"). Отсюда ясно, что юечжи поселились по правому побережью Аму-Дарьи в Хорезм. Эти юечжи, по удалению из пределов Китая на запад, стали называться у китайских писателей да-юечжи, или по другому правописанию (может быть, более правильному) да-юети, т. е. великие (большие) юечжи или великие юети.

– Что-же это за народ да-юети? – спрашивает П. Веселовский. – Ни у греческих писателей, ни у римских, продолжает он, такого названия мы не встречаем, между тем народ этот не мог им быть неизвестен. Действительно, греческие и римские писатели знали юетийцев, но знали под другим именем. Ключом к разъяснению этого предположения служит китайское прилагательное да – "великий", которому в парсских наречиях соответствует прилагательное маз, мас. Этим словом и начинается у древних писателей имя кочевого народа массагетов, "великих гетов". Следовательно, греки и римляне знали название юечжийцев (юетийцев), но только в переводе.

Далее, китайские известия подтверждают предположение о принадлежности населения западной половины Средней Азии к арийской семье. "От Давана на западе до Аньси – передают они- хотя говорят различными языками, но в обыкновениях весьма сходствуют, а в разговорах понимают друг друга. Жители вообще имеют впалые глаза и густые бороды". Этот последный признак чрезвычайно важный; безбородым, с глазами на выкате, китайцам, конечно наружность населения бассейна Сыра и Аму должна была показаться странною и они отметили ее, как явление, выходящее из ряда вон. Для нас-же эти характеристические черты наружности населения "западного края" служат неопровержимым доказательством в пользу того мнения, что население это принадлежало к арийской семье народов.

Юетийцы, осев в северной части Хорезма, по прежному оставались кочевым народом: "жители со своим скотом переходят с места на места".

В V в. по Р. Х. является у византийских писателей народ, называемый то хуннами-эфталитами, то хуннами-кидаритами или белыми хуннами. Вивьен Сен Мартен посвятил этому народу обширное исследование, в котором доказывал, что эфталиты суть прямые потомки юетийцев, завоевателей Трансоксании, и той именно отрасли их, которая у китайских писателей носит название "Еда".

По китайским известиям узнаем о них следующее. Владетельный дом Еда происходит от одного рода с Большим Юечжи; (другие сказывают, что Еда есть отрасль Гаогюйского племени). Городов не имеют, а живут в местах, привольных травою и водою, в войлочных кибитках. В том владении нет телег, а употребляют носилки; много лошадей и верблюдов. Народ жестокий и смелый, способный к сражениям.

Подробности об этих едасцах (эфталитах), сообщаемые византийскими писателями, значительно разнятся от сообщаемых китайскими. Главная разница состоит в том что, что Еда, по китайским источникам, владение кочевое, хотя владетель их и живет в городе; по греческим, эфталиты, народ оседлый. Может, конечно, быть и то, что Еда, вначале несомненно, кочевой народ, поселившись в Хорезме, стране искони оседлой, не вдруг перешел к оседлости и продолжал кочевать в окружающих Хорезм степях и даже в самом Хорезме; но когда византийцы узнали об эфталитах, они не были кочевниками, а византийцы ошибаться в этом случае не могли. Китайцы-же по старой памяти продолжали считать их народом кочующим.

Вот как опысывает их Прокопий: "Хотя эфталиты – народ хуннского племени, но они не смешаны с известными нам хуннами, не живут вместе с ними и не имеют смежной с ними области; они соседят с персами на севере там, где народ, называемый Горго у самой персидской окраины, где между ними и персами часто происходит война за границы. Они не кочевники, подобно хуннским племенам, но издревле населяют плодоносную страну, и никогда не нападали на римские земли не иначе, как вместе с войсками мидийскими. Изо всех хуннов они одни белы телом и небезобразны лицом. Состоят под управлением одного царя, составляют благоустроенное гражданство, наблюдая между собою и с другими справедливость не хуже римлян или кого другого.

Эти эфталиты или "белые хунны" известны у мусульманских историков Персии (Мирхонд) под именем гаятеля*, у армянских писа-

телей- теталы и т. д. От армянских писателей мы узнаем, что бактрийские арсакиды, постоянно тревожившие северо-восточные пределы Персии, были в конце IV в. по Р. Х. покорены теталами; что эти теталы, в свою очередь, начали производить опустошительные набеги в Персию, чем отвлекали силы персидских Сасанидов, в их борьбе с римлянами. Из этого же источника можно видеть, что и эфталиты признавали иногда власть Сасанидов и должны были исполнять требования этих последних.

Эфталиты принимали деятельное участие в перевортах Персии, а иногда и заставляли Персию платить дань. Так, Фируз Палаш (488-491) два года платил дань эфталитам. Брат Палаша, Кобад овладел престолом при помощи 30-ти тысячного эфталитского войска. Сын Кобада, Нуширван, покончив дела с греками миром, обратил свое оружие на Туркестан, Кабулистан и Саганиан; покорил землю эфталитов. Но не долго персы господствовали над эфталитами. В YI ст. эфталиты были покорены новым среднеазиатским народом – турками, по китайской транскрипции ту-кюе.

Но вернемся назад. После выхода юечжи, усуни остались на Или и достигли там большой силы и могущества[33]. Князь их назывался Кюн-ми или Кюн-мо, а резиденция его, по китайским источникам, Чи-гун-чи, т. е. город красной долины

Она лежала к в. от Ян-Хая или Же-Хая, т. е. озере Иссык-куля. Китайские летописцы полагают тогдашнее число усуней в 120 000 семейств и 630 000 человек, а войско их, состоявшее под начальством двух полководцев, называемых Талу и Дару, в 180 000. Здесь на Или, Балхаше и Иссык-куле усуни занимали страну, принадлежавшую прежде народу сай и сэ. Страна их, еще очень далеко распространявшаяся к западу (до Хан-Кэу), как говорят китайцы, была пространная долина, изобиловавшая отличными пастбищами и стадами, составлявшими главное богатство усуней. Она была однако-же холодна и дождлива, а горы ее поросли пихтовым и лиственным лесом. Народ жил подобно хуннам (т. е. кочевою жизнью). Главное занятие его было коневодство; богатые имели до 4000 и 5000 лошадей. Китайцы называют усуней грубыми, невежественными, вероломными и хищниками. Более могущественные хунны часто напа-

---

[33] *Риттер К.* Землевладелие Азии. Китайская империя, независимая Татария, Персия и Сибирь. СПБ. 1859 г. С. 128 и след.

дали на них, причем даже погиб один усунский князь. Предание гласит, что сын этого князя был чудесно вскормлен волчицею и что какая то птица снабжала его пищею. Шаньюй хуннов, сведавший о чуде, признал этого ребенка божественным, воспитал его, возвратил ему царство отца его, с титулом Кюн-ми, и сделал его правителем своих западных областей.

Это обстоятельство усилило могущества усуней, хотя хунны сохранили над ними верховное владычество. Китайцы искали их союза. Для упрочения этого союза одна китайская принцесса была отдана в замужество усунскому Кюн-ми, как Кюн-ди (т. е. королева), в 107 г. до Р. Х.; тогда был выстроен первый китайский дворец для несчастной принцессы, которой жалобные песни сохранил китайский летописец Мадуанлинь. Приводим их, как содержащие бытовые черты: "Родные выдали меня замуж и принудили жить в далекой стране. Дворцом служит мне бедная юрта, стены которой обиты войлоком. ; сырое мясо служит мне пищею, а кислое молоко напитком". Могущество усуней возросло; несколько раз нападали они, вместе с китайцами, на своих победителей и не мало содействовали их ослаблению на западе. Но в царствование внука упомянутой принцессы, именем У-цзы-ты (Уцзюту), произошло разделение усуней на большой и малый Кюн-ми, вследствие чего и могущество их ослабело. Малые Кюн-ми удалились в горы на север, в нынешний Заилийский или, по крайней мере, Джунгарский Алатау и, таким образом, покинули столицу Чи-гу-чин, которая находилась на южном берегу Иссык-куля, на нынешней Кызыл-су (красная река), после чего часть их была оттеснена беспрестанными нападениями усиливавшихся на востоке сяньби, северных родов хуннов, принявших уже это народное название, так как сами находились в подчинении у тунгузского или даже корейского, как полагают некоторые, племени сяньби. Сяньби вытеснили часть усуней из кочевий и заставили их удалиться на запад, по следам юечжи, где они и заняли вместе с юечжи мало по малу, к половине I века до Р. Х., все земли Бактрийского царства, даже за Гиндукушом. Около 555 г. усунские земли и их население были покорены Ту-кюе (турками) и византийский посол Зимарх нашел в 568 г. не только Западный Тян-Шань, но и Трансоксиану во власти турок.

Эти усуни (хэу-сунь на древнем и усунь на новейшем китайском наречии), по свидетельству Аб. Ремюза, приобретают высокий интерес для этнографии Азии тем, что они принадлежат к ряду наро-

дов Центральной Азии, очень различных, судя по китайским описаниям, от остальных, к расе голубо-глазых и русоволосых блондинов.

Юечжи и усуни, а также турки были первыми народами в исторические времена, явившимися в наши земли с Востока и вносившими черты изменения в расовом типе коренных жителей этих стран.

В VII в. по Р. Х. завоевателями явились арабы.

Владычество арабов в Средней Азии не было ни прочно, ни продолжительно. Халифы не имели настолько силы, чтобы распоряжаться судьбою завоеванных там провинций по своему произволу. Правители в них, ими поставленные, держали себя так самостоятельно, что стали передавать власть свою наследственно детям. Халифам оставалось только одно право инвеституры с тем, впрочем, что своего выбора сделать они не могли. Еще менее, следовательно, было у них возможности сменить не нравившихся им правителей.

Таким образом, скоро стали возникать в Средней Азии независимые династии, признававшие халифам не более, как главу религии. И воть началось отложение провинций. Ранее других отложились Тахириды в Хоросане (в самом начале III в. хиджры), за ними Сафариды в Седжистане (в конце III в.), Саманиды в Мавераннагре (в конце III в.) и т. д. Все они покровительствовали персидскому языку и персидской литературе, которая обязана им своим возрождением.

Но независимыми династии оставались не долго. Уже к эпохе Саманидов относится возвышение влияния турок во внутреннем управлении. Некоторые военоначальники из турок пользовались большим влиянием. Некоторые орды огузов (туркмен), с согласия правительства, заняли часть земель в Мавераннагре. Наконец, при карлыкском илеке Насре в 999 году навсегда был положен конец господству туземного арийского элемента...

Язык таджиков. Таджики говорят на персидском языке. Они принадлежат к ветви иранцев, захватывающей народы, которые когда-то говорили по зендски*, на языке Авесты или древне-персидской святой книги, равно как на язык клинообразных надписей первого разряда персидских великих царей, или же состояли в ближайшем родстве с ними. Из зенда выработался, смешавшись с элементами семитическими пехлеви*, а из последнего ново-персидский[34]. К этой зендской группе примыкают кардуши древних, курды современных

---

[34] *Оскар Пешель*. Народоведение. Петербург. 1890 г. С. 532 и 533.

географов, расположенные в окрайных горах Ирана по направлению к Мессопотамии и на высотах Армении; иранцы или осетины Кавказа, белуджи – в Белуджистане и, наконец, афганцы в Афганистане, называющие себя паштуны, а язык свой – пашто. Все таджики говорят различными персидскими наречиями, начиная с бухарского таджика, хвастающегося живостью и чистотою своего персидского наречия и кончая сарикольцами и ваханцами, усвоившими себе непонятный образ выражений. Жители Ходжента, деревень Гулякандаз и Кистакуз (близ Ходжента) имеют язык и по выговору и по грамматическим формам чище языка всех других таджиков[35]. Это особенно заметно в Ходженте, где говорят языком, в котором сохранилось много форм вроде тех, какие употреблял древний персидский поэт Рудаки, родом бухарец*.

Жители долин называют своих собратий, горных таджиков гальча, хотя сами горцы, именуют себя просто таджиками, или по имени тех местностей, которые населяют. Кроме местного наречия, на котором горные жители объясняются почти исключительно только между собою, когда не желают, чтобы их понимали посторонние люди, они говорят преимущественно на персидском языке. Говор их мягкий, звучный, мелодичный, особенно у жителей кишлаков, расположенных на Пяндже и в нижних частях долин Шах-Дарьи и Гунта, где почти совершенно не слишны киргизские слова, довольно часто употребляемые в разговорах жителями верхних частей названных рек, соседних с Памиром. Горные таджики говорят немного нараспев, сопровождая свою речь жестами и придавая ей несколько странную, для европейского уха, интонацию[36].

К гальча относят сарыкольцев, ваханцев и шугнанцев, народ Мунджана, верхней части долины Лудхо и вудитсаев (народ Санглиха и Ишкашима). Народы Гиссара, Дарваза и Каратегина, к северу от Оксуса и Бадахшана, в близком родстве с этою группою, хотя они в настоящее время говорят по-персидски или тюркски и в некоторых местах получили значительную примесь узбекской* крови[37]. Процесс исчезновения языка, вероятно, происходит таким образом, что племя сначала говорит на двух языках, как это имеет место ныне в Сары-

---

[35] *Вамбери.* Путешествие по Средней Азии. СПБ. 1865. С. 189.

[36] *Серебренников.* Памир. Ежегодник Ферг. обл. Т. I. Вып. 1902 г. С. 153.

[37] *Майор Бидельф.* Народы населяющие Гинду-Куша. Асхабад. 1886. С.21 и след.

коле, Шугнане и Вахане, где почти всякий, кроме своего языка, говорит по-персидски, и в долинах Сват, Кунер и Пенжкора, где многие дардские племена (общим именем Дардистана называют все долины, лежащих между Западным Пенджабом и Гиндукушем), кроме своих наречий, говорят на пушту. С течением времени сношения с соседями побуждают отдавать предпочтение наиболее распространенному из двух языков, который в конце и вытесняет вполне туземный. Это процесс ускоряется при отсутствии письменности.

Языки, на которых говорят племена гальча, повидимому, происходит от древне-персидского (зендского). Язык идгах, на котором говорят в долине Лидко, есть только наречие мунджанского; по строению он сходен с языками гальча, грамматика которых опубликована Шау. Подобно им, идгах отличается от других дардских языков частным употреблением буквы *в* и тем, что в нем имеется лишь одно время для выражения настоящего и будущего.

Южнее их по Инду, в долинах Сват и Пенжкора и долины Кунер, говорять языком более близким санскритскому.

Ховарский язык (или читральский) имеет сходство с языками только что упомянутыми и, вероятно, составляет промежуточное между ними звено.

Вообще признано, что Бадахшан и верхняя часть долины Оксуса были одним из первых мест пребывания арийской расы. Их движение к югу, вероятно, было постепенное и в начале происходило более вследствие естественного роста, нежели от жажды завоеваний. По мере занятий ими местностей более плодородных и с лучшим климатом, число их должно было увеличиваться еще быстрее. Военные предприятия более значительные сделались возможными и движение вперед пошло скорее. Гальча, вероятно, потомки тех, которые остались на своих местах, и в позднейшее время, были постепенно втиснуты в узкие долины, где они ныне находятся. В некоторых случаях, как например, двигаясь в долину Лудхо, они перешли большой хребет и осели на южной стороне его в сравнительно недавнее время.

Жители селений, расположенных по Ягноб-Дарья, кроме таджикского языка, говорят еще на особом местном наречии, совершенно непонятном для жителей долин рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, а также для всех горцев, обитающих в верховьях р. Зеравшана[38]. Сами

---

[38] *Искандер-тюря.* Сведения об ягнаубском народе. Тур. Вед. 1881 г. №4. Реклю. Т. VI. С. 346; *Акимбетев Ш.* Очерки Когистана. Тур. Вед. 1881 г. №3.

ягнобцы уверяют, что язык их – не письменный; книг, сказок, пословиц и песен на нем не имеется; не знают они, когда и по какой причине переселились сюда, но сохранилось смутное предание, что родина их – Кашмир*. Не сиягпуши, т. е. не кафиры ли они? (Ш. Акимбетев). Никто из племен, населяющих горы Зеравшана, не объясняется на этом наречии. Из ближайшего изучения замечено, что язык ягнабский вымирает и с каждым днем все более и более теряет свою самостоятельную физиологию. Окружающая его со всех сторон таджикская речь горных жителей вытесняет его. К этому выводу приводят следующие данные: в разговоре у ягнобцев часто встречается таджикские слова, тогда как для тех же понятий они имеют в родном языке свои слова; в их говоре попадаются не только одни таджикские слова с окончанием ягнобским и наоборот – ягнобские слова с окончаниями таджикской грамматики, но и целые таджикские фразы с присущими им грамматическими формами.

Говор у ягнобцев отличается большою беглостью и неясностью выговора. Большинство окончаний слов в их речи сливается в одно с последующим словом. Произношение самых таджикских слов у ягнобцев при разговоре является в сильно искаженном виде.

Собранные образцы ягнобской речи г. Искандером-тюря признаны специалистами принадлежащими к иранским наречиям; в ней сохранилось много черт древнего иранского языка, которые в других современных наречиях Туркестанского края являются лишь разрозненными.

В настоящее время на языке этом объясняются обитатели следующих ягнобских кишлаков: Дикалян 25 дворов, Кирионти 35, Кянси 38, Дибалянд 12, Гарамайн 18, Сакин 12, Пскан 25, Кхун 30, Птин 20, Тагичинар 10, Каши 7, Пальдараут 10, Чукат 3, Хсакидарау 12, Думзай 15, Шахсара 3, Вангинзай 5 и Мартугмайн 4, всего 284 двора. Считая по 5 человек на двор, получится говорящих на этом языке 1420 человек. Есть и в остальных 8 кишлаков несколько человек, понимающих ягнобский язык, но таких мало.

8. ЧИСЛЕННОСТЬ ТАДЖИКОВ

Точную цифру таджикского населения в настоящее время невозможно определить. Материалы, собранные всеобщей переписью

1897 г., до настоящего времени не разработаны. Это лишает нас возможности судить о числе таджиков в русских владениях. Еще больше трудно судить о числе таджиков в сопредельных с Туркестанским краем странах. Поэтому, на приводимые ниже сведения о количественном составе таджикского населения, нужно смотреть лишь как на приблизительные.

По отдельным областям Туркестанского края имеются следующие данные:

В Самаркандской области, согласно данным всеобщей переписи 1897 года, таджиков считается 217 000[39].

В Ферганской области таджиков считается 172 200[40].

В Сыр-Дарьинской области таджиков считается 130 000[41].

Таким образом, в пределах русских владений Средней Азии таджиков считается 519 200 человек.

В Бухаре с Гиссарским краем считается 240 000 таджиков, в Каратегине 50 000, Дарвазе – 35 000, Рошане – 5000, Шугнане – 5448 и Вахане – 3000[42].

На основании вышепривенных данных нужно считать в Бухаре и ее владениях 358 000 таджиков.

В Афганистане (Балх, Хульм, Кундуз, Бадахшан и Кафиристане) считают до 1 миллиона таджикского населения.

Наконец в Кашгарии (считая в том числе Шихну, Пахну и Чипан) определяется таджикское население в 13 100 человек.

Общая цифра таджиков, таким образом, определяется в 1 890 000 человек*.

С наступлением успокоения в последнее время в горных владениях Бухары и Афганистана, а также уничтожения невольничества, особенно также в в горных владениях, нужно думать, что явились более благоприятные условия для естественного увеличения таджикского населения. Общее успокоение дало возможность увеличению материального благосостояния населения; горные таджики беспрепятственно и без боязни имеют теперь возможность спускаться с гор в долины и равнины для заработков.

---

[39] "Турк. Вед". 1906 г. № 45.

[40] Ежегодник Ферг. области т. 1, вып. 1902 г.

[41] *Смирнов Е.* Сыр-Дарьинская область. СПБ. 1887 г.

[42] Словарь Брокгауза; Рекогносцировка капитана Кузнецова 1902 г.

Улучшение материального благосостояния также служит причиною естественного увеличения населения. Все это дает право считать таджикское население в настоящее время достигающим до 2 миллионов душ.

9. НАРУЖНЫЕ ПРИЗНАКИ ТАДЖИКОВ

На заре исторических сведений описание наружных признаков таджиков встречаем у китайцев. Так путешественник YII века Сюянь-Цзань не очень благосклонно описывает красоту лиц таджиков. По его описанию жители Ферганы и Осрушны стойки и мужественны; их язык разнится от языка других народов. Лица у них безобразные и гнусные. У жителей Тухоло (Тахаристана) лица обыкновенные и гнусные. Н. Аристов, у которого взято это описание, добавляет: "действительно тип арийской красоты далеко не соответствует понятиям о красоте у монголов"[43].

Современные авторы относятся значительно благосклоннее к красоте таджиков. С первого взгляда легко отличить изящного и грациозного таджика от мешковатого, неуклюжего узбека, говорит Реклю[44]; достаточно сравнить походку того и другого; однако скелет таджика остается более массивным, чем скелет персианина в собственном смысле; на севере от горного узла Гиндукуш редко встретишь те тонкие и стройные талии, которые так обыкновенны на Иранском плоскогории. Что касается типа лица, то он тот же самый. Характеристические признаки таджиков – длинная голова с высоким лбом, выразительные глаза, осененные черными ресницами, тонкий нос, прямой у большинства, горбатый у некоторых; цвет лица румяный, волосы темно-русые, борода обильно обросшая. Таджики верхней долины Аму-Дарьи поразительно похожи на жителей Кашмира. Топинар[45] описывает таджиков, как имеющих средний рост, продолговатое и овальное лицо, черты правильные; лоб у них высокий и широкий, глаза большие, брови черные, нос выдающийся и прямой, или загнутый, рот большой с тонкими губами, цвет лица белый и

---

[43] *Аристов Н.* "Турк. Вед." 1889. № 40.

[44] *Реклю.* Т. VI. С. 345.

[45] *Топинар.* Антропология. СПБ. 1879 г. С. 446.

румяный, волосы обильные на всем теле, борода и усы черные, длинные и красиво растущие; волосы на голове также черные и гладкие. Все ученые, исключая Шардена и Тавернье, признают таджиков очень красивым типом. Повидимому, их следует отнести к числу длинноголовых. Н. В. Ханыков[46] считает таджиков самыми достоверными образчиками древней иранской расы. Н. В. Ханыков сличая черепа таджиков с черепами других представителей иранской народности, старался прийти к какому либо положительному заключению о форме их головы. Вывод, к которому привели его собственные измерения, так и труды других по этой части, формулировал так: типический иранский череп представляет костяную окружность значительной емкости. Она в 2 $^1/_2$ раза длиннее против ее ширины. Высота ее менее значительна, чем у семитов, но превосходит высоту туранского черепа. Лобная кость мало развита, полукруглые линии висков довольно далеко отстоят друг от друга. Череп этот плосковершинен; затылок его также мало изогнут. А. Вамбери не считает выводы Ханыкова правильными. По Вамбери таджики обыкновенно среднего роста, с широкими, крепкими костями и особенно широкими плечами. Лица их, которого иранский тип с первого взгляда бросается в глаза, продолговатее чем у турок, но по широкому лбу, толстым скулам, толстому носу и большому рту можно заключить, что это самая восточная отрасль иранского семейства имеет как в физиономии, так и в строении тела, много чуждого, т. е. туранского, и потому ни в коем случае не может считаться первоначальным типом иранской расы, как думает г. Ханыков. Только одни горные жители Бадахшана, именно ваханцы в менее доступной своей отчизне наиболее сохранили свое племенное единство, ибо все виденные Вамбери, файзабадцы имеют более резкие признаки иранского типа, чем (другие) таджики и даже язык их более свободен от туранских слов и оборотов. И если можно предположить, что народ, живущий совершенно изолированно, в состоянии сохранить в течение нескольких веков свой первоначальный тип, то самыми чистыми остатками древних восточных иранцев можно считать единственно ваханцев, а не таджиков[47]. Описание наружных признаков таджиков в словаре Брокгауза весьма близко подходить к только что приведенному описа-

---

[46] *Ханыков Н. В.* Прим. VI к Ирану К. Риттера. СПБ. 1874 г. С. 590.
[47] *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. С. 316 и 317.

нию, данному Вамбери. Автор статьи о таджиках говорит: "В наружных физиономических особенностях таджиков ясно замечаются главные черты иранского типа, – они обыкновенно среднего роста, с широкими, крепкими костями; лицо их продолговатее, чем у турок, но по широкому лбу, толстым скулам, толстому носу и большому рту можно заключить о значительной примеси туранской крови. У таджиков высокий лоб, выразительные глаза, черные ресницы, густые темно-русые волосы, густая борода"[48].

Более подробное описание мы находим у Миддендорфа[49]. Г. Ф. Миддендорф описывает наружные признаки таджиков так: череп спереди назад короткий (настолько брохицефалический, что диаметр по ширине равен диаметру по длине), волосы смуглые, радужная оболочка темная, очень тощие икры. Череп – емкий и высокий; темя – высокое, круглосводчатое, овальное; лоб – благородный, высокий и широкий; надбровные дуги – выступающие, густо и дугообразно, покрытые волосами; расстояние внутренних глазных углов – уже (чрезвычайно коротко у гальчи), чем прорез между веками; межьбровье – возвышенное; переносье впадистое; глаза – европейские; нос – толстый, высоко-выступающий, горбатый (у женщин чрезвычайно большой и в особенности утолщенный – не красиво очерченный нос, кажется, представляет правило); яремные дуги (челюсти) – сдавленные на европейский лад (криптозигитические); жевательные органы: при рассматривании сбоку – отвесны, при рассматривании спереди – овального очертания. (Ортагнаты, прямозубые); зубы – европейские. Волосы – каштаново-черные, вьющиеся (а также каштаново-рыжие или рыжие); борода очень густая (волосяной покров на щеках, вокруг рта и на подбородке); затылок среднетолстый. Наружный вид – рослый (за исключением племени гальча); ноги и руки – умеренной величины; таз – европейский.

В горной полосе на юго-востоке Ферганской долины Уйфальви часто видел белокурых таджиков, так что в Наукате половина населения состояла из белокурых голубоглазых таджиков; у этих таджиков преобладал каштановый цвет волос.

Существование блондинов среди таджиков можно объяснить частью непосредственным смешением с первоначальным белокурым

---

[48] Словарь. Т. 63. С. 474.

[49] Очерки Ферганы . С. 394.

элементом (усунами), частью смешением во второй степени – с белокурыми гальчами.

Как бы то ни было, таджики представляют совершенно определенный, прочно установившийся тип, и я (Миддендорф) не могу признать состоятельным того, что говорится и повторяется на разные лады: таджики (долинные ли вообще, или самаркандские в особенности) помесь персидской, арабской, узбекской, еврейской и даже киргизской кровей, и чем таджик знатнее и богаче, тем более персидской и еврейской крови в его жилах.

Пожалуй, относительно сартов, вообще, мы еще можем признать справедливость этих слов; таджик же остается в наших глазах самым прочным исходным иранским типом. Правда, в действительности, часто очень трудно надежно отличить специфический таджикский тип от его персидской разновидности и даже от центральноазиатских еврейских семитов, но мы должны стараться о том, чтобы удержать этот краеугольный камень в наших этнографических сооружениях: таджики же именно представляют такой краеугольный камень, ибо они помещаются на крайнем конце имеющихся в Центральной Азии типов. Но что в таджикской крови примещался извне и белокурый элемент, хотя и в отдаленнейшее время, в пользу этого говорит отсутствие его у современных персов. И так, из таджиков мы должны признать типичными лишь смуглоголовых.

Др. Кушелевский[50] также описывает таджиков, как короткоголовых, высокого роста, с правильными чертами лица, совершенно арийского типа. Волосы довольно длинные, борода черная, глаза черные, сложения крепкого и на вид стройные.

Гальча или горные таджики, встречаются в самых неприступных горных долинах. Характеристические особенности типа гальчей составляют: очень широкая голова, тонкий и красивый, слегка закривленный нос, резкое очертание губ. Путешественник Уйфальви встречал гальчей, похожих, как две капли воды, на крестьян Романьи[51]. Д. Анучин описывает наружные признаки гальчей так: среднего или высокого роста, с обильною растительностью на лице, с черными, каштановыми, иногда белокурыми волосами, гальча отличаются

---

[50] Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. Т. 2. С. 138.

[51] *Реклю.* Т. VI. С. 346.

обыкновенно красивым овальным типом лица, с высоким лбом, правильным, иногда орлиным носом, и красивыми черными или голубыми глазами. Гальча – крайние брохицефилы; по измерениям Уйфальви, они превосходят, по относительной ширине головы, все другие изученные им племена как таджиков, так и узбеков. Сохранению большей чистоты племенного типа у гальчи много способствовали условия их жизни – в бедных саклях, дорога к которым ведет по узеньким горным тропинкам, вдоль отвесных скал, над бездной. Женщины часто красивы, хотя обыкновенно их костюм крайне грязен и оборван[52]. По описанию г. Серебренникова[53] – таджики памирских ханств среднего или выше среднего роста, довольно стройны, крепкого телосложения и производят по наружному виду приятное впечатление, особенно молодые таджики, открытые и доверчивые лица которых сразу подкупают в свою пользу.

Лицо пожилых таджиков, обрамленные густою бородою и изрезанные глубокими морщинами, производят с первого раза не особенно хорошее впечатление – чего-то слишком сурового, даже дикого, особенно, если вы встретите неприветливый взгляд черных глаз из под густо нависших бровей, но при ближайшем знакомстве с ними это впечатление скоро совершенно изглаживается и под суровою неприветливою наружностью вы увидите весьма симпатичные черты добродушного и мирного хлебопашца, которые располагают в свою пользу всякого. Почти все таджики бреют голову и носят усы и бороду, и лишь немногие из них заимствовали у афганцев обычай носить длинные волосы на голове. Нередко можно встретить стариков с большими, окладистыми бородами, придающими им степенный вид древних библейских старцев, тогда как короткие, вьющиеся бакенбарды юношей придают им сходства с евреями. Что же касается женщин таджичек, то в молодости они напоминают больше всего грузинок и нередко обладают очень красивыми чертами лица и хорошо развитыми формами, а в старости, которая для них наступает очень рано, обращаются в отвратительных старух, напоминающих по наружному виду цыганок.

Гальча жили все время при однообразных условиях окружающей их природы. Смешение с другими расами было не велико. В течении

---

[52] Энц. словарь. Т.15. С. 51.

[53] *Серебренников.* Памир. Ежегодн. Ферганской области. Т. I. вып. 1902 г. С. 143 и 144.

веков завоеватели – узбеки успели подвинуться, например, вверх по Зеравшану только до Суджины и Ёри. Их останавливал характер местности, недостаток годной к обработке земли и громадность труда, представлявшегося здесь для земледельца. Вообще, завоевателей ничто не манило в горы. Торговых пунктов там нет, богатства скопляться не могут, дороги плохи и небезопасны, горцы храбры, отважные охотники и более энергичны при защите своей собственности, нежели жители долины. Таким образом, гальча были предохраняемы от вторжения завоевателей и, следовательно, от помесей насильственным путем. Что же касается до обыкновенного способа смешения племен – брака, то гальча чересчур бедны, чтобы им можно было брать в жены женщин долин или жениться на женщин других племен. А так как у них многоженство почти не встречается, то естественно, что им зачастую проходилось, напротив, продавать своих дочерей жителям долины. Наконец, управители их были всегда природные гальча, так что и с этой стороны помесей тоже быть не могло.

На вид гальча резко отличается от таджика долин. Они не высокого роста, крепкого, сильного сложения; голова не сжата, как у таджиков, на висках; лоб широк и по большей части высокий, глаза карие, борода длинная, клином. Гальча не любит других племен и относится к ним почти враждебно.

Приводим описание авторов наружных признаков гальчей по отдельным местностям.

Горцы населяющие Фальгарскую, Матчинскую, Искандеровскую, Кштутскую и Магиано-Фарабскую волости по Зеравшану, по сложению, наружности и темпераменту носят общий таджикам отпечаток; они высокого роста, широкоплечи, вообще телосложение их сухое, но мускулистое, лицо овальное, с большим орлиным носом, окладистой черной бородой; брови и волосы на голове густые и жесткие; уши большие, выражение лица суровое. Народ, вообще, горячий, вспыльчивый[54]. Как мрачна в Ягнобе природа, пишет г. Ф. Коротков[55], так суровы и мрачны грубые и загорелые лица его обитателей. Трудные летние, малопродуктивные работы в поле, а зимой замкнутая со всех сторон, однообразная и лишенная всяких

[54] *Кулчанов Н. С.* Сборн. мат. для стат. Самаркандской обл. 1887-88 г. С. 441.
[55] *Коротков Ф.* "Турк. Вед". 1877 г. № 31.

удобств, кишлачная жизнь, повидимому, выработали в горцах такой суровый, своеобразный тип.

Все ягнобцы без исключения – таджики, говорящие своим особенным горным наречием. Они среднего роста, мускулисты и худощавы, с редкой бородой, часто темнорусого и даже рыжого цвета. Женщины перед своими однокишлачниками не закрываются, но перед посторонними, и в особенности перед русскими, спешат броситься в сторону и, присев на карточки, уткнуть лицо в колени или отвернуть его в сторону. "Самому мне, говорит г. Коротков, в короткое пребывание в Ягнобе не удалось, хотя случайно, видеть ни одной женщины, но, говорят, что они красивы – даже есть между ними грамотные".

Матчинцы все, без исключения, таджики, среднего роста, худощавого, но плотного сложения. Костюм их, образ жизни и занятия совершенно то же, как в Ягнобе: природа одинаковым образом лишила их всех удобств жизни[56].

Тип дарвазцев и каратегинцев почти сходственный: кожа смуглая, волосы прямые, густые, черные, рыжие и каштановые; глаза черные и светло-карие; лицо правильное, выразительное, с открытым крутым или низким лбом, – с крутым носом; рост выше среднего, телосложение крепкое, с развитой грудью, с сильной мускулатурой, с тонкими икрами; стан стройный, чаще худощавый, но никогда не тучный. Между женщинами Дарваза и Каратегина не мало очень красивых лиц[57].

Реклю жителей Вахана называет в полном смысле слова красавцами, с тонкими чертами лица, отличающими персидский тип; но белокурые волосы и голубые глаза тоже не редкость между ними[58].

Г. В. Год – ский в своих воспоминаниях об Алае и Памире говорит: "Выразительное и характерное лицо, с крупными, правильными чертами, сразу указывает на арийское происхождение. Худощавый, высокого роста, узкий в плечах с тонкими и длинными руками и ногами – это таджик; он всегда стремится к оседлости и отличается любовью к культуре; к кочевой жизни киргиза он совершенно не способен"[59].

---

[56] "Турк. Вед". 1878 г. № 43.

[57] *Арандаренко.* У.с. С. 453.

[58] *Реклю.* т. VI. С. 351.

[59] *Год-ский В.* "Турк. Вед". 1892 г. № 19.

Среди жителей Ташкургана и Тагармы встречаются типичные таджики, т. е. высокого роста, с окладистой черной бородой и резко очерченными дугообразными бровями; встречаются также субъекты с ясно выраженной примесью киргизской крови; в остальных долинах Сарыкола характерными признаками типа населения являются крепкое, плотное телосложение, русые волосы и серые глаза. Среди жителей бекств Шихпу, Пахпу и Чипана часто встречаются люди с светлорусыми и рыжеватыми волосами и серыми глазами, что сближает их с таджиками соседних долин Яркенд-Дарьи, Вачи и Мариона[60]. Роберт Ша[61] находит, что таджики красивое племя. У них высокие лбы, большие, выразительные глаза, осененные темными ресницами, тонкие правильные носы, короткая верхняя губа и свежий цвет лица. Бороды у них обыкновенно очень большие и густые, русые, а иногда с рыжим оттенком; они отличаются от высших каст северной Индии только тем, что шире и сильнее сложены и лица имеют более полные. Родственное им племя, жители Бадахшана, еще более похожи на северных индийцев.

Несмотря на местные различия, еще сохранилось достаточно данных, говорит г. Биддельф[62], для доказательства тесной родственной связи племен дардов и гальча. Мужчины обыкновенно худые, подвижные, ростом от 5 ф. 5 д. до 5 ф. 8., хотя хорошо сложенные, они, вообще говоря, не одарены мускульным развитием, и в этом отношении резко отличаются от татар. Несмотря на их суровую, простую жизнь, они не выносят продолжительного физического труда. В путешествии и на охоте, по наблюдениям майора Бидделфа, они всегда уставали ранее туземцев из других местностей. Они вообще отличаются недостатком жизненной силы, легко подвергаются болезням и не выносят перемены климата.

Недостаток энергии и предприимчивости особенно заметен в касте шинов.

Молодые женщины имеют приятную наружность, хотя они не особенно красивы. Исключение составляют лишь хо, класса факир-мушкинов, в Читрале, которые физически отличаются от остальных дардов. Они индо-арийцы весьма совершенного типа, подобно шинам в

---

[60] *Корнилов.* Кашгария. С. 241.

[61] *Роберт Ша.* Очерки верхней Тамарии и т.д. С. 27 и 28.

[62] *Майор Биддельф.* Народы населяющие Гинду-Куш. С. 96, 97.

долине Инда у Коли; но они красивее и имеют овальные лица и тонкие черты и, вообще выдержат сравнение с красивейшими типами Европы. Главное отличие их от остальных дардов это большие прекрасные глаза, напоминающие английских цыган, с которыми они разделяют также репутацию выдающихся воров. Кроме того, у них необыкновенно прекрасные волосы, которыми они очень гордятся. В прежнее время читральские женщины очень высоко ценились за свою красоту на невольнических рынках Кабула, Пешавара и Бадахшана. Самый светлый цвет лица встречается среди буришей, хунзы и яссина; между ними есть субъекты, которых легко признать за европейцев. Люди с рыжими волосами – не редкость.

Проф. Богданов, на основании измерения черепов иранцев Туркестана, переданных ему Федченко, приходит к заключению, что они (черепа) принадлежали народонаселению явственно и типично короткоголовому, не несущему на себе монголовидных признаков и сохраняющему черты близкие к европейцам; черепа средних размеров, но лобная часть развита хорошо и череп не несет на себе чего либо, указывающего на грубые примитивные очертания, свойственные многим некультурным племенам; лицо значительно развитое по продольной лицевой линии, нос узкий[63].

10. ЖИЛИЩА

Тип городов, селений и отдельных домов равнинных таджиков ничем не отличается от подобных же строений сартов. Материалы для построек те же, что употребляются и сартами. При поднятии в горные долины, с изменением местности, меняется и тип построек. В горных кишлаках таджиков изменение в расположении кишлаков и отдельных построек уже значительны. Так как о жилище сартов и строительных материалах, употребляемых для них, нами уже говорилось подробно ранее[64], в настоящее время необходимо остановиться на описании построек горных таджиков.

---

[63] *Богданов А. П.* Кроноологические заметки о Туркестанском народонаселении. Изв. Имп. Общ. любителей естествознания, антрополигии и этнографии. Т. XLIX. Вып. 3. С. 243.

[64] Сарты. Ч. 1. С. 111 и след.

В низовьях долины Зеравшана жилые постройки группируется преимущественно в малых селениях, называемых здесь "мечеть". Они так часто расположены, что нередко промежутки между ними не превосходят 100 сажен, или заборы одного селения сливаются с заборами другого. Встречается не мало отдельных дворов, огороженных высокими стенами, называемых по местному "курганча" или "кала". Больших селений по занимаемому пространству и числу жителей сравнительно немного. Жители различают четыре типа населенных пунктов: 1) шехр (город), 2) курган (населенный пункт с крепостною оградою вокруг него), 3) кент (большое селение), и 4) мечеть (малое селение). Кварталы или части в городах и селениях называются махалле.

Вглядываясь во внешний вид, можно заметить две редкие противоположности. В одних селениях видны хорошие, по местному, постройки с весьма часто стоящими высокими зданиями и такими же заборами, содержимыми в исправности, с огромными службами при них, с чистыми, всегда выметенными улицами и колодцами по окрайнам их, и вообще, полное благоустройство, тогда как другие, напротив, состоят из жалких лачужек с полуразвалившимися глиняными стенами и нечистотами всюду.

Жилые постройки как в селениях, так и городах, не размещаются по сторонам улиц; они спрятаны в глубине дворов, которых бывает несколько у каждого хозяина, и из которых для посторонних людей, даже знакомых, доступны только первые; только торговые и ремесленные помещения ставятся на виду. Обыкновенно к заборам улиц пристраиваются разные хозяйственные помещения и сараи для домашнего скота, а у богатых, главным образом, для лошадей. Ворота к зданиям делаются с стороны улиц в караван-сараях (постоялых дворов) и торговых дворах с сельско-хозяйственными продуктами; последние имеются, впрочем, лишь в больших базарных селениях, где скопляется большое количество хлопка и зерна. Для входа же в обыкновенные дворы служат небольшие калитки, часто менее двух аршин вышины. Общим двором, для помещения арб многих хозяев, служат небольшие узкие закоулки, или же арбы ставятся прямо на улице, стесняя проезд иногда до крайности. При таком характере построек улицы немного отличаются от проселочных дорог, по бокам которых устроены стенки для охраны полей. Небольшое отличие заключается в том, что стенки, примыкающие к улицам, несколько

выше, прорезаны упомянутыми перемежающими калитками и в местах большого скопления дворов в большинстве очень узки. Во всех туземных постройках нет ни одного окна, выходящего на улицу. В некоторых сараях или, вернее, кладовых, видны полукруглые, в $^1/_2$ аршина в диаметре, отверстия для складывания через них прямо с улицы самана. На крышах тех же сараев обыкновенно складываются снопы люцерны, хворост и пучка сорных трав и других на топливо. Однообразие улиц в селениях, да и в городах, поразительное. Ориентирных пунктов по зданиям почти нет; можно проехать по селению несколько раз и не узнавать его. Только лавочки, мечети, арыки, вдоль улиц стесняющие проезды, и плохие мосты иногда характеризуют некоторые из них.

В ряду построек весьма бросается в глаза всюду разбросанные и отдельно стоящие по Зеравшанской долине дворы (кала или курганча). Они в большинстве имеют четырехугольную форму, высоки, до 5 и более аршин вышины стены, оканчивающиеся к верху зубцами; по углам стен, а иногда и посредине, выведены закруженные на манер барбетов. Хорошая курганча имеет вид крепостцы малого размера, не обладая, однако, достоинствами последней в смысле обороны. Ограда ее, имея тонкие глинобитные стенки, может защитить лишь от безоружного туземца или хищного зверя. О подобных древних курганчах, которых будто бы было много и тогда, имеются указания у арабских писателей первых веков магометанства; переводчики в переводах своих почему то называли эти курганча "замками". Неизвестно, каковы были древние, современные же курганчи совсем не подходят под понятие о средневековом замке в европейском смысле[65].

При поднятии по р. Зеравшан вид кишлаков начинает меняться. Так кишлак Урмитан Фальгарской волости (4000 ф. над уровнем моря) один из лучших в Фалгаре, как по своему положению, так и по богатству садов; впрочем, вообще, все кишлаки расположены в красивых местах, в небольших долинах, между гор, защищающих их от пронизывающих горных ветров и зимней стужи. Кишлаки друг от друга стоят недалеко; вблизи, около каждого, где только позволяет местность, находится пахотные поля.

---

[65] *Ситняковский.* Заметки о Бухарской части дол. Зеравшан. Изв. Турк. отдел. Имп. Р. Г. общ. Т. I. 1899 г. С. 158 и след.

Место под кишлаки в Ягнобе, также как и в Фальгаре, выбраны в долинах под защитой высоких гор. Издали вид этих кишлаков имеет много поэтического; над обрывистым берегом с ревом пробивающейся между громадными валунами реки глаз манит зеленые площадки обработанных пашен, между которыми группируются в кучки серого цвета жилища. Но вблизи вид этих кишлаков далеко не такой, как в Фальгаре; отсутствие садов, высокие обнаженные горы производят неприятное впечатление для глаз, заставляя призадуматься над незатейливой, лишенной всяких удобств, жизнью ягнобцев. Есть кишлаки, расположенные очень высоко, амфитеатром. Вблизи кишлаков, часто на значительных покатостях, виднеются запашки, по большей части усеянные камнями. Поля не очищают от камня с целью доставить земле большое питание: без камней вода скоро бы стекла с поля, камни же задерживают, чем и заставляют углубляться внутрь земли.

Кишлаки в Дарвазе и Каратегине располагаются одни внизу, по берегам главных рек и их ветвей; другие – почти на высоте вечного снега, всегда на такой покатости, которая представляет менее опасности от дождевого селя (ливня), от снежных обвалов (тарма), несущих целые скалы. По количеству домов селения не велики (от 10 до 100 дворов), но зато многолюдны, потому что у горцев совершенно не практикуется выдел из хозяйства женившихся сыновей, не практикуется и раздел наследства, а действует кооперативный закон. Тип селений горных несколько иной, чем в долине, потому что не имеется дворов (в особенности в Дарвазе), а постройки связаны в одно не только отдельном хозяйстве, но почти в целом селе. Самые постройки для людей и скота своеобразные, каркасные, с толстыми стенами, низенькие, тесные, с одной общей земляной крышей, с окном в потолке сакли для выхода дыма[66].

Рошанский кишлак имеет такой вид: улиц нет, базаров тоже, сакли каждой семьи с хозяйственными постройками и с казна-хана расположены отдельно среди своих сказочно – миниатюрных пашен и нескольких кормильцев – урюковых деревьев. Стены сакель сложены из камней без всякой связи и отштукатурены глиной. В крышах сакель проделаны дымовые отверстия, которые вместе с тем служат и окнами. В каждом кишлаке имеется общественный дом –

[66] *Арандаренко.* У.соч. С. 461–463.

михман-хана, состоящий всего из одной комнаты, сажени две с половиной в квадрате. Вдоль стен михман-хана тянутся нары для спанья; внутреннее пространство занято очагом. Казна-хана – зернохранилище, небольшая оригинальная постройка, тщательно сложенная на каменных глыбах из мелкой гальки[67].

Состояние всех дорог в равнинах таково, что они никогда не бывают исправны, ни летом, ни зимою. Это одинаково относится как к большим, так и к малым доорогам. В зимнее время, благодаря необыкновенно рыхлой глиняной и солончаковой почве, колеи от арб делаются очень глубокими, доходя до полуаршина и более, и в них образуются еще углубления. Середина же между колеями, от ступней животных, представляет собою как бы лестницу. При заморозках свернуть в сторону арбе весьма трудно, не изломав колес. Русский экипаж, с более узким ходом, чем у туземной арбы, при таком состоянии дороги совсем идти по ней не может. Животные, особенно верблюды, скользя, падают и загораживают путь. Там, где дороги проходят по солончакам, движение на арбах зимою вовсе прекращается.

Летом на дорогах бывает толстый слой пыли. Разлив воды по дорогам в летнее время обыкновенное явление на многих из них. Дорожа очень землею, не везде делают водосточные канавы (захбуры) для спуска излишнего количества воды, когда таковая случайно попадает на поля. Эту воду они по необходимости спускают на дороги. Но бывает и так, что размываются берега арыков от переездов через них, и вода из своего русла устремляется на дороги бурными потоками, которые несутся между стен, окаймляющих дороги и улицы, не оставляя сухого места не только для проезда верховому, но и прохода пешему. Эти случаи не единичные, а встречаются очень часто при изобилии воды. Несущаяся по дорогам вода закрывает все неровности, отчего едущий нередко попадает в места, где вода выше чем по брюхо лошади, или на поломанные и невидные из под воды мосты. Разливы по дорогам простирается на целые версты. Многочисленные мосты на колесных и неколесных дорогах по своей неисправности прямо указывают на полное неустройство путей сообщения. Недостаток ли материала, или привычка породила то, что все мосты строятся очень малые и узкие. На колесных дорогах ширина их нередко такова, что едва умещается арба, и неверный шаг

---

[67] *Банковский В., Памиров С.* "Турк. Вед.' 1894 г. № 13.

лошади опрокидывает арбу с моста. Настилка на небольших мостах делается иногда из дикого камня и недостаточно прочно укрепляется на берега, разрушаемые напором воды; потому и прочность моста с такой настилкой только кажущаяся. Тут также не редкость встретить, что из деревянной настилки недостает брусьев и досок, как по окраинам, так и по середине мостов. Нечего говорить, что подобное состояние мостов сильно затрудняет движение по дорогам, а опрокинутые около них арбы и валяющиеся вьюки служат лучшим наглядным доказательством дурного состояния их[68].

Дороги горных кишлаков, лежащих невысоко в горах, чаще идут по берегу реки довольно густым лесом из молодого березняка, тала, шиповника и крепкого дерева "вагныч"* с красными ягодами; попадаются также небольшие, кислые, горные яблоки, кусты черной смородины (каракурт). По дорогам в кишлаки, лежащие на больших высотах, деревья исчезают; кругом виднеются снежные вершины гор; местами попадаются целые полосы дикого овса, крапивы; клеверу нет, а вместо него высокая, сочная трава; нередко видны кусты черной смородины; даже арча, непременная обитательница местных гор, и та исчезает.

Пути сообщения таких высоко лежащих бекств, как Дарвазское, исключительно вьючные, местами даже пешие. Они проходят в большинстве случаев по карнизам, по балконам, по осыпям, по обвалам и редко по грунту склонов гор. Искусственных балконов и карнизов весьма много; обыкновенно их устройство следующее: почти к отвесной скале, где должна проходить дорога, подпирают в углубление той же, или соседних скал, несколько подпорок, на которые кладут или бревна, или доски и сверху их покрывают камнем, землей и хворостом. Ширина такого балкона не более 1–1 1\2 шагов, а длина встречается в несколько десятков саженей. Если такой балкон должен служить в то же время и подъемом на гору или спуском, то кладут поперечные балки или же камни, образуя ими ступеньки. Искусственный карниз имеет от балкона то отличие, что вместо дерева кладут ряды камней – плит одна на другую до высоты дороги. Иногда и карниз подпирают палками, дабы не развалились камни. Обыкновенно карнизы естественные, так же как и искусственные, представляют из себя крайне узкий участок дороги, с одной стороны кото-

---

[68] *Ситняковский.* Изв.Турк.Вед. И.Р.Г.О. т. I. 1899 г. С. 177–178.

рой – почти отвесная скала, с другой – пропасть, но за то полотно дороги – грунт или скала; при этом если это место дороги служит подъемом или спуском, то в нем вырублены ступенки. Скалистое полотно дороги обыкновенно весьма скользко. Дорога по мелкой осыпи представляет то неудобство, что мелкие камни из под ног лошади скатываются вниз, увлекая при падении с собой массу других камней, и тем меняют почти ежедневно направление дороги. Дорога по обвалам, т. е. по большим обрушившимся скалам и камням, кроме неудобства движения по скользкой их поверхности, представляет еще то затруднение, что приходится часто обходить большие камни и скалы, проходить по весьма узким местам между ними, и приходится делать прыжки вверх и вниз.

Вообще дороги весьма неудовлетворительны: карнизы и балконы местами настолько узки, что приходится развьючивать вьюки и переносить их на руках; подъемы на перевалы и спуски извиваются, как змейки, чтобы облегчить движение лошади, но тем не менее многие подъемы настолько круты, что лошадь с трудом поднимает всадника, делая весьма частые остановки, а спускается почти совсем на заду, даже скользит и ползет. При подъемах на перевалы с осыпью, неудобство состоит в том, что впереди идущие роняют небольшие камни, которые по дороге захватывают другие и все это сыплется на нижеидущих, вследствие чего при движении нужно быть крайне внимательным и осторожным.

Участки пеших дорог, называемые туземцами "оврынг", даже собственно затруднительно называть дорогой. Общая картина их такова: представьте себе, что вы поднимаетесь по скалам на гору, цепляясь все время руками за выдающиеся выступы и, таким образом, подошли к совершенно отвесной скале и думаете, что дальше уже нет дороги, но после тщательного осмотра или указания проводника, оказывается, что дорога есть, только надо боком пробраться по этой плоскости, для чего в плоскости этой выдолблены углубления для рук и ног, точь в точь, как бывают щиты в гимнастических городках. Перешли и это препятствие; оказывается трещина в скале сажени 2–3 шириною, через которую перекинуты две жерди; переходите по ним; вновь поднимаетесь и подходите к совершенно отвесному спуску; здесь приставлена деревянная лестница самой первобытной конструкции: ступени идут друг от друга на 1–1 ½ арш. И привязаны они к жердям сухими ветками; таких ступеней четырнад-

цать или более. Спустились; нужно обойти скользкую наклонную скалу; для этого в скале укреплены палочки и ветки, за которые вы, держась руками, ползете на животе и спускаетесь таким образом.

Пути сообщения в Рошане вьючные, местами даже исключительно пешие. Ширина долины Бартанга – около версты; часто река бешено мчится узенькой полосой в совершенно отвесных берегах. Бартанг – "узкий путь"- делает Рошан почти неприступным. Дорога цепляется по карнизам, балконам, осыпям, оползням, громадным каменным глыбам, каменеломне, состоящей из груды острых наваленных камней. Часто дорога так опасна, подъемы и спуски так страшно круты, что приходится развьючивать лошадей и вьюки переносить на людях. При спусках с осыпью нужно сильно растягиваться, так как лошади сталкивают камни, которые захватывают на своем пути другие и все это вместе стремительно летит вниз. Иногда приходится переправляться вплавь чрез Бартанг, что возможно только при содействии туземцев и их саначей, связанных из 10–15 гупсаров[69].

Отдельные постройки долинных зажиточных таджиков отличаются некоторыми особенностями от построек сартов.

Внутренность туземного двора, примыкающего к улице, приблизительно такова: в нем имеется постройка, называемая "михманхана" (помещения для гостей); она имеет самое меньшее – две комнаты, из которых одна большая с двумя дверьми (обыкновенно все двери делаются двухстворчатые), выходящими во двор, а где противоположная стена выходит в сад, то и в ней тоже две двери. Двери эти запираются изнутри без замка, цепочкой, налагаемой на пробой, вбитый в верхний дверной косяк. Меньшая же комната имеет две двери, одна во двор, а другая в смежную гостиную; обе запираются с помощью таких же цепочек и на замок. Обе эти комнаты вытянуты в одну линию по направлению главного фаса, по которому устраивается галерея, как обязательный спутник михман-хане. Пол в этих гостиных обыкновенно земляной, но встречается и кирпичный, и всегда застланный или коврами, или кошмами. Встречается не мало обширных передних дворов, из которых некоторые вымощены жженым кирпичом, со многими зданиями и сараями, могущими дать приют десяткам людей и лошадей. Здания и дворы, отводимые для хозяина и его семьи, недоступны для обозрения постороннего.

---

[69] *Банковский В., Памиров С.* Турк. Вед. 1899 г. № 13.

Зажиточные люди строят высокие дома, часто двухэтажные, с тонкими стенами, хотя тоже с плоскими крышами, отштукатуренные снаружи в серый глинистый цвет; с внутренней стороны они красятся разными красками (белой, зеленой, красной), полосами разной ширины и вычурными, ничего не выражающими, фигурами; попадаются и лепные работы тоже неопределенными фигурами. Потолки выстилаются из тонких, длиною около аршина, круглых брусков, выкрашенных в такие же цвета, как и стены; печей и очагов, по крайней мере, в гостиных не выводится; окон с стеклами нигде не замечается, даже в домах правителей провинции. Иногда в дверях ставят рамы с частым переплетом, на который наклеивается местная грубая бумага. Как особенность в постройке можно отметить то, что жители Зеравшанской долины чрезвычайно любят украшать двери в домах и даже кладовых резьбой, которая делается весьма мелкая и сплош во всю доску, не оставляя нигде пустого места; хозяева кичатся своими разукрашенными резьбою дверьми, на отделку которых они не жалеют ни средств, ни труда; они не обращают внимания на то, что расписные двери их при затворе образуют громадные щели по средине между створками и по бокам их. Таковых сравнительно хороших зданий встречается много в долине как в отдельных курганчах, так и в целых селениях.

Прочие постройки в большинстве весьма плохи: выводятся они из комков и напоминают собою лачуги полуоседлых киргиз.

При отсутствии окон в помещении и темном колорите внутренних стен их, освещение комнат с помощью раскрытых дверей крайне плохое. Как бы стены не были расписаны красками, вид всех комнат – очень мрачный. В летнее время днем в них можно укрытся от жгучих лучей и найти некоторую прохладу, но оставаться в них на ночь немыслимо от массы мошек и других насекомых на земляных и кирпичных полах и стенах. Поэтому здесь летом народ поголовно спит на открытом воздухе, прямо на земле. Кровати составляют достояние богатых; особенно в селении обладатели их на счету, и случайно попавшему на ночлег русскому кровать достают от бухарца, на которого указывает собравшаяся любопытная толпа. Мебели нет нигде никакой.

Устройство домов таково, что комнаты не всегда спасают даже от ветра, обогревать же их нельзя за отсутствием печи и каминов, и потому температура в них очень немного разнится от наружной.

Туземцы дров почти не употребляют; их очень мало здесь; для обогревания в комнатах идет уголь, выжигаемый из саксаула и других немногих пород кривого леса, растущего в песках; для приготовления пищи жгут хворост. Очаг для угля, называемый манкаль, устраивается совсем просто: уголь кладется в железный таз, который ставится под табурет, закрытый ватным одеялом. Желающий обогреться, подсовывает под одеяло руки и обнаженные ноги и получает для своих конечностей приятную теплоту, хотя весь корпус в то же время остается в холоде и должен быть в шубе или нескольких ватных халатах. Так как в комнате окон нет, то и днем необходимо освещать ее при заркытых дверях. Для освещения – во всеобщем употреблении местный чирог (горелка с растительным маслом), хотя свечи и керосин знакомы и начинают входить в употребление[70].

Обыкновенного типа мечети построены так же из того же материала, т. е. сырцового кирпича или комков, или же просто глинобитные, как простые здания, только выше и обширнее последних. Каждая мечеть заключает в себе два отделения: зимнее и летнее. Последнее отличается от первого тем, что не имеет стены со стороны входа, которую заменяет ряд столбов для поддержки крыши. Принадлежности всякой – двор, а посередине его пруд, обсаженный деревьями, и небольшие постройки для проезжих и прохожих, имеющих свободный вход в них на ночлег.

Внутренние стороны стен всех мечетей вообще раскрашиваются, как в обыкновенных домах, преимущественно в верхних частях и на потолке: земляные полы их или вовсе ничем не покрываются, или застилаются камышевыми плетенками, поверх которых иногда натягивается белый грубый местный холст (мата). В общем, никакого благолепия в мечетях нет; они не всегда содержатся опрятно, и благоговейного отношения мусульман к домам молитвы не видно. Будучи открытыми, мечети являются пристанищем для птичьих гнезд, увеличивающих неопрятность.

Постройки горных таджиков значительно хуже построек долинных таджиков. Хотя в верховьях, например, Зеравшана, лес находится в большом изобилии, постройки сделаны с такими же крышами, как обыкновенно стороятся по всей Средней Азии в местах безлесных*. Стены их состоят из грубо сложенных камней, комков глины.

---

[70] *Ситняковский.* Извест. Турк. отд. И. Р. Г. О. Т. I. 1899 г. С. 161.

Постоянно закоптелые, сырые, нечисто содержимые мазанки – скорее хлевы для скота, нежели жилища людей; да к тому же в них зачастую, вместе с людьми – особенно в зимние холода – живут ишаки и козы*.

Жители Фальгара живут в саклях, сделанных из комков глины пополам с камнями; сакли их темны и грязны; надворные строения и сады обнесены стенками из булыжника и щебня – того и другого материала очень много на всем пути по Фальгару. Насколько незатейливы жилища горцев – можно судить по бывшему бековскому помещению. В кишлаке Урмитане, на крутом берегу Зеравшана сохранились остатки крепости, простой, самой обыкновенной постройки; крепость обнесена такой же стеной с башенками по углам и бойницами для стрелков. Внутри ее – небольшой двор с саклями и конюшнями, разделенный на две половины; левая – помещение бека и правая – сарбазов и прислуги. На стенах и потолках сакель незаметно следов каких-либо украшений; окна заменяют небольшие отверстия с простыми, грубой работы, деревянными ставнями. И это служит местопребыванием властелина, бека. Теперь легко себе представить жилища неприхотливых, привыкших ко всевозможным лишениям, горцев.

Осматривая внешнюю форму построек в Ягнобе, трудно сказать: четыреугольные-ли они, круглые или овальные. Сперва на занимаемой для дома площадке врываются в землю несколько столбов, между которыми кладутся балки. Арчу для балок и других частей постройки добывают или снизу, из Фальгара, или из Матчи. Столбы ставятся квадратом; затем кругом их возводят стенки из местных неотесанных камней, связываемых между собою глиной с щебнем (на летовках дома тоже сложены из камней, но не связанных глиной).

Когда стены подведены под один уровень со столбами, на поперечные балки накладывают хворост, который, в свою очередь, закрытый огромными плоскими и тонкими плитами из кремнистого сланца, засыпается землей. Стен не штукатурят. В доме две двери: одна ведет на улицу, а другая – в рядом пристроенный указанным способом дом, называемый саис-хана. Сюда семья загоняет на зиму всю свою скотину, а весной – только молодую. Тут же нередко семья выращивает новорожденный скот.

Первая комната, по неимению трубы, которую заменяет небольшое отверстие в углу потолка, а иногда в боковой стене над очагом, обыкновенно сильно закопчено. В полуаршине от порога начинается

небольшое, в $^1/_4$ аршина возвышение и идет во всю комнату. Тут же по бокам очага, устроено в ряд несколько глиняных, с тонкими стенками, сундуков для зернового хлеба, муки, ячменя, платья и т. п. предметов. Сундуки эти бывают не более полутора аршина длины, аршина вышины и $^1/_2$ или $^3/_4$ аршина ширины. Кошма, постланная где-нибудь в углу, да разбросанные тут же одна или две подушки, шуба и джаме (халат) из шерсти служат постелью семье.

Отсутствие дерева заставляет жителей отапливать свои сакли навозом. В каждом попутном кишлаке видны перед саклями, на дворах и крышах целые пирамиды кизяку – это обитатели заготовляют на длинную и суровую зиму топливо.

Мечети в этих горных местах отличаются маленькой особенностью, чрезвычайно интересной в религиозно-бытовом отношении. Дело в том, что рядом с мечетью, часто под одной с ней крышей, находится небольшое помещение, в котором на полу, на особо огороженном месте, в часы общей молитвы, разводится огонь, вокруг которого садятся молящиеся. Эти очаги составляют здесь непременную принадлежность каждой мечети, и у мусульман других местностей Туркестана, кажется, нигде не встречаются. Туземцы говорят, что обычай молиться у огня ведется у них с незапамятных времен, но о том, откуда он ведет свое происхождение, у них не сохранилось никаких воспоминаний*. Однако, если принять во внимание, что таджики – выходцы из Ирана, из страны, служившей колыбелью древней религии Зароастра, с ее огнепоклонниками, то этот странный обычай, может быть, и найдет свое объяснение*.

Весьма возможно, что мы имеем здесь дело с пережитком старины, со слабым, бессознательным отголоском уже угасших верований, прихотью судбы внедрившимся в новый религиозный культ населения[71].

Жители Дарваза не живут кишлаками, здесь сакля каждой семьи расположена отдельно посреди своих пашен и к ней примыкают только различные хозяйственные постройки. Впрочем, кишлаки Чиль-Даринского и Сагир-Даштского амлякдарства, а также низовьев р. Пяндж еще имеют некоторое сходство с кишлаками Туркестана.

Стены домов глинобитные; вместо окон пробиты лишь изредка, не более одного на комнату, отверстия вершков шести в квадрате. Зимой

[71] *Новицкий В. Ф.* Изв. Р.Г. общ. Т. X. Вып. I–II. С. 9.

отверстия эти закрываются просоленной бумагой или бычачьим пузырем, а иногда и просто тряпками. Крыша обыкновенно плоская; в более богатых домах покрывается сначала балками, затем решетником и смазывается поверх глиной. В крышах всегда имеется особое дымовое отверстие. Иногда устраивается крыша и так: делается квадратный сруб из балок и кладется углами на стены дома, следующий такой же сруб, но меньший по размерам, кладется углами на бока положенного уже сруба и т. д., пока верхний, самый маленький, не образует из себя уже дымового отверстия; пространство между срубами и стенками покрывается решетником и все это сверху смазывается глиной и получается, таким образом, сводчатая крыша.

Дом в склонах гор устраивается в виде землянок, по крышам которых часто проходит дорога. У бедных в доме не более двух комнат, так сказать, приемной – общественной и хозяйственной – собственно женской. У богатых несколько комнат и, кроме того, имеется особая кухня. Для нагревания воздуха в комнатах зимой сделано в полу углубление, куда ставится особый железный или медный таз с углями. Над тазом ставится особый табурет, поверх которого кладут одеяло или кошму. Желающие обогреться садятся вокруг накрытого табурета, помещая свои ноги, а также и руки под эту настилку. В более холодных местах Дарваза самые очаги приспособлены так, что дым их идет не прямо на воздух, а проходит сначала под особыми нарами, устроенными близ стен и, таким образом, нагревая их, нагревает несколько и внутренний воздух комнат. К домам обыкновенно примыкают и все хозяйственные постройки, както: конюшни, загоны для овец, для быков, склады для пшеницы, ячменя, дров и т. п. ; зимой почти весь скот держится при доме и кормится, заготовленной заранее, травой и листьями деревьев, редко ячменем и тутовыми ягодами.

Вокруг домов, в большинстве случаев, насажены деревья, пашни, а иногда и огороды. Летом, в жару, жители не сидят в домах, а помещаются или на крышах, или на камнях ближайших горных речек, или же, наконец, устраивают на деревьях или столбах особые помосты, часто прикрытые сверху плетенками из тонких веток (вроде клетки). Это – единственное спасение от мух, мошек, земляных блох, фаланг и т. п., крайне опасных, но, к несчастью весьма распространенных насекомых в Дарвазе. Стенки огородов или пашен делают обыкновенно из древесных ветвей, или же складываются из камней.

Стены прежних крепостей (кала) Дарваза сделаны из камней в перемежку со стволами деревьев; связью служит, отчасти, глина, а, главным образом, плетеные из хвороста жгуты. Подобное же устройство имеют некоторые дома.

Топливо составляют, отчасти, лес и трава колючка, кустарник-тулях и кизяк.

У более зажиточных туземцев имеются небольшие цветники. К цветам туземцы питают особое пристрастие[72].

Жители Шугнана живут бедно. Жилищем шугнанской семьи служит обыкновенно сложенная из камня даже совершенно темная сакля, проникнуть в которую можно через небольшую дверь. Для удобства устраиваются обыкновенно земляные нары, на которых зимой спит вся семья; летом мужчины спят обыкновенно на воздухе. Рядом устраивается небольшое, сложенное из камня же, помещение, в которое загоняется скот. Две-три таких сакли, две-три семьи шугнанцев составляют кишлак или селение. Крайне редко кишлак состоит из 10–12 домов. Разумется, в таком крохотном кишлаке не может быть и речи о каком-либо базаре, вообще, о правильной торговле.

Таким образом, шугнанец вынужден довольствоваться тем, что может выработать сам, жить продуктами своего хозяйства.

Продавая свои продукты лишь случайно и конечно, по весьма недорогим ценам, шугнанец, наоборот, дорого платит за то, что ему в свою очередь приходится покупать. Конечно, не часты и случаи для покупок чего бы то ни было, но все же, время от времени появляются там купцы из Ферганы, или контрабанда из Бадахшана, наконец при русском укреплении в Хороге существует оригинальная лавочка, в которой можно купить что-нибудь[73].

Постройки памирских таджиков также не блестящи. Это – сакли, сложенные из местного камня-плитняка, на глинистом растворе и перекрытые земляными крышами – потолками. Земляные полы их нередко углублены ниже горизонта земли для уменьшения количества труда при возведении жилища. Освещение этих жилищ производится, главным образом, через четырехугольное отверстие в потолке, называемое по таджикски "рууз"* и предназначенное также для

---

[72] *Дарваз.* Рекогносц. кап. Кузнецова. С. 61 и след.

[73] *Федченко Б. А.* Изв. И.Р.Г. общ. 1902 г. Вып. III. С. 300 и след.

выхода дыма из очага, на котором приготовляется пища. В холодное время рууз закрывается деревянным щитом и тогда сакля почти совершенно лишается света, так как небольшие оконца в стенах имеется далеко не во всех саклях. Вдоль стен каждой сакли устраиваются обыкновенно широкие земляные нары, носящие название "нэх", на которых таджики спят, сидят, едят и пьют, так как никакой мебели у них не имеется. Около одной из стен в месте "нэх" устраиваются очаги для приготовления пищи, а посередине другой располагается входная дверь, обыкновенно маленькая, низкая, закрывающаяся щитом, грубо сколоченным из досок[74].

Стены внутри обмазаны глиной руками женщин, которые в этом большие мастерицы; иногда из простой глины, смешанной с мелкой соломой, выделываются переносные ящики, даже особого рода подсвечники, вышиною более аршина, наконец, горшки и другая посуда.

Дома в Ладаке имеют плоские крыши; они состоят из двух этажей и выстроены из огромных кирпичей, высушенных на солнце; стены этих домов значительно наклонены внутрь, а двери и окна отделаны блестящей белой и красной штукатуркой. Крыши обыкновенно уставлены рядами рогов (от диких зверей или от домашних баранов и коз), в которые воткнуты маленькие флаги и тряпки из разноцветной бумажной материи[75].

В селениях Кашгара каждая семья помещается обыкновенно в одной жилой комнате, размеры которой не велики; высота не превосходит 1 1/2 саж.; длина и ширина 2–2 1/2 саж.; к сакле примыкает несколько коморок для склада запасов, одежды и проч. В стенах внутри дома устраивается ниши для домашней утвари. Двери одни, одностворчатие или двухстворчатые, весьма низки. Для света оставляется небольшое отверстие, забранное решеткой, в крыше или сбоку дверей. Для отопления устраивается камин; дымовой канал выводится в стене; в некоторых саклях, за отсутствием печей, огонь раскладывается по середине и дым уходит через оконное отверстие. Пол в комнате набивается из той же глины; в задней части комнаты обыкновенно устраиваются широкие нары для спанья, приподнятые на 1–1 1/2 ф. Снаружи сакли, примыкая к ней, или в тени деревьев, устраивают широкие и высокие лежанки (суфа), на которых, распо-

[74] *Серебренников.* Ежегод. Ферг. обл. Т. I. Вып. 1902 г. С. 150 и 151.

[75] *Роберт Ша.* Очерки верхней Татарии и т.д. С. 10.

лагаются в теплое время; тут же устраивают обыкновенно хлебопекарные печи, в виде глиняных кубов с сферическою пустотою внутри и широким верхним отверстием. Вокруг сакли располагаются надворные постройки, такие же низкие, темные мазанки с плоской кровлей; затем, вся усадьба окружается или невысокой глинобитной стенкой, или же живою изгородью.

В Сарыколе жилые постройки отличаются тем лишь, что почти 1/4 площади жилой комнаты занимает глинобитный помост высотою до 2 аршинов, на котором устраиваются очаг, хлебопекарная печь и располагается вся домашняя утварь, а вдоль остальных стен идут широкие нары. В домах зажиточных туземцев, кроме общей жилой комнаты, имеются еще отдельные комнаты для спанья и для гостей[76].

Незатейливой постройке горцев вполне соответствует и домашняя обстановка.

Вся домашняя утварь составляют несколько корзин, ложек, чашек, сито, чугунный котел, и другие принадлежности кухни, валяющиеся у очага. Почти все предметы домашней утвари и посуда сделаны из дерева и тыквы, которыми ягнобцев в изобилии снабжают фальгарцы. В сеисхане можно встретить лопату, корыто, деревянный плуг и другие орудия сельского хозяйства. Из металлических вещей встречается только чугун, нож, да у людей зажиточных плуги, кетмени и лопаты, вывозимые из городов. Надобно заметить, что у ягнобцев нет никаких производств. Всю домашнюю утварь приобретают они от соседей или же иногда к ним, в летнее время, появляются из городов туристы – ремесленники.

Домашняя утварь каратегинца состоит неизбежно из чугунного котла, такого же кумгана (род чайника) для кипячения воды, из нескольких разной величины глиняных горшков для воды, для молока, для разной незатейливой стряпни, из 2-3 глиняных самодельных чашек, из мешочков с съедобными и лекарственными травами, из небольшого запаса самодельного мыла, из сыромятной кожи, на которой заправляют тесто, крошат лапшу, из кожанного продовольственного мешка, неразлучного спутника горца при всех продолжительных отлучках из своего дома. В доме горца можно встретить еще фитильное ружье, саблю, несколько тонких палок для ходьбы через перевалы, кольцеобразные лыжи из тальника и высокие деревянные

---

[76] *Корнилов.* Кашгария. С. 280 и 281.

галоши для зимы, первобытный небольшой ткацкий станок, прилепляемый в углу сакли над ямой для сиденья ткача, запас в 5-6 светильных лучин и – больше уже ничего найти невозможно.

Обстановка дарвазца также незатейлива. Домашняя посуда, утварь самая ограниченная и простая: железный котел, иногда с таганом, деревянная ложка (одна на всю семью), с длинной ручкой и острым концом в бок; ножи, носимые на поясах, корка тыквы – горлянка для воды, молока и других жидкостей, деревянная тарелка (глубокая, род плоской чашки), несколько деревянных и глинянных чашек и медный или железный кумган для чая – вот и все.

Описывать домашнюю обстановку других горцев – повторять только что сказанное.

11. ОДЕЖДА И ОРУЖИЕ

На покрой одежды туземцев наибольшее влияние имеют климат, особенности бытовых условий и религия. Качество же материалов, из которых делается одежда, находится, понятно, в зависимости от материального достатка. Вообще, нужно заметить, что одежда равнинных таджиков более нарядна, имеет более яркие цвета, нежели одежда горных таджиков.

Одежда равнинных таджиков та же, что у сартов. На голове имеется тюбетейка, которая шьется из разных материй; на тюбетейку навертывается чалма. Белье таджика состоит из рубахи и штанов. Выходя из дому, таджики одевают сапоги, обертывая ноги портянками. Чулок не имеют. Во всякую погоду большинство носят галоши. Верхнюю одежду составляет халат. Число халатов на каждом состоятельном таджике доходит до трех и они заменяют жилет, сюртук и пальто. Нижний халат, а в летнее время у бедных рубахи, подпоясываются прямо кушаком, который делается из ремня с различными на нем украшениями, а у бедных кушак заменяет длинный кусок материи, несколько раз обернутый вокруг талии, при чем длинные концы такого кушака затыкаюся за самый пояс.

Более подробно об одежде туземцев равнин нами уже было сказано ранее, при описании одежды сартов[77].

---

[77] Сарты. С. 132 и след.

Костюм таджички – также общий всей Средней Азии. Волосы носят таджички в несколько кос, изредка наставленных искусственными из черного шелка; ожерелья, широкая рубаха с короткими и узкими рукавами, противоположными широким и очень длинным рукавом сартянок, камзол, черная вуаль (чашмбанд, – сетки из черного конского волоса) и паранджи. Кольца, серьги и браслеты предпочитаются из серебра с позолотой и бирюзой; люди богатые покупают женам своим и золотые украшения. Косметиками служат: розовая вода, мятное масло и мускус. Ногти красят в красный цвет; щеголихи или старые кокетки брови сурмят, щеки белят и румянят, но зубов не красят.

Одежду горцев составляют: армячинный халат, бязевая рубаха, из такой же материи штаны, на ногах горные сапоги, на голове тюбетейка и небольшая бязевая чалма. Палка (аса) – неприменная принадлежность горца.

Женщины у горцев ходят с открытыми лицами и своих мужчин не стесняются.

Костюм ягнобцев, приготовляемый из шерсти и хлопчатой бумаги, состоит из тех же частей, что и костюм других горцев: куртэ – рубаха; шьется она вроде мешка, длинная, ниже колен, с длинными прямыми рукавами. Ворота не имеет, а только делается прорез между плечами, который обшивается оторочко. Летом вместо этой рубахи, которая у женщин бывает до пяток, мужчины носят яктак. Это нечто вроде хлата, сшитого из карбаса, без подкладки. Штаны, изар, – прямые, самые незатейливого покроя из того же карбаса, на изарбанде (шнурке). На этот наряд надевают джаме – это тоже халат. Затем уже, сверху, чекмень. Бедный же класс, не имея джаме, носит один чекмень. На голову надевается небольшая шапочка, вроде ермолки, называемая тупи. Затем некоторые обматывают голову длинным, от 2 до 4 аршин, полотном, вроде полотенца, называемым сальэ-амама (чалма). Ноги или обертываются грубою тканью – пайтобэ из бязи, или зимой носят шерстяные чулки (джураб), привозымие из Каратегина. Затем надевают чарух – нечто вроде наших лаптей, приготовляемые из невыделанной кожи домашней скотины, шерстью кверху, закрепляемые на ногах длинными завязками, идущими от задников. Весь этот костюм завершает пояс – миан-бенд, для которого служит кусок бязи, аршина в два длины.

Женский костюм немногим отличается от мужского: такая же рубаха, с той разницей, что она до пяток и с разрезом посредине

груди. Затем штаны, изар; потом чарух-муза, сапоги; вместо халата надет кафтан с талией (мунисак), незавязывающийся спереди, и, наконец, чекмень. Женский костюм шьется из бязи, шелка или адряса, смотря по состоянию, а чекмень из армячины. Голова завязывается платком. Женщины не носят длинных халатов, вроде носимых жительницами равнин и не закрывают сеткой лица.

Описанный костюм составляет обыкновенное одеяние ягнобца; состоятельные люди привозят с собою с соседних базаров лучшие ткани, а для обуви отвозят кожи на выделку в город, но от этого изменяется только качество материала, тип же обуви остается одним и тот же, сообразный с требованием местности. Вместо упомянутой обуви в форме лаптей, некоторые носят сапоги с острыми носами, без каблуков[78].

Вообще нужно сказать, что запасов одежды горцев в доме нет, потому что она состоит у каждого горца из одной пары нижнего белья, шерстянных чулок, одной пары сапог, ермолки головной с тряпкой бязевой вместе чалмы, верхного шерстяного халата (чекмень) с шерстяными же штанами, все – на один год для мужчины; а для женщины из одной пары нижнего бязевого же белья, из платка бязевого, из шерстяной верхней рубахи (ягта) и галош. При таком несложном гардеробе перемена белья, разумеется не полагается, а стирка выполняется в год три раза, и тогда горец и горянка или жмутся где нибудь в углу голыми, закрывшись, конечно тряпками, или же, как это бывает, впрочем, весьма редко, выпрашивают лишнюю рубаху у соседа.

Дарвазцы носят снизу матовую длинную рубаху и матовые же глухие штаны, а поверх надевают халаты. Головной убор составляют – тюбетейка и чалма или меховая шапка. Обувь – сапоги, ичиги с галошами, или же особые кожаные мягкие чарухи. Ребятишки, лет до 10, летом ходят совершенно голыми, лишь изредка прикрываясь бараньими шкурами.

Костюм женщин такой же, как у мужчин, только они ничего не носят летом на голове, и их растрепанная шевелюра служит и головным убором. Зимой голову они повязывают или покрывают меховой шапкой.

Одежда шугнанца состоит из матовой рубахи и таких же штанов; обувь – чулки и мягкие чевяки; на головах тюбетейки. Зимой носят

---

[78] *Искандер-тюря.* Турк. Вед. 1881 г. №4.

шубы, а на голове одевают меховые шапки. Женщины лиц не закрывают.

Рошанец одевается в суконный белый или серый чапан, в широкие суконные штаны и в оранжевые пехи-сапоги без подошв и каблука, сшитые из крепкой архарьей или киичьей шкуры; на голове коекак сделанная повязка из небольшого обрывка сукна и в редком случае подобие тюбетейки. Сукно – домашнего приготовления и отличается большим достоинством. Мата почти неизвестна и идет исключительно на женский костюм. Ярких цветов почти нет. Первые халаты появились только с приходом русских[79].

Вообще одежда горцев мужчин и женщин почти совершенно одинакова и состоит из рубахи и шаровар, поверх которых надеваются халаты, сшитые, смотря по вкусу и достатку таджиков, из различных материй, большею же частью из грубой шерстяной, собственного изделия. Головной убор мужчин состоит из тюбетейки, называемой «токэ» и надеваемой на бритую голову, и чалмы, которые у бедняков заменяются простым платком или куском маты. Ношение меховых шапок распространено мало и чаще всего встречаются сарыкольская бараньи шапки. Женщины не носят ни токэ, ни чалмы, а повязывают головы платками.

Обувь состоит обыкновенно из сапог на мягкой подошве, сшитых из некрашенной кожи местного изготовления, хотя более зажиточные носят сапоги из черного товара с высокими каблуками, привезенные из Ферганы. Некоторые таджики носят галоши афганского образца с загнутыми вверх острыми носками и жесткими подошвами, сплошь покрытыми широкими шляпками железных гвоздей, вбитых в подошву, вследствие чего такие галоши носятся чрезвычайно долго, несмотря на сильно каменистую почву. Летом, как таджики, так и их жены, ходят в большинстве случаев в одном белье и босиком[80].

Однообразную, одинакового покрова, свободную шерстяную одежду носят в Сарыколе, Вахане, Зебаке, Читрале, Яссине, Хунзе, Нагере и в долинах Ягестана. Те, которым позволяют средства, летом заменяют ее хлопчатобумажным халатом, такого же покроя, со стеганными краями и вышитыми шелком воротником и передом. При

---

[79] *Баньковский В.* Турк. Вед. 1894 г. № 4.

[80] *Серебренников.* Ежегодн. Ферг. обл. т. I. Вып. 1902 г. С. 149 и 150.

надевании в первый раз просторные рукава складываются в виде мелких складок до плеча. В долине Инда, около Шинкари, мужчины носят чалмы и плотно облегающее платье и сохранили оригинальные, описанные Дрью, кожаные повязки для ног; они называются "товти" и составляют особенность племен говорящих на шина, а также торваликов и бушкариков в Кухистане, которых вследствие этого соседи часто называют "товчинг". В Читрале носят сапоги из мягкой кожи.

Женщины носят широкие шаровары, из грубо окрашенной бумажной ткани; она застегивается посредине у шеи и опускается до колен. Застежка состоит из круглой пряжки, с серебряной треугольной подвеской, называемой "пешавез"; размеры ее зависят от средств владелицы. На шее обыкновенно носят одно или два ожерелья из янтаря или цветных бус. Более богатые носят ожерелья из серебряных бус и серебряных овальных медальонов, посередине которых вделаны куски сердолика или бирюзы. В Читрале, Вахане и Сарыколе мужчины носят очень узкие, небольшие чалмы. В Гильгите, Асторе и большей части Ягестана в общем употреблении войлочные шляпы. Женщины также носят проторные войлочные шляпы, обыкновенно темного цвета. У шинов незамужние женщины отличаются белым головным убором, который никогда не надевают у них замужние. Как мужчины, так и женщины носят множества талисманов, вышитых яркими шелками и подвешенных к шляпе или платью небольшими медными пряжками; иногда эти последние сделаны с большим вкусом.

Весьма оригинальную ткань прядут из пуха, преимущественно диких птиц и большого ястреба (д. himalayensis). Пух свивают в грубые нитки, из которых уже прядут обыкновенным способом ткань.

Платье сделанное из них, очень теплое, но всегда имеет пушистый, грязный вид. Такое платье носят только люди богатые. Пух горного козла также в большом спросе для теплого платья, но, как кажется, оно всегда сохраняет сильный козий запах.

Молодые люди бреют средину головы, от лба через макушку до шеи; волосы с обеих сторон отпускаются свободно и собраны в один большой локон с каждой стороны шеи; борода подстрижена. Эту моду у дардов также заимствовали балти. Молодые люди высших классов бреют только верх головы в виде полосы, у лба шириною около 2 дюймов и съуживающейся к концу до полудюйма. Те, которые не

могут похвастать длинными локонами, носят прическу в виде винтообразных колечек кругом всей головы (по Роулисону это древняя персидская мода). Люди средних лет бреют, согласно магометанскому закону, всю голову и отпускают бороду. В Читрале длинные, вьющиеся локоны часто имеют очень живописный вид[81].

Женщины Ладака носят полосатые, красные с голубым, юбки, суконные сапоги до колен и плотно охватывающие талию куртки с барашковым капюшоном (шерстью внутрь), иногда подбитым красным сукном; головы у них не покрыты и только уши защищены от резкого ветра странными суконными наушниками. Самое дорогое украшение их состоит из так называемого "перак", т. е. широкого куска кожи, висящего с головы вдоль по спине, и усеянного рядами крупной фальшивой бирюзы.

Мужчины все безбородые; они носят такие же сапоги, толстые шерстяные кафтаны, перевязанные у пояса и спускающиеся до икр; прическа их состоит из одной косы, а шляпы их похожи на фригийские шапки, висячий конец которых служит для разных целей: в защиту глаз от солнечных лучей, или же ушей – против холодного полуденного ветра[82].

Оружие. Древнее вооружение горцев состояло из лука и стрелы, секиры и круглого кожаного щита. Те, кому позволяли средства, носили также кольчугу и стальной шлем. Лук и секира, замененные в настоящее время кремневым ружьем и саблею, все еще иногда встречаются. Хотя приготовление пороха не представляет затруднений, но ружейные стволы получаются из Кашмира и Бадахшана, и потому для охоты все еще пользуются луком и стрелами. Луки делаются из полос рога – ивех, размягченных в воде и связанных друг с другом, и составляет прочное, могучее оружие. Секиры в разных местах разного вида; некоторые из них высеребрены, на других выгравированы узоры. Старое оружие тщательно сохраняется и выставляется при брачных церемониях, которые без него были бы неполны. Жених, явившись к своему будущему тестю без секиры, отсылается за нее назад; и если он не в состоянии достать таковую, то должен за это особо уплатить. Фитильные ружья, получаемые из Бухары, в Вахане носят названия "камуни фаранг", т. е. французские или европейские.

---

[81] *Биддельф.* Народы населяющие Гинду-Куш. Асхабад. 1886 г. С. 97 и след.

[82] *Роберт Ша.* Очерки в. Татарии и т.д. С. 10.

“Камуни сиях” – черное ружье – местного производства, главным образом из Гиссара, Куляба и Дарваза. “Черные ружья” отличаются большим калибром, стреляют очень плохо, сильно отдают. “Французские” отличаются более длинным стволом, малым калибром, значительно тяжелее, чем “черные”, но стреляют лучше последних.

В прежнее времена что ни щель в горах, что ни котловина и особое бекство. Матчинское бекство враждовало с Ягнобским и Урмитанским, а это последнее с Кштудским. Стражу, опору властей каждого из этих мелких владетелей, составляли десяток другой джигитов и несколько пеших стрелков. В случае же какого нибудь набега, подымались все жители бекства, всегда готовые поживиться чужим имуществом. Вооружение этих воинов состояло из нескольких фитильных ружей, сабель, пик и большого количества дубин из крепкого иргая.

12. ПИЩА И НАПИТКИ

Трудно говорить в общих чертах о питании таджиков, живущих при столь разнообразных условиях. На способы питания данного населения существенное влияние имеет климатические и почвенные условия, религиозные верования, а также степень культурности и благосостояния населения. Таким образом, питание населения данной страны находится в непосредственной зависимости от окружающих данное население условий, а также характеризует его потребности и степень культурного развития. Нам известно, что огромное большинство народонаселения, кроме того, крайне стеснено не только относительно выбора пищевого материала, но и относительно количества употребляемой каждым человеком пищи; существует, как известно, целые страны, население которых обречено на потребление почти исключительно одного какого нибудь пищевого средства – картофеля, хлеба, риса или мяса, рыбьего мяса и жира и проч. Точно также и таджики, особенно горные, крайне стеснены в выборе своих пищевых средств не только в качественном отношении и относительно их разнообразия, но также и в количественном отношении.

Можно сказать, что таджики равнин питаются также, как и сарты.

В летнее время таджики равнин не требовательны к пище и довольствуются только лепешкой с дыней или виноградом и чаем, и

только накануне праздника (пятницы) позволяют себе мясное. В зимнее время потребность в мясной пище и в животных жирах значительно повышается.

Употребляемый таджиками хлеб выпекается из кислого пшеничного теста по преимуществу в виде лепешек. Другой хлеб – кукурузный или джугаровый, выпекается из только что названной муки с небольшою примесью пшеничной муки. Бывает много сортов лепешек, отличающихся между собою величиною, формою и вкусом. Ржаная мука вовсе не употребляется для печения хлеба.

Выпечки хлеба в виде лепешек вполне соответствует сухому и жаркому климату. Величина лепешки не велика, так что съедается в один раз; кроме того, она окружена со всех сторон коркой, которая не дает возможности быстро сохнуть. Выпечка лепешек тут же на базаре обыкновенно делается несколько раз в день, и потому всегда в продаже можно найти горячие лепешки. Засохшие лепешки сдаются в отдельные лавки, торгующие такими лепешками; их покупают бедняки, а богатые – для скота и часто для раздачи на поминках.

О выпечке лепешек много уже говорено подробно, а потому не буду возвращатся к этому вопросу[83].

Молоко в большом употреблении у таджиков, но за невозможностью его сохранять в свежем виде, оно прикипяченное заквашивается и в таком виде называется "катык"*. Из молока делаются сыры, масло и сметана, которые употребляются в пищу и служат предметом продажи.

Мясо употребляется всякого (домашнего) животного, за исключением ишаков (ослов), но предпочитают баранину.

Домашнюю птицу таджики редко употребляют в пищу; кур держат для яиц, которые всегда варятся в крутую, ибо религия запрещает все недоваренное. Дикая птица: куропатки, улары, фазаны, перепелки, утки, гуси – употребляется только богатыми людьми или теми, которые сами охотятся и не имеют возможности продать.

Рыба даже бедняками употребляется редко.

Овощи – морковь, лук, редька, репа служат приправой к кушаньям, но иногда они кладутся в таком количестве, что составляют главное основание пищи.

Любимым блюдом следует считать палав, который считается лучшим и даже до некоторой степени аристократическим блюдом.

---

[83] Сарты. Т. I. С. 156 и след.

Вместе с тем кушанье это один из дорогих, а потому бедный класс может пользоваться им не часто. В среде малосостоятельного городского населения принято приготовлять его раз в неделю, обыкновенно по четвергам вечером.

Горячие блюда из продуктов растительного происхождения приготовляют следующие: шир-гурундж – молочная рисовая каша; куча или куджа – жидкая кашица из джугари (сорго) или пшено (реже из кукурузы или ячменя) с примесью катика – составляет, особенно в кишлаках, исключительную почти пищу не только малосостоятельного и бедного населения, но даже семей зажиточных: ун-аш* – лапша, сваренная в воде без мяса с примесью катыка. Если лапша не крошится ножом, а рвется руками, она называется узма-аш*, гурда* – жидкая кашица из риса на воде с катыком; маш-гурундж – жидкая кашица на воде из риса (гурундж) и чечевицы (маш) с репой, морковью, луком, перцем и катыком (или бараниной); называется также маш-хурда; аталя – болтушка из муки, имеющая вид жидкого киселя; мука поджаривается на сале и затем разводится водой; шир-каду (молоко-тыква) – похлебка на молоке с тыквой и рисом; лагман или бишбармак* – тесто на сале, раскатанное очень тонко и длинно; варится на воде, которая сливается прочь. Тесто едят с мясом, мелко рубленным и поджареным на сале с перцем, луком, репою, а в настоящее время и с капустою. Из кислого теста приготовляются шарики и жарятся в сале или масле; это кушанье называется баурсак и подается гостям к чаю. Точно также из слоеного теста делаются блины и жарятся в масле; они называются котлама. Сумалак – в виде жидкого киселя приготовляется из солода. Здесь приготовление сумалака имеет чисто обрядовый характер. Варят его всегда ранней весной* из муки и солода, для приготовления которого искусственно проращивают пшеницу. На сумалак приглашаются обыкновенно одни лишь женщины и девушки, большинство которых приносят с собою понемногу солода и муки. Собираются вечером. Старухи в продолжение всей ночи варят сумалак, произнося над котлом различные молитвы, а молодежь, бабы и девушки, угощаются пловом, изюмом, орехами и чаем. В случае прихода постороннего мужчины, женщины и девушки, собравшиеся на сумалак, не прячутся. На утро, поев сумалака и забрав часть его в чашки, компания расходится. Очень часто на этих сборищах высматриваются невесты и сходятся любовники.

Из мяса приготовляются следущие блюда: шавла – рисовая размазня на сале с морковью, луком и мелкими кусочками баранины; шурпа – суп из баранины или другого сорта мяса, с перцем, луком, морковью, репой или тыквой и заправляется иногда еще катыком. Весною прибавляют молодые листья люцерны. Кульчатай – похлебка из мелко-крошенного мяса и теста, приготовленного в виде широко нарезанной лапши. Мастова- похлебка из мелко рубленого мяса, риса, лука и кислого молока, с прибавлением перца. Чичвара или чачпара* – пельмени. Начинка состоит обыкновенно из лука и очень незначительного количества баранины с крепкою приправою из перца. Те же пельмени, но из более толстого теста, называется обэ. Те и другая варятся в воде, но недолго. Базарные пельмени, называющийся мант или манту, приготовляются тут же на лавочке, варятся посредством пара и продаются горячими; довольно вкусны, но жирны и содержат весьма много перца.

Такие мясные кушанья, как каурма-поджареные в сале кусочки баранина, хасыб – колбасы из баранины, печенки из риса и казы – колбасы из конины с кусками конского жира, приготовляются только в наиболее состоятельных домах.

Плоды у таджиков в большом употреблении. Уже ранней весной на них набрасывается все население как бедное, так и богатое и поедает их в большом количестве даже в незрелом виде. Особенно пользуется почетом незрелый урюк (абрикос).

Плоды употребляются как в свежем виде, так и в сушеном. Дыни, арбузы, урюк, персики, яблоки, груши, черешни, виноград, гранаты употребляются в изобилии. Сушеные фрукты – изюм, урюк, вяленные на солнце дыни – в большом употреблении и составляют необходимую принадлежность угощения (дастархан), подаваемого гостям; к нему еще прибавляют орехи, фисташки и миндаль.

Тутовые деревья доставляют съедобные плоды, из которых делается патока. В тех местах, где бывают неурожаи, эти плоды заготовляются в большом количестве на зиму. Плоды белого тута, высушенные и истолченные в темно-бурую сладкую массу, составляют важный суррогат хлеба, называемый тут-талкан. Из этих плодов приготовляется и похлебка, которая, по словам туземцев, довольно питательна. Конечно, как тут-талкан, так и похлебка из него служат пищею только бедному населению.

Вообще же, нужно сказать, что туземцы мало требовательны к пище, особенно летом. Обычная пища рабочего населения летом –

чай, дыни и лепешка. Ежедневно варят пищу только более состоятельное население. Весьма плохо питаются горные таджики. Матчинец, получающий зачастую вместо посеянной пшеницы рож (рабахун), а часто и ничего не получающий от посеянного, откапывает на высоте 11000 ф. над уровнем моря корень та-торан, который и заменяет ему хлеб во всех его образах, твердых и жидких. Жители Пальдорака (7960 над ур. моря), не имеющие представление о фруктах, овощах, дынях, арбузах, отрывают весною на берегах верхнего Зеравшана и едят с наслаждением какую-то дикую сладкую луковицу. Оббурданцы пьют чай из корня дикой клубники, фальгарцы сосут дикий кислый корень – ревач, бедняки долины все лето пробавляются только даровыми плодами растущих по улицам, при мечетях и каландар-хана тутовых и урюковых деревьев[84]. Ягнобцы употребляют в пищу чистые ячменные лепешки, а иногда с примесью бурчака, затем катык, каймак, шир-роган (кипяченое козье и коровье молоко с бараньим салом) и шурпу. Мясо – большая редкость. Пища таджиков Алая и Памира состоит из яиц и лепешки, приготовляемой на половину из пшеничной муки и на половину из тута; мяса они почти не едят. Летом лакомятся овощами, тутом и особенно вишнею, называемою таг-алача. Таджики Рошана питаются аталей – похлебкой из кислых плодов горного урюка и репы. Урюк и репа – обычная их пища. Мясо употребляют редко. Безхвостый баран, гадик, чрезвычайно мал, непитателен, к тому же дорог. Лепешки у них приготовляются из голого гималайского ячменя с примесью гороха, и редко – пшеничные. Соли нет; если соль попадается рошанцу, он смакует ее, как дорогое лакомство[85].

Дни жителя Дарваза проходят так: семья встает в 4–5 часов утра, хозяйка разогревает на тлевших всю ночь угольях небольшого очага похлебку из горсти муки с небольшим количеством горного луку, морковки; когда наступит время еды, все усаживаются в сакле в кружок и передавая ложку один другому, завтракают этой постной лепешкой из пшеничной или ячменной муки, выпеченной кое-как в котле и часто с примесью к муке шелковицы или муки корня дикого растения татин, очень распространенного, очень употребительного по своей питательности, очень любимого горцами, хотя и горькова-

---

[84] *Арендаренко.* Досуги в Туркестане. С. 405.

[85] *Баньковский В.* "Турк. Вед.". 1894 г. №13.

того. В полдень дарвазцу приходится съесть ту же лепешку в 1/4 ф. не более для взрослого, а вечером – или ту же похлебку, или лапшу (оши орд) с кислым молоком и травами, или просто комок тутовой муки, как довольствуется большинство бедняков (в Дарвазе зажиточная семья из шести едоков употребляет в год около 100 пудов муки). Мясо скотское, или баранье, а также дичь дарвазцу приходится есть умеренно, не более двух раз в год у себя дома, не более пяти раз у соседей по случаю празднеств – свадебных, поминальных или обрезальных. В голодные годы, когда нет достаточного привоза пшеницы, едят корни особых трав, собираемых для этой цели в горах; травы эти следующие: коревш, галалятичь, зирк, пои-пурмишь, мушуид, гурусок, турумаки-агу, зирк-зурх, гишим-тухмак, пишум, тазкуги, гульбуй, матар, самчит, сагоса, човори, камар, корик, тарон, татарон, гулар, кот, зубуд, зифи.

Вообще, нужно сказать, что пища горцев крайне однообразна и недостаточна.

Переходим к напиткам. Достаточный класс избегает пить сырую воду и старается заменить ее чаем. Рабочий класс воды не боится. Особенно много пьют арычную воду летом, когда под палящими лучами солнца испытывают сильную жажду. Женщины также без всякого опасения пьют арычную воду и тут же стирают грязное белье, подмывают детей, моют посуду, купают скот и проч. Горцам, понятно, нечего бояться пить воду горных рек и ручьев.

Чаю, особенно летом, выпивается громадное количество как в городах, так и в кишлаках. Пьют преимущественно зеленый чай, привозимый из Бомбея. Иногда чай приготовляется кипячением в котле с примесью молока, мяса, соли и перцу. В последнем случае он носит название шир-чая. Настоящий китайский чай (фамил-чай) пьют только более зажиточные люди. Бедняки вместо чая пьют сбор различных трав. Имеется в продаже хошак-чай, заключающий в себе 5 составных частей: зерновой перец, корицу, чуб-чай и два сорта высушеной травы. Этот чай употребляется бедным туземным населением по вечерам ввиде ужина и эта смесь варится с молоком, а иногда с салом и солью. Одна из составных частей чуб-чая – спитой чай, а хошак – в переводе – трава. Для просушки употребляется дикорастущие травы. Называемые туземцами гиё – кизыл-чуб, акчуб. Употребляют еще один сорт чая в пресованном виде, который состоит из спитого чая, айвы миндаля, листьев роз и гранат.

Второй из общеупотребительных напитков – это айран, состоящий из кислого кипяченного молока, разведенного водою, причем взбалтыванием называют лиш свертывание, а не осаждение козеина. Напиток этот служит для утоления жажды во время жары и освежения. Вследствие содержания углекислоты он имеет несколько острый вкус.

Таджики равнин употребляют и опьяняющие напитки. Хотя такие напитки, как водка, вино и пиво преследуется религией, но тем не менее явное открытое потребление их туземцами, особенно пиво в городах, с каждым годом делается все больше и больше.

К числу распространенных опьяняющих напитков и даже питательных относится буза, пиво туземного приготовления. Буза делается одуряющим напитком только при искусственной примеси одуряющих вешеств (дурмана или белены, а также гашиша).

Буза не заготовляется в прок, а производится постепенно, в течении всего года, по мере потребления. Поэтому и самое производство её носит как бы кустарный характер: по всей киргизской степи и по всему оседлому Туркестану по аулам и кишлакам можно встретить 2-3 кибитки, занимающихся бузоварением[86].

Табак в большом употреблении у туземцев. Курительный табак – ак-тамаку получается из листьев табака, выросшего при весьма умеренном орошении на землях без искусственного орошения. Для курения листья табака не крошится, а только растираются между ладонями и накладываются в трубку чилима (кальяна). Зеленый табак – кок-тамаку – идет на приготовления табака, который кладут туземцы в рот под язык. Для употребления зеленый табак тщательно растирается в ступе в порошок для получения так называемого нас-тамаку. Туземцы медленно высасывают из этого табака действующее начало, а самый табак выплевывают.

Этот табак обычно хранят в табакерках, сделанных из небольших горлянок (нос-кавак). Пробка такой табакерки бывает иногда снабжена небольшой ложечкой, которой и достают табак; в большинсте же случаев табак из табакерки прямо высыпается на ладонь и ловким привычным движением вносится в рот.

Из собственно наркотических туземцы, в том числе и таджики, употребляют кокнар. Маковые головки – кокнар, вываренные в воде,

---

[86] Подробно о бузоварении "Сарты". Т. I. С. 176 и след.

дают наркотический напиток. Начинающие кокнары сперва пьют кокнар из небольшого количества головок, но скоро привыкают и перестают чувствовать удовольствие от приема привычной дозы и увеличивают её. Привыкший к употреблению кокнара в больших дозах, при желании отстать от пагубной привычки, делает это постепенно, изо дня в день уменьшая приемы; но большей части кончают тем, что становятся горькими пьяницами, т. е. начинают употреблять кокнар в гораздо больших дозах, чем употребляли прежде.

Таджики употребляют также наша или гашиш. Наша приготовляется из мелких прицветников или цветковых частей конопли, содержащих в значительном количестве смолистое эфирное начало. Собранные цветковые части и прицветники спрыскивают водою и, подогревая их над огнем, разминают в руках, при чем мелкие части сливаются и образуют массу, которую употребляют при курении вместе с табаком, вкладывая небольшой кусочек этой массы в трубку чилима. Перед тем, как положить кусочек этой массы в трубку, его вновь разминают в пальцах, подогревая над огнем. Кроме того, нашу употребляют и внутрь в смеси с салом и сахаром. И. Левитов говорит, что гашиш среди мусульманского населения в России вообще сильно распространен и считает до 3 миллионов мусульман потребителей его[87].

Раугани кейф приготовляется из наши с бараньим салом. Действие раугани кейф такое же, как и наши, но слабее. Так употребляют нашу те, которые не хотят быть замеченными в употреблении наши, по большей части юноши и женщины, которым употребление наши строго запрещено.

Гюль-канд приготовляется из раугани кейф с сахаром и представляет собою любимое лакомство туземных женщин, раз его отведавших, к тому-же запрещенное.

Из наркотических средств употребляют также опий. Др. Пропащих[88] говорит, что в последнее время опий входит в большое употребление среди таджиков горных владений Бухары. В настоящее время, говорит он, употребление опия больше всего развито в Шугнане и Рошане, – в провинциях более близких к основным бухарским владениям; в более отдаленном же Вахане опий употребляется еди-

---

[87] *Левитов И.* Необходимость гашишной реформы в России. СПБ. 1907 г.

[88] *Др. Пропащих.* "Турк. Вед." 1903 г. № 43.

ничными личностями. Наибольшее распространение опий получил в кишлаках Хороге, близ которого расположен штаб Памирского отряда, и Поршнев, отстоящем от первого на 16 верст, ближе к Кала-и Вамару, резиденции бухарского бека. За последние 7–8 лет употребление опия настолько укоренилось среди таджиков, особенно жителей двух вышеназванных кишлаков, что им начали злоупотреблять даже женщины, чего ранее, по словам туземцев не было. В настоящее время почти каждый таджик, несмотря на то, что земли у него совсем мало, все таки ухитряется урезать небольшую площадку для посева снотворного мака. Посевом этого растения занимаются, главным образом, люди, сами не употребляющие опия. В настоящее время бухарские власти изобрели новый вид налога, взимая закет за право посева этого растения. Опий употребляется в двух формах. Первая, в противоположность Китаю и Персии, распространена среди бухарцев и небольшого числа местных таджиков и состоит в том, что опий едят в чистом виде, без всякой обработки и примеси индиферентных вкусовых веществ, к каким прибегают в Китае и Персии. Принимают опий следующим образом: берут кусочек опия, скатывают его пилюлею, величиною с горошинку, и проглатывают. Начинающий опиафаг в течении первого года таких пилюль принимает ежедневно по одной два раза: утром, запивая ее какою-либо жидкостью, и в 5–6 часов вечера. Через год доза эта оказывается недостаточной, почему она от времени до времени увеличивается до трех пилюль на прием; последний прием считается максимальным среди местных жителей. В дальнейшем опиафаг, принимая конечную дозу в течении неопределеннного времени, конечно, в конце концов, не бывает удовлетворен, начинает страдать, а больший прием не рискует принять из опасения погибнуть, так как от увеличения дозы бывали смертные случаи; чаще же всего у него не хватает средств на приобретение опия.

Другая и наиболее распространенная форма употребления опия – курение. Курят из самодельных трубок, состоящих из следующих частей: 1) мундштука, выделываемого из дерева или металла, в зависимости от зажиточности курильщика, длиною немного более ½ аршина; 2) металлического шарообразного резервуара, величиною с яблоко, с отверстием для вставления мундштука; резервуар этот делается еще из мягкого местного камня; по средине выпуклости резервуара находится небольшое сквозное через стенку резервуара отверстие,

величиною меньше горошины. Необходимыми принадлежностями к трубке считаются: 3) особая лампочка, в которую вставляется свеча; поледняя накрывается 4) металлическим колпачком, имеющим сверху отверстие для притока воздуха; 5) металлический стилет такой толщины, чтобы конец его безпрепятственно проходил через отверстие трубки. Курильщик обыкновенно берет кусочек опия, скатывает его шариком, величиною также с горошиною, прокалывает его стилетом и затем некоторое время подогревает над лампочкой, разминая его по мере нагревания между большим и указательным пальцами. Когда опий примет среднюю консистенцию, тогда курильщик этот же стилет с опием на конце вставляет в отверстие резервуара трубочки и пальцами снимает со стилета опий, который и прилипает к стенке резервуара вокруг отверстия. Затем стилет вынимается, отчего сквозное отверстие резервуара сохраняется, лишь только длина канала его увеличивается от приставшей снаружи массы опия.

Для получения полного эффекта курильщик ложится в постель, ставит рядом с собою лампочку с зажженую свечею, затем мундштук берет в рот, а шарообразный резервуар наклоняет к лампочке стороною с отверстием, вокруг которого находится опий. Последний подвергается медленному сгоранию; продукты сухой перегонки опия проходят сначала через отверстие в резервуар, а затем проникают через мундштук в легкие курильщика, который вдыхает их с жадностью, держась дрожащими руками за трубку и предвкушая то наслаждение, которое он получит через полчаса после курения. Опытный курильщик в одну затяжку выкуривает целый шарик. Первоначальная доза для курильщика та же, что и для опиафага, т. е. два шарика на два раза курения. В течении года курильщик доходит до 5–6 шариков на прием, снаряжая всякий раз трубку отдельным шариком и увеличивая дозу по мере привычки и появления чувства неудовлетворенности. Самая высшая доза у местных курильщиков – десять шариков за раз.

Опия местного изготовления не хватает, и большая часть его доставляется из соседного Афганистана. В бухарские владения опий доставляется из афганской провинции Ишкашим, главным образом бадахшанскими купцами, а также из города Фейзабад, через перевал Ях-урда. Здесь же нужно упомянуть, что некоторыми единичными лицами, побывавшими в Фергане, употребляется для курения сгущенный и очищенный опий, который приготовляется по способу, пе-

ренятому от дунган, в городе Оше. Способ этот, между прочим, в настоящее время очень распространен в Афганистане, главным образом в Кабуле. Состоит он в следующем: берется кусок обыкновенного опия величиною, например в стакан, кладется в посудину, в которую вливается два стакана воды, и все кипятится в течении десяти минут, после чего процеживают через материю (мату); осадок с материей снова опускают в сосуд, заливают опять двумя стаканами воды, снова кипятят десять минут и процеживают; новый осадок еще раз кипятят с двумя стаканами воды и процеживают. Затем три фильтрата, полученные после процеживания, смешивают вместе и кипятят до тех пор, пока общая масса не сгустится и не получится ее с полстакана.

Такой опий имеет черный цвет, обладает очень сильным действием.

Как зажиточные, так и бедные люди здесь прибегают к опию только ради кратковременного опьяняющего его действия, сопровождающегося появлением в представлении курильщиков соблазнительных галлюцинаций эротического характера, в которых сам курящий играет главную роль, и все совершается для его услаждения.

Маленкий кусочек опия, взятый в рот, или одна затяжка из трубки мгновенно меняют настроение опииста, придают блаженный вид и оживление. Вообще курение опия продолжается до тех пор, пока не наступит потеря сознания и опийный сон. Полное действие опия при еде его наступает через 1-2 часа, при курении же скорее; длится от 5 до 6 часов.

В виду того, что среди местных таджиков преимущественно распространено курение опия, а в этой форме потребления опий действует на организм во много раз скорее и сильнее, чем при принятии его чрез желудок, то понятно, больных людей, разрушивших свое здоровье потреблением опия, здесь очень много.

Др. Пропащих описывает так жалобы, с которыми обращаются к врачебной помощи: полнейшая потеря аппетита, рвота, желудочные боли и упорные напоры. Нам известен, говорит др. Пропащих, один больной, который целые месяцы питается только кислым молоком и чаем с лимонной кислотой. Являясь к врачу, он просит только лимонной кислоты и утверждает, что она ему помогает.

Со стороны других органов чаще всего больные жалуются на слизе-течение из носа и глаз, затрудненное мочеиспускание, общую

слабость и исхудание, страшные костевые боли, особенно в локтевых и коленных суставах, дрожание руки, ног и головы, общую вялость в движениях, бессонницу, импотенцию и жестокие невралгические боли. По наружному виду курильщик узнается легко: исхудалый, с землистым цветом лица; руки и ноги дрожат; глаза впали; выражение их тупое и бессмысленное; умственные способности притуплены, апатичен; физические силы в страшном упадке.

Употребление опия отзывается на материальном благосостоянии местных таджиков. Опий продается здесь на вес серебра, т. е. покупающий кладет на одну чашку весов какую-либо серебряную монету, а продавец на другой чашке вес серебряной монеты уравнивает опием. Для начинающего курильщика такая ценность опия кажется в начале необременительной; когда же доза опия начинает увеличиваться, карман опииста с каждым днем пустеет; наконец, денежные ресурсы исчезают совершенно, и на сцену появляется сначала движимое, а потом недвижимое имущество; в конце концов, субъект делается совершенно гуляком. Поправить свое состояние здесь нет никакой возможности, так как заработка никакого нет; других источников дохода –также. Физические же страдания требуют приемов опия, и вот такой субъект обыкновенно пресмыкается у своих родных и ждет конца страданий.

13. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Вопрос о праве на земельную собственность в мусульманских странах до сих пор не решен. Один из исследователей мусульманского права, Нофал, говорит, что всюду, где господствует мусульманское право, нет и не может быть другой собственности, как только в виде известного, постоянного и непрерывного нахождения ее от верховной власти. От нее зависит продлить или прекратить по своему произволу свое изволение, которое устанавливает право собственности и составляет единственную причину самого его существования. Всякий личный владелец, собственно говоря, есть только как бы временный владелец и владелец одного только разрешения пользоваться вещью на определенных и обязательных условиях для него, но на случайных и необязательных для верховной власти. Акт, которым государство лишает кого-либо собственности, или которым, выра-

жаясь сильнее, оно отнимает свое позволение пользоваться вещью, не есть акт насильственного отобрания или конфискации, а лишь только взятие государством назад дарованной им милости и восстановление общественного достояния; при этом государство не стесняется свойством побуждений, приведших его к тому, чтобы применить на деле свое право взять обратно данную им милость; побуждения эти могут быть по своему существу справедливыми и несправедливыми, и государство одно ответственно за них перед Богом. О. А. Шкапский говорит[89], что это право государственной собственности есть ни что иное, как остаток седой старины, когда существовала семейная, а затем соседская община, домоправитель которой (патриарх по Библии) управлял обширным имуществом. Мусульманство, создавшее теократическое государство, перенесло на имама, т. е. на правителя того государства, все права древних патриархов. По учению шариата, изложенному в книгах "Хидая" владение землею обусловлено дозволением имама. "Кто оживит землю с дозволения имама, тот владеет ею; кто оживит ее без дозволения имама, тот не владеет". Оживлять же дозволяется только земли мертвые, "мават", т. е. такие, которые по мусульманской терминологии составляют имущество свободное, дозволенное к приобретению – "мубох". У барона Торнау, в его книге "Мусульманское право", приведено крайне интересное толкование слова "мубох" по Perrony. Это толкование доказывает, что мусульманское право свой принцип государственной собственности унаследовало от древней общины. "Слова "мубох" говорит словами Perrana Торнау, производное, страдательное причастие, заключает в себе значение предмета, дозволенного к приобретению и значение действия правильной законной передачи своего права. В сущности право собственности человека в предметах "мубах" есть ни что иное, как юридическая фикция – в отношении к настоящему собственнику над имуществом. Бог один – настоящий собственник оного.

Мубох считается три вида: 1) имущества, которые никогда никому не принадлежали, 2) имущества, бывшие во владении кого-либо, но за сим вышедшие из владения по воле хозяина или иным способом и сделавшиеся свободными и 3) имущества и даже личности не правоверных. Есть, однако, предметы, которые, вышедши и по воле

---

[89] Сборн. материал. для стат. Сыр-Дарьинск. обл. 1900 г. Т. VIII. С. 88 и след.

хозяина из владения, не могут сделаться свободными; это – имущества, которые посвящаются на богоугодные предметы, вакфи. Действием сим имущества возвращаются к первому, единственному собственнику – к Богу, и посему никакому за сим отчуждению подлежать не могут.

Усваивая взгляд на землю, как на достояние Бога, мусульманское право в то же время усвоило и другой взгляд, говорит г. Шкапский, по которому труд является основою собственности, что видно из приведенной выше цитаты кн. "Хидая" о дозволении имама на владение землею. Это дозволение давалось на право оживления мертвой земли, т. е. на право приведения земли к культурному состоянию. А чтобы совершить это необходимо или оросить мертвую землю и обработать ее или, если она представляет болото, осушить и также обработать. Другими словами, труд, потраченный на оживление мертвой земли, давал право на владение этой землею тому лицу, которое произвело это оживление. При этом мусульманское право допускает производить оживление не только единичным личностям, но также и юридическим.

Труд, потраченный на оживление земли, дает оживителю право владения не только на оживленную землю, но также на прилегающее к ней пространство. Это последнее, называемое харимов оживленной земли, по учению мусульманских юристов, простирается на расстояние полета стрелы, или на расстояние, на котором слышен голос человека, т. е. с того места, где упадет стрела, или где уже не слышен крик человека, стоящего на границе оживленного пространства; с того места начинается земля мават, могущая быть оживленною другим лицом. Значение таких харимов понятно: земледельческой семье необходимо иметь место для выгона скота, а также для расширения культуры при увеличении семьи (или общины).

Предоставляя оживителю право на оживительную землю и на её харим, мусульманское право в то же время ставит обязательным условием осуществление этого права неприрывность культуры на оживленной земле. "Кто поставит на земле знак (заявки, дабы воспрепятствовать другим заняться оживлением выбранного участка) и не населит ее в течение трех лет, у того имам отбирает землю и отдаеть другому. Основание к этому заключается в том, что предоставление семьи оживителю имеет целью обработку её, вследствие чего для мусульманского общества получается место, приносящее

пользу в виде десятины (ушри, или дахяк по персидски); если же этой пользы не получается, то земля передается другому в видах достижения предположенных выгод.

Равным образом, оживитель теряет право на владение землею, если прекратит и в течение трех лет не возобновит обработку её. В последнем случае, как видно из слов Perrona, такая земля становится мубох и потому может быть передана имамом, или что равносильно, государем мусульманского государства другому лицу.

Все вышеизложенное приводит к заключению что относительно землевладения мусульманское право опирается на два принципа: на принцип принадлежности земли Богу и мусульманскому государству и на принципах труда, как основы собственности. Последний принцип, первоначально дававший право лишь на владение землею и на пользование произведением труда, постепенно привел к праву частной собственности на землю. Принцип государственной собственности на землю сохраняется в настоящее время лишь в теории (в постановлениях шариата), да в некоторых местностях теократическое мусульманское государство идет на уступку духу времени.

Справедливость только что приведенного взгляда на право земельной собственности многими оспаривается. Вопрос о том, существует ли вообще в мусульманских странах частная земельная собственность, говорят они, принадлежит к числу таких, которые при различных условиях решается не одинаково, так как при решении этого вопроса вступают в столкновение два, совершенно своеобразных мировоззрений: европейское, выработавшееся политической и научной жизнью народов, и магометанское, выведенное схематически из теократических положений вероучения. Кроме того, при обсуждении вопроса о землевладении в магометанских странах, несомненно, отражается нередко и известное политическое настроение, как например, при занятии Индии англичанами, Алжира – французами и Туркестанского края – русскими. Народности, принявшие магометанские законоположения, являются при этом побежденными, и весьма естественно, когда победитель старается объяснить явление местной жизни, в смысле расширения сферы своего влияния, в смысле внесения в сметную жизнь тех начал, с которыми он сроднился в своем отечестве. Поэтому встречается тот факт, который вне приведенных соображений, мог бы показаться непонятным, именно: что в странах, где господствовал магометанский кодекс, с водворением европейцев, вводится не одинаковые формы землевладения.

Справка относительно первоначальных распоряжений английских администраторов в Индии дает нам то поучительное указание, что теория об отсутствии частной земельной собственности, по магометанскому законодательству, есть изобретение чисто политического характера, причем в доказательство ее весьма ловко были выдвинуты бывшие чиновники магометанской империи в Индии, лично заинтересованные в упрочении этого учения. И этот политический прием был доверчиво принят человеком науки, Мэном (Древние общины на востоке и западе, пер. Кутейникова, СПБ, 1867 г.) за научную истину. Подобные этому обстоятельства объясняют замечание, сделанное бароном Торнау, что относительно права частных лиц на поземельную собственность и воззрения, выведенные из магометанского законодательства европейских ученых, положительно не согласны с постановлениями о сем предмете Корана и хедисов, ниже шариатских книг".

Лица, рассматривавшие постановления шариата вне каких либо политических влияний, как Торнау, положительно утверждают существование права частной собственности в магометанских странах на земли, принадлежащие не только мусульманам, но и местным жителям стран, покоренных мусульманами, независимо от их вероисповедания. "С оставлением земель во владении местных жителей, говорит Торнау, им предоставляется полное право собственности над ними. В шариатских книгах положительно указано, что они могут отчуждать земли, дарить, закладывать, завещать и посвящать, т. е. распоряжаться ими всеми теми способами, которые в западных государствах предоставляются только полным собственникам земли". Что же касается мнения о том, что трехлетнее запущение хозяйства, по шариатским постановлениям, равносильно отказу владельца от дальнейшего пользования землею, то оно принадлежит к числу столь-же ошибочных, как и мнение о несуществовании частной земельной собственности. Безхозяйственная земля по шариату почитается мертвою, на основании обычая (это замечание как-бы подчеркивается) в том случае, когда она не имеет хозяина, или хозяин, который хотя бы и существовал в магометанских странах, но лично неизвестен; при этом земли эти могут быть относимы к числу мертвых в том лишь случае, когда необработанность их существует продолжительное время, которое в частности не определяется. Трехлетний же срок в шариате установлен для того случая, когда сделе-

на заявка о намерении оживить мертвую землю, но самое оживление не состоялось: тогда сделавший заявку теряет свои права. Но заявка, как замечает категорически шариат, не есть оживление, на основании коего земля поступает во владение[90].

Эта индивидуализация собственности на землю может быть хорошо прослежена на существующих в настоящее время формах землевладения. Культурные земли в отношении прав земледельческого населения на обрабатываемые им участки делятся на земли падшаи, т. е. государственные и на земли мильк, т. е часто-владельческие.

Владеют землею горцы Когистана на праве частной собственности. Общинное землевладение также существует, но только по отношению выгонов, которые исконным обычаем поделены между обитателями отдельных кишлаков или же нескольких. Никто из жителей в отдельности не имеет исключительного права на выгон; право это принадлежит обществу целого кишлака или даже нескольких кишлаков. Только в Искандеровской волости есть выгоны свободные, не составляющие ни частной, ни общественной собственности. На такие-то свободные выгоны пригоняют пасти свой скот жители других волостей Зеравшанского округа, а также жители Джизака, Заамина, Гиссара и Каратегина.

Богарные земли (лялми) состоят в частном владении, а не общинном, в большинстве волостей долины. Но лицом одного и того же кишлака не возбраняется, с ведома хозяина и без платежа аренды, посеять хлеб на чужой земле, если сам хозяин не желает или не имеет средства к этому. В Киштутской волости, в аксакальстве Мазари Шариф есть земля вакуф-халис, принадлежащая потомкам Ходжа Мухаммед Башаро. Других вакуфов в пределах Когистана нет. Кроме того, в описываемых волостях есть земли казенные, состоящие в постоянном пользовании туземцев с платою установленной раз на всегда ничтожной подати. Здесь кстати будет отметить одну характеристическую особенность благотворительности земледельцев – горцев: существует довольно распространенное обыкновение – не завещать земли в вакуф, а взамен того, в угоду Всевышнему, отдавать, если есть у кого лишняя земля, в безвозмездное, пожизненное пользование, какому нибудь бедному, многосемейному родственнику[91].

---

[90] "Турк. Вед.". 1885 г. №№ 27, 28 и 29.

[91] *Акимбетев Ш.* "Турк. Вед." 1881 г. № 3.

В Дарвазе и Каратегине повсеместно пахотная арычная и дождевого орошения (ляльми) земля состоит также на праве полной собственности владельца, пастбищная же земля в отдельном районе считается собственностью всего населения. Хотя переход земли к наследникам и покупателям совершается всегда без всяких документов, простой словесной сделкой при двух-трех свидетелях, тем не менее случаи поземельных споров весьма редки и всегда оканчиваются не судебным понуждением, а посредством сельских стариков.

Густота населения как в Дарвазе, так и в Каратегине, доказывающая давность здесь культурной жизни, настолько значительна, что земледелие заняло все, что только можно поднять сохой (джуфт) в низине на покатостях, на высоте 9 000 ф., но крупных собственников не встречается[92].

Право на землю у ягнобцев наследственно, но основано также не на документах, а на давности обработки участка земли, и в случае какой либо тяжбы поземельный вопрос решается свидетельством соседских жителей деха (деревни).

Все земли подразделяется у ягнобцев на маль-хур-зерхари (купленная на золото) и вакуфные. Вакуфные земли находятся в ничтожном количестве; они обрабатываются наемным трудом и весь доход с них поступает в пользу того учреждения, которому они завещаны[93].

Нужно упомянуть, что в культурном отношении горцы всецело зависят от соседних, более богатых местностей, Шугнан и Дарваз, находящихся на границе столкновений сильных самостоятельных владений, каковы Бухара, Афганистан и Китай. Это промежуточное состояние заставляло мелких ханов примыкать к той стране, которая в данную минуту являлась наиболее могущественною. Отсюда было их вассальное положение; но внутри у себя, владетели ханств были деспотами, и деспотами мелкими, вносившими свой произвол во все подробности народного быта. Таким порядком, сложился крепостной строй. Хан делил свои владения на поместья и распределял их между своими детьми, племянниками и т. д. Каждый бек, родственник хана, являлся управителем двух-трех селений, живущим на счет оброка барщины. По отношению Шугнана и Рошана над горным таджиком тяготела еще одна злоба; он был шиит, тогда как

---

[92] *Арандаренко.* У.с. С. 455.

[93] *Искандер-тюря.* "Турк. Вед." 1881 г. № 7.

владетели его и сильные соседи были сунниты, правоверные мусульмане[94].

В некоторых местностях существует институт права собственности на ирригационную воду. Так, изучение вакуфных документов, сосредоточенных в Самаркандском областном правлении и относящихся к имуществам, расположенных в пределах Ходжентского уезда, раскрывает перед нами любопытную особенность земледельческого быта некоторых местностей этого уезда, – право собственности на ирригационную воду отдельно от орошаемой ею земли.

К сожалению, говорит г. В. В.[95], указанный письменный материал, твердо устанавливая самый факт существования означенного права, не дает в достаточной мере подробностей для всестороннего освещения его деталей. Кроме того, весь этот материал захватывает относительно небольшой период времени, – приблизительно с конца XVII века и до занятия русскими города Ходжента, т. е. около двух столетий.

Однако, несомненно, что упомянутый характер водовладения, вызванный местными особенностями, сложился в более раннее время, на что есть указания в тех же вакуфных документах. Ходжентские вакуфные документы, за исключением небольшого числа их, касающихся неземельных имуществ, можно разделить на три отдела. По одним документам пожертвованы были определенные земельные площади, с указанием их границ и количества оросительной воды, получаемой из поименованных в них водных источников; по другим обращены были в вакф известные объемы проточной воды, но с неопределенным пространством земли (в документах значится глухо:"с соответствующею этой воде землею"), по третьим, завещана была в вакф исключительно текущая вода, без всякого упоминания о земле.

Во всех этих случаях точно обозначена мера обращенной в вакф воды. Не трудно заметить, что особенно тщательно описаны в документах границы тех земельных участков, которые расположены вблизи больших населенных пунктов и не описаны границы участков, и даже совершенно не указано на землю при обращении в вакф воды в местностях малонаселенных, с большим пространством одинаково удобных для разработки под пашни земель, но с относительно недостаточ-

---

[94] *Анучин Д.* Энц. Словарь Брокг. Т. 15. С. 51.
[95] "Турк. Вед." 1903 г. № 76.

ным количеством воды, которою могла быть орошена только ничтожная часть означенных земель. При таких естественных условиях земля сама по себе, без воды, могла иметь ценность в земледельческом отношении только самую ничтожную, и то лишь в смысле близости её от населения, источника и других удобств, т. е. ценность не абсолютную, а относительную. Таким образом, произошло совершенное изменение во взгляде населения на оценку земли и воды; земельная ценность других местностей здесь полностью перенесена была на воду, почему объектом разного рода юридических сделок являлась не земля, а вода. Богатство землевладельца определялось не количеством танапов принадлежащей ему земли, а исключительно объемом находящейся в его распоряжении ирригационной воды. Если в других местностях землевладелец имел по отношению к земле право собственности, а по отношению к воде из общественных каналов или источников право пользования, то здесь, наоборот, он являлся юридическим владельцем воды, а землею лишь пользовался.

Означенный избыток земли, которая могла обслуживаться ирригационною водою, создал свободное землепользование. Каждый вправе был распахивать землю там, где пожелал, или где успел захватить, и уводил туда из общего ирригационного канала принадлежащее ему количество воды. На таких пространствах хозяйство велось переложное.

Только этим и можно объяснить, почему многие документы совершенно умалчивают о земле. Наличность свободной земли подразумевалась, так как самая ценность воды обусловливается исключительно применением её в целях ирригационных. Правом собственности на проточную воду вполне устанавливалось и право пользования землею.

Забота совладельцев воды, размещенных в системе данного источника или арыка, заключалась в правомерном распределении между собою воды в течении вегетационого периода. Период этот захватывал приблизительно три месяца – март, апрель и май. То обстоятельство, что всякого рода земельные, по существу юридические сделки, в действительности производились водою, и мерилом состоятельности являлась в земледельческом быту именно вода, – выработало систему измерения проточной воды, доведенную до очень мелкого деления. За единицу была принята "давра", очередное пользование водою в течение суток в известный период времени; по

документам период этот в разных арыках показан разный, – от 11 до 19 суток. "Давра" или "Об" делилась на "Ним" – две половины (по 12 часов пользования водою); половину "Нима" составляла "Юхча"; половину "Юхча" – "Чакса"; половину "Чаксы" – 'Ним чакса" и половину "Ним чаксы" – "Ним ним чакса" ($^{3}/_{4}$ часа водопользования). Далее – "Чакса" дробилась на части $^{1}/_{8}$, $^{1}/_{16}$, $^{1}/_{32}$ и т. д. Кроме того, к измерению воды применялась и обычная туземная линейная мера "Кабза ва як бормак"- кулак сжатой руки с вытянутым вертикально большим пальцем. В этом случае принималась за единицу измерения площадь сечения воды при ширине всего арыка и при высоте кулака с пальцем, поставленным стоймя.

В документах нет прямых указаний на то, является ли право водовладения правом обычным, или же оно регламентировано в шариате. В одной из шариатских книг "Хазинат-ул-муфтиин" имеется статья, которою разрешается продавать воду без земли, но лишь в том случае, если в данной местности такая продажа является издавна установившимся обычаем.

В качестве иллюстрации к этой статье приведено указание на то, что шейхи Балха допускали продажу одной воды без земли, потому что между балхцами в силу необходимости такой обычай существовал от древних времен.

В настоящее время земли, годные к обработке, разделяются на мильки (владения) – ушри, хераджи и хурри-халис. Различия между этими видами мильков податные. Мильк-ушр облагались десятиною податью ($^{1}/_{10}$ урожая), мильк-хераджи облагались денежною податью в размере 10 тенег (2 р.) с каждого танапа сада и 5 тенег (1 р.) с каждого танапа остальной земли, а мильк-хурри-халис были вовсе освобождены от платежа податей. Имеются два объяснения происхождения мильк-хурри-халис. По одному объяснению происхождение этих мильков относится к временам очень давним, когда правительство за обрабатываемые массы пустопорожних земель отдавало часть в пользу оживителя и освобождало его от платежа всякого рода поземельных податей (хурри-халис значит-свободный от податей), а другую оставляло себе, населяя ее вечными арендаторами. По другому же объяснению такие мильки образовались путем продажи государственной земли, к чему правители прибегали во время войн или других случаях нужды в деньгах. Покупатель выплачивал стоимость земли, но затем $^{2}/_{3}$ купленной земли возвращал в казну, а

¹⁄₃ поступала в собственность покупателя, который затем навсегда освобождался от платежа податей.

Помимо происхождение мильков по праву оживления или путем покупки земель, существовали пожалования их с освобождением от платежи податей и укрепления земельной собственности также с освобождением от платежа податей.

Кроме перечисленных видов землевладения существует землевладение вакуфное, т. е. с пожертвованием земель на богоугодные дела. Завещанием в вакф земля возвращается к единственному собственнику земли, Богу, а учреждениям, в пользу которых посвящена земля, предоставляется лишь право пользования доходами с земли.

В виду недостаточно выясненного до сих пор значения слова "вакф" считаем долгом привести толкование юристов-мусульман по этому поводу, как это выразилось в книге "Хидая".

1) Абу Ханифа* говорит: "право собственности учредителя вакфа на предназначенное в вакф имущество отчуждается не иначе, как о том состоится постановление надлежащей власти, или когда учредитель вакфа ставит вакф в зависимость от своей смерти". Имам Мухаммед* говорит: "не отчуждается до тех пор, пока не будет назначен к вакфу распорядитель и вакф не будет передан ему". Кудири* говорит: "лексическое значение слова вакф есть сбережение". В шариате же, по Абу Ханифа, этим словом означается сбережение имущества в собственности учредителя вакфа и пожертвование дохода, на подобие ссуды имущества. Основываясь на таком понимании, можно рассуждать так: доходы не есть нечто реальное; поэтому пожертвование нереального неправильно; вследствие этого можно придти к выводу, что вакф совсем не дозволяется по учению Абу Ханифа. Но правильнее будет думать, что Абу Ханифа считает вакф дозволительным, но только без обязетельства оставлять имущество неприкосновенным, на подобие ссуды имущества.

По учению же Абу Ханифа и Имам Мухаммеда – сбережение имущества имеет то основание, что оно присуждается в собственность Всевышнего Бога; поэтому от учредителя вакфа право собственности отчуждается и переходит к Всевышнему Богу в том смысле, что доход от этого имущества обращается в пользу рабов Божиих; отсюда следует, что сбережение имущества необходимо, и оно не подлежит ни продаже, ни дарению, ни наследованию.

Выражение "вакф" есть общее, относящееся одинаково как к учению Абу Ханифа, так и к учениям Абу Юсуфа* и Имам Мухам-

меда; поэтому, на основании значения этого слова нельзя определить, какое из этих мнений заслуживает предпочтение; это может быть обнаружено только сравнительной силой доказательств. Доказательства в пользу мнения Абу Юсуфа и Имама Мухаммеда заключается в словах пророка Омару, когда он хотел пожертвовать принадлежащую ему землю, называемую Самг: "жертвую вполне, чтобы она не могла быт продана, наследована, подарена". Другое доказательство в пользу необходимости сбережения посвященного Богу имущества заключается в том, что учредитель вакфа имеет своей целью получение вечной награды, и эта цель может быть достигнута отчуждением имущества из собственности его и передачей Всевышнему Богу; подобные примеры есть в шариате, как напр. , постройка мечети. Посему и здесь поступают таким же образом. Доказательствами в пользу мнения Абу Ханифа служат слова пророка о том, что сбережение не входит в число обязателных повелений Всевышнего Бога. Далее Абу Ханифа ссылается на то обстоятельство, что по Шураиху, Мухаммед пришел к продаже определенного на сбережение. Еще довод состоит в том, что владение имуществом остается у учредителя вакфа; сему доказательством служит то, что ему дозволяется пользоваться этим имуществом, для жительства и т. д., причем право собственности имуществом принадлежит ему.

Не очевидно-ли, что ему принадлежит власть распоряжаться им, употреблять зерно на определенные надобности, назначить эконома над ним, он только жертвует доход с этого имения, а потому учреждение вакфа становится подобным ссуде имущества. Еще доказательство: если необходимо, чтобы пожертвование урожая было постоянное, то оно может осуществлятся не иначе, как под условием, чтобы имение оставалось в собственности учредителя вакфа. Еще доказательство: невозможно, чтобы право собственности учредителя вакфа отчуждалось и переходило к другому собственнику, потому что это было-бы несогласно с шариатом – и в то же время требовать, чтобы имущество оставалось в заведывании учреждения, подобно тому, как при пожертвовании имущества по обету, на случай выздоровления от болезни или благополучного возвращения из путешествия; напротив того, при освобождении рабов право собственности прекращается, потому что оно именно заключается в уничтожении владения рабом; точно также при учреждении мечети, так как она воздвигается исключительно для Всевышнего Бога, то по этой

причине не дозволяется пользование ею; здесь же, т. е. при учреждении вакфа, право раба Божия на вакф не уничтожается, и вследствие того вакуфное имущество не становится исключительно принадлежащим Всевышнему Богу. Что касается изложенного в тексте Кудури положения о том, что владение учредителя вакфа прекращается не иначе, как состоится о том постановление правительственной власти, или когда учредитель вакфа поставил его в зависимость от своей смерти, то оно правильно: положение относительно постановление правительственной власти необходимо, потому что оно есть решение об имуществе, относительно которого могли возникнуть споры; постановление вакфа в зависимости от смерти учредителя правильно, потому что право собственноти от него не отчуждается, а только жертвуется доходы имения на вечные времена; посему учреждения вакфа становится подобно завещанию доходом на вечные времена и на этом основании дозволяется. Правительственная власть – высшая власть.

Что касается третейского суда, то мнение о праве его делать постановление об отчуждении имущества из собственности учредителя вакфа различны. Если кто либо учреждает вакф в смертельной болезни, то, говорит, Ат-Тахави, это имеет значение завещания на случай смерти. Но правильно мнение Абу Ханифа, что в этом случае учреждение вакфа не дозволяется. По Абу Юсуфу и Имам Мухаммеду учреждение вакфа допускается, но только допускается одна треть, в здоровом же состоянии все имущество может быть обращено в вакф. Когда право собственности отчуждается по учению Абу Юсуфа и Имам Мухаммеда, то отчуждается на основании вышеприведенного изречения Абу Юсуфа, которое принимает также и Шафии*, по примеру освободителей рабов, потому что оно есть уничтожение права собственности. По учению Имам Мухаммеда непременно требуется передача вакуфного имущества эконому, потому что право Всевышнего Бога утверждается над имуществом путем вручения его рабу Его, ибо передача во владение Всевышнего Бога, который есть владетель всех предметов, не становится действительной от одного только намерения, причем самое имущество подчинялось-бы другому. Посему и принимается это мнение Имам Мухаммеда, выведенное путем аналогии с зякетом и милостыней.

2) Когда вакф учрежден правильно, то вакуфное имущество отчуждается из владения учредителя вакфа и не поступает в собствен-

ность того, в чью пользу учрежден вакф. Ибо, если-бы имущество поступило в собственность того, в пользу которого учрежден вакф, то оно могло-бы не сохраниться, могло-бы быть продано, как и другое, принадлежащее имущество. Другой довод: если-бы кто и получил во владение имущство, то не мог-бы отчуждать его, на основании условия, определенного прежним владельцем, как всякое другое имущество свое. Выражение "отчуждается из владения учредителя вакфа", как необходимо допустить на основании предшествовашего изложения, должно считаться также с мнением Абу Юсуфа и Имам Мухаммеда.

3) Назначение в вакф имущества нераздельного дозволяется, по Абу Юсуфу, потому что раздел нужен для того, чтобы получить в распоряжение; по ученью же Абу Юсуфа получение в распоряжение не составляет необходимого условия; вследствие этого, надобности в предварительном разделе имущества не обнаруживается.

4) Но Имам Мухаммед говорит, что назначение в вакф нераздельного имущества не дозволяется. Потому что сущность его учения состоит в том, что принятие во распоряжение есть необходимое условие правильности вакфа, а если так, то предварительный раздел необходим. Это разноречие во мнениях относится к тем случаям, когда раздел возможен; когда же раздел невозможен, то дозволяется и по Имам Мухаммеду назначение в вакф имущества хотя бы нераздельного, потому что он рассматривает вакф, как дарение и пожертвование дохода. Но относительно мечети и кладбищ, как скоро нельзя сделать раздел, и по учению Абу Юсуфа не могут быть назначаемы в вакф имущества нераздельные, потому что если остаются права товарищеские по отношению к имуществу, то это препятствует назначению имущества исключительно для Всевышнего Бога; установление очереди в пользовании имуществом были бы в настоящем случае чрезвычайно дурно, как напр. , если бы один год на земле хоронили мертвецов, в другой год распахивали бы ее под посевы, или напр. , когда одно и то же здание служило бы в известное время для молитвы, а в другое время – для конюшни. Напротив, в других родах вакф допускаются имущества нераздельные, в виду возможности собирания и раздела дохода с них. Если бы было назначено в вакф целое имение, а после кто нибудь стал бы требовать часть этого имения, то по Имам Мухаммеду вакф недействителен в их отношении к остальной бесспорной части, потому что с ней свя-

зана нераздельная часть, как и в дарении. Напротив того, когда даритель берет назад часть или наследники берут себе две трети после смерти больного, между тем как дар или вакф остается совершен в смертной болезни, и относительно имущества мелкого, вакф остается действительным, потому что нераздельность обнаруживается только впоследствии. Или если предъявится претензия на точно определенную часть назначенного в вакф имущества, то вакф не становится недействительным по отношению к остальной, бесспорной части, потому что нераздельность в этом случае не существует, поэтому дозволяется назначение бесспорной части в вакф, как дозволялось в начале, до предъявления претензии. На этом же основании поступают во владение дар и милостыня.

5) По Абу Ханифа и Имам Мухаммеду вакф не почитается учрежденным окончательно до тех пор, пока учреждение, в пользу которого он назначен, на будущее время не будет поставлено в такое положение, что существование его не прекратится никогда. Абу Юсуф говорит: "позволяется и тогда, когда означенное в нем учреждение может прекратить свое существование; после того вакф поступает в пользу бедных, хотя бы о них именно и не было обозначено".

Мнение Абу Ханифа и Имам Мухаммеда вытекает из того положения, что для существования вакфа необходимо отчуждение из собственности, независимо от передачи владения и это отчуждение должно быть на вечные времена, как и при освобождение рабов. Поэтому, когда учреждение, в пользу которого вакф учреждается, может прекратить свое существование, то в отношении к нему не будет вполне исполнено намерение учредителя вакфа; по этой причине учреждение вакфа на время недействительно, как недействительна сделка при купле-продаже на время. Мнение Абу Юсуфа доказывается тем, что цель учреждения вакфа есть приближение к Всевышнему Богу и эта цель вполне достигается в том случае, когда имущество жертвуется в пользу учреждения, которое остается на вечные времена; поэтому вакф правилен как в том, так и в другом случае. Есть мнение, что правило о постоянном существовании учреждения, в пользу которого назначен вакф, как необходимое условие правильности вакфа, есть общепринятое, кроме Абу Юсуфа, по учению которого упоминание о постоянном существовании учреждения не составляет необходимого условия, потому что самое выражение "вакф", "милостыня" указывает на это условие, как мы объяснили

это, говоря об отчуждении собственности, независимости от передачи самого имущества, поставив в аналогию с освобождением рабов. На этом основании в книге своей, в объяснение своего выражения, он сказал: "по прекращении существования учреждения, вакф поступает в пользу бедных, хотя бы о них и не было обозначено". Этот вывод правилен.

По учению же Имам Мухаммеда, упоминание о постоянном существовании есть необходимое условие, потому что вакф есть, пожертвование дохода или урожая; это пожертвование может быть сделано навсегда; вообще же понятие о пожертвовании не заключает в себе понятия о непрекращаемости, вследствие чего точное обозначение этого условия необходимо.

6)Дозволяется назначение в вакф недвижимых имений, так как все спутники пророка (асхабы) назначили их в вакф.

7) Не дозволяется назначения в вакф предметов движимых и изменяемых, при том положении Кудури делает ссылку на Абу Ханифа.

8) Абу Юсуф говорит: "когда назначается в вакф пахотная земля с рабочим скотом, с работниками и рабами учредителя вакфа, то вакф дозволяется". Таким образом, допускается в вакф и прочие земледельческие инструменты, потому что они находятся в зависимости от земли, имея своим назначением достижение результата обработки земли, хотя сами по себе они не могли-бы служить объектом вакфа, как орошение при купле-продаже и постройки при вакфе, но в силу зависимости их от земли, необходимо сделать вывод о том, что назначение их в вакф допускается.

Имам Мухаммед присоединяется к этому учению Абу Юсуфа, потому что если он допускает назначение в вакф некоторых движимых имуществ, то само собой разумеется, дозволяет в назначение в вакф таких предметов, которые находятся в зависимости от недвижимости.

9) Имам Мухаммед говорит: "дозволяется сбережение лошадей и оружие, то есть назначение этих предметов в вакф путем Божиим". Это учение выведено путем сранительных доводов; но путем аналогии должно заключить, что назначение лошадей и оружия в вакф не дозволяется на основании того, что мы выше объяснили. Метод сравнительных доводов имеет основание в известном предании о том, что по словам пророка, Хамид наложил запрещение на свою кольчугу ради Всевышнего Бога, а по другой редакции – и на коней своих.

Так как речь идет о коннице, то, следовательно, сюда же нужно причислить и верблюдов, потому что арабы ведут на них священную войну, а если так, то и оружие, потому что оно навьючивается на верблюдов.

Есть мнение Имам Мухаммеда, что дозволяется назначение в вакф тех движимых предметов, относительно которых существует обычай, как, напр. , топора, кетменя, мотыги, пилы, порожних носилок, савана, чугунных котлов, котлов каменных и медных, книг Корана.

По мнению же Абу Юсуфа назначение в вакф подобных предметов не дозволяется, потому что, как скоро существует предание, аналогия не имеет места; предание существует только относительно лошадей и оружия, посему ими и следует ограничиться. Но Имам Мухаммед говорит: " аналогия не имеет места при существовании обычая, как, напр. , в ремеслах; относительно же поименованных предметов обычай существует". Сюда относится пример Нусайра-бек -Яхья, который назначил в вакф свои книги; так как они имеют такие же значение, как и Коран, то назначение их в вакф правильно, потому что как Коран, так и эти книги сохраняются ради религии, в видах обучения других, или для личного назидания и для чтения вслух. Большая часть правоведов Египта приняла учение Имам Мухаммеда. Те предметы, относительно которых обычая не существует, по нашему учению, назначать в вакф не дозволяется. Но Шафии говорит, что дозволяется назначить в вакф все предметы, которые могут приносить доход, оставаясь капиталом и продажа коих дозволяется, потому что возможно получить доход с них, вследствие чего они становятся подобными недвижимым имениям, лошадям и оружию. По нашему же мнению, назначение в вакф предметов, которые не имеют свойства оставаться постоянными, безусловно зависит от того, что мы выше объяснили, так как такие предметы должно рассматривать, как драхмы и динарии, в противоположность недвижимым имениям. Разноречие не существует ни в преданиях, ни в обычае, потому оно остается лишь только в сущности аналогического метода, и именно в том обстоятельстве, что недвижимое имущество может оставаться постоянно, священная же война имеет целью возвеличение религии, вследствие чего то и другое, в виду важности значения, сближаются.

10) Когда вакф учрежден неправильно, то по учению Абу Юсуфа не дозволяется продажа вакуфного имущества и передача владения

им; только в том случае, когда оно есть имущество нераздельное, товарищ может требовать раздела и тогда выдел доли его правилен.

Относительно воспрещения передачи владения мы уже объяснили. Что же касается относительно раздела, то он заключается в сущности в определении доли нераздельного имущества; относительно же тех предметов, которые не могут быть разделены взвешиванием и измерением, выдел заключается в замене; в интересах вакфа мы устанавливаем те способы выдела, которые доставляют вакфу наиболее выгод: поэтому то и не допущена продажа и передача владения назначенного в вакф имущества. Затем, если кто либо назначает в вакф свою долю недвижимого имущества, состоящего в товарищеском владении, то этому лицу принадлежит право выделить долю своего товарищества, потому что власть над вакфом поступает к учредителю, а после его смерти к опекуну. Если кто назначит в вакф половину недвижимого имения, принадлежащего ему в полную частную собственность, то раздел производят казии, или же доля, которую учредитель оставляет себе, продается какому либо лицу, после чего покупщик производит выдел, а затем учредитель вакфа покупает эту выделенную долю, потому что не дозволяется, чтобы одно и то же лицо производило выдел остающейся у него доли и отделяло бы долю поступающую в вакф. Когда при разделе оказывается излишек, за который уплачиваются деньги, то если деньги получает учредитель вакфа, это не дозволяется, так как продажа вакфа запрещается; если же учредитель вакфа уплачивает деньги, то дозволяется, так как он здесь является покупщиком за известную сумму денег.

11) Необходимо, чтобы вакуфные доходы прежде всего употреблялись на устройство зданий, независимо от того, поставил ли это условие учредитель вакфа или нет, потому что намерение учредителя вакфа заключается в том, чтобы расходование дохода продолжалось вечное время; но они не оставались бы вечно, еслы бы не было здания; потому само собой является заключение, что устройство здания есть необходимое условие. Другой довод есть тот, что получение дохода налагает и обязанности, становится аналогичным с пользованием работ, служба которою завещена; посему поддержание построек падает на обязанность того, кто получает пользу с них. Если вакф учрежден в пользу бедных, у которых почти нет никакого имущества, кроме вакуфного дохода, то все таки необходимо устройство зданий отнести на этот доход. Если вакф учрежден в пользу

какого нибудь известного лица с тем, чтобы после поступал в пользу бедных, то постройки относятся на имущество этого лица, какое бы ни случилось при жизни его, из вакуфного же дохода не берется, потому что этоть доход имеет определенное назначение и может быть потребован бедными, если это лицо окажется состоятельным. Поэтому устройство зданий справедливо отнести на счет этого лица в том размере, в каком он пользуется, и содержание своей части в том виде, в каком здание поступило в вакф. Если здание разрушится, то он восстанавливает его таким же образом; в настоящем случае это здание рассматривается как доход, расходуемый на нужды того, в пользу кого учрежден вакф.

Что же касается расширение вакуфных зданий, то нельзя относить их на счет этого лица, потому что долю, на которую он имеет право, не дозволяется расходовать на что-нибудь другое, помимо его согласия. Если вакф учрежден в пользу бедных, то, по мнению одних, точно также не дозволяется употреблять излишек доходов на расширение зданий; по мнению же других – разрешается. Первое мнение правильнее, потому что расход на устройства зданий вызывается необходимостью, чтобы вакф оставался постоянно; в расширении же зданий необходимости нет[96].

Вышеприведенные толкования юристов-мусульман дают возможность иметь понятие о значении слова "вакф".

В пределах Туркестанского края законы о землевладении изложены в положении об управлении Туркестанским краем и об этом более подробно было говорено в другом месте[97].

Владельцы земель мильк-хераджи, мильк-ушри и мильк-хури-халис имеют право отчуждать их – продажею, даром, завещанием. По смерти владельцев таковые земли переходят к их законным наследникам. Владелец милька-хури-халиского, не сделавши духовного завещания, может оставить землю и прочее имущество в общее владение наследников, не обязывая их совершать немедленно раздел. Это есть мильк-муши (владение смешанное). Наследники не обязаны сохранять общее владение вечно. Если они малолетние, то раздел может быть совершен через кази по требованию опекуна (васи); это бывает в большей части случаев тогда, когда дети умершего

---

[96] Вакф. Из книги Гидаэ. "Турк. Вед." 1887 г. № 38 и 39.

[97] Сарты. Т.I. стр. 192 и след.

происходят от разных матерей, т. е. когда братья, хотя и единокровные, но не единоутробные, или наоборот, или когда происходит отдача земли в аренду по участкам. Если один из малолетних сделается совершеннолетним, то может потребовать выделения своей части из мильк-муши. По согласию всех наследников мильк-муши может оставаться таковым неопределенное время. Согласия на раздел не требуется от всех совладелцев.

Необходимо указать на некоторые особенности при наследовании. В Гильгите, и прилегающих долинах, земли, по смерти владельца, делится не поровну между его сыновьями, как следовало бы по шариату, а на равные части между семействами его жен; так, напр., если у кого либо останется один сын от одной жены и три от другой, то первый из них получает половину всей земли, а остальные три другую половину, которая уже подразделяется между ними. Если бы одна жена имела сыновей, а другая только дочерей, то земля делится только в семействе первой, так как в приданое, на которое имеют право дочери, не входит земля. Если по смерти кого либо остаются только дочери, то земля переходит к ближайшему наследнику мужского пола; но делается весьма интересное исключение в случае, если остается только одна дочь, которая тогда получает всю землю в приданое. Это считается милостью, а не правом и, вероятно, есть остаток более древного порядка, при котором признавалось наследование женщин. Из истории этих стран известно несколько случаев, когда, за отсутствием мужских потомков, правление страною переходило в руки женщин.

В Вахане и Сарыколе дочери участвуют на равных правах при разделе всего, кроме земли, которая переходит к сыновьям. В Читрале и Свате следуют шариату, по которому все сыновья получают равные части. Дочери при выходе замуж получают приданое, в которое не входит земля. В Торвале дочери получают одинаковые части земли, как и сыновья[98].

Мусульманское население знает две формы держания чужой земли: музораат- держание земли из доли урожая и иджорат – аренда. Безвозмездная ссуда земли для пользования ее – ариат. Собственники земли носят название "дихканов", а дольщики называются "шериками", а иногда "чарыками" и "карандами". С точки зрения шариата

[98] Биддельф. У.с.

съемка полевых угодий для обработки их из доли урожая есть товарищество между капиталом и трудом, относительно продукта. Владелец недвижимости участвует в доле продукта по стольку, поскольку он вносит в операцию капитал в виде земельной собственности и семян; съемщик же имеет свою долю в продукте по стольку поскольку он вносил свой труд. Объектом сделки может быть исключительно только урожай. Этот принцип проводится настолько строго, что, напр. , владельцу земли запрещено по сдаче земли съемщику производить на ней какие либо работы; с другой стороны съемщик, участвуя в деле лишь своим личным трудом, не имеет права вносить в него какой нибуд капитал, напр. , семена; он может иметь только свой рабочий скот, который в таком случае рассматривается как инструмент труда; когда же он вносит и рабочий скот и семена, то договор уже рассматривается, как аренда земли, за известную часть урожая.

Постановления о дольщиках, помимо того, что касается значительной части земледельческого населения, в высшей степени интересны в том отношении, что они основаны не на религиозных постановлениях, доказываются не изречением Корана и хедисами, а заключают в себе существующие среди населения обычаи, игнорировать которые большинство мусульманских законоведов не нашло возможным. При этом существует много оснований заключить, что эти обычаи наблюдались и вносились в законодательный кодекс, главным образом, в Хоросане и других частях Персии. Поэтому остается предположить, что в настоящем случае имеется дело с арийскими, или точнее – с иранскими народными представлениями об отношениях между землевладельцами и съемщиками, разумеется, в том размере, в каком эти представления сохранились неприкосновенными во время систематической обработки их под углом зрения магометанского вероучения и под действием схоластических приемов.

Мусульманские законоведы внесли в свой кодекс народные обычаи, и таким образом, сделали шариат не со всем собранием исключительных и неприкосновенных постановлений, во всех безусловно частях санкционированных каноническими доводами Корана и хедисов. Напротив, как постановления о дольщиках, так равно и постановления об оживлении мертвых земель, об орошении, о проведении оросительных каналов и т. п. заключают в себе несомненые следы того, что в них выражены только уже существовавшие факты в жизни народностей Востока.

В шариате термином "музораат", обозначается гражданский договор относительно обработки земли под посев из части урожая.

Абу Ханифа говорит: "обработка земли под посевы из одной трети или из одной четверти тщетна и договоры этого рода должны считаться недействительными". Но по Абу Юсуфу и Имам Мухаммеду этого рода договоры дозволяется, на основании предания о том, что пророк дозволил населению Хейбера обрабатывать землю из половины урожая древесных плодов и полевых посевов. Другое доказательство заключается в том, что как сделка между капиталом и трудом они дополняются, по примеру договоров товарищества относительно обращения капиталов из прибыли; соединившись вместе, труд и капитал уничтожают нужду один в другом.

Таким образом, в заключении этого договора имеют надобности как владелец капитала, не имеющий возможности лично работать, так и тот, кто может работать, но не имеет капитала. Но сюда не могут быть причислены договоры об отдаче из половины прибыли гуртов овец, домашней птицы и шелковичных червей, на том основании, что в получаемой от них прибыли нет никакого следа личного труда человека, взявшего подобное имущество в пользование, вследствие чего товарищество не оправдывается.

Другой довод в пользу мнения Абу Ханифа: обработка земли под посев есть договор, в котором имеется в виду получение наемной платы в виде части продуктов, добытых трудом. Таким образом, он становится подобным, по значению, отдаче мельнику известной меры зерна за перемол.

Еще доказательство в защиту того же мнения: договаривающийся об обработке земли не знает точно дохода, который может получить; этот доход в момент заключения сделки для него не существует. Все же сделки подобного рода подлежат расторжению. Что же касается предания о племени Хайбер, то по Абу Ханифа, племя это подчинялось пропорциональному хераджу путем помилования и мирного договора, что дозволительно. Поэтому, по учению Абу Ханифа, если договоры об обработке под посев из части урожая подлежат расторжению, то тот, кто поливал землю и обрабатывал ее, достоин получить плату за свой труд, хотя бы урожая и не было, ибо тогда этот договор получает значение найма, не согласного с шариатом. Так должно поступать в том случае, когда семена даны хозяином земли; но когда семена дал тот, кто обрабатывал землю, то он пла-

тит хозяину земли арендную плату за землю; урожай же в обоих случаях принадлежит тому, чьи семена, потому что выросшее из семян составляет собственность владельца их; другая же сторона получает наемную плату за труд или за землю, как объяснено выше. Тем не менее, несмотря на всю важность приведенных рассуждений Абу Ханифа, основанием для судебных решений должно признать мнение Имам Мухаммеда и Абу Юсуфа, так как оно наиболее удовлетворяет потребностям людей, а также и вследствие очевидного существования в народе обычая отдавать землю под обработку из части урожая; наконец, в этом случае имеет место то основание, что как скоро существует обычай, то необходимо оставить логичекий метод выводов, как это практикуется в отношении к ремеслам.

Доводы об обработке земли из части урожая для того, чтобы быть правильными, на основании учения тех, которые дозволяют их (т. е. Имам Мухаммеда и Абу Юсуфа) должны удовлетворять следующим условиям: 1) Земля должна быть способна к земледелию, ибо без этого условия не достигалась бы цель обработки её. 2) Владелец земли и снимающий землю для обработки должны быть лицами правоспособными к совершению гражданских сделок. По отношению обработки земли из части урожая не существует никакой особой правоспособности, между тем всякий гражданский договор может почитаться действительным в том только случае, когда он заключен между правоспособными лицами. 3) Должен быть объявлен срок договора, так как договор относится к доходу с земли и к доходу от труда. Срок же есть определение времени для обработки земли, которое должно быть известно договаривающимся сторонам. 4) Должно быть обозначено, на чей счет относятся семена, дабы предупредить возможность тяжбы в этом отношении, и для того чтобы договаривающиеся точно знали размер прибыли, которую даст земля, и той прибыли, которую даст работа. 5) Должна быть обозначена доля, которую получает тот, кто не дает семян, так как на основании условия, ему принадлежит право на плату, по мере его участия, в операции капиталом или трудом; поэтому необходимо, чтобы эта доля была точно известна; на то же, что не известно, он не может предъявлять прав по условию договора. 6) Владелец земли обязан очистить землю так, чтобы на ней никого не оставалось кроме съемщика, в такой мере, что если бы условием было постановлено, что на земле будет работать и владелец её, то договор расторгается

вследствие того, что не существует очищения земли. 7) Должно быть определено товарищества в урожае после снятия его, потому что договором устанавливается такое по окончании операции, и когда это товарищество нарушается, тогда расторгается самый договор. 8) Должен быть обозначен род семян с тою целью, чтобы это было известно договаривающемуся на обработку земли.

По Абу Юсуфу и Имам Мухаммеду существует четыре вида обработки земли из части урожая: 1) когда земля и семена принадлежат одному, а рабочий скот и труд другому, обработка земли из части урожая дозволяется, потому что рабочий скот есть инструмент труда, подобно тому, как когда нанимается швец с тем, чтобы он шил своей иглой. 2) Когда земля принадлежит одному, а труд, рабочий скот и семена другому, договор дозволяется, потому что в этом случае является аренда за известную часть урожая; поэтому договор дозволителен одинаково, как и в том случае, если бы земля была арендована за известную цену деньгами. 3) Когда одному принадлежит земля, рабочий скот и семена, а другой дает только труд, договор дозволяется, потому что в этом случае нанимается труд с инструментом от нанимателя, подобно тому, как нанимают швеца с иглами от хозяина или месильщика глины с кетменом от хозяина. 4) Когда земля и рабочий скот принадлежат одному, а труд и семена другому, договор – недействителен. Об этой недействительности договора в данном случае мнения согласны. Впрочем, по мнению Абу Юсуфа этот договор также дозволяется, так как если он дозволяется тогда, когда семена и рабочий скот даются со стороны одного, то нет причины не дозволять его и в вышеприведенном случае, как, вообще, если бы было условлено со стороны обрабатывающего что нибудь одно, т. е. или семена или рабочий скот. В подтверждение же общего мнения о недействительности договоров в приведенном случае, приводятся следующие доказательства: польза, доставляемая скотом, не одного рода с пользой, получаемой от земли, ибо польза от земли заключается в способности его производить работу. Все это сотворено Всевышним Богом. Как скоро то и другое не одного рода, то и невозможно, чтобы то или другое принимали на себя чуждые им свойства. Напротив, когда на стороне обрабатывающего находится и рабочий скот, то свойства пользы, приносимой обоими (т. е. способности к работе человека и скота) одинаковы. На этом основании то и другое – труд человека и рабочий скот могут быть на одной

стороне. Кроме этого, есть еще два, относящиеся сюда, случая, о которых не упомянуто. Случай первый: если семена принадлежат одному, а земля, рабочий скот и труд другому, то договор, недействителен, потому что тогда оканчивалось бы товарищество между семенами и трудом, а этого в шариате не встречается. Случай второй: если семена и рабочий скот на одной стороне, то договор также недействителен. Если договор не дозволяется, когда на одной стороне то или другое, т. е. или один рабочий скот или одна семена, то он не дозволяется равным образом и тогда, когда и то и другое вместе на одной стороне. По одному мнению в обоих случаях урожай принадлежит владельцу семян, как и, вообще, во всех случаях, где договор об обработке земли из части урожая признается несостоявшимся. Но по другому мнению, урожай принадлежит владельцу земли, который представляется тогда берущим семена займообразно для того, чтобы приложить их к земле.

Неправильна съемка земли из части урожая без определения срока, как мы объяснили выше, потому что она есть договор относительно платы, получаемой от труда.

Неправильна съемка земли и тогда, когда урожай остается не распределенным между договаривающимися; основание к этому заключается в значении товарищества.

Договор недействителен и в этом случае, когда двое уславливаются, что кто либо один имеет получить определенное количество зерна, а другой берет то, что остается, потому что при этом уничтожались бы товарищеские отношения, и, во вторых, потому что земля как бы обязывается производить не больше определенного количества; договор в этом случае становится подобным тому, как если бы в товариществе для обращения капитала из прибыли было обусловлено таким образом, что один из товарищей получает определенную сумму (а не долю из общей прибыли).

Договор действителен также и в том случае, когда договаривающиеся уславливаются, что хозяин семян получает семена, а остающаяся часть делится между обоими пополам в том случае, когда урожай не превышает количество семян. Подобен настоящему и тот случай, когда договариваются, что один принимает на себя уплату хераджа, когда земля хераджная, а остающаяся часть поступает в раздел между обоими договаривающимися, потому что херадж есть величина определенная. Напротив того, договор остается в силе, когда

земля десятинная и договаривающиеся уславливаются, что хозяин семян берет себе или отдает другому одну десятину урожая, а остальное поступает в раздел между обоими, потому что тогда доля каждого остается определенной и не ведет к уничтожению товарищества; тоже самое и в том случае, когда один принимает на себя уплату десятины, а оставшееся количество поступает в раздел.

Договор недействителен также и тогда, когда он относится к землям, находящимся на оросительных каналах, т. е. когда в нем постановляется, что кто либо один пользуется урожаем с этих земель, потому что тогда постановляется условие о том, чтобы одному получать урожай с определенного места. Также постановление клонится к уничтожению товарищества, так как может случиться, что урожай получится на одном только месте. Подобно этому было бы также условие о том, чтобы один получил урожай с одной стороны участка, а другой – с другой стороны.

Договор недействителен и тогда, когда в нем постановляется, что один получает зерно, так как может случиться, что, вследствие атмосферических причин, зерно не уродится, а получится одна только солома.

Договор недействителен, когда уславливаются разделить солому пополам, а зерно получить кому либо одному, потому что такое условие ведет к уничтожению товарищества, поскольку цель его заключается в получении зерна. Когда уславливаются зерно разделить пополам, а о соломе не упоминают, то договор действителен, потому что при этом условии определяется товарищество, именно в том отношении, в каком заключается цель его. В таком случае солома предоставляется хозяину семян, потому что она выросла из предмета, составляющего его собственность, и относительно прав его на солому нет надобности заключать особое условие; напротив того, если бы включить в условие пункта о соломе, то тем нарушилось бы право хозяина семян, потому о соломе умалчивается.

Впрочем, шейхи Балха говорят, что солома должна разделяться между договаривающихся, так как солома принадлежит зерну и эта принадлежность ставит ее в одинаковые с ним условия в договоре.

Когда в договоре определяется зерно разделить пополам, и солому предоставить хозяину семян, то договор действителен, на основании поставленных в нем условий. Когда же поставляется, что солома поступает не хозяину семян, то договор расторгается, потому

что ведет к уничтожению товарищества в том случае, когда не уродится ничего, кроме соломы; поэтому тогда, согласно условию, осуществлялось бы право только одного, и при том не хозяина семян.

При правильности и дозволительности договора об обработке земли из части урожая, относительно урожая существуют следующие условия: когда земля ничего не уродит, то обрабатывающий не получит ничего, потому права его осуществляются в товариществе, а когда нет урожая, тогда нет и товарищества. Но если он условился работать за наемную плату по соразмерности работы его, обязанность уплатить наемную плату не уничтожается и в случае неурожая.

Когда же договор признается недействительным, то урожай принадлежит хозяину семян, потому что урожай есть продукт его собственности, право же другой стороны требовать выговоренную долю основано на договоре, который признан недействительным, вследствие чего остающийся сполна принадлежит хозяину семян. Если же семена были со стороны хозяина земли, то обрабатывающему землю предоставляется заработанная им плата. Но эта плата не должна превосходить установленного для него размера, потому что он сам согласился на несуществование излишка; так учат Абу Ханифа и Абу Юсуф; но по Имам Мухаммеду ему принадлежит плата, пропорциональная его труду, хотя-бы она превышала договоренную в условии, потому что право на вознаграждение за труд он получает по расторжению договора; поэтому возникает необходимость возместить стоимость труда, между тем как равнозначащего не существует. Объяснение этого постановления находится в книге о найме. Когда же семена были со строны обрабатывающего, то хозяину земли предоставляется арендная плата за землю, потому что право требовать вознаграждение он получает по расторжению договора. Это вознаграждение, несомненно, ему следует, но невозможно получить его натурою, в виде предмета, равнозначащего производительной способности земли; поэтому остается только удовлетворить его стоимостью этого качества принадлежещей ему земли. Что же касается вопроса о том, может ли он получить больше, чем было условлено в расторгнутом договоре, то об этом мнения также различны, как выше было упомянуто.

Если до времени расторжения договора земля и рабочий скот были вместе, то обрабатывающий обязан уплатить арендную плату как за землю, так и за рабочий скот. Это правильно на том основа-

нии, что рабочий скот есть также предмет найма и в данном случае употребление его в работу имеет значение найма.

Если владелец земли, по расторжению договора, потребует себе весь урожай за семена свои, то он может получить весь урожай на том основании, что он есть продукт, выросший на земле, принадлежащей ему в собственность. Если же урожай потребует себе обрабатывающий, то он получает из него количество своих семян и количество, равное арендной плате за землю, а излишек жертвует, потому что растения произрастают из семян и выходят из земли; при расторжения же договора в отношении владения продуктами земли, определенные в договоре условия прекращаются; поэтому то, что вручается обрабатывающему по мере участия его в операции, как равноценность -дозволяется; то же, что составляет излишек – жертвуется.

Когда заключен договор на обработку земли из части урожая, и хозяин семян отказывается от работы, то он не принуждается к ней, потому что нельзя настаивать на исполнение договора помимо того случая, когда это дозволяется вследствие проистекающего от неисполнения договора – вреда; этот случай подобен тому, как если-бы кто либо нанялся для сломки дома.

Если отказывающийся от обработки не есть хозяин семян, то он принуждается к исполнению договора правительственною властью, потому что исполнение договора не причинит ему никакого вреда, а между тем оно необходимо, подобно тому, как в договоре найма; исключение допускается только тогда, когда существует ссылка на такое обстоятельство, которым уничтожается договорная плата; тогда и самый договор, об обработке земли уничтожается.

Если будет отказываться от договора хозяин земли и семян уже после того, как земля запахана, то работавшему ничего не предоставляется за его труд по запашке. Так решается дело судом, но по совести и справедливости работавший может требовать вознаграждение за труд свой, потому что он обманут. Если умрет один из договаривавшихся, то договор прекращается, как и в договоре найма. Основание этому объяснены в книге о найме.

Если кто либо отдал землю на три года и владелец земли умрет в первый год, когда посеянное выросло, но еще не сжато, то земля остается в распоряжении обрабатывающего ее до окончания жатвы и урожай делится согласно условия, а на последующие годы договор

прекращается. Договор остается в силе в первый год во внимание к правам обеих договаривающихся сторон; напротив, во второй и третий годы от прекращения договора для обрабатывающего землю нет никакого вреда. Это правило получается путем логического вывода (кыяс).

Если владелец земли умрет прежде посева, но после того, как земля уже запахана, и оросительные каналы выкопаны, то договор прекращается, потому что в этом случае не пропадает никакое имущество договаривающихся; обработавшему же землю за произведенную им работу ничего не представляется. Об этом будет объяснено ниже.

Если договор об обработке земли из части урожая прекращается вследствие долга, падающего на владелца земли, так что оказалось необходимым продать землю и она продается, то эта продажа дозволяется, как в договоре найма; обработывавшему же землю не предоставляется права требовать что либо за произведенную им работу при вспашке земли и копании оросительных каналов на том основании, что польза, которую он имел получить, вытекала из договора, договор же основывался на урожае; но как скоро нет урожая, то и нет необходимости давать ему, что либо. Когда же посеянное на земле растет, но еще не сжато, то земля за долг не продается до тех пор, пока не будет собран с неё урожай, потому что немедленная продажа нарушила бы права обрабатывающего, замедление же в получении долга легче, чем это нарушение прав обрабатывающего. Если при этом должник заключен за долги под стражу, то кази освобождает его, так как если и оказывается препятствие к немедленной продаже земли, то в этом нет притеснения со стороны должника; заключение же под стражу есть наказание за притеснение.

Когда срок договора об обработке земли кончился и результат обработки еще не выяснился (т. е. когда жатва еще не поспела), то договорившийся на обработку земли обязан вознаградить владельца земли, соответственно доле его, до того времени, когда наступит жатва; расходы же на дальнейшую обработку земли относятся на счет обоих, соразмерно правам их, до времени жатвы, потому что при оставлении земли в распоряжении обрабатывающего до окончания жатвы, при условии уплаты соответствующей аренды, заключается справедливость и благо обеих сторон; вследстии этого и должно так поступать. Расходы же по дальнейшей обработке земли отно-

сятся на счет обоих на том основании, что договор уже кончился с окончанием установленного срока и эти работы относятся уже к имуществу товарищества. Напротив того, когда владелец земли умирает в то время, когда посеянное еще растет, то работа относится на счет обрабатывающего, потому что в этом случае договор остается еще в пределах его срока, а по условию договора требуется, чтобы работы производил обрабатывающий. В первом же случае срок договора кончился, посему договор уже не продолжает существовать; вследствие этого на обрабатывающем землю уже более не остается обязанности производить работу на свой счет.

Если один из товарищей производит расходы без дозволения другого товарища, или без приказания казия, то он добровольно принимает эти расходы на одного себя, потому что никто не заставлял его делать это.

Если владелец земли пожелал бы получить посев еще несозревший, то право на это ему не представляется, потому что в этом заключался бы ущерб для договорившегося на обработку земли. Если же договорившийся на обработку земли пожелает получить недозревший посев, то говорит владельцу земли: "сорви посев и пусть он будет разделен между нами, или выдай мне причитающуюся мне долю, или прими на себя расходы на обработку земли, и то, что тобою израсходовано, возьми себе из моей доли".

При этом основанием служит то, что когда обрабатывающий землю отказывается от работы, то не принуждает к ней. Затем, если продолжение договорных отношений после срока, определенного в договоре, есть благо для обрабатывающего землю, то, отказываясь от договора, он сам оставляет свое благо. Владельцу же земли предоставляется выбрать тот или другой из указанных способов, по его усмотрению, потому что каждый из них клонится к уничтожению ущерба для него.

Если договаривавшийся об обработке земли из части умрет в то время, когда посеянное произрастает, и наследники его пожелают продолжать работу до окончания жатвы, а владелец земли на это не соглашается, то наследникам предоставляется право продолжать обработку земли, потому что в этом для владельца земли нет никакого ущерба.

При этом наследникам не следует никакой платы за произведенную ими работу, потому что для блага их мы оставили продолжение

существования договора. Если же они пожелают получить несозревший посев, то не принуждаются к продолжению обработки земли, как мы выше объяснили, и владелец земли можеть выбрать для расчета с ними один из выше указанных способов.

Равным образом, издержки на жнитво, своз на ток, молотьбу и провевание относятся на счет обоих договаривавщихся, по соразмерности долей их. Если в договоре обусловлено, что эти расходы должны падать на обрабатывающую землю, то договор уничтожается. Это правило не относится к тому, что мы выше сказали касательно определенного договором срока и зрелости посева; оно имеет общее значение в целом договоре об обработке земли из части, независимо от срока и зрелости посева. Правило это установлено на том основании, что договор оканчивается с наступлением зрелости посева, по причине достижения цели его. После того остается товарищеское имущество, подлежащее разделу между обоими договаривающимися; договор же не существует, а полученный доход необходимо распределить между обоими.

Если в договоре относительно прибыли заключается одностороннее условие, именно: чтобы прибыль предназначалась кому либо одному, то договор расторгается подобно тому, как когда в нем заключается условие, чтобы перевозка или перемол продукта возлагались на обязанность обрабатывающего землю. Но по мнению Абу Юсуфа договор дозволяется, когда на обязанность обрабатывавшего возлагаются подобные операции, на основании обычая по примеру ремесленников. Эти же мнение разделяют и шейхи Балха. Шамсул- аимма Сарахси* говорит: "это мнение правильно для наших стран". Несмотря на то, должно остановиться на том, что операции, которые требуется раньше созревания посеянного, как орошении земли, охранение поля, относятся на счет обрабатывающего землю; операции же, производимые после поспевания, но до раздела урожая, как то: жнитва, молотьба и пр. , на счет обоих договорившихся, на основании бесспорных риваятов, о чем мы выше уже объяснили. Существующий в этом отношении обычай аналогичен с тем, по которому прежде поспевания древесных плодов орошение, прививка, охранение сада, относятся на счет съемщика сада; работы же, производимые после поспевания плодов, как-то: срывание их, сохранение, относятся на счет обоих. Если же заключается такой договор, по которому срывание плодов относится на счет съемщика сада, то по об-

щему мнению мутжегидов этот договор не дозволяется, так как подобного обычая не существует. Работы, производимые после раздела урожая, относятся на счет обоих, потому что урожай есть имущество товарищеское, и договор уже не существует. Если в договоре ставится условие, что жнитво относится на счет владельца земли, то по общему мнению, договор не дозволяется, по причине не существования такого обычая.

Если оба договорившиеся, по обоюдному согласию, пожелают срезать то, что подлежит срезке, или оборвать незрелые финики, то эти работы относятся на счет их обоих, потому что договор оканчивается в то время, когда они оба порешили срезать посеянное, или оборвать финики и, таким образом, стали между собой в такие отношения, которые наступили бы после поспевания[99]. Этим закончим перечисление постановлений о дольщиках.

Вторая форма держания земли, аренда (иджорат), основывается на договоре, который может быть письменный и словесный. Как в том, так и в другом случае договор аренды обусловливается целым рядом постановлений шариата. В силу этих постановлений в договоре аренды должен быть указан срок и размер арендной платы, причем последняя может быть денежной или в продуктах урожая, но только не в доле, а в определенном количестве тех или иных продуктов.

Последний прекращается или окончанием срока аренды, или смертью кого либо из сторон, или в случаях невозможности дальнейшего существования договора вследствие того, что земля по естественным причинам придет в негодное для возделывания состояние, или вследствие отъезда арендатора, хотя в последном случае, временно уезжая, арендатор может от себя передать право аренды другому лицу.

Из числа этих условий расторжения договоров аренды смерть арендатора ведет к прекращению аренды только в том случае, если последняя краткосрочна, т. е. не более трех лет. Долгосрочная же аренда до окончания срока является наследственной и потому может быть сравнена с римским эмфитевзисом, ибо как эмфитевтер, так и арендатор должны уплачивать поземельную подать и нести общественные повинности, связанные с землепользованием.

В постановлениях шариата предоставлена возможность краткосрочной аренды переходить в бессрочную. Это постановление тако-

---

[99] Г. Постанов. мусульманского законод. о дольщиках. "Турк. Вед." 1886 г. № 33.

во: если кто нибудь нанимает дом с условием "платить диграм каждый месяц", то такой договор действителен на один месяц, но недействителен на последующие месяцы, если не определено число месяцев, в течение которых должен действовать. Доказательство этого положения основаны на значения слов арабского языка. Следует заметить, что так как рассматриваемый договор действителен только на один месяц, то хозяин и наемщик могут расторгнуть договор к концу месяца, ибо к этому времени действующий договор представляется исполненым и оконченым. Поэтому, если арендатор, по истечении первого месяца, остается в доме на одну тольку секунду, то договор остается в силе на второй месяц и хозяин не вправе выселить его до окончания этого месяца (то же правило применяется относительно каждого месяца, в начале которого арендатор продолжает жить в доме), потому что, когда арендатор продолжает жить в доме следующий месяц, то договор представляется возобновленным по соглашению сторон. По Захира-ривояту право расторгнуть договор остается за обеими сторонами до окончания первого дня следующего месяца, ибо, если принимать в расчет первый момент месяца, то в виду краткости времени, невозможно будет осуществить право расторжения договора.

Это постановление шариата исключает необходимость возобновлять договор каждый раз по истечению срока и в то же время не лишает и собственника земли, и арендатора права расторгнуть договор, раз в том является необходимость. Таким образом, фактически все краткосрочные аренды являются бессрочными. Поэтому на всякого рода аренды может быть распространено сравнение с римским эмфитевзисом. Исключения представляют лишь долгосрочные (свыше трех лет) аренды вакуфных земель. Эти последние можно сравнить с чиншем.

Арендатор вакуфной земли после трех лет аренды может продать землю другому лицу, которое становится в таком случае арендатором вакфа. Собственно говоря, по мусульманскому праву, вакуфные имущества никакому отчуждению подлежать не могут, разрешение же долгосрочным арендатором вакуфных земель продавать последние основано на праве арендатора продавать результаты своего труда (посадки и посевы). По толкованию кази, арендаторы продают не самую землю, а лишь обработанную ими поверхности земли с насаждениями и посевами. Такая продажа поверхности земли, –

ни что иное, как фикция. В действительности продается сама земля. При этом всякий арендатор, как старый так и новый, должен уплачивать на нужды вакуфного учреждения $^{1}/_{10}$ часть урожая, а затем и все то, что должно поступать в вакф по воле завещателя. Эти платежи неизменны. Поэтому то такую аренду вакуфной земли можно смело сравнить с чиншем. Арендная плата во всех других случаях может быть изменена перед наступлением нового срока аренды.

Арендаторы могут пользоваться землею только для обработки её, а потому и не могут возводить или производить насаждений (раз это не обусловлено договором), так как такие действия могут сделать часть земли негодной к обработке. Возведение построек и насаждение деревьев допускается лишь с разрешения собственника, который в таком случае принимает на себя расходы по постройкам[100].

В Средней Азии, где вода, там и оседлая жизнь и правильная обработка полей, а потому постановления о пользовании водой имеют существенное значение. Мусульманское законодательство касается двух видов пользования водой: а) для личного потребления и, б) для орошения посевов и насаждений. Каждый из этих видов имеет свое собственное основание. Вода в её естественном состоянии, составляет имущество свободное, tes nullius, общее достояние людей. Вода же, заключенная в вместилищах, произведенных трудом человека, как колодцы, оросительные каналы, сосуды, становятся частною собственностью и объектом гражданских сделок. Принцип товарищества сохраняется в праве пользования водою для личного потребления, распространяющийся на воду, независимо от того, находится ли она в естественном состоянии или составляет частную собственность. По отношению же к пользованию водой для орошения посевов и насаждений, строго проводится принцип неприкосновенности частной собственности.

Если кому-либо принадлежит оросительный канал, колодезь или подземный канал, то не предоставлено этому лицу воспрещать кому-бы то ни было пользование водою их для питья (буквально – возбранять уста. Выражение уста означает пользование водою для питья людей и животных). Должно знать, что воды бывают различные. Во первых, воды морей, которыми имеет право пользоваться каждый

[100] *Шкапский О.А.* Сб. мат. для стат. Сыр-Дарьинс. области 1900 г. Т. III. стр. 89 и след.

человек, как для личного потребления, так и для орошения земли в таком размере, что если-бы кто пожелал вывести из моря оросительный канал на землю свою, то это ему не воспрещается. Пользование водою морей подобно пользованию солнцем, луной, воздухом и не воспрещается пользоваться ею всяким способом, как захотят. Во вторых, воды великих рек, как, напр., Сайхун (Сыр-Дарьи), Джайхун (Аму-Дарьи), Тигра, Ефрата. Для личного потребления каждый свободно имеет право пользоваться ими. Употребление воды их для орошения земли находится в зависимости от тех же условий, какие существуют для копания оросительных каналов для оживления мертвой земли, именно: когда земля не нужна для населения и когда оросительный канал не находится во владении какого-либо лица, то она почитается имуществом свободным, равным образом, когда затопление водою не допускает месту быть в чем либо владении. Но если употребление воды для орошения может сопровождаться вредом для населения, как, напр., когда вода направляется в такую сторону, где может разрушить заграждения, затопить селение и землю, то оно не дозволяется, в видах устранения вреда для населения, подобно тому, как то же соображение имеет место при устройстве мельниц; отвод канала при устройстве мельницы подобен отводу его для орошения. В третьих, воды, входящие во владельческие участки. Право пользования этими водами для личного потребления сохраняется. Основание к тому заключается в словах пророка: " люди суть товарищи в трех вещах: воде, траве, и огне". Вода на основании этого изречения, составляет общее достояние до тех пор, пока она остается в естественном своем месте, где получила бытие, по сотворении Всевышним Богом; тогда она находится в свободном состоянии. Но как скоро она будет собрана и помещена, напр., в мех, то она становится частною собственностью и может составлять предмет торговли, подобно тому, как дичь становится собственностью вследствие овладения ею. Растения, т. е. травы, которые произрастают сами собой, независимо от чьего нибудь посева и ухода, не могут почитаться собственностью хозяина земли, по той только причине, что находятся на земле его. Их получает в собственность и присваивает себе тот, кто срезал и собирает. Только те растения, которые выращивает владелец земли, орошая свою землю, вспахивая ее и ухаживая за растениями, предназначая их для своего скота, составляют его собственность и посторонние лица не имеют права пользоваться ими,

без согласия его; причина та, что он добыл их своим трудом, а продукт труда принадлежат трудящемуся. Растущие на чьей либо земле деревья составляют собственность владельца земли, хотя и существуют древесные виды, не требующие орошения. Травой же почитаются те растения, которые без орошения стелятся по лицу земли. Товарищество относительно огня заключается в пользовании светом его и жаром. Тот, кто развел огонь, не имеет права воспретить другим лицам зажигать от него. Но если бы кто пожелал воспользоваться углями от разведенного огня, то это ему не предоставлено, так как угли составляют собственность разведшего огонь; угли суть дрова и перегорелые части их собирает тот, кто зажег огонь. Впрочем, когда посторонний берет угли от огня, то надо обращать внимание на то, составляют-ли они имущество, имеющее ценность. Если хозяин углей назначает им какую нибудь цену, то он имеет право требовать возврата взятого; если же взятое не имеет никакой ценности, то требовать возврата он права не имеет, ибо в общежитии не принято препятствовать пользоваться такими предметами и если-бы кто стал препятствовать, то обнаружил бы только упрямство, которое шариатом воспрещается. Товарищество по отношению к воде может заключиться в пользовании ею для орошения и для личного потребления. Первый из этих видов пользования, в котором вода является как частная собственность, сюда не входит; это постановление относится лишь ко второму виду пользования водой для личного потребления. По общему мнению муджтегидов, выделение первого вида пользования водой, именно для орошения, в частную собственность основано на том обстоятельстве, что дозволено обращать воду в предмет торговли и по некоторым ривоятам, потому что вода может служить объектом гражданских сделок. Но, с другой стороны, вода, подобно дикому зверю, который выкопал себе логовище на чьей либо земле, составляет имущество свободное до тех пор, пока не заключена в яму и т. п., имеющую назначением сохранение её; только тогда она поступает во владение. Далее, необходимость предоставить каждому право пользования водою для личного потребления обусловливается тем, что люди не могут добывать для себя воду на любом месте, а между тем она необходима для них. Поэтому если бы разрешено было не допускать к воде, то это причинило бы большие затруднения. Если кто либо захотел взять воду для орошения своей земли, то хозяева оросительного канала могут не дозволить

этого, несмотря на то, будет ли отпуск воды сопровождаться вредом для них или нет; хозяева канала имеют на него право собственности и никакие соображения не могут их поставить в необходимость удовлетворить требования постороннего лица; напротив, если бы мы допустили подобные требования, то лишили бы владельца канала пользования своим правом употребления воды для орошения. В четвертых, вода, собранная в сосуды, становится собственностью того, кто собрал ее, именно по причине труда собирания. Право других лиц на такую воду уничтожается, как на пойманную дичь. Право пользования этою водою для личного потребления другим лицам предоставляется до того предела, что если в местности, где воды недостаточно, кто нибудь украдет воду на сумму одного нисаба (не свыше 10 тенге – 2 р.), то руки ему не отрезаются.

Если существует колодезь, источник или оросительный канал в чьем нибудь владении, то владельцу предоставляется право воспрещать желающему пользоваться водой, вход во владение его, в том случае, если вблизи этой находится другая вода, не состоящая ни в чьем владении. Если же такой воды не находится, то нуждающийся в воде говорит хозяину оросительного канала: "дай мне сам воды для моего личного потребления", или же: "допусти меня взять воду под тем условием, чтобы не разрушать берегов оросительного канала". Это постановление основывается на ривояте Ат-Тахави и одобрено муджтегидами в том смысле, когда оросительный канал выкопан в собственном владении кого либо; но если канал выкопан в мертвой земле, то право воспрещать пользование водою из него, для личного употребления, владельцу канала не предоставляется, потому что мертвая земля есть товарищеская и копание на ней, с целью оживления, есть право товарищеское; поэтому и по орошению к пользованию водой товарищеское право не прекращается. Если же кому либо запрещается пользование водой для личного потребления в то время, когда его одолевает жажда до такой степени, что возникает опасение за жизнь, то ему дозволяется бить воспрещающего оружием, ибо в этом случае лишение права пользования водою, для личного потребления равнозначуще намерению погубить жаждущего.

Вода в колодцах есть свободная, не составляет собственности, в противоположность воде, собранной в сосуды; по отношению к последней, в случае спора, не дозволяется бить оружием, потому что вода эта составляет личную собственность, подобно тому, как это

не дозволяется для получения пищи, в случае наступления голода. Впрочем, относительно колодцев и т. п. существует другое мнение, по которому предпочитается, чтобы в случае спора не употреблять оружия, кроме палки, потому что недающий воды совершает проступок, и удары палки при этом являются равнозначущими таксиру, т. е. ударам плетью раиса (от 3 до 39 раз).

Пользование водою для личного потребления, по мнению муджтегидов, не воспрещается и в том случае, когда все приходят к воде, между тем, как поток небольшой, и верблюды и другие животные, приходя к нему в большом числе, питьем своим истощают воду его. Основание к этому постановлению заключается в том, что верблюды не ходят к воде во всякое время, следовательно, устанавливается как бы очередь в пользовании ею, причем воды оказывается достаточно для её распределения.

Но есть другое мнение, по которому владельцу предоставляется в подобном случае воспрещать пользование водой, подобно тому, как когда вода требуется для орошения посевов и насаждений, ибо целое стадо уничтожает право его на воду.

Люди имеют право брать воду для оросительных каналов, для религиозных омовений и мытья одежды. Это мнение более справедливо, чем то, по которому дозволяется совершать религиозные омовения и мыть одежду только в самом оросительном канале, не унося из него воды, потому что правило относительно совершения омовений и мытья одежды только в самом канале привело бы, как говорят некоторые, к затруднениям, которые подлежат устранению.

Если кто либо пожелает оросить деревья или огород в своем дворе посредством лейки, то ему дозволяется брать воду для этого. Это мнение есть наилучшее, ибо люди этому виду пользования водой не придают значения и запрещение брать воду для указанной надобности причисляют к подлости.

Не дозволяется кому-бы то ни было орошать свою землю, или финиковую плантацию, или деревья из оросительного канала или колодца, или из подземного колодца, принадлежащих другому лицу, без ясного дозволения владельца, которому предоставлено право воспрещать употребление воды его на указанные надобности. Основание этого постановления заключается в том, что товарищество в пользования водою совершенно прекращается с тех пор, как вода поступает в раздел. Если-бы вода была оставлена во всеобщее

пользование, то пресеклось бы право владельца её на пользование ею для себя. Затем, место, по которому протекает вода, принадлежит владельцу оросительного канала; ему же принадлежит право на берега канала, почему без согласия невозможно ни пускать воду[101] по каналу, ни раскапывать берега его.

Если же владелец оросительного канала разрешит другому лицу пользование принадлежащей ему водою, то это не составляет проступка, ибо право принадлежит ему и передается свободно, подобно тому, как передается право на воду, заключенную в сосуде.

Положение об управлении Туркестанским краем определяет только, что "воды в главных арыках, ручьях, реках, озерах предоставляется населению в пользовании по обычаю". Таким образом, закона о воде для Туркестана еще нет.

Что же именно устанавливается обычаем и каких сторон ирригационного дела он касается? Вообще говоря, в каждой данной местности, говорит Н. Дингельштед, обычай а) определяет меру измерения воды; б) устанавливает обязанность для владельцев земель пропускать через свои владения воду в чужие земли; в) определяет право участия частного и общего в выгодах и пользовании чужою водою или землею в известных случаях (аривитут); г) устанавливает расстояние между каналами, ведущими воду из одного источника, дабы взаимная близость каналов не уменьшала в них воду через подпочвенное просачивание; д) определяет следуемое лицу, обществу, селению, городу, вакуфу и т. д. количество воды и очередь пользования ею; е) устанавливает порядок борьбы с водою в случае её излишества; ж) устанавливает, в зависимости от количества воды, роды посевов и количество подлежащей посеву земли; з) определяет порядок и очередь пользования водою при её недостатке или скудости; и) указывает разные способы разрешения споров и недоразумений, возникающих из-за пользования водою; к) устанавливает солидарность интересов всех участников одного канала или речного бассейна и вырабатывает способы и меры к ограждению интересов этих участников от противоположных интересов соседей или вышележащих поселений.

По всем только что перечисленным пунктам, обычай в течение веков выработал целую систему более или менее твердых положе-

---

[101] Пользование водою по обычаю. "Турк. Вед". 1887 г. №17 и 18.

ний, меняющихся не произвольно, а в зависимости от условий, вызываемых жизнью, стихиями и обстоятельствами. По многим из этих пунктов закон не дает и не может дать никаких указаний. Наш закон, напр. , ничего не говорит об обязанности пропускать воду через чужие земли (т. X. ч. I, стр. 575, 593 допускает экспроприацию в интересах государства, а не частных лиц), между тем обычай твердо устанавливает обязанность этого правила.

Закон наш также не дает никаких указаний о минимальных расстояниях между параллельно идущими каналами, между тем, обычай разрешает этот вопрос.

Важнейший вопрос водного права, вопрос о порядке пользования водой, об установлении очередей в пользовании, о распределении воды между соучастниками, об определении допускаемых или недопускаемых посевов и размере их подробно разрешается обычаем отчасти на основании опыта веков, а частью согласно религиозных воззрений народа.

У суннитов, как и у шиитов, имеется пять главных основных постановлений по этому предмету: а) вода не может быть предметом частной собственности; право пользоваться водою, если её достаточно, предоставляется всем; б) при недостатке воды право пользования ею утверждается за тем, кто раньше других воспользовался таким правом; в) при одинаковых условиях относительно времени приобретения права на воду, преимущество в случае недостатка воды, отдается, смотря по положению орошаемой земли, выше или нижележащим землям; но выше или ниже – это разрешается различно: иногда преимущество признается за вышележащими, а иногда наоборот; г) при неодинаковости условий, относительно времени заселения и расстояния от источника, преимущество в праве пользования между многими претендентами разрешается судьбою, т. е. жребием; д) распределение воды в некоторых случаях производится по пространству подлежащих орошению земель.

Затем, кроме этих постановлений, обычай выработал еще и другие практические правила в пользовании водою. Так, напр.: 1) преимущество в праве на воду принадлежит тому, кому она нужна для питья, перед тем, кому она потребна для поливки полей. 2) Владелец воды вправе воспрепятствовать своему соседу пользоватся водой, если тот может достать себе воду из другого источника; в противном случае должен дать воду или провести её. 3) Ни мельницы, ни

расширение каналов, ни отвод из них воды, ни поливки земли, прежде не орошавшейся, не могут быть, согласно обычая, допущены без согласия сопользователей и совладельцов. 4) Вода не отчуждается продажей, дарственными записями, пожертвованиями (хотя бы богоугодными), кябинными актами, откупом променом и т. д.

Таким образом, обычай, выработанный веками, дает ответ почти на все практические вопросы жизни. Его видимые преимущества перед писанным законом, при настоящем строе туземной жизни и условиях ирригации, слишком ясны: а) обычай соответствует юридическим воззрениям народа и приноровлен к такой изменчивой и непостоянной стихии, как вода; закон же обладает твердостью и непоколебимостью и приспособляться к обстоятельствам не может; б) обычай подвижен; способ к урегулированию, быстрому восстановлению при нарушении, основан большею частью на здравом смысле, простой справедливости и чужд казуистических начал; в) обычай прост и общепонятен.

Что же касается распределения воды, то нужно сказать, что измерять количество воды туземцы не умеют, но делят сравнительно хорошо.

Единицами объема воды служат тегерман или таш и кулак.

Тегерман (мельница) или таш* есть такое количество воды, которое может привести в действие жернов (тегерман-таш, в переводе мельничный камень). При определении величины тегирмана и таша туземцы не принимают во внимание ни высоты падения воды (по желобу), ни величины жернова, ни скорости его вращения. Такое определение, очевидно, не может выражать объема воды, а только показывать работу, выраженную в пудофутах, или в каких либо других мерах.

"Кулак" есть, такое количество воды, которое проходит в отверстие величиною в кулак; при этом величина напора не принимается во внимание, и кулак, как туземная единица объема воды, есть величина довольна шаткая.

Делить же воду туземцы умеют; в Самаркандской области для этой цели употребляются, так называемые кобуры, или по нашему, делители (вододелители). В ходжентском уезде кобуры существуют с незапамятных времен и работают в настоящее время превосходно.

Кобуры устраиваются следующим образом: поперек арыка, – на дно его кладется одно или несколько бревен на высоте (смотря по

уклону), притесанных между собою, и от них вверх по арыку во всю ширину его, на дне устраивается из соломы, травы и земли ровная площадка, сливающаяся вверх по арыку с дном его. Вода, встречая на своем пути устроенную, таким образом, запруду, умеряет свое течение и идет спокойно и равномерно по всей ширине арыка; бревно же, уложенное поперек арыка горизонтально, дозволяет воде сливаться ровным слоем. Получается, таким образом, полный водослив (редко не полный). К береговым концам устроенного, таким образом, порога врубаются две стенки из нескольких бревен по высоте, идущие около берега вниз по арыку, чтобы падающая с порога вода не размывала берега; высота этих стенок выше горизонта воды над порогом. Для отделения соответствующей части всей воды арыка в какой либо отвод, делят длину порога на две части, пропорциональные площадям земель, которые должны быть орошены водою отвода и остающеюся водою в арыке, и по линии раздела врубают в порог стенку из нескольких по высоте бревен, притесанных плотно между собою. Стенка эта идет вдоль арыка, а у нижнего конца её, в большинстве случаев раздвоенною (вилка), начинаетса дамба отвода, сложенная из дерна, соломы и камня. Верхние бревна делительной стенки кладутся на пороге водослива и возвышаются над горизонтом воды над порогом. Вместо одной делительной стенки, устраиваются две, три, смотря по тому, на сколько отводов нужно разделить данный арык.

Таким образом, при делении воды кобурами, количество ею в арыке или реке, где устраивается кобур, не принимается во внимание, и вода делится пропорционально площадям орошаемых земель по линейному измерению. Наименьшая единица линейного измерения называется у туземцев "пальцем" и равна величине пальца, поставленного ребром. Следующая единица –"кулак" равна четырем "пальцам", т. е. высоте пальцев руки, сложенных в кулак. Кулак с тремя пальцами соответствует кулаку с большим пальцем, поставленным вертикально, и называется кулаком с испа. Следующая линейная единица у туземцев есть "газ"; одни считают его равным 7 кулакам с испа, а другие 9 кулакам с испа. Кулак, следовательно, не выражает объема воды, и есть линейная мера. Количество воды, выделенное кобуром по длине кулака, в разных арыках пропорционально глубине воды над порогом, а в одном и том же арыке обратно пропорционально длине кобура (порога), т. е. чем кобур длинее, тем количе-

ство воды, выделенное по длине кулака, мельче и, наоборот, чем кобур короче, тем это количество воды больше.

В настоящее время туземцы перенесли название кулака на небольшие арыки, берущие воду из других арыков, большею частью магистральных.

Кроме деления воды кобурами, проектируется еще способ деления воды по времени пользования. Пользование водою всего арыка в продолжение суток или 24 часов называется пользованием су или бирсу; в продолжение 12 часов или полусуток- ним-су или ярым-су; в продолжение 6 часов – йокча; 3 часов –ним-йокча; 1 ½ час – чакса и ¾ часа – ним-чакса.

Если водою арыка пользуются, напр. , 30 человек, и если у каждого из них такое количество земли, что поливки её необходимо иметь в пользовании всю воду арыка в течение суток, то в таком случае устанавливается 30-дневная очередь, т. е. каждый из них, полив свою землю, имеет право на следующую поливку через 29 дней; в этом случае говорят, что в данном арыке 30 су, т. е. 30 очередей. Есть арыкы в 20, 15, 10 су. Вместо 30 человек, приведенных в пример, в действительности, бывает 100, 150 и т. д. человек, и, при тридцатидневной очереди пользования водою, они составляют 30 групп, из которых каждая пользуется водою всего арыка в течение суток.

На практике, дележ воды по времени, сводится, иногда, к выделению её кобурами, через которые она идет уже постоянным током, и, нужно заметить, что некоторые из туземцев производят расчет величины отвода, при помощи кобура, довольно хорошо. Например, из арыка, имеющего 30-ти дневную очередь, надо выделить воду на землю, имеющую право на 2 йокча так, чтобы вода текла уже постоянно на эту землю. Чтобы определить размер кобура, туземцы поступают так: при 30-дневной очереди в арыке считается 30 су или 120 йокчей; земля же, на которую нужно выделить воду имеет 2 йокча; следовательно, из 120 частей надо выделить две части. Для этого у данного отвода устанавливают кобур длиною в 30 кулаков или 120 пальцев, и выделяют два пальца; при кобуре же длиною в 15 кулаком (60 пальцев) выделяют один палец и т. д.[102]

Нужно упомянуть, что в равнине в землевладении, замечается склонность к дроблению земельных участков. У горных таджиков

---

[102] *Петровский Н.П.* Туземная единица объема воды и способы деления её. Справ. книж. Самаркандской обл. 1897 г. Вып. V. С. 196 и след.

земельные участки, вообще, не велики. При дроблении земельных участков не замечается в то же время концентрации земельной собственности в руках крупных землевладельцев. В некоторых местах малоземелье доходит уже до такой степени, что земля не может доставить своему владельцу полного обеспечения. Последнее ведет к задолженности населения. Многие ростовщики, ссужая нуждающихся денгами под громадные проценты (35–50 процентов), ссуду обеспечивали залогом земель. Последний, с юридической строны, т. е. на основании казийных документов, является ничем иным, как покупкою земель с отдачею последних в аренду ссужаемому деньгами за плату, составляющую условленный процент за ссуду. Фактически владельцем земли является прежний хозяин, но юридически – он уже безземельный ярымчи[103].

14. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Таджики принадлежат к древнейшим землевладельцам края; они были учителями в этом деле всех других народов, оседавших здесь. Узбеки – покорители, устраиваясь в совершенно новой для них обстановке оседлого землевладельца и садовода, весьма естественно должны были обратиться к чему-либо уже существующему, готовому. Поэтому они всецело восприняли выработанный веками культ аборигена – таджика и позаимствовали от него не только способы и орудия обработки земли, но и архитектуру своего жилища, утварь и разного рода производства, вместе с орудиями и способами этих производств.

Земледелие таджиков, где позволяют почвенные и климатические условия, достигло высокой степени совершенства. Уже приходилось говорить в другом месте, что особенной высоты обработки полей достигла в таких густо -населенных оазисах, как Фергана и Зеравшанский округ, а также и вокруг старых культурных центров, как Ходжент и Ташкент[104]. Говорить о земледелии равнинных таджиков все равно, что говорить о земледелии сартов. Поэтому в данном слу-

---

[103] *Шкапский О.А.* У. с.

[104] Сарты. Т. I. С. 205.

чае необходимо обратить большое внимание на земледелие горных таджиков, а также таджиков нижней части долины Зеравшана.

В Бухарской части долины Зеравшана все культурное пространство разделено на небольшие клетки, отделенные одна от другой или глиняными стенками или канавами, по которым струится вода; редко-редко где встретятся две рядом лежащие полоски, засеянные однородным зерном. В общем, бывает так: на одной полоске снимают дозревший злак, а на смежной с одной стороны всход только что выровнялся, с другого же бока пока пустующее поле. Неравономерность высоты стебля злаков также очень резко разделяет поля; высокие и толстые стебли джугары, вытягиваясь до 5 аршин высот и заслоняя от взора впереди лежащие от них пространства, расположены рядом с полем люцерны, тонкие стебельки которой едва поднимаются до аршина над землею.

Более часто попадающиеся площадки с хлопком, стебли которого немного напоминают стебли картофеля, разбросаны между всеми посевами. Точно так же пятнами встречаются поля арбузов, дынь, лука, моркови, чечевицы и т. п. Из всех полей более продолжительное время бывает яркая зелень на полях люцерны, которая жнется очень искусно 3-4 раза в лето. Итак, в общем, вся обработанная при искусственном орошении земля уподобляется как бы шахматной доске, на которой произведена окраска не в два, а во много цветов со стоящими на ней различной величины фигурами, также разнообразно окрашенными. По окраинам полей, у канав и вдоль заборов насажены деревья в роде бордюров или по одну, или по обе стороны их. Эти посадки, вблизи селений большие, а вдали от них меньшие, хотя и затемняют горизонт, но чередуясь с фруктовыми деревьями в период цветения и созревания плодов, увеличивают красу бордюров полей. Поля, примыкающие к многочисленным положенным по долине дорогам, покрываются пылью, от которой цвет их обращается в непривлекательный – зелено-пепельный. Такого же цвета и растущие здесь деревья.

Обработка земель, за малыми зимними перерывами, идет почти круглый год. Здесь не редкость встретить посреди лета туземца, распахивающего поле, когда рядом с ним его сосед жнет свою полосу. Жатва на полях начинается в апреле месяце и оканчивается в ноябре. Первым созревает ячмень, который начинают снимать в конце апреля месяца, или в начале мая. Одновременно или несколько

ранее жнут люцерну, которая, за истощением зимнего запаса для прокормления лошадей, срезается до расцвета; первый съем делается торопливо еще потому, что в нем содержится много сорных трав; второй и третий съемы считаются лучшими, а последний 4-ый часто и не дозревает, т. е. не зацветает. Пшеница, хотя созревает в западной части долины к концу мая, но уборка её растягивается на продолжительное время. Зерно держится на колосе крепко и не осыпается, а потому не редкость встретить поле с неубранной пшеницей и в сентябре. На рост пшеницы, а также и ячменя производят иногда гибельное влияние горячие ветры (гарм-сел) в период наливания колоса. Если такой ветер схватит поля, цены на оба продукта возвышаются сразу почти наполовину против существовавших. Рис дозревает или в августе, или в начале сентября, что зависит от источника, из которого получается полями вода для орошения. Рисовые поля, которые заливаются родниковою и речною водою, вытекающей не из ледников, засеваются ранней весной и дозревают первыми, рисовые же поля, ожидающие (обыкновенно в середине мая) ледниковой воды, засеваются позже и, если таяние ледников очень запаздывает, а заморозки наступают рано, рис на них не дозревает. Зерно от вторых полей считается лучшим и ценится дороже. Сезон сбора хлопка, засеваемого не позже апреля, начинается с сентября и продолжается до поздней осени, т. е. до времени, когда поля уже покрываются снегом. Джугара поспевает одновременно с средними сборами хлопка, хотя засевается гораздо позже его. Разновидные сорта очень вкусных дынь начинают идти в употребление с половины мая; более нежные и лучшие сорта дозревают в августе[105].

Глинисто-солончаковая почва требует удобрения, которое здесь получается двоякое: искусственное и естественное. Последнее в виде свежего почвенного наноса приносится в большом количестве мутными, глинистыми водами Зеравшана все время, пока стоит половодье, т. е. в то время, когда река питается ледниками. Возможно, что только благодаря этому естественному безпрерывному освежению почвы, здешние земли, обрабатываемые с редкими отдыхами в течение тысячелетий, не утратили силы производительности. Искусственное удобрение, получаемое с дворов, имеется здесь в неболь-

---

[105] *Ситняковский Н.Ф.* Извес. Турк. отд. И. Р. Г. О. Т. I. 1899 г. Вып. II. С. 155 и след.

шом количестве, потому что оседлое население, за неимением пастбищ, держит настолько мало домашнего скота, что его едва достаточно для нужд по обработке земель и для молочных продуктов. Как обыкновенный способ удобрения служит также своз на поля земли, добываемой с разрытых бугров, оврагов и т. п. свободных площадей. К мерам искусственного удобрения относится и то, что на рисовых полях при жатве стебли срезаются высоко для того, чтобы все оставшееся на корню и залитое водой до новой распашки дало перегной. Употребляется иногда и такой прием: в середине лета, когда имеется избыток воды и есть возможность получить ее не в очередь, поле засевается рисом, который, конечно не созревает к концу лета. Осенью, когда стебли поднимутся почти до нормальной высоты, поле перепахивается, а на следующий год, засеянное тем же злаком, оно дает необыкновенно большой урожай, возможный только в теплых странах. Такой же способ удобрения применяется в некоторых случаях к новям на сплошной каменистой почве.

Выше в горах, во многих местах, где преобладает каменистый и скалистый грунт, плодородной земли настолько мало, что приходится устраивать поля из приносной земли, благодаря чему тяжелый труд земледельца еще более увеличивается и остается только удивляться, насколько сильна у таджиков любовь к земле. Скудная почва нуждается, конечно, в удобрении навозом и, чтобы собрать его возможно больше, таджики держат свой скот всю зиму в особых хлевах и выпускают его оттуда лишь на водопой*. Все поля таджиков поливные* и орошение их производится посредством арыков, ведущих воду обыкновенно из боковых ущелий, причем затрачивается немало труда не только на проведение арыков нередко издалека, но также иногда на устройство приспособлений для проведения воды по деревянным желобам в тех местах, где скалистый грунт не позволяет сделать простой арык. В тех случаях, когда приходится вести арык в обход скал, употребляют деревянные желоба, подвешенные к уступам скал или укрепленные на подпорках, достигающих нередко высоты 3-5 саж. Само собой разумеется, что на такое устройство потребовалось немало времени и сил. В других случаях арыки проведены или искусственной насыпью, или же выдоблены в целой скале[106].

---

[106] *Серебренников А.* "Турк. Вед." 1896 г. № 58 и "Ежегод. Ферг. обл." Т. I. Вып. 1902 г. С. 144 и 145.

В горных волостях, вследствие того, что почва повсеместно покрыта камнем и галькой, возделывание пахотных полей требуют усиленного труда и многократного хорошего удобрения. Пахотные поля, даже и старые, каждый год требуют значительной очистки от камней; поля эти вспахиваются от 6 до 8 раз; для удобрения одного танапа ($1/6$ десятины) кладется от 300 до 400 ишаков навоза. В Ягнобе, вследствие сурового климата и непродолжительности лета, пшеница не вызревает, поэтому жители этой местности сеют только ячмень, который рано созревает и дает сравнительно удовлетворительный урожай[107]. На таких высоких местах для полей не требуется искусственное удобрение, почему и не приходится рыть арыков, исключая некоторых мест, тем не менее труд земледельца велик; земля, как уже говорили, требует унаваживания, так как под паром ей не приходится оставаться, а весенние дожди и снеговые воды посрывают пашни глубокими вымоинами, сносят с них тучный пласт земли и, следовательно, уничтожая предшествовавший труд земледельца, заставляют его начинать работу снова. Редко кто из горцев имеет быков или коров, а потому запашка производится при помощи ишаков; высокие же места, на которые трудно ввести рабочий скот, возделываюся лопатами.

Долины главных рек стеснены горами, то подходящими вплоть к берегу, то отступающими версты на три. Обыкновенно жители, чтобы не застраивать пахотную землю домами, обстраиваются у самых теснин или лепятся по склонам гор, поля же их занимают вырезы долины до следующего уступа, а также ущелья, площадки на возвышенностях и проч. Одним словом, все горные места, хотя немного годные для хлебопашества, давно высмотрены, известны и имеют владельцев. Нередко, по рассказам гальчи, хлеб засевается на высоких, трудно доступных горах. Бедность в пахотной земле так велика, что жители некоторых кишлаков имеют свои пашни за несколько десятков верст. Так, фанцы запахивают берега Искандер-Куля и предгорья Сарытага, т. е. слишком за 50 верст от своих жилищ, по трудной горной дороге.

По добытым сведениям, разумеется, не совсем точным, но все же настолько близким к истине, что по ним возможно сделать общий вывод, земли удобной для хлебопашества в пределах Когистана, насчитывается в танапах[108]:

---

[107] *Кулчанов.* У. с.

[108] *Акимбетов Ш.* Очерки Когистана. "Турк. Вед". 1881 г. № 2 и 3.

	Оби (полив.)	Лялми (под дождь)	в танапах на 1 жит.
В Фальгарской волости	2700	50	0,36
Матчинской	2872	190	0,6
Искандеровской	2025	2035	1,2
Кштудской	1138	5170	2

Климат Когистана суровее, зима там продолжительнее, лето короче, чем в Заравшанской долине; почва, за весьма малыми исключениями, сильно каменистая; одна и та же пашня засевается ежегодно, бессменно, а потому почва, не имея отдыха и не получая достаточного удобрения, истощена сильно. Эти то неблагоприятные почвенные и климатические условия, в связи с недостатком удобных для хлебопашества мест, объясняют в достаточной мере тот несложный, сравнительно с долинами, севооборот, какой существует в Когистане, а главное – тот ничтожный урожай хлебных продуктов, какой наблюдается в горах.

Вспахивание полей производится посредством плугов – сипар – примитивного устройства, работающих с двумя волами; устройство их тоже, что омоча* сартов. В тех же местечках, где незначительные размеры поля не позволяет пахать волами, обработка его производится в ручную особым инструментом, называемым "чок", к помощи которого прибегают бедняки, не имеющие волов.

Бороньба производится тем же плугом – сипар, положенных на бок, и имеет целью размельчать глыбы волокушей. Это волокуша работает отчасти как волокуша, отчасти же как каток. Часть глыбы распадается в порошок, тогда как другая вдавливается в мелкую пыльную массу поля. Таким образом, удается получить поле не только мелко разборованное, но и настолько выравненное, что оно напоминает пол.

Для бороньбы употребляется и специальное орудие – мола, состоящее из толстой и широкой доски, до 2-х аршин длинною, в которую вделаны изогнутые, заостренные, с переднего края железные зубья, расположенные в два ряда. Боронят обеими сторонами, т. е. тою, которая снабжена зубьями, ровно и обратною её стороною, для придания полю совершенно ровной поверхности.

Кроме этих земледельческих орудий для обработки земли употребляется кетмень (мотыга, сапа). Орудие это имеет весьма об-

ширное применение. Как в полевых, так и, вообще, в земляных работах, туземцы владеют им и пользуются весьма совершенно.

При уборке хлеба и травы служит серп – урак, который не имеет, как наш серп, зазубрин и действует при работе как нож, а не как пила.

Собранная жатва не вывозится с полей, а обмолачивается тут же. Молотят с помощью лошадей, рогатого скота и даже верблюдов, которые ходьбой вокруг столба, утвержденного посреди площадки с снопами, вытаптывают зерно из колосьев. Нельзя сказать, чтобы при этом способе молотьбы все зерно выделялось из колосьев, но зато стебли превосходно измельчаются, образуя, называемый по местному, саман, который составляет главный зимний корм рогатого скота, а у менее зажиточных и лошадей. Обыкновенная же солома получается только из стебля риса, и где его нет, там и соломы нет. Зерно не оставляется в снопах на зиму или же в запас в скирдах, а весь сбор, достаточно высыхающий в жаркое время на полях, обмолачивается до наступления зимы. В горах молотят хлеб также при помощи орудия, называемого "джумучук", представляющего собою гладко-обструганную палку длиною около 1 $^{1}/_{4}$ арш. с ручкою на одном конце.

Вообще, нужно сказать, что труд земледельца вознаграждается в нижних частях долины довольно хорошо, чего, к сожалению, нельзя сказать относительно верхних частей, где короткое лето и раннее наступление холодов служат причиною того, что иногда не успевают созревать даже такие необходимые злаки, как ячмень, причем не только труд земледельца пропадает даром, но также и семена. Это обстоятельство заставляет жителей верхних кишлаков заниматься главным образом, скотоводством и сеять хлеб только в самом ограниченном количестве, едва достаточном для удовлетворения собственных нужд[109].

15. ПОЛЕВОДСТВО

О полеводстве равнинных таджиков говорить нет надобности, так как это было-бы повторением того, что сказано о полеводстве сартов[110]. В данное время главное внимание будет обращено на поле-

[109] *Серебренников*. У.с.

[110] Сарты. Т. I. С. 214 и след.

водство жителей нагорного района, преимущественно вверх по реке Зеравшан.

Рис сеется только в Кштутской волости, в одном кишлаке Гусар, который по топографическому положению правильнее было-бы отнести к поселениям равнинным, чем горным.

Жители нагорного района, от Пенджакента (3200 ф. над уровнем моря) вверх по долине Зеравшана возделывают: 1) пшеницу озимую (тирамои), арычного орошения (оби), 2) пшеницу яровую (багори) атмосферного орошения (ляльми), 3) пшеницу озимую красную, крупно-зернистую (хабыт, сурхак); засевается в Магиане и Фарабе, 4) ячмень, тирамои, 5) ячмень, багари, 6) просо обыкновенное, 7) просо мелкое (кунак), заменяющее в горах рис, 8) мелкий плоский горох (маш), 9) крупный белый горох (лубия), 10) джугару, 11) кукурузу (мекке – джугара) и 12) нахут.

Посевы масляничных растений делается исключительно для получения масла; сеют 1) лен (зыгир), 2) коноплю (банг), 3) индау, 4) кунжут, масло которого заменяет баранье и 5) макасар.

От Пенджакента, вверх по Зеравшану, в горах Фальгара (крайнее селение Урмитан 4100 ф. и Шамтич 6000 ф.) сеют: озимую и яровую пшеницу, озимые ячмень, нахут, кунчь (lathyrus sativus), бакала (vicia fusa), маш, тарык, итальянское просо (setaria italika), индау и зыгир. В Матче, на истоках Зеравшана, возделывают (крайнее селение Обурдан 6020 ф. и Пальдарак 7960 ф.) озимые пшеницу и ячмень, бакала (бобы), горох сладкий (мулк), кунчь, наск (мелкий горох), тарык и зыгир. Предел возделивания двух последних растений Мадрушкат, 7000 ф. Кроме того, здесь возделывают: черный овес (ласич), который сеют вверх от кишлака Пакшиф (7800 ф.) Вообще нужно сказать, что хлебопашество, по неимению удобной земли и хорошего удобрения, не приносит горцу никаких избытков; напротив того, многим даже не хватает на собственное пропитание.

От селения Хршатан (7560 над у. м.), вверх по Ягнобу, до селения Кирионте, сеют озимую пшеницу, озимый ячмень; яровые: бурчак, бакала, наск, индау, зыгир. По долине Кштут, от селения Куляли до сел. Панджруд (5620) возделывают: пшеницу – тирамаи и багори, ячмень – тирамаи, зыгир, арбузы, дыни, лук, морковь. По реке Искандер-дарья от селения Саратаг (7100) до селения Анзоб (6700), на реке Ягнобе, недалеко от соединения её с Искандер- Дарья, обра-

батывают посевы озимые: ячмень, пшеницу; яровые: зыгир, индау, нахут, бурчак, морковь и лук в небольшом количестве[111].

Несмотря на значительный труд, затрачиваемый ягнобцами на возделывание тех небольших участках земли, которые предоставила им природа, сбор пашен не дает им достаточно средств, чтобы прокормить всю зиму семью.

Недостаток земли, удобной для пашни, пробуждает ягнобцев пользоваться каждым годным для поля клочком земли. Заметив где нибудь участок рыхлой земли, они заботливо очищают его от осыпей и, вообще камней, свалившихся с горы. Близ кишлака постоянно можно встретить большие кучи щебня, собранные в один бут. Иногда из таких камней образуют ограду для пашни. Иногда затраченный труд пропадает по другой причине: часто случается, что недозревший хлеб мерзнет на корню и есть целые семьи, которые на зиму отправляются в Гиссар на заработки, летом же снова возвращаются домой, в надежде, что авось, земля сжалится над ними и не заставит на этот раз покинуть родные горы. С наступлением зимы, заготовив себе топливо, ягнобцы замыкаются по кишлакам, так как с появлением снега, пути прекращаются и только в исключительных случаях одни пешеходы пускаются куда нибудь в путь[112].

Жители Дарваза и Каратегина занимаются исключительно хлебопашеством. Земледельческие орудия самые первобытные – деревянный плуг и деревянная с железными гвоздями борона; пашут и боронят волами, лошадьми и ишаками. Очень часто пашут и боронят особой киркой (каланд) руками; это на местах высоких, куда трудно взобраться даже волу. Колосья для молотьбы свозят к кишлакам на быках, для чего последних запрягают в особо сделанные сани из ветвей и, таким образом, на этих санях возят по земле, иногда с больших и крутых склонов гор[113].

Как в Каратегине так и в Дарвазе землепашество исключительно весеннее, с атмосферным орошением, без арыков, которые встречаются только в садах нижних селений.

Горец привык к своему делу и не считает для себя трудным подыматся на крутизну в 6–10 т. футов с легкой сохой, с мешком семян

[111] *Арандаренко.* Досуги в Туркестане. СПБ. 1889 г. С. 308 и 309.

[112] *Искандер-Тюря.* "Турк. Вед." 1881 г. № 4; *Коротков Ф.* "Турк. Вед." 1877 г. № 31.

[113] *Кузнецов.* У.с. стр. 67 и 68.

за спиною, с парой быков или ишаков (ослов) для распашки и засева в половине мая, для жатвы затем в сентябре месяце. Преобладающий посев – пшеница и ячмень, но в Хулясе, Вахия и на Ванче сеют также просо, бобы и даже мелкий хлопок. В Каратегине, нужно сказать, урожайность слабая, вследствие запашки без отдыха земли, в особенности в нижней части этого бекства.

Нужно только удивлятся той энергии и тому труду, который употребляется жителями, чтобы посеять себе что нибудь. Сплошь и рядом можно видеть, буквально, несколько квадратных саженей вспаханных и засеянных на такой высоте и с такими крутыми склонами, что трудно понять, как только туда может забраться человек, вспахать каландом этот кусочек земли, не имея по близости даже воды! Но несмотря на весь этот действительно гигантский труд, хлеба в Дарвазе для населения не хватает и его, также как и рис, привозят ежегодно из Кулябского и Каратегинского бекств. За недостатком хлеба приходится иногда голодать и тогда помимо тута, который и в обыкновенный урожайный год составляет главную пищу населения, едят корни трав.

Клевера сеют так мало, что для скота его не хватает и жители на зиму заготовляют помимо травы, если таковая есть, еще саман и листья деревьев. Лошадей кормят также ячменем и тутовыми ягодами.

Обработка полей дает право применить к жителям Шугнана испанскую пословицу: "каталонец из камня делает хлеб". Действительно здесь обработка клочка поля в каких нибудь несколько квадратных саженей требует большой затраты времени и труда. Прежде всего, его надо очистить от множества камней (отчего поля имеют вид места, огороженного каменными стенами); затем скат, часто крутой, нужно выровнять, провести воду по арыку, часто за несколько верст. Чтобы вода не терялась даром, внизу пашни приготовляется другая пашенка. Часто пашенки образуют несколько террасок. Во всяком случае здесь хлеба родится настолько, что жители имеют еще возможность сбывать излишек киргизам Аличура, а прежде сбывали и киргизам мургабским[114]. Г-н Б. А. Федченко говорит, что при впадении р. Тугуз-булак в р. Гунт на высоте около 10500 ф. появляются посевы шугнанцев – сразу появляется ячмень, горох, почти

---

[114] *Александрович.* "Турк. Вед". 1895 г. № 12.

на той же высоте видны посевы ранса (Brassica Napus var. Oleiftra) и пшеницы. Но и выше, приблизительно до 11 000 ф заметны следы прежних посевов. Удобных мест для посевов в долине р. Гунт имеется очень немного. Кроме ячменя, гороха, ранса и пшеницы, сеют здесь еще рожь (по шугнански – лашак). Рожь эта несколько отличается от нашей, главным образом, твердостью сравнительно мелкого зерна. Идет она преимущественно в корм скоту и, как примесь, и в пищу людям. Шугнанцы сеют ее часто в смеси с некоторыми бобовыми растеяними – как-то vicia fala (русские бобы), lathyrus satvus (горошек), cicer arictinum, так что поле получает особый характер и с первого взгляда кажется, будто оно заросло сорными травами. Кроме перечисленных бобовых, растет в этих посевах немало и настоящих сорных трав. Все эти растения в свое время срезываются серпами и затем в таком виде служат для приготовления лепешек[115].

В Рошане жителям надо затратить еще больше труда, чтобы иметь пашню. Рошанец чрезвычайно трудолюбив и очень привязан к своей искусственно созданной земле. Создание рошанских кишлаков шло следующим образом: там где долина Бартанга чуть-чуть расширялась, таджик исполнял, с терпением Сизифа, замечательную работу – он брал песок со дня реки и заполнял им промежутки между каменными глыбами; на этом основании, после многолетней работы, он ставил саклю и, чтобы придать горизонтальную поверхность своим пашням, складывал ящики из камней и заполнял их речным илом. Работа эта так продолжительна, а труда требует так много, что неудивительно, если таджик гордится своей пашней в пять-шесть шагов в квадрате, на которой только и можно посеять полгорсти ячменя[116].

Таджики Сарыкола живут в лучших условиях; они живут довольно крупными селениями, группируясь в расширенных частях долин; занимаются земледелием и в подспорье ему скотоводством. В начале или середине мая большая часть жителей сарыкольских селений уходят со стадами в верховья долин, где остаются до осени, ведя кочевой образ жизни. В селениях остаются только беднейшие, не имеющие скота[117].

---

[115] Извест. И.Р.Г.О. 1902 г. Вып. III. С. 297.

[116] *Баньковский.* "Турк. Вед." 1894 г. № 13.

[117] *Корнилов.* Кашгария. С. 243.

Таким образом мы видим, что в посевах горцев преобладают бобы и горох – бакала, кунч, гамук, наск (мелкий горох). Озимых хлебов сеется меньше, чем ярового. В селениях долины Зеравшана урожай главных хлебных продуктов доходит: пшеницы до сам 40, ячменя даже несколько больше; в Когистан же в счастливые годы он не превышает для пшеницы сам 8 и для ячменя сам 10 и это только одной Кштутской волости; в остальных же трех волостях урожай еще ниже, а именно: высший сам 7, средний сам 4*.

16. САДОВОДСТВО

Главная особенность Туркестанского края заключается в том, что на громадной его территории отсутствует естественный строевой лес, а для строительных работ прибегают к искусственно разведенному лесу на усадебных участках. Поэтому садоводство здесь имеет целью не только разведение плодовых деревьев, но также и получение строительного материала. Кроме того, в горах в некоторых случаях плоды деревьев заменяют собою хлебные злаки и в перемолотом виде идут на приготовление хлеба. Эти особенности края наложили свою печать и на устройство садов и, вообще, насаждений. Наибольшее значение в хозяйственном отношении имеют тал и тополь.

Количеством деревьев и разнообразием применения в хозяйстве тал (ветла, salix) занимает в ряду других пород, бесспорно первое место в культурном оазисе. Это дерево преобладает в посадках над другими, благодаря своим прекрасным качествам: быстрый рост, непритязательность к почве, и к поливке, а главное – продуктивность. Действительно, ни одно дерево не дает с такою быстротою той массы отростков, после весенного съема вершины, какую дает тал. Посаженный кое как, кольями, по арыкам, на пахотной меже, тал представляет собою через 15 лет солидное дерево, в два аршина в обхвате, с большой тенистой кроной, которая в течение тридцати лет жизни дерева может быть снята 10 раз, давая в каждый съем достаточно кольев для рассадки, некоторое количество дров и хвороста, употребляемого на корзины, имеющие такое обширное применение в хозяйстве земледельцев.

У сельского населения тал служит также для постройки сакель, конюшен, амбаров и для разных незначительных поделок в хозяй-

стве. Из этого же тала выжигают уголь, имеющий применение у кузнецов, медников. Тот же тал служит, как фашинник, для возведения арычных плотин, для укрепления берегов, для водопроводных желобов. Главная же роль тала – в отоплении. Уступая по своим горючим свойствам другим породам деревьев, тал берет количеством и дешевизной.

Второе место после тала занимает тополь (терек, copulus). В долине Зеравшана преобладает тополь кук-терек, как отличающееся лучшими качествами древесины сравнительно с красивым пирамидальным тополем (ар-ар), весма быстро растущим, но зато меньше дающим материала. Оба вида тополя или рассаживаются черенками (каламча), или развиваются от корней срубленных деревьев, или сеянцами и саженцами, и в пятнадцатилетнем возрасте дают бревна в двенадцать аршин длины, до двадцати двух вершков толщины, а из ветвей получаются также балки для сакель и значительное количество дров. Равным образом, и до своего полного возраста тополь дает немало топлива ежегодной очисткой от лишних ветвей. Как строительный материал, тополь единственное дерево в крае и для капитальных построек, и для поделок простой дешевой мебели, и для потребностей туземного хозяйства. Для строительного дела тополь годен только до тридцатилетного возраста, а затем он делается дуплистым и быстро гниет, отживая свой век.

Красивый шатковидный карагач-чинны (ulmus campestris var.), как и обыкновенный карагач-нароки, пользуется спросом исключительно для поделок, для досок и редко для других строительных потребностей, хотя по своей крепчайшей древесине, он годен для балок и для каркаса туземных сакель. Особенно широко употребление нароки- карагача для постройки арб и экипажных колес. По своей роскошной густой кроне, дающей непроницаемую тень уже в девятилетном возрасте, чинны-карагач находит для себя в каждом хозяйстве лучшее место во дворе, по берегам прудов, при мечети; такие деревья переживают обыкновенно несколько людских поколений. Карагач не особенно требователен к воде; но выращенный хотя бы десятки лет при постоянной воде, он затем быстро гибнет, если лишится ее. Карагач-чинны растет и с орошением довольно медленно, достигая в дватцатилетнем возрасте 26 футов высоты и 18 вершков толщины. Напротив, нароки-карагач растет очень быстро, вытягиваясь в десятилетнем возрасте до 30 футов. Этот вид карагача дос-

тавляет лучшие ободья для колес как арбянных, так и экипажных. Оба вида карагача достаточно распространены как в низменной, так и в возвышенной безводной части долины.

Как о строительном и главным образом поделочном дереве необходимо упомянуть о грецком орехе, принадлежащем главным образом садам и о джигде, дикой маслине (eleagnos hortenhy), растущей преимущественно по сторонам дорог и по окраинам пашен. Оба названные дерева растут сравнительно медленно, причем в возрасте сорока лет орех обильно раскидывает свои ветви и дает до 6000 плодов с одного дерева, а серебристая джигда в этом же возрасте уже клонится к старости, но все же дает с одного дерева до 8 пудов мучнистых плодов, очень питательных и очень любимых местным населением. В противоположность ореху, джигда мало прихотлива к почве и встречается как в местности солончаковой, суглинистой, так и на песчанных местах. При случае дерево джигды служит строительным материалом, но, вообще, этим деревом дорожат за его плодоносность и легкую распространяемость от тоненьких черенков, втыкаемых как придется, по обочинам дорог.

Чинар (platunus orientals), пользующийся в Самарканде, как и повсюду в Средней Азии, большим почетом со стороны мусульман в особенности там, где он хранит под своей грандиозной кроной могилу какого-нибудь хазрета, святого, распространен в немногих низменных многоводных местностях долины и, по праву священного дерева, живет несколько веков, служа, иногда, квартирою какому нибудь дервишу, мулле и его детской школе, уютно устраиваемой в дупле такого гиганта, который под сенью своих ветвей может укрыть от палящего солнца сотни людей. В силу такого исключителного уважения к чинару, это дерево при своем быстром росте из черенков и не особенной притязательности к почве, распространено слабо, так как туземец не очень склонен уделять на своей земле место такому мертвому капиталу. Чинар дает прекрасный поделочный материал только от своих ветвей и очень редко рубится самое дерево каким нибудь окончательно обедневшим хозяином, причем ему не мало приходится выслушивать от соседей всякой укоризны. Поэтому материал из чинара в продаже весьма редко и ценится сравнительно дорого, от двух рублей за доску в три аршина и 165 вершка толщины. В Зеравшанской долине наибольшее количество чинаров группируется в Дахбеде, в окрестностях Самарканда, при могиле магометан-

ского святого Ходжа-Ахрара и в Ургуте. В этих чинаровых рощах имеются вековые экземпляры 26 аршин в объем нижней части ствола, с ветвями в шесть аршин в обхвате. Конечно, эти старцы, служащие теперь приютом калекам-нищим, укрывающие в своей тенистой кроне массы птиц, проживут еще долго, пока, может быть, их не свалит ветер; но уже никакой дерзновенный топор не коснется их, безмолвных свидетелей погребения здесь чтимых мусульман, превратившихся в великих святых, на поклонение которым стекаются отовсюду толпы странников и местных почитателей.

Второе место после тала в насаждениях, особенно по дорогам и по границам полей, принадлежит шелковице (тут, morgus nigra et alba), хотя медленно растущей, но весьма соответствующей для таких посадок. Дело в том, что шелковица, как дерево плодовое и при том дающее листья для питания шелковичных червей, исконно пользуется у туземцев подобающим почетом, охраняющим его от истребления и всякой порчи, где бы оно ни росло. О распространении этого, бесспорно полезного дерева, настойчиво заботились еще ханы и беки, как об этом свидетельствуют нам многие вековые аллеи шелковицы в окрестностях Самарканда*. В подражение своим правителям находились и частные лица, делавшие такие же насаждения с благотворительной целью (худаи) при мечетях, странноприимных домах (каландар-хана) и по дорогам; и вот такие тенистые аллеи и сады тута, составляя общее достояние, дают в течение двух летних месяцев своими сахаристыми, свежими плодами пропитание значительной части бедняков и, в особенности, пришлых поденщиков, для которых ягоды тута с лепешкой заменяют и суп и мясо. Зная такие благодетельные свойства шелковицы, туземец решается срубить дерево в своем саду только в крайности, а растущие по дорогам деревья остаются положительно неприкосновенными, достигая трехсотлетнего возраста (в с. Дахбед).

Особенно огромное значение имеет шелковица в хозяйстве горцев. Благодаря свойствам мергеловой почвы и теплому климату, в горах шелковица растет скорее, разбрасывает свою крону шире, дает плоды крупнее и сахаристее. А так как землепашество горных селений самое ограниченное, не более двух десятин на семью в среднем распределении, то высушенный тут (тут-мавиз) и приготовленная из него мука (тут-талкон) положительно составляет для местных жителей суррогат хлеба, причем одно сорокалетнее дерево в урожай-

ный год дает до 160 фунтов сушенных ягод. При таких условиях, усиливающихся еще значительным развитием в горных оседлостях шелководства, тутовые деревья, где бы они не росли, составляют в горах личную, а не общественную собственность и весьма часто бывают в отдельности предметом продажи, аренды, завещания или наследства, как это замечается и в Бухаре, где всякое дерево, растущее и на дороге имеет собственника.

При своей непритязательности к воде, шелковица встречается повсюду, не исключая и маловодных нагорных селений, а в волостях ближайших к Самарканду, как имеющих в каждом селении исконное значительное шелководство, она местами преобладает количеством над всеми другими породами деревьев, причем во многих хозяйствах ягоды тута также собираются, высушиваются и поедаются, как лакомство.

К этим отличительным свойствам шелковицы, поддерживающим постоянный спрос на нее, присоединяются также и прекрасные качества прочности, не подающейся сырости и гниению древесины её, имеющей не малое применение в строительном деле, в особенности для фундамента и связей сакель, мечетей, для мостовых устоев, для укрепления берегов общественных цистерн, и для разных поделок. Естественно, что такое широкое и разнообразное применение этого дерева, веками окрепшее, издавна приучили туземцев ценить его, приучило и разводить разные породы тута.

Из многих пород шелковицы наиболее распространены: хасак-тут, дикая шелковица, разводимая посевом и служащая для прививки к ней других видов; балх-тут прививная, дающая крупные ягоды и отличающаяся густой кроной с толстыми, глянцеватыми листьями; марваридак, выдающийся высоким стволом, мелкими листьями, продолговатыми ягодами, и ша-тут, царская шелковица, приземистая, густолиственная, с темно-красными кисловатыми ягодами, употребляемыми туземцами, как лекарство и также для окраски пряжи в синий цвет. Последний вид тута, как имеющий ограниченное применение, встречается очень редко, отдельными экземплярами в садах; при мечетях из прочих пород тута наиболее распространен балхи и затем хасак-тут, как дающий мелкие листья, наиболее любимые шелковичными червями.

По своему значительному спросу хасак-тут разводится ежегодно в огромном количестве. Деревца хасак-тут, служащие дичками для прививки других пород, получаются посевом семян шелкови-

цы. Обыкновенно для таких питомников выбирают в саду участок о бок с виноградником, не затеняемый деревьями. С февраля месяца, унавозив землю, пропахав её 5–8 раз, разбив пятикрайнею бороньбою или кетменем оставшиеся комья, приготовляют параллельные низкие грядки (джуя), проводят по окраинам их борозды и в конце марта высевают прошлогодние семена шелковицы, предварительно выдержав их одни сутки в воде. На неистощенной земле, достаточно возделанной удобрением и многократной вспашкой, всходы показываются через три недели и, при частой поливке, через каждые 10 дней; сеянцы достигают к концу года роста около одного фута, при чем требуется выпалывание сорных трав, по крайней мере, восемь раз в течение лета. Эти годовые сеянцы оставляются еще на год, а затем выкапываются в марте месяце из чащи, для посадки в отдельный питомник, из которого они продаются редко в двухлетнем, чаще в трехлетнем и нередко в пятилетнем возрасте.

Этот последний питомник с двухлетними саженцами особенной обработки не требует, но рядовая посадка саженцев делается на расстоянии одного фута один от другого, а поливка и очищение от сорных растений требуется значительно реже нежели в первые годы.

Виноградники весьма распространены. Они разведены не только у селений, где их обыкновенно обносят стенками, но и на полях. Сорта винограда очень разнообразны, и на вкус здешний виноград очень приятен и сочен. Главная масса винограда сушится, и в виде изюма вывозится в Россию и отчасти в Сибирь.

Лозы здешнего винограда длинные. Кусты сажаются двумя параллельными рядами, расстояние между которыми (кустами) в 4-5 арш. Между двумя такими рядами кустов из сырых таловых жердей устраиваются дуги, концы которых врываются в землю; высота дуг выше роста человека.

Дуги соединяются между собою тонкими жердями; к последним привязываются лозы и если виноградник уже взрослый, то получается сплошь закрытый коридор, стены и крыша которого образуется из мелких ветвей и листьев виноградника. Если таких коридоров несколько, то они примыкают друг к другу своими продольными стенами вплотную, ибо побеги от куста чаще растилают на дне соседние дуги. При поспевании кисти винограда спускаются внутрь коридора.

На дворах посадка виноградных лоз производится иначе. Обыкновенно устраивается четырехугольный навес из решетника на стол-

бах. Виноградные ветви пропускаются на навес и под этими навесами во время знойного лета семья проводит лето. В некоторых местах виноградные лозы не поднимаются (Бухарская часть долины Зеравшана), стелются по земле, расползаясь на значительную длину и сплетаясь одна с другой, и по наружному виду виноградные площади походят скорее на поля, чем на сады.

В садах равнин таджиками в большом количестве разводятся яблоки, груши, айва, абрикос, вишни, сливы, черешня, винные ягоды, грецкий орех и персик.

В горах сады помещаются в ущельях около кишлаков и вообще, везде, где есть проточная вода. Роскошные яблоки, персиковые, тутовые, фисташковые, и ореховые деревья достигают немыслимой в долинах высоты. Несмотря на значительную высоту этих мест, в некоторых садах есть виноградные лозы, а по горам виноград растет в диком виде; толщина лоз доходит иногда до 1 фута в диаметре.

Туземцы приходят в неописуемый восторг при одном воспоминании о прелестях садов в горах. Они отчасти правы, потому что после утомительного путешествия по узким тропинкам, карнизам и балконам, пролегающих вдоль крутых, голых склонов сланцовых и конгломерамовых гор, – зеленые сады и пашни, окружающие невзрачные кишлаки, действительно производят на утомленного путешественника довольно приятное впечатление.

Горные яблоки и персики славятся во всем Зеравшанском округе по своей величине и вкусу. Сушеные персики из садов между Урметаном и Варзиминором привозятся в значительном количестве на базары Ура-Тюбе, Самарканда, Заамина, Джизака и Пенджакента. На эти же базары из гор вывозят в большом количестве "тут-мавиз", т. е. массу, приготовляемую из тутовых плодов. Говоря о роскоши горных садов, нельзя не упомянуть и о роскоши вообще всей горной флоры. Склоны гор почти круглый год покрыты цветами. "Голова кружится от удовольствия, когда смотришь на Матчинские горы", говорят жители.

В горах разводится самый лучший сахарный урюк, который высушеный, по освобождению от косточек (аштак), в большом количестве поступает в продажу на городские базары. По заявлению туземцев, одно большое урюковое дерево может дать сухих плодов более 4 пудов в год.

Не менее полезен и тут; из ягод его приготовляют "тут-мавиз", кроме того, тутовые ягоды в большом количестве уничтожаются в

сыром виде, а также собирают их на зиму, высушивают, мелют на мельницах и получают тутовую муку (тут-талкон). Вообще, в горах Фальгара урюку и туту масса. Едва ли найдется такой бедняк, у которого не было бы по одному дереву того и другого, но не мало и таких, которые имеют до 10–15 и более деревьев. Не будет никакой натяжки, если предположить, что средним числом у каждого фальгарца есть по одному урюковому и по одному тутовому дереву, которые дадут ему в год дохода минимум 3 пуда сухого урюка и 4 пуда тут-мавиза, составляющих ценность 14 пудов пшеницы. Таким образом, фальгарец одним садоводством, помимо других занятий, уже имеет возможность пополнить ежегодный недостаток продовольственного хлеба[118]. Время сбора плодов в долине Зеравшана в половине июня, в горной части с 20 июля.

В пределах Матчинской волости, от Оббурдана до Мадрушката исключительно, тута и урюка также достаточно, хотя меньше, чем в Фальгаре; и здесь, следовательно, жители посредством продажи плодов могут выручить часть денег, которые им необходимы для пополнения своего продовольствия, недостающего от занятия земледелием. В верхней Матче, начиная от сел. Мадрушкат до Зеравшанского глетчера и в Ягнобе садов нет; отсутствие в этой местности фруктовых садов объясняется суровым климатом; изредка встречается тал и тополь, но и разведение их требует большого ухода; эти деревья от морозов защищаются тем, что корни их на зиму обкладываются навозом, иначе –мерзнут и погибают.

По Ягнобу во многих местах, преимущественно в окрестностях селений, встречаются кусты дикорастущей черной смородины, с крупной и сочной ягодой; кусты эти местными жителями тщательно оберегаются, а собираемые ягоды сушатся на месте и вывозятся на продажу.

В ущелье Фана и в долинах рек Паструда, Искандера, Артуча и Вору тут и урюк произрастают, хотя в меньшем количестве, чем в Фальгаре; их можно видеть под перевалами Конджрага и Анзоб, в стороне от бассейна Ягноб, именно в кишлаках Маргиб и Марзич. Созревают плоды здесь в конце августа. Яблонь, вишень и ореха в горах мало. Из других деревьев, неплодовых чаще всего встречаются в горных садах тополь и тал, карагачей же очень мало.

---

[118] *Акимбетов Ш.* Очерки Когистана. "Турк. Вед". 1881 г. № 2 и 3.

В ягнобских кишлаках фруктовых деревьев нет и лишь кое где изредка встречаются одиноко растущими деревья бед (тал). В горах леса находятся только в ущельях, но и то в ограниченном размере; они группируются небольшими рощицами на едва доступных высотах и изредка на берегу горных ручьев. Последние по преимуществу сопровождаются кустарниками. В августе и в сентябре, в начале осени, почти все жители занимаются заготовлением не плодов, а топлива, так как в последующее время доступ в ущелья, из-за снега и сильных холодов, бывает совершенно невозможен.

Б. А Федченко говорит: "постепенно поднимаясь вверх по Пянджу, мы могли наблюдать смену растительности и запоздание в развитии некоторых видов. В Хороге (7200 ф.) мы имели, говорит он, зрелые плоды альчи, урюка, но вишня уже сошла. Выше в кишлаке Пиште, были также зрелые плоды урюка; еще выше, около кишлака Казыды (9000 ф.) урюк был еще совершенно не зрелый. Здесь, по видимому, и крайний предел распространения урюка. Дикорастущая флора по Пянджу принадлежит преимущественно к зоне широколиственных деревьев – напр. орехи (Juhlans regia), а отчасти развиты здесь кустарники – в изобилии разные розы, жимолости, заманиха, облепиха и горная вишня: последние три со зрелыми съедобными плодами; также здесь были и бобовые – colutea arboresceus, Halimodeu drou argeuleum[119].

В самых нижних частях долин рек Гунта и Шахдары встречаются урюк, яблоки и груши, тут, орех и виноград, плоды которых употребляются как лакомство в сыром виде, а также служат и для приготовления сладких кушаний.

Считаем не лишним привести постановления мусульманского законодательства о съемке садов из доли, как это изложено в книге Хидая[120]. Абу Ханифа говорит: "съемка сада из части урожая плодов тщетна". Но Имам Магомет и Абу Юсуф говорят, что она дозволяется, когда в договоре обозначен определенный срок, и когда упомянута известная часть из валового урожая плодов.

Съемка садов из части плодов есть обычай относительно деревьев, и к этого рода договорам относится все то, что сказано относительно обработки земли или части урожая. Шафии говорит: "эти до-

---

[119] Изв. И.Р.Г.О. 1902 г. Вып. III. С. 302.

[120] "Турк. Вед." 1886 г. № 33.

говоры дозволяются также, как и договоры об обработке земли из части урожая, только вследствие зависимости от этого обычая. В сущности, эти сделки суть то же, что товарищество относительно отдачи денег в оборот и существующий обычай подобен этого рода договоров, так как им устанавливается товарищество, относительно прибыли, а не самого капитала. Если в договоре об обработке земли из доли включается условие, которым, определяется товарищество на урожай, за исключением семян, которая относится к основному капиталу операции, то договор в этом случае расторгается. Вследствие этого в настоящем случае основанием нашего учения мы берем существующий обычай и дозволили обработку полей из части урожая в зависимости от обычая, подобно тому, как мы ввели постановления относительно орошения при продаже земли, или относительно движимых имуществ при посвящении в вакф. Что же касается условия о сроке, то оно в настоящем случае выведено путем аналогии, потому что эти сделки имеют значение найма, как и в обработке полей из доли. На основании же общих логических соображений, эти сделки допускаются даже и тогда, когда в договоре срок не объявлен; срок этот наступает при первом выходе плодов, потому что для плодов время поспевания их известна; разница между сроками поспевания незначительна, почему приблизительно точное определение срока сделки всегда возможно. Созревание семян люцерны на корню, при съемке садов, подобно поспеванию плодов, потому что срок его известен; потому здесь нет необходимости устанавливать особые условия относительно срока. В противоположность садам, при обработке полей начало работы приходится далеко не в одинаковое время: полевые работы начинаются и осенью, и летом, и весной; поэтому и окончание операции полеводства приходится в разное время, вследствие чего относительно сроков является неопределенность.

Но в том случае, когда сдается съемщику земля для посадки деревьев, с объяснением порядка посадки, причем плоды в обычное время не поспевают, то сдача земли дозволяется не иначе, как с объяснением срока, потому что существует явная разница между землями сильными и слабыми.

Напротив того, когда сдается съемщику финиковые плантации или люцерна на корню для ухода за ними и орошениях их до тех пор, пока окончится растительный период и исчезнут корни их, или когда для люцерны не определен срок съемки её, то сделка расторгается, по-

тому что в подобных случаях не существует определенного предела, так как растение продолжает зеленеть, пока остается в земле, вследствие чего срок сделки остается неизвестным.

В договоре должна быть обозначена определенная доля, из общего количества уродившихся плодов, как объяснено в книге об обработке полей из доли; когда же уславливаются об известном количестве плодов независимо от урожая, то товарищество уничтожается. Если договором устанавливается такой срок, в котором заведомо плоды поспеть не могут, то договор расторгается, так как не существует объекта его, который должен заключаться в товариществе относительно дохода.

Если же в договоре назначается такой срок, в который плоды могут поспеть, но иногда случается, что поспевают позднее, то договор дозволяется, потому что при этом не имелось в виду, что цель договора не будет достигнута. В настоящем случае, если плоды поспевают в обозначенное время, то они составляют достояние товарищества, так как договор остается в целости; если же созревание плодов запоздает, то, так как договор прекращается, съемщик имеет право на получение платы, как наемщик, пропорционально труду, потому что в назначении срока в договоре обнаружилась ошибка, вследствие чего возникло точно такое же положение, как если бы с самого начала, при заключении договора, было известно, что в назначенное время плоды не поспевают.

В том же случае, когда плоды совершенно не уродятся, будучи уничтожены вредными атмосферическими влияниями, и таким образом нарушение договорного срока не обнаруживается, то договор остается в целости, и ни одному из договаривающихся с другого ничего не следует.

Съемка дозволяется относительно финиковых деревьев, виноградных лоз, люцерны и корней баклажанов. Но Шафии в книге "Ал-Джадиди" говорит, что съемка не дозволяется, исключая фиников и виноградников; эти последние дозволяется снимать на основание предания, в котором они обособлены; предание это о племени хейбер. Для нас же это дозволительность основывается на нужде, которая обща всем садовым растениям. Что же касается предания о племени хайбер, то ни виноградники, ни финиковые плантации в нем не обособлены; напротив население хайбера поступало одинаково в отношении всех садовых растений, не исключая и люцерны. Если бы

мнение Шафии действительно основывалось на каноническом источнике, то конечно, оно имело бы полную доказательную силу.

Владельцу виноградника не представляется право отказывать съемщику без приведения на то достаточного повода, потому что в исполнении договора для него нет никакого вреда. Равным образом и съемщику не предоставляется право оставлять работу без достаточного оправдания, в противоположность постановлениям, об обработке земли из доли, где принимается во внимание владелец семян, как мы объяснили.

Если сдается из доли финиковая плантация с плодами на ней, и впоследствии трудами съемщика количество плодов увеличивается, то сделка дозволяется; когда же она заключается по окончании периода производства плодов, то не дозволяется.

Здесь то же основание, как и при сдаче полевого посева в то время, когда он представляет только растущий злак; в этом случае сделка и сдача дозволяется. Но когда посев уже сжат или поспел, то не дозволяется, потому что съемщик приобретает права своей работой; когда же он снял бы в то время, когда растительный период кончился и посеянное поспело, то работа его не имела бы на урожай никакого влияния; поэтому если бы мы допустили съемку зрелых плодов, то дали бы право съемщику предъявлять право без затраты труда, что шариатом не допускается. Напротив, в первом случае, т. е. когда посев еще не созрел, оправданием служит нужда в труде.

Когда договор нарушается, то работающему представляется право на пропорциональную труду наемную плату в том же значении, как в расторгнутых договорах найма; стало быть, в этом случае следует поступать также, как при договоре об обработке земли из доли, когда договор этот расторгается.

Договор о съемке садов прекращается со смертью, потому что он имееть значение найма, как уже было объяснено нами. Если владелец сада умрет в то время, когда урожай еще не созрел, то съемщик имеет право оставаться, как он оставался до смерти владельца сада, до тех пор, пока плоды не созреют, хотя бы этого и не желали наследники владельца сада. Договор остается в силе в тех видах, чтобы съемщик не потерпел ущерба в то время, когда для другой стороны от этого никакого вреда нет.

Если же съемщик соглашается на уничтожение договора, то наследникам умершего владельца сада предоставляется выбрать один

из следующих способов расчета: или разделить недозревшие плоды на основании условия, или выдать съемщику стоимость его доли незрелых плодов, или же принять на себя издержки по уходу за садом до тех пор, пока плоды не созреют, с тем, чтобы возвратить эти издержки из доли плодов, причитающейся съемщику, так как для съемщика ни один из этих способов не сопровождается ущербом, как мы уже объяснили подобный случай в книге об обработке земли из доли.

Если съемщик умрет ранее окончания договорного срока, то его наследники могут продолжать его работу, хотя бы этого не желал владелец сада, потому что в этом заключается польза для обеих сторон. Если же наследники пожелают собрать недозревшие плоды, то владелец сада может выбрать один из трех вышеупомянутых способов расчета.

Если умрут оба контрагента, то наследники съемщика, так как они заступают место его, имеют право выбора по отношению к имуществу, составляющему предмет наследства; поэтому они могут требовать, чтобы плоды оставались на деревьях до тех пор, пока не поспеют. Если же наследники съемщика откажутся продолжат работу его, то наследники хозяина сада могуть выбрать способ для расчета, какой объявлен нами выше.

Когда обычный срок окончился, а плоды еще не созрели и остаются зелеными, то съемщик может оставаться при работе до того времени, когда плоды созреют; но получить за излишнее время плату он не имеет права, потому что нельзя же требовать плату с дерева. При обработке земли из доли, в противоположность настоящему случаю, при продолжении обработки земли, по истечении договорного срока, съемщик рассматривается, как арендатор земли.

Таким образом, при съемке сада вся работа после договорного срока до созревания плодов относится на счет съемщика, при обработке же земли из доли по окончании договорного срока, если на съемщика необходимо отнести арендную плату за землю, то нет основания требовать от него же и работу; здесь же при съемке сада, арендной платы нет, вследствие чего позволяется требовать от съемщика продолжения работы, какая требовалась до истечения договорного срока.

Договор подлежит прекращению, вследствие некоторых поводов, как мы объяснили в книге о найме, где также приведены основания

этим поводам. К числу этих поводов относится тот, если съемщик вор и есть основание опасаться, что он будет воровать ветви или плоды, прежде чем они созреют, потому что от этого для хозяина сада может последовать вред, с его стороны ничем не вызываемый. К числу таких же поводов относится болезнь съемщика, ослабляющая его до такой степени, что он не может работать и является необходимость нанимать; наем же влечет за собою убыток для хозяина сада, в котором он не причинен. Потому такое обстоятельство и включается в число поводов для расторжения договора.

Если съемщик пожелает оставить работу, составляет-ли это обстоятельство повод к прекращению договора? Об этом случае существуют два мнения: по одному, принимается за основание то, что договором обусловливается работа собственными руками; потому в силу такого условия отказ от работы составляет повод к прекращению договора.

Если кто-либо сдает другому лицу землю белую (т. е. незасеянную) на определенное число лет, для насаждений на ней деревьев с тем условием, чтобы земля и деревья были разделены между владельцем земли и насаждателем деревьев пополам, то договор не дозволяется, так как им обусловливается товарищество по отношению к тому, что уже существовало на лицо ранее составления товарищества, а не есть результат труда того, кто обрабатывает; в таком случае все плоды и насаждения принадлежат владельцу земли, а тот, кто занимается посадкой, получает стоимость саженцев и наемную плату за произведенную им работу. Саженцы не возвращаются обрабатывающему натурой, вследствие связи их с землей; отсюда вытекает необходимость в уплате стоимости их, отдельно от наемной платы за труд, потому что труд не входит в стоимость саженцев, которые имеют цену сами по себе.

17. ОГОРОДНИЧЕСТВО

Огородничества, как отдельной отрасли хозяйства, в нагорном районе не существует, сеют же огородные овощи на уголках пашен, рядом с хлебными растениями, в ничтожных размерах, только для собственного потребления и то не везде. Напр., выше Мадрушката вверх по Зеравшану и выше Хитартаба по Ягнабу, посевов огород-

ных овощей нет; там-же, где их сеют, созревают они не раньше конца августа. Обыкновенно возделываются следующие огородные овощи: лук (пиаз), морковь (сабзи), огурцы (бодиринг), свекла (лябляби), репа (шалгам), редька (турб), капуста (карам), арбузы (тарбуз), дыни (харбуза), тыква фигурная (тамаша-каду) и тыква съедобная (аш-каду).

В равнине огородничество составляет значительную отрасль сельского хозяйства и поставлено на весьма рациональных началах. Культурные работы, как-то: удобрение, поливка, разрыхление почвы, окучка растений, уборка растений и проч. ведутся таджиками весьма тщательно. Особенно славится культура дынь. Дыни в летнее время являются главным пищевым продуктом для рабочего населения. Фигурные тыквы в пищу не употребляются, а разводятся в значительном количестве для приготовления из них известного рода посуды. Для этого туземцы вынимают из неё мякоть, а наружная оболочка служит кувшином для воды или масла. В маленьких горлянках держат табак, закладываемый за щеку. Из них же выделывают чилимы (кальяны). Эти же тыквы служат дном клеток для птиц.

Сеют также красный перец (каламфур), укроп (бадиан), чернушку (сия-дона), кашнич (coriandrium sativum), фасоль (лубия) употребляемые в приправе.

18. СКОТОВОДСТВО

В долинах, где земля орошена, земледелие заняло все пространство, годное для посевов или древесных насаждений.

Остались только незначительные клочки выгонов имеющихся при каждом почти селении, побережья камышевых озер, да узенькие полоски доступной для скота пастьбы по берегам арыков.

Пастбищами пользуются на общинном праве; побережьем озер пользуются ближайшие кишлаки, а пастбищами по арыкам довольствуются те селения, у которых земледелие поглотило, с общего согласия, даже скудные выгоны.

Если отметить еще, что по мере уборки хлеба в течение августа и сентября месяцев, скот выгоняется на освободившиеся от жатвы поля, а лошади выпускаются некоторыми хозевами в сады и рощицы (чакалов) с весьма слабой пастьбой, то этим и ограничиваются крайне

ничтожные размеры площадей подножного корма, с весьма небольшим разнообразием трав, имеющих у туземцев следующие названия и распределения: а) для рогатого скота – лола-хасак, шура, бугдояк, аджрак, когора, соук-кувок, камган, латахор, вошвоши, пудина, хорхор, бутрок, гули хайри; б) для лошадей – аджрак, бугдояк, соук-кувок,кунок; в) для вердблюдов – коррок, янтак, исмалак, читер, кокро, шура, камгак; г) для овец – чатыр, исмалак, коррок, шивак, куррок, киз-кулак, лола-хасак, ак-чипор, таран, ривач, ак-баш, бурган, саган, ак-куйро, джузган, балыг-кузы, тортман, кошка-сатаги. Конечно, этих кормовых средств, не всегда одинаково обильных вследствие бездождий, было-бы весьма недостаточно и на самое ограниченное количество скота, если бы в подспорье не служили случайные пастбища, как пар, жнивье и также искусственное травосеяние клевера (беда), поздней джугары. Словом, долины представляют такую бедность кормовых средств, при которой скотоводство возможно в самых ограниченных размерах, с самым стеснительным выбором пород скота.

В более широких размерах скотоводство возможно только в горах, и то не везде, где жители имеют возможность пользоваться более обширными пастбищами.

Разведение верблюдов стоит в самом ограниченном количестве, для применения этих животных для целей хозяйственных, да изредка для перевозки тяжестей. Преобладающая в Зеравшанской долине порода – одногорбые верблюды, рослые, ширококостяные курчаво-коротко-шерстые нары, подымающие 16 пудов караванной тяжести. Верблюжонок нар, оставаясь при матери неотлучно до двухлетнего возраста, с этого времени получает общее название – буталок и начинает работать, выдерживая в пятилетнем возрасте тяжесть до 12 пудов.

Зимою животное, кроме полевого корма, получает еще с вечера саман (измельченную пшеничную или ячменную солому), рисовую солому, довольствуясь жвачкою (каушак) на целую ночь, когда их укладывают, окутывая в холодное время в войлочные попоны (джигад).

Здешний нар, требуя заботливого ухода на месте и в пути, способен оставаться летом без водопоя не долее трех суток, способен при нормальных условиях содержания и передвижения, проходить в день с 12 часов утра до 5 вечера, без привалов, обыкновенным караванным ходом до 18 верст.

Ишак (осел). Маленькое вьючное животное это, при своей способности подымать почти такие же тяжести (в шесть пудов), какие поднимает и лошадь, издавна получило в хозяйстве земледельца такое универсальное применение, которое отводит ему больше дела, чем остальным вьючным животным, и приземистый, длинноухий тонкокопытый ишак, с такою же терпеливостью к пинкам своего обладателя, с таким же стоическим усердием тащится из Бухары в Оренбург, с каким карабкается под тяжестью в пять пудов по скалистым снежным перевалам гор.

Везде почти в здешней полосе как горной, так и равнинной, ишак один и тот же. Голова несообразно велика, скуласта, хвост пропорциональный, цвет шерсти – мышистый с крестообразными черными полосами на хребте; редко цвет шерсти черный, еще реже белый, столь высоко почему-то ценимый туземцами. Значительно терпеливое животное это, служа исключительно как средство передвижения и подъема тяжестей, имеется у каждого почти землевладельца, нередко и у совершенно безземельных, промышляющих одним лишь прозябанием.

Ишак немногим довольствуется: он получит в сутки зимою у хороших хозяев до 15 ф. саману, до 3 фунтов ячменя и никакой подстилки, никакой покрышки, кроме плоских подков для продолжительной горной ходьбы.

Рогатый скот. Наружность скота горного представляется несравненно привлекательнее и общим типом, и однообразием масти черной, бурой, рыжей, серой, чем в долине.

А между тем для специалиста породы скота горного и долины кажутся одинаковыми, происшедшими, как признает проф. Чернопятов, от помеси крупного рогатого скота с породою зебу (Bas indian), распространенною в долине Сыр-Дарьи.

Естественно, что при совершенно одинаковых примитивных условиях воспитания скота, ухода за ним, без малейших стремлений у туземцев к улучшению пород подбором и другими заботами, горный скот выработал в себе лучшие качества единственно влиянием природы. Скудна природа долины, поддерживающей растительную жизнь одним лишь искусственным орошением, едва достаточным для землепашества, и нет в ней условий для лучшего скотоводства, нет в долине и хорошего рогатого скота, ибо пастбища – главное для него средство.

В долине пастбищными выгонами для рогатого скота служат места окончательно неудобные для земледелия, – места, на которых, по условиям жаркого, сухого климата, кое какая редкая низкая трава держится только до половины мая месяца; остальной период лета до снятия жатвы, несчастный скот бродит за несколько верст от своих селений положительно впроголодь, не получая ни стебля клевера или соломы от своих хозяев и по возвращении с поля. Только в течение четерех зимних месяцев туземцы как будто проявляют некоторую заботливость о рогатом скоте, ровно настолько, насколько требуется для поддержания существования бедного животного, получающего в течение года общую кормовую дачу, по крайней мере, на половину менее нормальной дачи.

Смотря на скот только как на рабочую силу, как на средство для получения навоза, туземцы вовсе не озабочиваются не только об улучшении породы для получения большей продуктивности (молочность, сыроварение), но и о поддержании сил животных. Только лишь рабочие кастрированные быки пользуются некоторым вниманием со стороны своих владельцев, но и то перед рабочей порой, чтобы ни отстать обработкой поля, уборкой жнива; в остальное время их житье – та же голодовка, та же зависимость желудка от весенних трав, от количества остатков на полях после уборки хлебов, т. е. от таких условий, которые далеко не всегда одинаковы, как зависимые от количества весенних дождей, от степени полевой урожайности.

Отличительные, бросающиеся в глаза, наружные формы туземных коров долины, это – угловатость костного скелета, вызываемая торчащими из под кожи костями, отвислость брюха, заостренность спины и малость веса, недостаток пропорциональности в частях, доходящий до видимой уродливости, тощий изнуренный вид, взъерошенная шерсть, поразительно разнообразная шерсть с преобладанием пестроты, печальный взгляд, слезящиеся глаза, шаткая походка. Характеристические признаки черепа следующие: лоб значительно длинее своей ширины, между глазными впадинами он сильно вдавлен; начиная от уровня верхних частей глазных впадин, по шву лобных частей идет возвышение, которое, по мере приближения к макушечному гребню, постепенно делается выше и шире, опускаясь вместе с тем в обе противоположные стороны вогнутыми плоскостями. У макушечного гребня средина лба значительно выдается вперед и вместе с тем сильно опускается с обеих сторон вогнутыми плоско-

стями к основанию рогов и вискам. Надглазничные борозды у выходных отверстий артерии весьма глубоки и узки, но к носовым костям сказанные борозды быстро расширяются, делаясь вместе с тем все мельче и мельче, так что их почти совсем незаметно у шва лобных костей с носовыми.

Рога сидят на шероховатых удлинениях лобных костей. Роговые стержни, имея почти круглую форму, при выходе своем от удлинений лобных костей, расходятся в обе стороны, постепенно поднимаясь над макушечным гребнем и мало по малу загибаясь вперед. Рога короткие, с тонкими концами, слегка загнутыми вперед. Беззубая передняя часть нижней челюсти несколько длинее ряда коренных зубов. Задняя беззубая часть нижней челюсти короче передней. Коренные зубы длинны и узки.

Таков тип здешнего рогатого скота, тип очень непригожий для коров вообще и достаточно сносный для рабочих быков, оставляемых из лучших телят и содержимых в лучших сравнительно условиях.

У хороших хозяев, крупных землевладельцев встречаются быки и крупного склада и резко типичной наружности, с короткими расходящими рогами; у таких быков голова легкая, глаза большие с кротким выражением, затылок хорошо развитый, шея средней длины с широким гребнем и мало развитым подгрудком, холка широкая; спина прямая, широкая; крестец достаточно длинный, полный, мускулистый; хвост присажен довольно высоко; грудь глубокая; плечи правильные; передние ноги широко поставлены; реберный свод крутой; шерсть короткая, блестящая, плотно прилегающая к телу; преобладающая масть черная, без отметин.

Ни одна отрасль скотоводческой промышленности не сосредотачивает на себе столько относительного внимания, столько забот и труда, как овцеводство. Можно сказать, что это единственный вид промышленности, заставляющий предпринимателей напрягать все внимание и старание к удержанию его на той степени развития, с которой только и возможно получение значительных прибылей, какими в действительности и пользуются изучившее это дело туземцы. В здешнем крае единственно возможны породы овец киргизская – курдючная и каракульская (арабская, короткохвостая). Обе эти породы овец прекрасно выносять климат, довольствуются скудным в зимнее время подножным кормом, чрезвычайно быстро откармливаются в течение лета и дают такие продукты, которые покрывают

все потребности местного населения, удовлетворяют и широкому спросу ближайшего запада на каракульскую мерлушку.

Каракульская овца дает тольку мерлушку барашков и вообще несравненно менее продуктивна, несравненно менее распространена в одном и том же оазисе, чем овца курдючная. Область наибольшего распространения этой последней породы – подгорные окраины, представляющие условия, необходимые для овец – сухие возвышенные пастбища, покрытые нежными злаками и клеверными породами, перемешанными, как в горах, с тысячелистником, тмином и другим обильным разнообразием пахучими породами. В культурной части равнины занятой высокоинтенсивным хлебопашеством, овцеводства совершенно не существует, так как для него нет здесь и места среди густой обработки, нет и необходимых условий, соответствующих пастбищ. Однако, и здесь можно встретить в каждом почти селении одного-двух промышленников, откармливающих десяток другой баранов только в зимнее время, для продажи на мясо в ближайщих базарных пунктах.

Овцеводство выражается также в более или менее постоянном содержании гуртов овец для получения приплода и продуктов, в откармливании баранов для резников.

С давних времен население Зеравшанской долины включительно до Бухары, поддерживая более частые сношения с кочевым населением Приаму-дарьинским, чем Присыр-дарьинским, ведет с ним деятельную торговлю сбытом произведений обрабатывающей промышленности (шелковые, бумажные ткани, обувь, шубы) и приобретением, в свою очередь, скота. Наибольшим вниманием скотопромышленников пользуются, как заметно, подгорные местности левого берега Аму-Дарьи: Кундуз, Хульм, Рустек в Афганском Туркестане (Чар вилайет), где, по общему мнению, у кочевников-катаганов существует лучшие породы и мелкого и крупного скота.

Отправив из Бухары красный товар, алачу и бязь (мату) с верблюжниками, которые проходят обыкновенно в Кундуз через Келиф на восемнадцатый день, скотопромышленники выезжают в январе месяце сами.

Оставаясь в Кундузском бекстве до половины марта месяца, скупщики баранов вступают в сделки с туземцами, обменивая товар и прибавляя некоторую долю бухарского серебра, приобретаемого разменом у сарафов (менял) исключительно на русские полуимпериа-

лы. Приобретаемые таким образом бараны-самцы обходятся на месте: четырехлетки – 3 р. 90 к. и двухлетки – по 1 р. 80 к. Распределив все количество баранов по 1000 штук в каждый гурт, в конце марта гонят их в Ургутские и Каратюбинские горы. По приходе в Ургутские горы (Зеравшанский хребет) всех баранов отдают в стрижку особым стригачам получающим за 1 ½ дня работы 80 к. со 100 штук. В эту весеннюю стрижку, получаемая шерсть (с 40 баранов 60 фунтов – 4 р.) связывается, подвешивается и служит для приготовления канов (мешков), хуржинов (переметных сумок), попон, арканов, чекменей (зимних халатов). Вторая летняя стрижка дает шерсти в половину менее и притом низших качеств, для приготовления кошмы.

Покончив первую стрижку, хозяева сами распределяют в горах всех своих баранов в гурты, по 500 штук (сурук) в каждом, что считается необходимым для правильной пастьбы. К каждому такому суруку назначается пастух с подпаском. Бараны остаются в горах до 1 июля, получая для более скорого откармливания по одному пуду соли в неделю на 500 штук. В начале августа хозяин снова отправляется в горы, выделяет из каждого сурука худых, не откормившихся слабых баранов и, оставляя этих еще на поправку, всех остальных гонит в большие города.

Промышленники входят в сделки с капиталистами мясниками, которые и расплачиваются, обыкновенно через 15 дней, передавая скупленных баранов джалобам (барышникам), распродающим по базарам.

Закупив на наличные и отчасти шестимесячный кредит краску (ниль), ситец, адряс, тик, бараноторговцы возвращаются домой, чтобы весной следующего года снова приняться за то же выгодное дело.

С баранами, выделенными перед угоном, распоряжаются так: окончательно слабых гонят на зиму в степь, а достаточно поправившихся в течение лета назначают для откорма в зимних загонах. Для этого, подкармливая этих баранов, ранней осенью, по пригоне из гор, в садах, рощицах (чекалок), на полях хлебных, в сентябре месяце отделяют по 40 штук в каждый просторный крытый загон (агылхана) с устроенными глинянными яслями (ахур). Остригши предварительно всех баранов, назначенных к откармливанию, получив с 40 штук 1 ½ пуда шерсти, их запирают в такой теплый загон на четыре зимних месяца, под наблюдением одного человека, обязанность ко-

торого не малая. С утра и до утра баранам-бордокам приходится подкладывать без перерывов сечку из клевера, в полдень – головки обмолоченного льна (тупон), к вечеру 2 1\2 ф. на каждого барана ячменя, а на ночь снова тупан и клеверную сечку. При этом ставятся в одном углу агыл-хана корыто с водою, в другом корыто с солью, никогда северщенно не опоражнивающееся, сколько бы бараны не пожирали. Всю ночь в овчарне горит свеча и караульщик остается в ней неотлучно.

Козы будучи особенно распространены в горах верхнего Зеравшана (Фараб, Магиан, Кштут, Фальгар, Фан, Матча, Ягноб) и немного в долине, дают, прекрасный пух (тибыт) для лучших тканей и шерсть (джюны) для арканов.

Коневодство. Существует три породы лошадей: карабаир, туркменская и арабская. Спрос на лошадей замыкается довольно ограниченными потребностями: извозным арбяным промыслом (джагудеры, арбакеши), землепашеством и земледелием вообще, народными забавами в скачках с терзанием козла на кок-бури. По характеру каждой из трех названных потребностей выработался в последнее время и тип лошади.

Арбакеши стараются приобретать лошадей тяжелых, крепких, хотя и некрасивых; земледелец держит лошадь какую придется, так как, по условиям здешнего мелкого паханья, лошадь бывает нужна в хозяйстве для молотьбы, для уборки хлеба, для отвоза продуктов на базар и редко для запашки; любителям бешенего и безобразного ристалища на кок-бури (раздирание козла) требуется лошадь и никак не представительная, никак не скаковая, а только увертливая, сильная, чтобы пробить себе путь чрез плотное кольцо состязающихся.

Наилучшими скаковыми качествами, физической крепостью, выносливостью, способностью к большим и продолжительным передвижениям отличается в долине Зеравшана карабаир. Лучшие скаковые лошади этой породы проходят четырехверстный круг ипподрома в шесть минут, сохраняя способность скакать и на тридцать верст, как испытывались эти лошади на скачках у степных киргиз. Карабаиры способны проходить под верхом по сто верст в день, с небольшими отдыхами для расстояния в 1000–1500 верст; эти лошади делают в арбяной запряжке с тяжестью в тридцать пудов по 40 верст в сутки и на больших расстояниях. Не обладая способностью бега рысью, карабаиры имеют правильный галоп и часто большой

шаг, до 90 $1/_2$ в. в час. Горное ура-тюбинское и кулябское коннозаводство дает наибольшее, сравнительно с другими местностями, число хороших лошадей с аллюром, называемым здесь хода (джурга), т. е. особенной иноходью, развивающейся у некоторых до способности бега этой спокойной для всадника переступью по шестнадцати верст в час.

Представители этого аллюра имеют рост 2 арш. 1 в., правильный, крепкий склад и оригинальный постав задних ног под значительным углом. У этих то карабаиров и встречаются те завитки шерсти на голове, на груди, на пахах и ягодицах, которые обращают нередко внимание знатоков лошадей, как признаки, отличающие хорошие качества лошади. Что касается до лошадей обыкновенных, имеющихся у каждого туземца для хозяйственных собственно потребностей, то они хотя не особенно красивы, не особенно развиты складом корпуса, как выродившаяся порода карабаиров, тем не менее, эти лошади также выносливы в продолжительных передвижениях, как и вообще здешняя степная лошадь.

Разумеется, что типичность земледельческих лошадей не повсюду однообразна. У туземцев зажиточных, хорошо подкармливающих дворовых лошадей в зимний период и во время полевых работ, лошади бывают рослее, здоровее, чем у недостаточных земледельцев. У этих последних, встречающихся, впрочем, в ограниченном числе, от скудного питания и плохого помещения лошади истощаются в течении зимы до такой степени, что едва передвигают ноги; но с появлением первой травы, выпущенные в поле, они быстро поправляются и делаются способными к работе.

Жеребята носят название по возрасту: Однолетний- той, двухлетний -кальтатай, трехлетний с остриженной гривой и хвостом -- гунак, четырехлетний – дунак, пятилетний – ат, т. е. лошадь*. Жеребят не отнимают от маток до следующего приплода, не запирают их даже во двор, представляя детям седлать кальтатая.

Что же касается до содержания лошадей у зажиточных городских туземцев, то оно не оставляет желать ничего лучшего, как отвечающее, закрытием попонами и постоянной чисткой веником, условиям жаркого, сухого климата – как вырабатывающее кактарам стройных, поджатых, чутких, поворотливых, мягкоуздых скакунов, которым нет соперников в европейских лошадях на двадцативерстном ипподроме.

Уход туземцами за лошадьми таков: после нескольких часов езды, отпустив несколько седельные подпруги, подтянув достаточно свободно голову закинутым на луку седла поводом, вываживают лошадь в продолжение полутора часа. Закрыв затем теплой кошеменной попоной сверху легкой покрышки, набрасываемой во время выводки, подтягивают голову на уздечке, привязывая таким образом лошадь на выстойку (кок-тар) в течение 4–6 часов, смотря по усталости животного, причем многие любители моют ноги лошади соленой водой. Задав после выстойки рубленный клевер, через час или два напоив лошадь, дают ячмень или джугару (сорго) в количестве на 3 ф. менее против порции ячменя.

Вычистив вениками и тряпкою лошадь с самого утра, в 5 часов дают клевер и в 7 часов, напоив лошадь, ставят ее на кок-тар до полудня зимой, до 2 часов летом, давая в это время клевер с саманом и умеренное количество воды, после чего оставляют лошадь на выстойке до восьми часов вечера в летний период. Вычистив на ночь коня, дав ему постоять некоторое время без попоны, задают клевер, поят и кормят полной суточной дачей ячменя в 10 ф. С одиннадцати часов вечера и на всю ночь уздечка подтягивается слабо, повод отпускается свободно, чтобы лошадь могла ложиться, чем нередко злоупотребляют конюхы (сонцы), оставляя лошадь с подтянутой головой на всю ночь, чтобы избавиться от утренной чистки. При таком уходе за лошадью с постоянным оставлением ее на коктаре, она делается чрезвычайно чувствительна к поводу[121].

Вообще, принято считать, что в горах скотоводство развито в более обширных размерах, чем в равнине; но это мнение далеко не соответствует истине. Вот приблизительные цифры разного рода домашнего скота в горных областях, добытые путем тщательных распросов г. Акимбетовым[122].

	лошадей	ишаков	рог.скота	баранов	козлов
В Матчинской вол....	300	500	900	2500	1200
"...Искандеровской....	262	463	1250	7000	3500
".... Кштутской	133	364	615	3550	2065
" Фальгарской...	150	1000	2000	11000	700

[121] *Арандаренко.* Досуги в Туркестане. СПБ. 1889 г. С. 84 и след.

[122] "Турк. Вед." 1881 г. № 2 и 3.

Обилие пастбищных мест, выставляемое как главный аргумент в пользу широкого развития скотоводства в горах, еще не есть доказательство, что у горцев скота действительно много. Нужны денги на покупку скота, а их то у него меньше всего. Наконец, зимою продолжающейся в горах до 6 месяцев, скот нельзя выгнать на пастбу, а запасти сена на полгода для большого количества скота не под силу бедному горцу.

Далеко не во всех волостях и обилие пастбищ; так, напр., фальгарцы летом пригоняют своих баранов и коз на пастьбу в окрестности Искандер-куля и в долину Паструдскую. Несмотря, однако, на недостаток кормов у себя дома, фальгарцы имеют баранов более, чем искандеровцы, умеют наживать деньги своими оборотами скотом и кое какою торговлею, тогда как искандеровцы лишены этой торговой деятельности. Две остальные волости – Матчинская и Киштутская – также не могут похвастаться обширностью своих выгонов. В Матчинской волости кишлак с кишлаком чуть не ежедневно ссорятся из за права пользования выгонами, ведя между собою нескончаемую тяжбу у казиев.

Выгонами, действительно, богата, только одна Искандеровская волость. Вообще в горах бросается в глаза недостаток лошадей и этот недостаток не особенно ощутителен, благодаря тому, что лошадей с большим успехом заменяют ишаки, как нельзя более приспособленные к горной местности. Действительно, ишак и в долинах много значит в хозяйстве земледельца, а в горах он еще более незаменим. Твердой, уверенной поступью с вьюком проходит ишак узкой тропой по самым трудным, скалистым местам. Крепкая, как сталь, копыта его не нуждается в подковах. Пришло время пахать – тот же ишак впрягается в плуг и работает без устали до вечера. За всю его работу его же самого заставляют отыскивать себе корм и воду.

Почти у каждого ягнобца есть по несколько козлов и баранов, а также и по ишаку; лошади же в Ягнобе – редкость: на целый кишлак в 10–15 дворов две, три лошади не более, а потому и сами дороги приспособлены более для ишаков и пешеходов. Землю обрабатывают быками.

Между домашними животными в Дарвазе первое место занимает довольно мелкий рогатый скот; затем идет мелкая порода некурдючных (гадик) овец, коз, отличающихся превосходным пухом. Лошади и ослы имеются в самом незначительном количестве только у

служивых или очень зажиточных горцев, и то не более один у домохозяина.

В Шугнане из домашних животных разводят лошадей, коров, овец, коз, ослов. Лошади из некрупной породы, но довольно выносливы, часто имеют хороший ход и для путешествий по трудным горным тропинкам весьма пригодны. Коровы мелки, служат одновременно и мясным, и молочным скотом. Бараны также весьма некрупной породы, без курдюков.

В Рошане скота очень мало. Держат баранов-гадиков, коров и ишаков. Скудный корм сильно отзывается на росте скота. Зарезанный гадик с снятой шкурой не превосходит зайца. Коровы-карлики меньше наших телок. За то ишаки превосходны: без проводника, с громадным вьюком, они легко карабкаются по рошанским тропам. Лошадей почти совсем нет; только в некоторых кишлаках попадается одна-две лошади[123].

Вскоре после посева хлеба большая часть народонаселения Памира оставляет свои зимние жилища и уходит со своими стадами из долин в места более возвышенные, где невозможна уже культура, но где имеется зато подножный корм. Каждый кишлак имеет отдельное место для пастбищ, называемых по таджикски "ель" и известных более под киригизским именем "джайлау". На своих джайлау таджики живут семьями целое лето в шалашах, устраиваемых из ветвей деревьев и травы, а иногда – просто под открытым небом. Для поливки засеянных полей и для окарауливания их остается кто-нибудь из мужчин семейства.

Стада состоят преимущественно из особой породы баранов-гадиков, которых даже у бедных имеется по 10–20–30 голов, коз немного, в меньшем количестве, коров, волов и лошадей.

Последние разводятся в незначительном количестве и даже у зажиточных таджиков имеется лишь по 3–4, а бедные ограничиваются одной лошадью, которая служит для передвижения на дальние расстояния и для перевозки тяжестей при перекочевках на джайлау.

Таджики держат мало лошадей, потому что все полевые работы производят на волах, а излишек лошадей на выгодных условиях сбывают киргизам соседнего Памира, где лошадей очень мало и, по климатическим условиям, жеребята даже не выживают . Этим объяс-

---

[123] *Баньковский В.* "Турк. Вед." 1894 г. № 13.

няется то обстоятельство, что у таджиков имеется почти исключительно только кобылы, которых они держат для приплода, жеребцы же все сбываются. По наружному виду лошади очень невзрачные, низкорослые, но они отличаются замечательною выносливостью и во время путешествий в горах незаменимы. Деля со своим конем труд, таджики, сами замечательные пешеходы, совершают на своих невзрачных лошадьях громаднейшие переходы в горах и передвигаются по убийственным дорогам с такою скоростью, что не знаешь, чему более удивляться – выносливости ли всадника и его коня, или ловкости и смелости, с которыми они преодолевают встречающиеся на пути препятствия[124].

Так как земля здесь требует большого и ежегодного удобрения, то для того, чтобы собрать побольше навоза, существует особый способ содержания скота в зимнее время: по соседству с домом строятся маленькие конурки, в которых скот находится все время и выпускается только на водопой. От духоты на таких помещениях непривычный человек может задохнуться.

19. ОХОТА

Охота на горах, изобилующих разного рода зверями, могла бы занять весьма видное место в ряду средств пропитания и благосостояния горца. Между тем, ею занимаются только немногие из них. Причину этого нужно искать в недостатке пороха, свинца, огнестрельного оружия и в несовершенстве последнего, а также в плохом сбыте пушных зверей.

Гальча прежде всего – бедняк: он спешит выручить деньги на свою добычу, спрос же на пушный товар в Средней Азии весьма и весьма ограничен; чтобы выгодно сбыть его, необходимо выждать время, чего гальча ни в каком случае сделать не может. Таким образом, охотникам приходится навязывать свою добычу покупателям, а в случае нужды в деньгах, заранее запродать и будущую добычу. Самый дорогой мех в здешних странах – выдра и куница – продается охотниками барышникам за бесценок.

---

[124] *Серебреников.* Памир. Еж. Ферг. обл. т. I.Вып. 1902 г. С. 146.

В прежнее время пушных зверей убивалось больше, так как горцы были обязаны посылать их в подарок эмиру и бекам самаркандскому и ура-тюбинскому.

Охота, сопряженная в горах с физическими трудностями, с лишениями, вследствие глубоких снегов, недоступности мест, для горца – охотника составляет тем не менее такое же любимое занятие, как и для каждого истого охотника степной долины: обилие дичи и зверей этому способствует.

Из хищных животных здесь водятся: тигр (не часто он заходит из Гиссара), барс, дикая кошка, рысь, медведь, и особенно много волков и шакалов; из пушных – выдра (по Зеравшану и Искандер-кулю), куница, лисица, корсак, хорек; некоторые показывают, что около Искандер-куля встречается выхухоль. Кроме того, водятся архары, теке, пух которых весьма ценится, дауозен (олень), агу (по таджикски, киик – по узбекски), заяц, дикообраз; упомянем еще куланов.

В Кштутских горах есть большая впадина Куль-кулан (озера куланов); иначе Аухана-кул (сухое озеро*). Вода в нем бывает только после сильных дождей и таяния снегов; дно и берега его покрыты сочной травой, а склоны впадины поросли лесом. В течение круглого года на этом сухом озере пасутся тысяча куланов. В былые времена Кул-кулан было любимым местом охоты ближайших беков. Из птиц в горах встречаются: горные куропатки во всех горах, гуси и утки, орлы белоголовые, грифы, соколы и разные мелкие птицы.

У горцев охота на зверей составляется или облавой (халки – шикор), или в одиночку скрытою (дузди-шикор). Первый вид охоты в районе гор, ближайщих к селению, практикуется тогда, когда достаточно убедятся в появлении стада диких баранов или козлов. В этом случае, рассчитывая возможно больше принести домой добычи, собираются на облаву все старые и малые одного селения или нескольких кишлаков, распределяются на партии, и под руководством старых, опытных охотников оцепляют со своими собаками несколько возвышенностей, стараясь направить дичь по указанному пункту на засаду стрелков (мерган), роль которых выжидать на своей позиции и бить из фитильных ружей на расстоянии 40–80 шагов. Такая охота, если оканчивается, как бывает часто, добычей в день 5–6 штук дичи, вызывает всегда пир не только участников охоты, но всех сельчан, а разговоров после облавы остается на несколько месяцев. Этот способ охоты не так утомителен, потому что облава оканчивается обык-

новенно в один день, начинаясь с рассветом. Гораздо рискованее, не говоря о трудности, охота в одиночку, воровская охота (дузди-шикор), как выражаются горцы. Для такой охоты одиночки стрелок, прикрепив на спине небольшой кожаный мешок с хлебом, с несколькими комками туговой муки, с запасом сетных спичек для разведения, где придется, огня, пристроив сбоку своеобразные лыжи-кружки из лозы по размерам ступни, взяв палку и ружье, углубляется, несмотря на время года, на погоду, в самые недоступные ближайшие или отдаленные на сотню верст горы и, выслеживая медведя, барса или баранов, бьет их наверняка, близко подкравшись. Ружья (милтик) употребляются на подпорках с фитильным запалом. Плохие качества ружей – милтиков, стреляющих на незначительное расстояние, и самодельного пороха, заставляют охотников прибегать к различного рода уловкам: прятаться в особо устроенных шалашах и выжидать прихода животных на водопой и т. д. Но за то стреляют они обыкновенно без промаха.

При скором успехе охотник волокет свою добычу домой, и если в два или три дня удается свалить несколько штук козлов или баранов, охотник зарывает их, приводит из дому людей и затем уже заканчивает охоту.

При неудаче же, охотник-горец пропадает в горах, бродит в глубоких снегах, ночуя в норе или под камнем, неделю и больше, пока не истощится провизия.

Серьезной опасности охотник-горец подвергается, если наткнется неудачно на медведя, не приготовивши свой фитильный милтик, если промахнется выстрелом в барса, который настолько отважный (гайрат) зверь, что бросается в таком случае на грудь охотнику и ошеломив ударами своего длинного хвоста по голове жертвы, кончает с нею, как это нередко и бывает.

Весьма расспространенная в Каратегине охота на лисиц производится обыкновенно в осеннее и зимнее время, с собаками, облавой и оканчивается всегда успешно, а куниц залавливают на приманку в особые капканы, устроенные из камней или сетей.

Охота на горных куропаток с палками, на уток с ястребами по берегам рек, также довольно развитая, составляет любимое занятие горцев, особенно в Каратегине и в Хулясе по р. Хигобу. Часто, впрочем, куропаток, ловят довольно простым и незатейливым способом: зимою когда горы покрыты снегом, кеклики, не находя себе

корма, слетаются в кишлаки и иногда залетают даже в сакли. Этим пользуются туземцы: они стараются не отпугивать кикликов от своего дома, допускают их свободно залетать в курятник и клевать корм, вместе с курами. Птицы скоро привыкают к курятнику, где они находят себе корм. Когда их собирается довольно много, хозяин запирает дверь курятника, а вечером, со свечою, перелавливает их, а потом везет на базар, для продажи.

Других врагов пашен – диких гусей, туземцы ловят силками, довольно нехитрого устройства. Такой силок состоит из нескольких волосяных (конского волоса) петель, прикрепленных к вбитым в землю колышкам. Расставив силки охотник вырывает яму и ложится в нее. Силки ставятся обыкновенно на сырых, затопленных водою, пашнях, куда, преимущественно, и слетаются гуси. Как известно, гуси собираются на пашне вечером и поднимаются рано, на заре. Обыкновенно они летят большой стаей, которое, спускаясь на землю, разбивается на несколько мелких стай. Каждая стая летит уже на свое избранное место.

Гуси запутываются в силках ногами и очень редко – головою. Когда, попавшийся в силок, гусь замахает крыльями, вся семья поднимается не высоко и отлетает на короткое время. Тогда охотник поскорее берет гуся, несет домой и там, обрезав крыля, выкармливает для продажи. На базар промышленники обыкновенно привозят битых гусей. Подобные же силки употребляются и для ловли диких уток. Силки эти иногда навязываются на бечевку, протянутую над разливом, арыком и небольшим болотом, куда слетаются по вечерам утки. Бечевка с петлями протягивается над водою настолько низко, что утки, проплывая над бечевкою, должны немедленно попасть в петлю головою. Такой силок называется каманча-тузак.

Распространена также охота с собаками-ищейками на сурков (сугур), живущих большими семействами в норах, на границе вечного снега; эта охота доставляет массу шкурок, скупаемых для ковров или шуб.

Вообще же, охота для горцев составляет столько же потребность духовную, как развлечение в однообразной жизни, сколько подспорье в очень уж ограниченных средствах к существованию, вследствие замкнутости и недостатка рынков для сбыта своих произведений земледелия по таким ценам, которые позволяли бы пополнять хотя бы скромный инвентарь, с одеждой и постелью.

Существуют в некоторых местах целые артели охотников; таковые существуют в Матче, Фальгаре и Искандер-куле, отчасти в

Пенджакентской волости, специально занимающиеся ловлею лисиц, коз, горных рысей и куниц. Охота на зверей производится зимой, после выпадения снега; на коз – летом. Из птиц исключительно для охоты, служат куропатки и улары, удачная охота на которых бывает зимою. Охотятся также с соколами.

Куропатки кроме продажи, идут в пищу; из кожи сайги шьют лучшего сорта чарыки, и кабанов уничтожают как хищных, вредных зверей, поедающих летом хлебные посевы. Случается что молодых кабанов приносят на продажу русским.

Леса Ягнобских гор изобилуют также зверями, но пушного товара вывозится на базары чрезвычайно мало, так как ягнобцы не любят охоты и, вообще, трусливы. Огнестрельного оружия у них почти нет.

20. РЕМЕСЛА И КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

В равнине Средней Азии большая часть ремесел сосредоточена в руках таджиков и сартов: они имеют в своих мастерских больше рабочих и больше машин, чем другие народности Средней Азии. Как ремесленники, таджики выказывают себя положительно способным народом и, что весьма важно, у них заметно желание усовершенствоваться в своих работах, перенять лучшие приемы, инструменты, подражать хорошим образцам.

Некоторые работы производятся на базаре, на открытых своих лавках, другие – в домах.

В большинстве случаев таджик в одно и тоже время и работник, и предприниматель, и продавец, Но более счастливый и богатый соперник не стесняется забрать в свои руки мелких ремесленников теми же приемами, какие практикуются повсюду.

Ремесла, которыми занимаются таджики суть следующие: 1) ткацкое и вязальное, 2) кузнечное, медничное и пр., 3) кожевенное, 4) плотничное, столярное и токарное, 5) сапожное, шорное, седельное и проч., 6) красильное, 7) гончарное, и 8) швейное.

Так как ремесла таджиков равнин почти то же, что и у сартов, о чем уже раньше было подробно сказано, то в настоящее время остановимся только на тех ремеслах, которые или значительно распро-

странено или же имеют местное значение, преимущественно для горных таджиков.

А) *Производство тканей из хлопка и шелка.* Таджики ткут канаус (шаи), адрас, алачу, каламу, мату, хосу, чалмы, опояски. Для своих ткацких станков они употребляют шелк и хлопчатую бумагу; шерсть же и пух для выделки материй употребляют исключительно горные таджики. Алача, полосатая бумажная материя, состоит из полосок разных цветов ширины; она бывает двух сортов: алача простая, бумажная и алача ифеклык или алача – абрешим, т. е. шелковая алача. Лучший сорт простой алачи называется зибак. В лавках алача – абрешим продается привозная из Бухары. Кроме того, алача делается из туземной бумажной пряжи и из привозной (русской или английской) и в последнем случае называется алача-фаранги. В Ходженте, где центр таджикского населения, алача фаранги и алача абрешим не встречается в продаже.

Почти все производства алачи сосредоточивается в г. Ургуте; в Самарканде и Катта-Кургане ее ткут мало. Катта-Курганская алача славится своей добротностью.

Ургут ведет торговлю алачей с округом, шахрисабзским бекством, Гиссаром и другими местами верховьев Аму.

Б) *Калама, бумажноя материя*, состоящая из одноцветных полосок, по белому фону. Цвет полос бывает синий, красный и зеленый. Калама (по персидски – суси, по узбекски ало-мата) в более значительном количестве производится: в Самарканде, Чилеке, Пейшамбе, Катта-Кургане, Дахбеде и меньше всего в Ургуте. В Бухаре производство и вывоз каламы также значительны.

В) *Фата,* бумажная материя, употребляемая для чалмы и опоясок, по узбекски называется бель-бау, состоит из весьма мелких синих копточек; она приготовляется в большом количестве в Самарканде. Фата ткется как из туземной пряжи, так и привозной. Для чалмы две фаты сшиваются вместе, по длине. Для опоясок употребляется одна фата. Таджикские женщины фаты не употребляют вовсе, мужчины же носят одну фату 2-3 года.

Г) *Хоса,* вроде маты, белая бумажная материя, употребляемая для обвивания тела покойников, на чалмы и подкладки для хороших халатов. Его выделывают в Самарканде, Дахбеде и Янгы-Кургане; лучшая производится в двух последних местах; сбывается в Бухару и Хиву. Туркменские женщины делают из нее чалмы для себя.

Д) *Пянджа,* широкая ткань; белая; лучше хосы и даки.

Е) *Дака,* плотная бумажная ткань из привозной пряжи, выделывается в Дахбеде и Янгы-Кургане и мало в Самарканде. Вывозятся в Бухару и Хиву.

Ж) *Табит-сальи* (табит-пух, сальи–чалма). Из шерсти и пуха выделывают в Самарканде полушерстяную материю табит-сальи или табит фата, на опояски и чалмы. В этой ткани основа бумажная, а уток – пуховый.

Из полушелковых материй выделываются:

И) *Пари паша* носятся женщинами и употребляется на ференджи, т. е. женские халаты, обыкновенно белые с синим. Пари паша бывает, впрочем, и шелковая (высший сорт).

К) *Пасма* – полушелковая материя с широкими полосками и *бикасаб* такая же ткань с более узкими полосками.

Л) *Адряс и аль чимбар* различаются шириною ткани; адряс бывает до 6 вершков ширины, а аль чимбар – до 10 вершков. Все полушелковые ткани набиваются "муаре" – особыми материями на базарах. Инструмент, которым производятся узоры "муаре" называется кундуиг; это довольно тяжелый с полукруглою, выдающеюся частью, из крепкого дерева заранг. Стол на котором растягивается набиваемая материя, также имеет полукруглое, небольшое возвышение из заранг. Канаус (шаи) бывает трех сортов: судурга (гладкий), чала (полосатый) и абардук (цветной, узорчатый).

Басма (сукно) из верблюжьей шерсти для зимних халатов. Басма и табит- также ткань, но пополам с пухом; гораздо мягче и изящнее.

Тканьем бази, чалм, опоясок и приготовлением грубого сермяжного сукна заняты также и горцы. Три четверти года в некоторых горных местах приходится проводить безвыходно в своих кишлаках. Почти восемь месяцев у ягнобцев бывают прерваны все пути сообщения с соседними обитателями гор. Все горные перевалы и тропинки заваливаются непроходимыми снегами. Единственная возможность к сношению с ближайшими кишлаками представляется по реке покрытой льдом и то недолго – месяца на три.

Все это время горные жители проводят в приготовлении для себя одежды. Они занимаются мотанием и кручением ниток из шерсти, получаемый с собственного скота. Из крученых виток мужчины ткут шерстяную ткань, называемую барака, употребляемую на чекмени и редко на штаны. Из хлопчатой бумаги приготовляют ткань, назы-

ваемую карбас, род бази, которая идет на рубашки, штаны и другие предметы одеяния, шитьем которых занимаются женщины.

На производство местных материй решительное влияние оказал привоз русских фабрикантов. Правда, переход к употреблению русских ситцев обошелся не без отчаянной борьбы, еще и ныне продолжающейся. Почувствовав опасную для себя конкуренцию русской фабрики, туземцы стали выделывать более тонкие и прочные ткани, употребляя на них сначала только основу, а впоследствие основу и уток пряжи русских бумагопрядилен; причем и в окраске полосатых, например, тканей подражали русским изделиям подобного рода.

Относительно совершающейся замены местных тканей нашими ситцами можно сказать, что производство их падает не потому исключительно, что местный потребитель стал зажиточнее, а потому главным образом, что местный шелк стал значительно дороже, почти вдвое, против того, что стоил ранее. С другой стороны, замена шелковых халатов – суконными, как уступка моде и подражание русскому платью, также имела сильное влияние на сокращение производства шелковых тканей.

Вообще, у горцев выделка разных материй имеет целью приготовление предметов, для домашнего обихода, а потому выделывают разного рода бумажную материю, пуховые и шерстянные чалмы, чулки, ковры, армячину на халаты, мешки, кошмы и проч. Из этих местных изделий, по своей прочности и непромокаемости, отличаются матчинские армячные халаты, а по отделке – пуховые чалмы и фальгарские чулки, которые составляют даже предмет вывоза в соседние города.

Между отраслями кустарного производства более всего обращает на себя внимание гончарное производство у горцев. Это производство значительно развито и в равнине, так как почти вся посуда, даже котлы, среди бедного туземного населения из глины.

Гончарное производство. Относительно гончарного производства существует среди кустарей такая легенда. После сотворения земли, Бог послал на нее ангела Хазрета Джабраила (Архангел Гавриил) с другими четырьмя ангелами. Ангелы эти сотворили из земли Адама, а жизнь ему дал сам Бог. При этом у Хазрета Джабраила остались от сотворения Адама земля, из которой он сделал кувшин и научил этому ремеслу Адама. Отсюда считается начало возникновения промысла.

Гончарный промысел по роду изделия можно подразделить на два производства, именно: одни кустари производят неглазированные изделия, другие же – глазированные.

Сырым материалом при выделке неглазированных изделий служит обыкновенная гончарная глина. Мастерская представляет собою обыкновенную саклю, с тем различием, что стены мастерской делаются выше чем в жилых саклях. Глину сначала высушивают на солнце, зимою же около обжигательной печи, что делается, по мнению туземцев, на том основании, что глина высушенная предварительно, а потом размоченная, лучше удерживает в себе обыкновенную почвенную землю, прибавление которой необходимо, иначе посуда при обжиге не выходит, будто бы, гладкой. Глину, привезенную на одном ишаке, приблизительно весом до 4 пудов, после сушки, размачивают до жидкой консистенции, в цилиндрической яме, вырытой в полу мастерской, размерами 1 аршин в диаметру и $^1\!/_2$ арш. глубины. В эту массу прибавляют, при постепенном размешивании, конской шерсти приблизительно 1 фунт на вышеуказанное количество глины, причем разминание с шерстью производится руками для получения большой однородности массы. После тщательного смешения глины с шерстью, прибавляют обыкновенной почвенной земли, еще размельчают и доводят массу до желаемой густоты. При достаточном уплотнении, смесь выбрасывают кетменами на пол мастерской, предварительно выметанный и посыпанный сухой землей, чтобы масса вынутая из ямы, не приставала к полу мастерской. Здесь приготовленную массу мнут ногами, приблизительно часа три, до сильной плотности, а потом скатывают в комья и в таком виде оставляют лежать до следующего утра. Утром, на землю, где уминалась ногами глина, посыпают жженой известью приблизительно фунта два (в Ходженте этого не делают, так как глина употребляемая там, содержит в себе достаточное количеств извести), что придает глине важное для гончаров свойства, заключающееся в легкости обработки. После прибавки извести, глину снова мешают ногами и когда она получит желаемую густоту, однородность и требуемую пластичность, тогда мастер берет определенную порцию, смотря по величине изготовляемой посуды, кладет ее на доску, раскатывает ком в жгут, складывает его в два, три раза, еще мнет руками и таким образом повторяет эту операцию несколько раз; потом кладет на смоченный водою станок, который имеет следующее устройство. На деревянном

вертикальном стержне толщиною вершка полтора, опирающемся в коническое углубление на камне, положенном на земляной пол мастерской, насаживается на верхнем конце деревянный полушар на плоской горизонтальной поверхности которого и кладется масса для вылепки посуды. Стержень в нижнем конце стачивается на конце и вершина этого конца находится как раз в вершине обратного конуса, выточенного в камне, так как эта последняя и служит точкой опоры для стержня. Этим устройством достигается возможное уменьшение трения при вращении стержня. Четвертый на полторы от нижнего конца стержня на него плотно насиживается деревянный диск диаметром приблизительно в один аршин, при толщине от одного до полутора вершков. Перед описанным станком садится мастер на скамье, поставленной на достаточной высоте (вся вышина станка около двух аршин). Мастер, опираясь ногами на деревянный диск, вращает станок, а руками, при вращении, придает массе желаемую форму: кувшина, чашки и проч. При надавливании большими пальцами обеих рук на середину формовальной массы, в ней образуется отверстие, которое изменяет свою форму сообразно раздвиганью пальцев. Руки во время работы держатся мокрыми. Станок вращается обыкновенно со скоростью оборотов тридцати в минуту.

Хороший мастер может делать в день до пятидесяти мелких изделий, а плохой не более двадцати. Когда на станке получится желаемое изделие, мастер указательным пальцем правой руки как-бы срезает, при вращении станка, приготовленный предмет, левою же рукою держит его и, по снятии со станка, железным шаблоном обделывает неровности; потом деревянной палочкой наносит незатейливые узоры. Далее, посуда поступает в сушку: летом на солнце, в среднем дня на три-четыре, весной и осенью в мастерской на полках, пользуясь теплотой, исходящей от обжигательной печи. Эти мастерские, не выделывающие глазурованной посуды, занимаются выделкой не только мелких изделий, но и крупных, напр., корчаг, печей для лепешек и проч. Эти большие предметы выделываются следующим образом. Половину предмета делают описанным выше способом на станке; потом немного просушивши, осторожно накладывают одну половину на другую, причем внутри по шву держат одной рукой глиняный инструмент в форме маленькой выпуклой наковальни, а другой рукой убивают шов со стороны круглой лопаточкой; далее производится сушка на солнце приблизительно четыре, пять дней. Таких

больших изделий, как печи хороший мастер в состоянии изготовить не более двух в день.

Печи не требуют обжога по самому назначению их, другие же предметы – корчаги, кувшины, горшки и проч. обжигаются в глинобитных печах куполообразной формы. Дно такой печи круглое, в диаметре до одной сажени, вышина ее тоже до одной сажени; в центре днища оставляется круглое отверстие диаметром до трех четвертей аршина, вокруг которого концентрируется много других мелких отверстий. Топка располагается под упомянутым дном и горячие газы из нее выходят через указанное отверстие. Топливом служит навоз, помет, в небольшом количестве солома и хворост. Печь нагружается изделиями, через лаз в стенке печи, таким образом, чтобы над большим отверстием дна оставался цилиндрический вертикальный канал, который служит дымовым ходом. Продукты горения, попадая в этот дымоход непосредственно из топки, а также выходящие отсюда через малые отверстия, распространяются по нагруженной печи и затем через трубу в куполе печи выходят наружу. Самый процесс обжога производится следующим образом. После нагрузки посуды, печь растапливают в течение шести-семи часов, после чего, уменьшая постепенно подачу топлива, замазывают лаз, служащий для нагрузки, и топочное отверстие и в таком состоянии оставляют печь на два дня. По достаточном охлаждении печи, из нее выгружают обожженную посуду. В такую печь уходит, в среднем, до сто штук мелкой посуды. Посуда, находящаяся внизу печи, выходит лучше обожженной, а верхние ряды обжигаются хуже.

Расходов на добывание главного сырого материала – глины у кустарей почти нет, так как ее они добывают сами и перевозят в мастерскую вьюком на лошади или ишаке, которые служат и другую службу в хозяйстве. Добыча глины облегчается тем, что ее копают близко, у мастерской. Навоз и помет, употребляемые в топливо, кустарю обходятся также без денежной затраты: он собирает их на базарных площадях, на улицах и проч., хворосту же и соломы при каждом обжоге идет приблизительно на шесть тенге; так что вся стоимость выделки изделий в размере полной нагрузки печи выразится в сказанной цифре, другие же расходы по производству очень ничтожны. Работа обыкновенно проводится шесть, восемь месяцев в году, за исключением зимнего и части осеннего и весеннего времени. Некоторые кустари работают, впрочем, и зимой, но тогда посуда,

обсушиваемая на полках мастерской, выходит хуже и ценится много ниже посуды, выделанной при солнечной сушке; поэтому мастерские, работающие зимой, представляют редкое исключение. Если обжигают одновременно с мелкой посудой и крупную, напр., корчаги для воды, то таких корчаг ставят в печь не больше трех, причем мелкой посуды помещается не более сорока штук.

Считая, таким образом, восемь месяцев в году и принимая во внимание, что на изготовлении изделий, в количестве полной нагрузки печи, употребляется до десяти дней, стоимость кустарных изделий вырабатываемых в течение года, выразится в сумме до 150 тенге. Гончарные изделия редко продаются самими производителями; в большинстве случаев всю изготовленную посуду они сбывают скупщикам, которые за полную груженную печь дают не более 40 тенге; так что кустарь получает за восемь месяцев работы, в которые успевает сделать не более двадцати пяти обжигов, до 1000 тенге, что составляет 150 рублей, считая тенге ровной 15 копейкам, а за вычетом из них до 25 руб. расхода на производство, чистая годовая прибыль его в среднем выразится в сумме не свыше 125 рублей, или около 35 копеек поденно, при работе с одной печью. Между тем, рыночная цена изделий его почти вдвое выше против той, за какую он продает их скупщику; следовательно, последний за свое нетрудное посредничество берет у кустаря почти половину его дохода. Несмотря на столь очевидную невыгоду, кустарь, не обладая запасными средствами, не в состоянии, однако, избежать услугами скупщика, потому что последний обыкновенно дает деньги вперед кустарю, постоянно нуждающемуся в них, и при этом сам назначает заранее цену, по какой он будет принимать изделия.

Глазурованные изделия изготовляются отдельными кустарями. Для производства употребляется обыкновенная гончарная глина и еще огнеупорная, пластичная глина – гульбута, привозимая главным образом, из ташкентского уезда; есть и местные сорта её, но по качеству уступают привозной.

Глина сначала высушивается, потом в такой же цилиндрической яме, как и при предыдущем промысле, размешивается с водой до жидкой консистенции; далее, при перемешивании прибавляют пух с камышевых головок, который играет роль связующего элемента также, как и шерсть, употребляемая при выработке неглазурованных изделий; шерсть здесь не употребляется, потому что на этом роде

изделий до высушивания их наносятся, посредством выдавливания палочкой, довольно мелкие узоры и шерсть, зацепляясь за палочку, портила бы форму узора; камышевый же пух гораздо нежнее и не мешает выведению рисунка. После смешения с пухом, прибавляют обыкновенно земли до желаемой густоты, приготовленную массу вынимают на гладкий и чисто выметанный земляной пол мастерской и топчут ногами час или полтора, а затем перемешанную и уплотненную массу скатывают в комья, которые оставляют лежать сутки; по истечении суток, ее снова мнут около часа ногами, подсыпая на пол немного жженой извести; далее всю массу раскатывают на доске руками в жгуты, складывают их раза в три, опять раскатывают и производят эту операцию до тех пор, пока масса не будет годна для приготовления изделий. Тогда мастер берет определенную порцию и на описанном вращающемся станке придает глине желаемую форму. Обыкновенно изготовляется мелкая посуда – чашки, горшки, блюда, кувшины и проч., крупная посуда выделывается по особым заказам. По снятии со станка изготовленного предмета, мастер обделывает разные неровности на дне и наносит острой деревянной палочкой узоры, после чего посуда поступает в солнечную сушку не более двух дней.

Мастерские обыкновенно разделяются на три этажа, из которых верхний находится на поверхности земли, пол второго этажа аршина на три ниже в земле и нижний углубляется еще аршина на два. Глинобитная печь для обжига посуды проходит через два нижних этажа, причем в последнем располагается топка; во втором этаже находится вращающийся станок для выделки посуды, а также небольшой жерновой постав для размалывания неочищенной соды (ишкар), употребляемой для глазури. В верхнем этаже находятся полки для сушки посуды при выработке ее зимой, хотя работа зимой производится в редких случаях, и проходит дымовой боров о печи. Печь имеет цилиндрическую форму около двух аршин в диаметре и высотой до трех аршин. Топка находится в нижней части печи, и в потолке её (или иначе в дне печи) сделано одно круглое отверстие до трех четвертей аршина в диаметре, кругом которого располагаются концентрически несколько мелких. Встречаются, однако, печи и иной конструкции; делают печи четырехугольной формы, причем мелкие отверстия в них расположены по углам печи, а не концентрически с большим центральным отверстием. На высушеной посуде нано-

сятся красками рисунки. Употребляются, главным образом, следующие краски: синяя, черная, красная, желтая, зеленая и др. Синяя краска, по всей вероятности, заключает в себе окись кобальта и при прибавлении песка дает более светлые тона; для черной краски употребляют железный купорос, для красных цветов употребляется глина, содержащая в себе окиси железа; для желтого цвета берется железная руда, привозимая из гор и называемая чуян-ук; для зеленого цвета употребляется ярь медянки, для фиолетового цвета перекись марганца и т. д. Краски размачиваются с водой, некоторые в ней растворяются, и в смесь или в раствор прибавляют абрикосового клея. Рисунки наносятся иногда очень сложные, но большею частию однообразные. После нанесения красок кистями и высыхания, посуда обливается глазурью. Есть два рода глазури: свинцовая и кремнекислая щелочь. Первую приготовляют следующим образом: свинец растапливают и пережигают, получаемую окись свинца смешывают с песком и глиной, прибавляют немного пшеничного крахмала, для клейкости, и размешивают с водою. Кремнекислую щелочь (глазурь) приготовляют так: ишкар (сода), получаемую пережиганием травянистого растения (кыркбузгун) разводят в воде, очищают от нерастворимых примесей, смешивают с песком, глиной и пшеничным крахмалом до такой густоты, чтобы масса могла свободно стекать. После обливания глазурью и по высыхании на солнце, посуда обжигается в печах. При обжигании на окрашенных местах образуется цветное остеклование, а на местах неокрашенных – белое. Посуда нагружается в печь следующим образом: на дно печи ставятся уже обожженные глиняные подставки, на них посуда и т. д.; в середине под центральным отверстием между посудой оставляется цилиндрический вертикальный канал. Благодаря описанному размещению посуды в печи, вокруг неё свободно могут проходить горячие газы. В печь уходит до двухсот штук мелкой посуды – чашек, блюд и проч. При производстве глазурных изделий в топливо употребляют дрова, хворост и древесную кору, навоз же и помет здесь не идут потому, во первых, что это топливо дает менее тепла, которое при данном производстве должно быть значительно выше, чем при обжигании неглазурованных изделий, а во вторых, потому, что навоз и помет дают много сажи.

Печь постепенно растапливается часов двенадцать, потом растопку прекращают, замазывают отверстия в печи (топочное и лаз

для выгрузки) и оставляют печь стынуть; затем, через двое суток, посуда считается достаточно обожженой и её выгружают.

В настоящем промысле на приготовление двухсот штук мелких изделий нужно положить до десяти дней, и хотя эта посуда, после формования сушится вдвое меньше, чем неглазурованная, но здесь тратится время на окраску и высыхание красок.

Добывание глины здесь, как и в предыдущем промысле, кустарю почти ничего не стоит. Топливо (тонкого тополя, древесной коры и хвороста) при каждом обжиге потребляется, приблизительно, на 20 тенге или на 1 р. 80 к., а годовой расход на краски, свинец, соду и проч., при одной печи, не превосходит в среднем 80 руб.; так что годовой расход такой мастерской простирается, в общем, до 125 руб. (1 р. 80 к. X 25 – число обжигов в году – 80 р.).

Изделия большей частью сбываются также скупщикам, при чем производители получают за все количество изделей, в размере полной нагрузки печи, не более 80 тенег и, таким образом, при восьмимесячной работе, годовой заработок кустаря не превышает 2000 тенге или 300 руб., а исключая отсюда расход в 125 р., ему остается чистой прибыли 175 рублей. Здесь скупщик отнимает у кустарей много дохода, так как, предлагая такую низкую цену – 80 тенге за весь товар, находящийся в печи, не разбирая его по качеству, он, затем покупку тщательно сортирует и, на хорошо удавшейся по глазурке и окраске, он выручает до 100 процента свыше стоимости её. Покупая товар, скупщик, чтобы понизить цену, указывает кустарю на всякий мало-мальский изъян, на всякую царапину и едва приметную трещину в изделии, а сбывая товар на рынке, умеет ловко обойти покупателя, – вручая ему брак за настоящую цену. Чтобы изъяны в посуде не особенно бросались в глаза, продавец предварительно осматривает ее и найденные в ней трещинки, свищи и т. п. замазывает подходящей глиной и закрашивает[125].

В Ягнобе гончарное производство достигло значительного совершенства: здесь вся посуда, даже и котлы из глины; встречаются разной формы кувшины, подсвечники, крынки и т. д. с разными фигурками и другими украшениями, по прочности не уступающие лучшим гончарным работам в Средней Азии. Обжигание посуды произво-

---

[125] *Кирпичников Н. А.* Справочная кн. Самарканд. обл. 1897 г. Вып. V. С. 111 и след.

дятся самым простым способом, без печей, на открытом воздухе. Большою особенностью в этом производстве является то, что изготовлением глиняной посуды занимаются исключительно женщины. Не меньшую особенность составляет здесь и купля-продажа посуды: покупатель уплачивает продавщице столько хлебного зерна, сколько умещается в покупаемой посуде.

Среди населения Памиров приготовлением различных гончарных изделий занимаются также преимущественно женщины, делающие глиняную посуду превосходного качества и различной формы и величины. Встречаются образцы посуды замечательно искусной работы, особенно котлов, стенки которых, несмотря на ничтожную толщину, отличаются большой прочностью и при постукивания по ним издают металлический звук[126].

Изделия из дерева. В тех горных местностях, где имеется лес, выделывают из дерева корыта, лопаты и башмаки, которые здесь заменяют козлиную обувь. Даже бека и те носят те же деревянные башмаки, с тою только разницею, что из орехового дерева[127].

Долина Зеравшана богата лесами: некоторые кряжи и котловины сплошь покрыты ими. Леса начинаются от Пенджакента в 5 –12 верстах по левому берегу Зеравшана и почти на одной высоте и по правому; но вообще, левая половина богаче. Чем дальше вверх по Зеравшану, тем леса становятся разнообразнее по породам деревьев, их составляющих, а деревья – толще и выше.

Леса гор принадлежат всем и каждому: кто хочет, тот ими и пользуется, а пользоваться всякий может так, как ему угодно. Угольщик рубит тысячи деревьев и нажигает 20–30 пудов угля. Обдирающие кору портят сотни деревьев, чтобы набрать вьюк коры и продать его на Самаркандском базаре за 40–50 коп., а на месте порубки строевого леса остаются гнить массы веток и верхушек деревьев, так как тут же обделывается в обыкновенные сакельные балки строевой лес. Одним словом, гальча истребляет лес с такой энергией, точно их строго обязали уничтожить его в самое короткое время.

Вывоз леса из гор на пристани производится круглый год. Этим делом занимаются преимущественно бедные гальча, имеющие одного-двух ишаков. Доставка из гор леса чрезвычайно затруднительна и

---

[126] *Серебряников.* "Ежег. Ферг. обл." Т. I. Вып 1902 г. С. 147.

[127] *Год-ский В.* "Турк. Вед." 1892 г. № 19.

даже опасна. Обыкновенно на месте вырубки леса бревна обрубают по длине обыкновенной сакельной балки и придают им форму четырехгранного бруска. Два таких бруска вьючат на ишака. Так как вырубка леса для построек, для угольев и на дрова совершается без всякой системы, то в настоящее время уже вырублен весь лес в местах более доступных. Теперь за строевым лесом нужно взбираться на вершины высоких скал, или спускаться на дно пропастей и оврагов. Пока ишак вывезет из гор пару бревен, ему часто приходится обрываться, падать с крутизны и зачастую разбиваться. Более опасные места ишаки переходят развьюченными, а бревна перетаскиваются на руках, или просто скатываются. Подобные затруднения заставляют лесопромышленников соединяться в небольшие партии, для взаимной помощи. Такими же партиями они производят порубку леса: рубит и отделывает одна часть партии, а перевозит – другая.

С 10 (приблизительно) марта начинается постройка плотов, а с апреля – сплав их вниз по реке. Вязкою плотов и сплавом их занимаются одни и те же личности. Три работника связывают плот в 3–4 дня: за связку и доставку плота в Бухару платят от 6 до 10 рублей каждому рабочему. Больше получают уже не раз сплавлявшие и потому хорошо знающие все опасные места по Зеравшану и его рукавам. В плот входит до 200 бревен, связанных в 3 ряда – бревно на бревне. Основные бревна, держащие плот, врубают одно в другое, а прочие – прикрепляются к ним деревянными гвоздями, веревками и крутелями из тала. Плотом управляют при помощи длинных шестов. До Чупон-аты эти шесты служат также для задерживания хода плота, так как течение реки до этого места настолько еще быстро, что бывает опасно для плохосделанных плотов. Далее же, Чупон-аты, когда плоты входят в Ак и Кара-Дарью, течение настолько слабо, что плотом обыкновенно управляет один человек. Некоторые владельцы плотов держат на плотах по три рабочих только до Чупан-ата, а далее вниз имеют по одному.

Многие из жителей Фальгара занимаются плетением из растущего по берегу Зеравшана молодого тальника арканов, которые служат для сплачивания арчевых плотов, сами же фальгарцы, за исключением левого берега, добычей арчи на продажу не занимаются, а следовательно, и сбыта её на местных базарах.

Золотопромышленность. Разработка приисков ведется в Бухаре с незапамятных времен и в нужное время производилась в более

широких размерах, что видно из громадных отвалов на месте старых работ. В настоящее время промысел принадлежит к свободным, за исключением некоторых местностей, и потому точно определить границы района, где производится добывание золота, нельзя; вообще говоря, промывка золота ведется почти по всем речным долинам восточной (горной) Бухары (отроги и предгорья Гиссарского и Дарвазского хребта), в состав которой входят бекство Дарвазское, Бальджуанское и Кулябское. Содержание золота ничтожное – должно считаться единицами долей в 100 пудах песка. Прииски с большим содержанием золота обложены податью в пользу казны; они расположены в следующих местах: 1) в северо-восточной части Бальджуанского бекства, по реке Мазар-су и Ях-су, носящей в верховьях название р. Тальбор, со впадающими в нее реками Шунгау, Сафед-дарьей, Пиль-дара и др.; 2) в северной части Кулябского бекства по р. Ниоу; 3) в северо-западной части Дарвазского бекства по Килиме и Агбе, притоком реки Сары-аб, близ кишлака Кагры-дашт и 4) в юго-западной части того же бекства по Чобсои, притоку реки Равнау, близ кишлака Равнау.

Добыча золота частными предпринимателями весьма незначительна и производится главным образом по реке Зеравшан. Рассказывают, что в прежнее время его вымывали больше, чем теперь. Золото вымывается из песков Зеравшана и Искандер-Дарья. Наиболее богатым местом считается Вишкент. Сколько можно добыть золота при том несовершенном способе промывания, который здесь существует, точно сказать нельзя. Никто при прежнем правительстве не решался показывать много, а, напротив, всегда уменьшали. Более других этим промыслом занимаются урметанцы и фанцы. Первые бродят летом по руслу Зеравшана и везде пробуют песок[128].

Золотосодержащая порода – конгломерат, состоящий из обкатанных и округленных скоплений галок и валунов гранита, диобаза, кварца и зелено-каменных пород, величиною от 1\2 дюйма до 1\2 аршина, связанных глинисто-песчанным цементом или просто одною глиною; цвет конгломерата изменяется от серого до красноватого. Золото, по наблюдениям туземцев, находится в цементе серого конгломерата, который они преимущественно и подвергают промывке; бросая в отвал между прочим, кварцевую гальку, отчасти тоже золотоносную.

[128] "Турк. Вед". 1876 г. №41.

Промывка золота производится из песка, оставляемого по берегам реки после спада вод. Она производится весною, сейчас же после таяния снегов; замечено, что песок тем богаче золотом, чем короче был период таяния. В местах, где берега рек состоит из золотоносного конгломерата, разработке подвергаются самые конгломераты, для чего, в них проводят длинные (от 3 до 8 саженей) разрезы, глубиною в 2–3 сажени; конгломераты разрыхляют; крупные валуны отбрасывают, цемент и гальку сносят на берег реки и здесь промывают. Близ селения Калаи Ходжа добывание конгломератов производится не только посредством открытых разработок, но и штольнями. Французская экспедиция ознакомилась в бассейне Ях-су с работами таджиков как открытыми, так и подземными; последние, снабженные подземными водоотводными каналами, называемые "мурья", действительно, достойны замечания. Они свидетельствуют, во первых, о большой неустрашимости рабочих, так как все эти работы производятся в легко обваливающихся галечниках без всякого крепления, а во вторых, о прекрасном знакомстве с возростанием богатства галечников по мере углубления.

Золотоносные пласты, имеющие действительную ценность, лежат ниже современного уровня рек. Все, что находится выше этого уровня, в условиях, благоприятных для разработки туземными золотопромышленниками, было уже разработано несколько раз, и для нового промышленного предприятия здесь не остается ничего, даже для применения усовершенствованных способов, тем более, что разработкам таджиков предшествовали работы монголов*, влияние которых на способы извлечения, применяемые таджиками, хорошо видно тому, кто знаком с китайскими и корейскими способами извлечения золота.

Золото сконцентрировалось в современных долинах после того, как оно было перенесено на большие расстояния теми медленно движущими реками, которые называются ледниками; доказательством этому служит то, что золото восточной Бухары плоско, имеет вид чечевицы или пластиков, вообще, очень малых размеров, так что самородки в 5–6 золотников, которые обыкновенны во многих золотоносных странах, в восточной Бухаре представляют большую редкость.

Плоская форма способствовала увлечению золота водою и объясняет присутствие золота по всему течению рек, берущих начало в

конгломератах или маренах. Это явление дало имя Зеравшану; золото промывается в арыках этой реки близ Самарканда.

Французская экспедиция достигла Мазар-суйского пояса золотоносных конгломератов. Эти конгломераты занимают всю верхнюю часть долины Оби санги Хергау, притока реки Кизил-су, северные склоны долины реки Мазар-су и простираются к северо-востоку почти до одного из притоков Хингау[129].

Право на разработку приисков на известной реке, хотя и не санкционированное законом, принадлежит исключительно жителям расположенных по ней или на её притоков селений.

Для работ жители соединяются в артели от 3 до 9 человек в каждой; прием в артель делается с согласия всех её членов; доля в добытом золоте одинаково для всех, независимо от рода работ. Существует обычай, в силу которого никто не имеет права нанимать для себя рабочего, а должен участвовать в трудах артели личным трудом, но этот обычай на каждом шагу нарушается местными богачами и чиновниками, которые не только нанимают рабочих, но и захватывают насильно лучшие месторождения золота, ссужают артели деньгами под будущую добычу золота и являются таким образом, полными хозяевами промысла.

Причина широкого развития золотопромышленности, несмотря на её малодоходность при существующих, приемах разработки, заключается в том, что по местным условиям население не может прокормиться одним земледелием.

Подать, уплачиваемая населением за право добычи золота, различна: население по рекам Тальбоу, Шунгау и Сафед-дарьё уплачивает по 1 тилла в год с каждого двора, что составляет всего около 700 тиллей; кроме того, население обязано содержать в порядке вьючные дороги; население по реке Ниоу платит незначительные подати; прочие же селения, занимающиеся золотопромышленностью, за право добычи золота подать не платят. Продажа золота в Бухаре свободная: главные скупщики – приезжие афганцы.

Незатейливый способ промывки золота заключается в следующем: вашгерд у туземцев заменяется деревянною, выгнутою рамою, из тонких таловых жердей; наклон выпуклой части рамы к горизонту бывает около 35°; поперек рамы прикрепляется ряд прутьев или весь-

---

[129] *Леват Э.* "Турк. Вед." 1903 г. № 9.

ма тонких таловых жердей, на довольно близком расстоянии одна от другой. Вышина всей рамы – до двух аршин, а ширина – 1½ аршина. На эту раму, прочно установленную на земле, натягивается обыкновенный палас или ковер; на нем-то и производится промывка золотоносного песка. Чтобы задерживать золото, имеющее гораздо больший удельный вес, на паласе нашиты, поперек его длины, арканы из толстого конского волоса. На разостланный, таким образом, палас высыпают мешок золотоносной земли или песка и затем поливают его водою, помешивая небольшою палочкою. Попадающиеся камешки отбрасываются при этом в сторону тою же палочкою. Когда, таким образом, промыто пудов 8 или 10 песку, начинают собирать с паласа все, что на нем осталось после промывки. Для этой цели берут особую деревянную чашку, в виде лодочки, шириною – в ширине паласа, так, чтобы, сложенный складками, он мог весь в ней поместиться, и затем чашку, вместе с паласом погружают в воду где нибудь в небольшом заливце реки, там, где вода не имеет быстрого течения. Подымая палас, складку за складкою, рабочий обмывает его, причем все оставшееся от первой промывки на паласе, спускается на дно чашки или лодочки.

Когда палас весь начисто обмыт, тогда рабочий вынимает из воды чашку и быстро, судорожными движениями руки вправо и влево, выплескивает из чашки воду, а с нею и легкие частицы песка. Время от времени он прибавляет воды в чашку и несколько часов сряду неутомимо продолжает свою работу. По мере того, как золото, находящееся в чашке, освобождается от посторонних, более легких примесей, движения становятся искуснее и осторожнее. Вся задача в том, чтобы оставить в чашке одно только чистое золото, в каком бы не было оно незначительном количестве. Когда уже промывка в чашке кончена, рабочий обмакнув палец в воду, впускает в чашку каплю воды, а вместе с нею выливает промытое золото в особую небольшую фарфоровую чашечку[130].

В Дарвазе и некоторых других местах промывка золота производится несколько иначе, а именно: на берегу реки, на наклонной плоскости, кладут кошму, а поверх ее ставят на ножках особое решето; берут лопатой с берегов песок, сыплют его в решето, а затем поливают водой особым черпаком; крупные гальки остаются в решете,

---

[130] *Костенко.* Туркестанский край. СПБ. 1880 г. Т. III. С. 183, 183.

мелкие смываются с кошмы потоками воды, а золотой песок остается на кошме.

Туземцы Дарваза добывают *железную руду;* руда добывается только из верхних слоев земли. Обжигают руду в особо устроенных печах, причем из двух пудов руды получается железа полпуда. В Дарвазе добывают также каменную соль и, в небольшом количестве, серебро, свинец и олово.

Из кустарного производства обращает на себя внимание только выделка ножей.

Добыча нашатыря. В версту от Фана, на правом берегу Искандер-дарьё, возвышается гора Кан-тау; она составляет оконечность длинного и высокого хребта, тянущегося между реками Матча (верхний Зеравшан) и Ягноб. В половине горы, по показанию жителей, есть небольшое отверстие, ведущее в пещеру, в роде обыкновенной печи, высотою футов в семь. Пещера эта находится на откупе. Желающие ей пользоваться, арендуют ее на три месяца за 60 тиллей. Из пещеры, равно как из всех щелей горы, выходит пар. Арендатор плотно закрывает вход в пещеру и оставляет ее в таком положении на три месяца. За это время пещера наполняется натеками нашатыря, имеющими форму обыкновенных ледяных сосулек, как кажется, образовывающими на потолке пещеры и потом падающими на её пол. В пещере так жарко, что люди, выгребающие из неё лопатами нашатырь, должны сплошь закутываться в овчину, шерстью вверх, смоченную водою. Собранный в пещере нашатырь свозят в лежащие у подошвы горы кишлаки, где его очищают от посторонних примесей. Затем его продают частью в Гиссар, частью в Самарканд и другие места Туркестанского края. В год, следовательно, в четыре раза, нашатыря добывают до 120 пудов.

Наконец горцы занимаются, особенно фальгарцы, отыскиванием корни таран, употребляемого кожевниками для дубления кожи.

Гораздо большого развития, чем домашние промыслы и ремесла, у горцев достигают промыслы отхожие, проявляющиеся исключительно в поденной работе (работа в полях, землекопы, частью плотники). Весною горцы толпами спускаются с своих гор в долину Зеравшана и Сыр-Дарьи, доходят даже до Бухары, Коканда и далее, и возвращаются оттуда, после нескольких месяцев, снова к своему очагу с заработком. Иногда заработок не велик, но и эта сумма в глазах горца значительна, а потому неудивительно, что несмотря на

отдаленность экскурсии, нужда гонит бедный люд с каждым годом все больше и больше на добычу из голодных и холодных гор в более теплые и хлебородные места.

21. ТОРГОВЛЯ

Среди туземцев равнины торговля сильно развита; число торговцев достигает более 3% всего населения. Постоянные базары существуют только в больших городах. В селениях же торговля бывает только в определенные дни, когда съезжаются на базарные площади торговцы[131].

На каждом из базаров нет определенного контингента торговцев, приезжающих каждый день и посещающих только один известный базар; наоборот, состав торговцев постоянно меняется: каждый базарный день можно встретить новых торговцев, ранее не бывавших там; но, тем не менее, эта переменчивость и подвижность торговли имеет свои пределы. У каждого торговца, разъезжащего по базарам, имеется свой район, который им посещается по преимуществу, уклоняяясь от него лишь в исключительных случаях; район этот обыкновенно заключает в себе несколько базаров, из которых один – главный – наиболее посещаемый. Благодаря тому, что на смежных базарах торговля происходит не в один, а в разные дни недели, торговцы переезжают с одного базара на другой до тех пор, пока не истощится запас товаров, имеющихся у них с собою; в этом случае они возвращаются в большой город для возобновления этого запаса и, затем, приступают вновь к своим круговым поездкам.

За весьма немногими исключениями базарная площадь расположена вне селения, в расстоянии 200–300 саж., а иногда и более от последнего. В культурных местностях площадь эта равна пространству величиною от 4 до 5 саженей, иногда обсаженная деревьями и окруженная канавами для стока воды; канавы эти содержатся по большей части очень небрежно, благодаря чему в сырое время года на базарах стоит почти непролазная грязь, увеличивающаяся от громадной массы народа, конных и пеших, толпящихся на базаре и раз-

---

[131] *Мансырев С.П.* Справочная книга Самарканд. обл. 1898 г. С. 97 и след.

мешивающих своими ногами и без того разжиженную почву. Некоторая часть площади, приблизительно до 1\2 – 1 дес. предназначается для помещения приезжающих торговцев с их товарами. Для этого устроены ряды из небольших, вышиною до 1 аршин земляных насыпей, на которых торговцы и располагаются, занимая каждый пространство от 4 до 6 кв. саж. На центральных рядах этих помолов или насыпей устроены, кроме того, крытые помещения, землянки самого примитивного характера. Одна стена (задняя) делится каркасною, передняя же отсутствует и заменяется тонкими жердями, поддерживающими настилку из хвороста с землею; это заменяет крышу; поперечных перегородок большею частью нет, лишь в немногих случаях устраиваются тонкие глинобитные стенки. В такого рода помещениях располагается лишь небольшая часть базарных торговцев, именно – галантерейщики и мануфактуристы, иногда продавцы обуви. Эти навесы или землянки существуют впрочем даже не во всех базарах, а лишь на наиболее крупных; здесь они большею частью устраиваются самими же торговцами, без всякого участия средств данного селения, а в случае замены одного торговца другим переходят бесплатно или за самое ничтожное вознаграждение. Такое отсутствие каких-либо крытых помещений весьма плохо влияет на торговлю и ее размеры.

Товары, особенно мануфактурные, в непогоду портятся, линяют и теряют свою ценность; этим объясняется, между прочим, и то, что зимою, в январе-феврале, мануфактурный товар всегда стоят на сельских базарах процентов на 10–15 дороже чем в летнее время. Переплачивать эту разницу приходится, разумеется, потребителям. Для некоторого числа торговцев навесов и земляных помостов не имеется, так что они должны располагаться уже прямо на земле; это главным образом торговцы керосином, растительными маслами, веревками и т. д.

Несколько поодаль от торговцев товарами находится хлебный рынок. На многих базарах никаких навесов нет и весь хлебный рынок помещается без всяких приспособлений под открытым небом. Весьма понятно, что в случае ненастной погоды, осенью и зимой, т. е. именно в то время, когда происходит наиболее оживленный сбыт земледельческих продуктов, эти последние подвергаются сильной порче.

Остальная часть общей базарной площади занята рынком различного скота: лошадей, верблюдов, ишаков, коров и баранов, приво-

димых на продажу. В этой части, конечно, не устроено никаких навесов или стойл, что вполне понятно, по значительному числу животных; поэтому часто случается, что лошади, незадерживаемые ничем, выходят из предназначенного для них места, мчатся по базару, производя переполох между торговцами и иногда портят их товары.

Первое место между всеми разрядами торговцев занимают мясники – кассабы. Торговля производится главным образом бараниной. От продажи зарезанного барана выручается следующая сумма: 1) кожа и кишки, поступающие к скупщикам – 68 коп., 2) сало (курдюк) – до 1\2 пуда весом, идущее как скупщикам, так и потребителям – 2 р. 72 коп., 3) мясо, которого в баране от 60 до 90 фунтов, средним числом – 75 ф., по весенним ценам – 7 р. 50 к., а по осенним – 4 р. 50 к., 4) голова и ноги, покупаемые отчасти беднейшими потребителями, отчасти мелкими туземными мыловарами – 17 коп. Всего от 1 штуки выручается весною 11 р. 7 к., а осенью – 7 р. 87 коп.

Второе место в базарной торговле занимают торговцы мануфактурою, по туземному баззоз. В первое время после занятия русскими Туркестана наши ситцы и др. хлопчатобумажные изделия были почти неизвестны туземному населению, которое в одежде вообще предпочитало или местные, грубые бумажные ткани (мата, калама), или же шелковые и полушелковые материи, опять таки туземного производства. Незначительное число ситцев, обращавшихся в торговле, было главным образом английского, отчасти французского производства. С течением времени положение изменилось. С одной стороны русским мануфактуристам удалось, не без помощи правительства, вытеснить английские ситцы из обращения, заменив их своими, а с другой – местное население, сделавшись зажиточнее, понемногу начало от своих местных, грубых, непрочных и некрасивых тканей переходить к употреблению русских ситцев.

В настоящее время описываемая отрасль торговли весьма быстро развивается и уже теперь занимает весьма солидное положение между прочими разрядами базарных торговцев.

Между предметами мануфактурного торга первое место занимают ситцы, преимущественно ярких или пестрых цветов и крупного узора; обыкновенная цена их от 9 до 12 коп. аршин по достоинству, а отчасти и времени года. Далее, продаются нанка, тик, дешевых сортов бумазея, иногда чертова кожа и некоторые другие. Весьма не-

большое количество торговцев занимается продажею исключительно бумажных, более дорогих и тонких тканей местного производства; эти последние русского товара не держат. Средний годовой оборот баззаза можно определить в 2000–2500 руб. при 12–15% прибыли; продающие чалмы имеют оборот меньший, не свыше 1500 руб., но зато прибыл у них редко ниже 25%.

Третье место в базарной торговле, по количеству принадлежит так называемым аттарам – торговцам довольно оригинального местного характера и происхождения. Этим именем называются продавцы мелких галантерейных и москательных товаров. Слово " аттар" арабское и значит собственно продавец пряностей. Мало по малу к первоначальному виду товаров присоединились другие, продажа которых и заняла постепенно главное место в операциях аттаров. В настоящее время главный их товар – галантерейный: бусы, нитки, шнуры, металлические безделушки, маленькие зеркальца, иногда – тюбетейки; рядом с ними – шведские спички, получившие довольно широкое распространение между сельским населением, перец, пахучие травы, краски и, наконец, туземные лекарственные средства, секрет составления которых до сих пор весьма мало исследован; приготовление этих лекарств и способ их приготовления передается от отца к сыну и обыкновенно держится в секрете от посторонних. Благодаря последнему обстоятельству, профессия аттаров наиболее устойчивая, ведется зачастую всю жизнь и переходит преемственно, несмотря на незначительную прибыльность подобной торговли; этому помогает и то, что аттары вообще считаются между туземцами обладающими высшею, сравнительно, степенью знания и, вследствие того пользуются некоторым почетом, составляя вместе с баззазами базарную аристократию. Средний оборот каждого аттара не превышает 800–900 руб.; прибыльность же составляет до 20–25 % в год.

Следущее место занимают торговцы простыми местными хлопчато-бумажными тканями, известными под разными названиями: мата, калама, бяз и др. К ним же примыкают земледельцы-кустари, продающие исключительно ткани собственного производства в самом незначительном количестве.

Весьма распространенный тип торговцев на базаре т. н. баккалы. Название это трудно переводимо на русский язык, по неимению соответствующего русского типа торговли, да и в туземном быту под

ним разумеется собственно два довольно различных представления. Во-первых, баккалами называются многочисленные, в особенности в подгородних волостях и в больших селениях постоянные лавочки, в которых продаются овощи, сухие фрукты, орехи, небольшое количество ячменя, муки и сухой люцерны, а также, табак, свечи и спички; одним словом, нечто вроде мелочной русской лавочки, рассчитаной на самых невзыскательных потребителей. На торговых путях эти лавочки нередко находятся вместе с постоялыми дворами.

Независимо от постоянных лавочек слово баккал употребляется также в применении к передвижным базарным торговцам, продающим исключительно сушеные фрукты, миндаль, орехи. Число их довольно значительно осенью и в первой половине зимы; затем, оно сокращается и в первой половине весны они представляют уже на базарах довольно редкое явление. Такого рода баккалы называются также мавизфуруш – продавец изюма. Оборот каждого составляет приблизительно 600–700 руб., а прибыль до 20%.

Торговля чаем на сельских базарах сильно развита. Этот продукт представляет собою в Туркестане предмет первой необходимости населения, причем, разумеется, потребляются низшие сорта чая, не дороже 1 р. 50 к. за фунт, притом преимущественно зеленого; покупка редко производится целыми фунтами, но почти всегда частями последнего: $^1\backslash_2$, $^1\backslash_4$, нередко $^1\backslash_8$ ф. С установлением высокой таможенной пошлины, на ост-индские зеленые чаи, масса населения отказалась, по нужде, от употребления средних сортов зеленого чая и, взамен его, распространились суррогаты чая под названием наузугур, альма-чай и, наконец, сталь пользоваться особою распространенностью “кавказский” чай, называемый в народе кара-чай, приготовляемый из листи черничника; все эти сорта чайных суррогатов продаются дешево, от 25 до 80 коп., лучший же сорт наузугура не дороже 1 р. 50 к. Часто покупают 1, 2, 3, 4 золотника и тогда обвес бывает весьма значительный. Обороты чайных торговцев весьма значительны; есть такие, которые продают чая на сумму до 1800–2000 руб. в год, но есть и такие, оборот которых не превышает 500–600 р., средним размером можно считат 1200–1300 р. прибыль же никогда не меньше 18–20 %.

Кроме описанного вида, чайная торговля на базарах представлена еще другим образом – это чайхане, местные трактирные заведения, служащие для потребления чая на месте, причем посетителям

предлагается и чилим (кальян). Район действия одной чайхане значительно теснее и редко заключает в себе более трех базаров, ближайщих друг к другу. Большая часть чайхане на базаре помещается в открытом помещении, иногда защищенном легким навесом, и занимает довольно большое пространство, что необходимо при массе потребителей чая в базарный день, располагающихся на полу, сидя или лежа; многие приходят со своим чаем и пользуются только кипятком; бывают и такие, которые сидят для компании, так как здесь же заключаются торговые сделки, ведутся деловые разговоры. Обыкновенная утварь базарной чайхана – один или два больших тульских самовара, полдюжина чайников, необходимое количество чашек, да два-три чилима. Оборот их достигает до 1000–1200 р., на что получается прибыли 12–15%.

Прочие виды торговли на базаре представлены меньшим числом лиц.

1) Торг солью бывает двух видов, или кусками, полученными от непосредственной добычи этого продукта в горах бухарского ханства (розовая соль, окрашенная марганцем), а также озерная соль, или размельченной в порошок; один из самых незначительных видов торга, доставляющий оборот до 300–400 руб. в год и дающий прибыли до 25% .

2) Торг мылом туземного производства в виде небольших конусообразных кусков, весом от $^{3}/_{4}$ до 1 ф. Оборот 500–600 р., прибыли до 20%.

3) Хлопковым, кунджутным, льняным и др. растительными маслами, а также хлопковыми выжимками, торгуют значительное число лиц. Оборот 500–600 р., а прибыль 15–20 %. Торговля растительными маслами, употребляемые преимущественно в пищу, производится в большинстве случаев меною масла на семена, из которых добывается масло. Кроме продажи масла, тут же нередко продаются легкие, непроницаемые кувшины для масла, выделываемые туземцами из каких-то животных покровов.

4) Последние годы начинает быстро развиваться торговля керосином, ранее почти не употреблявшимся между сельскими жителями-туземцами. Оборот 600–700 р., а прибыли 15–20%.

5) Довольно значительное число торговцев туземными лакомствами: халвою, леденцами и так называемый кандалатом, родом конфет, приготовляемых на местном меду (виноградная патока) или из сахарного песка. Оборот 600–700 р., а прибыли 15–20%.

6) Табаком местного изготовления торгуют в двух видах: или крошенным из табачных листьев, для раскуривания в чилиме, или тертым, с примесью растительного масла, для засыпки в рот под язык (носовой). Вместе с последним продаются также горлянки для его хранения, сделанные из выдолбленных фигурных тыкв. Оборот 600–800 р., а прибыли 15–20%.

7) В некоторых крупнейших селениях, где притом велико относительное число безземельных жителей, издавна существуют с промышленной целью пекарни для изготовления лепешек – единственного вида печеного хлеба, потребляемого туземцами. Эти пекарни не ограничиваясь сбытом лепешек на месте, рассылают свои изделия по всем базарам, для продажи. Оборот до 600 р., а прибыли 15%.

8) Довольно значительно на базарах число торговцев обувью местного производства и разных наименований. Галоши как дорогих, так и дешевых сортов продают почти исключительно горожане; сапоги же (ичиги, таштовак, муки) большею частью изготовляются в селах. Оборот торгующих сапогами 700–800 р., а галошами от 1500 до 1800 руб., прибыли тех и других 15%.

9) Кроме обуви на базарах продаются и другие кожевенные изделия, как напр., ремни, уздечки вместе с потниками и другими принадлежностями верховой езды, а также кожи выделанные и сыромятные. Последний род торговли один из выгоднейших.

10) Кошмы, курджумы, веревки и попоны продаются иногда вместе; большею же частью торговля кошмами представляет особую специальность.

11) Шелковою пряжею торговля не велика.

12) Торговля готовыми халатами и другими готовыми предметами одежды туземцев в уезде развита мало, беднейшая часть населения приготовляет эти предметы дома, собственными средствами; более зажиточные имеют возможность приобретать их в больших городах.

Кроме всех перечисленных предметов, встречающихся более или менее на всех, по крайней мере, значительных базарах, попадаются еще в виде исключения некоторые другие предметы торга: колыбельки, грабли, кровати, игрушки и т. д. Торговля скотом, хлебом, хлопком в больших размерах производится только на тех базарах, которые находятся в районе этих производств.

В районе производства хлопка главное оживление базарной торговли замечается осенью, когда происходит уборка хлеба; сюда яв-

ляется масса скупщиков этого продукта как из окрестных кишлаков, так из более отдаленных местностей. В то же время население обладая наибольшими денежными средствами, полученными от продажи хлопка и частью хлеба, закупает предметы первой необходимости, почему особенно бойко идет торговля мануфактурными товарами и обувью.

В районе производства хлеба весь излишек хлебных продуктов, не потребляемый населением, поступает к многочисленным мелким и крупным скупщикам; благодаря этим обстоятельствам цены, установленные на базарах района хлебного производства, имеют значение для всех окрестных селений.

Базары примыкающие к степным местностям, служат ареною обширной торговли рогатым скотом, баранами, верблюдами, лошадьми и ишаками. В связи с этим, находится обширная торговля битым скотом (зимою), невыделанными шкурами и сыромятными кожами, а также кошмами и веревками из верблюжей шерсти.

Среди горцев торговля до сих пор почти исключительно меновая. У дарвозцев бараны, а равно продукты охоты, составляющей один из главных родов занятий, служат предметами менового торга. Из Куляба на двух-трех лошадях торговцы привозят бяз и другие грубые ткани для халатов и на 12 аршин бязи выменивают лисью шкуру. В долине реки Ванча, равно как и во всем Дарвазе, только бухарские чиновники пьют чай, а коренное население позволяет себе эту роскошь лишь в исключительных случаях, при семейных торжествах.

Население долины Ванча находится в таком же первобытном состоянии, как и прочее население Дарваза. Деньги, меры и вес им почти неизвестны; торговля исключительно меновая. При определении ценности какого либо предмета единицею служит карбас, кусок местной грубой бумажной ткани, а мерою сыпучих тел – тюбетейка. Вообще определение ценности предметов на деньги представляет в Дарвазе немало затруднений и возможно лишь с приблизительною точностью.

Пшеница, ячмень, клевер, мясо, масло, куры и яйца имеется на месте; хлеба печеного в продаже нет, но для печения можно нанимать поденщика. Ишак зерна, безразлично какого (ишак = 40 тюбетейкам – приблизительно 4 пуда), стоит от 4 до 6 тенге. Мука стоит приблизительно столько же, а мясо коровье продается не на вес, а по частям, приблизительно по 2 теньги на каждую часть. Большой ба-

ран стоит от 6 до 7 тенег; малый – 4 теньги. Масло коровье 5 ф. 1 теньга. Растительного масла нет. Сало в одной цене с маслом. Курица 10 к., яйца 64 шт. на теньгу. Стоимость клевера от 25 до 30 снопов на теньгу. Соль дорога, так как привозится из Куляба: за одну меру соли дают 4 меры зерна. Рис покупается в Калаи Хумбе; стоимость его, сообразно с наличным количеством, колеблется от 4 до 5 тенег за 5 ф.

В зимнее время фураж и даже провизия достаются с трудом и потому на зиму следует заготовлять запас с осени. Обувь (чаруки, полусапоги) и платье, потребное туземцам, изготовляются на месте; первая из грубо выделанной кожи, второе из вышеупомянутого карбаса из грубой шерстянной ткани, выделываемой женщинами. Материи, кроме того, привозятся также из Шугнана и Рошана, откуда получаются также шкуры лисьи и кульи. Сапоги покупаются жителями в Калаи Хумбе. Туземные шерстяные и бумажные ткани и шкуры лисьи и куньи приносятся пешеходами небольшими партиями, тайно от афганцев, из Шугнана и Рошана, где запрещено вывозить местные произведения в иные места кроме Куляба. Чай и другие индийские товары товары из Шугнана и Рошана вовсе не привозятся; небольшое количество их доставляется из Бадахшана через Куф и Калаи Хумб, а главным образом через Куляб.

Из долины Ванча вывозят только железо, добываемое в рудниках, на верховьях реки Ванча, и отчасти также зерно; последнее вывозится в смежные местности Дарваза. Вывоз направляется исключительно через Калаи Хумб. Количество ежегодно вывозимого железа определить нельзя, так как местные власти не имеют никакого представления о цифре вывоза[132].

Торговля памирских таджиков с киргизами и жителями Бадахшана производится почти исключительно также меновая. В последнее время стало входить в употребление афганское серебро, тогда как ранее имели некоторое распространение китайские амбы и бухарские и кокандские теньги и коканы. Таджики меняют рогатый скот, лошадей и хлеб на соль, мату, ситец, курджумы, попоны и т. п. предметы, доставляемые киргизами из Ферганы, Кашгара и Бадахшана.

---

[132] *Юхновский И.* "Турк. Вед". 1894 г. № 65.

22. ХАРАКТЕРИСТИКА ТАДЖИКОВ

Трудно уловить черты характера таджиков и дать полную и верную оценку. Эта трудность еще более увеличивается вследствие того, что таджики живут как в равнинах Туркестана, концентрируясь в больших городах, древнейших в крае, с установившейся древней азиатской цивилизацией и культурою, с её добродетелями и пороками, так и в неприступных горных трущобах, где условия жизни отличаются своею нетронутостью и первобытностью. Поэтому и авторы, писавшие о нравственной природе таджика, характеризовали её различно, смотря по тому, при каких условиях приходилось наблюдать жизнь таджика – аборигена здешнего края.

Уже древний писатель, китайский путешественник YII века Сюян-Цзян, описывает различно нравы таджиков, как это ему пришлось наблюдать в разных странах, населенных этим народом. "В Хотане, говорит он, господствует благопристойность и честность, жители её благонравны. Они любят знания и отличаются умелостью и прилежанием. Живут в достатке и удовольствии, счастливы своей судьбой". "Жители Самагань (Самарканда) отличаются великим уменьем в искусствах и ремеслах. Климат приятный и умеренный; нравы внушают силу и храбрость. Владение это составляет средоточие варварских стран. В отношении всего, что касается нравственного поведения и правил приличия, народы соседние и далекие принимают это владение за образец". Иную характеристику автор дает о жителях Гешуана (Карши): "Характер у них мягкий, трусливый. Лицемерие и лживость составляет преобладающую черту в их нравах и большая часть из них предается мошенничеству и плутовству. Вообще они крайне скупы. И отец и сын только и мечтают об обогащении; кто богаче, тех больше уважают, но ничто не отличает богатого от бедного. Имеющий даже огромное состояние носит старое платье и питается грубою пищею. Половина населения обрабатывает поля, а другая – предается торговле". Вот дополнения о быте владения Кан (Самарканд) по истории династии Тхан: жители пристрастны к вину, любят песни и пляски на улицах. Родившемуся мальчику язык намазывают каменным медом, а на ладони кладут клей, чтобы он был сладкоречив и крепко держал денежку. Искусны в торговле и корыстолюбивы. Мужчины, достигшие 20 лет, уезжают в соседние владения и везде побывают где предвидят выгоду.

"Жители горной страны Тухоло (Тахаристана) характера мягкого, трусливого. Они имеют некоторое понятие о честности и справедливости и друг друга не обманывают".

Таджики в течение тысячелетий были игрушкой в руках разнузданнейших, безжалостных всемирных завоевателей, вследствие чего в стране господствовал восточно-варварский порядок вещей и полный деспотизм правителей, наводящий ужас на все население. Находясь столь продолжительное время под гнетом алчных и жестоких правителей, не будучи уверенными в завтрашнем дне, относительно своего состояния, семьи и собственной жизни, нравственные качества не могли сохраниться в той чистоте, в какой они были присущи этому народу в его первобытной, тихой, труженической жизни. Несмотря на различные перевороты, робкие таджики, говорит г. Кушелевский[133], все-таки удержали за собой духовное господство. Таджики, по природе честные, правдивые, послушные и трудолюбивые. Таджики, подобно евреям, отличаются большою нетребовательностью и хозяйственностью, страстью к наживе, наклонностью к торгашеству, к искусствам и наукам; но таджики во многом превосходят евреев в ловкости и умелости отноститительно ремесел и промыслов, а также способности к земледелию и садоводству, благодаря чему последние достигают в этой стране такого совершенства, что составляют благосостояние края.

Н. Енгельгардт утверждает[134], что о способностях таджиков к упорному земледельческому труду нечего и говорить. В этом отношении они могут быть сравниваемы только с китайцамы. Суровая природа лёсса воспитала сильно работающий, не боящийся никаких трудов народ. В неутомимой обработке почвы, совершающейся уже в течение нескольких тысяч лет, в ведении высокоинтенсивного сельского хозяйства видит таджик лучший залог сохранения плодородия этой почвы на вечные времена. Земледелие в высшей степени способствовало развитию в таджике превосходных физических и духовных способностей. Духовная и телесная выносливость, которые так необходимы в земледельческом труде, сделали его способным к самым разнообразным ремеслам: и к таким, которые требуют величайшего терпения и внимательности (напр. выделка шелковых тка-

---

[133] Очерки Ферганы. Т. II. С. 399–401.

[134] "Турк. Вед." 1887 г. № 44.

ней, ювелирное дело и т. д.) и к таким которые требуют большого физического труда (напр. кузнечное ремесло, плотничье). Благодаря своему духовному превосходству, порабощенные таджики всегда имели нравственный и умственый перевес над своими поработителями узбеками, которые приняли даже религию побежденного народа. Из среды таджиков образовались не только высшее интеллигентное сословие страны – духовенство, ученые, учителя народных школ, судьи, законодатели, но по временам некоторые из них, стоя близко у кормила правления, захватывали верховную власть в свои руки и становились властителями.

В настоящее время в лице таджика соединяется: превосходный земледелец – работник, мелкий предприниматель – торговец и искусный ремесленник – кустарь.

Хотя вековая тирания имела большое влияние на развитие некоторых больших недостатков и пороков, замечаемых у таджиков, но они почти стушевываются перед их превосходными способностями и наклонностью к добру. Земледелие, это древнее, облагораживающее характер народов занятие, помимо влияния на развитие духовных и физических сил таджиков, сообщило поэтическую мягкость их характеру.

Таджикам равнин принадлежат ремесла, торговля, религия и разврат. Привилегированный класс Самарканда – таджики; большинство ходжа и сеидов, т. е. потомков пророка или первых халифов – таджики; большинство купцов и ремесленников – таджики; огромное количество святых, что лежат в Самарканде и его окрестностях – таджики.

В таджикском населении труд принадлежит земледельцам и ремесленникам, говорит г. Хорошхин[135]. Привилегированный же класс, большую часть дня и ночи отдает бездействию, сну и удовольствиям. Последние весьма неприхотливы и заключаются в сборищах в чайхане, где пригожий мальчик подает чай, на родинах, помолвках, свадьбах, похоронах, сборищах по поводу какого-либо обещания перед Богом, причем режется баран, сборищах для чтения священных книг, в особенности во время рамазана, по поводу какой либо интриги против какого либо из зазнавшихся собратий; для пляски батчи и, наконец, для бессмысленнейших и цинических до отвращения бесед в обще-

---

[135] Сборник статей. С. 217 и 218.

стве несколько выштукатуренных и подкрашенных проституток. Сборища последнего характера развились недавно и особенно любимы купеческими сыновьями, зачастую женатыми. Впрочем, есть и сановитые, белобородые старики, не чуждающихся этих собраний.

В главе непривилегированных таджиков стоят земледельцы, в большинстве народ далеко не богатый и кроткий. Второй вид непривилегированного таджика городов – мелочники и ремесленники всевозможных наименований. Они лукавее и фанатичнее земледельцев, при том же соблазны города постоянно перед ними.

В кармане есть несколько денег, сиденье с утра до ночи в мастерской или лавочке надоедает, и таджик этой категории не отказывает себе в национальных забавах, в особенности если он холост или если жена ему надоела. Но и в среде этих таджиков некоторые заходят далеко: делают фальшивую монету. Тем не менее эта категория таджиков занята делом и жуирует по средствам, изредко только прибегая к способам приобретения в роде изложенного выше, или вообще к плутне. Совсем другое и далеко не отрадное явление представляет третий вид городского таджика. Это народ не всегда богатый, но и отнюдь не бедный, или точнее, не нуждающийся, частью довольно самостоятельный и смирный с виду; а на самом деле эти люди воры, грабители, иногда днем – нищие, а ночью – убийцы, частью люди бездомные, захожие, часто – притонодержатели, скупщики воровских вещей, поборники проституции во всех её видах.

Г. Биддельф считает таджиков спокойным, трудолюбивым народом[136]. Реклю[137] считает таджиков за умственную аристократию Туркестана и говорит, что все, кто имеет претензию на хорошие манеры в прибрежных городах Сыра и Аму, стараются подражать их языку. Но сколько пороков гнездится на дне этого вежливого, покрытого внешним лоском общества! Сколько есть таджиков, вполне заслуживающих обвинения, несправедливо взводимого против всей расы, о которой говорят, что эти люди без идеала, необузданные любители чувственных наслаждений, существа сладострастные и жестокие, живущие только для наживы, игры и разврата!

По духовным качествам таджики стоят много выше своих татарских завоевателей – узбеков; Бухара только потому сделалась сре-

---

[136] Путеш. по Закаспийск. краю. Перев. "Турк. Вед." 1893 г. № 41.

[137] *Реклю.* Т. YI. С. 345.

доточием средно-азиатской цивилизации, говорит А. Вамбери, что там с древнейших времен таджики составляли преобладающее большинство населения, которое, продолжая следовать культурным стремлениям доисламистского периода, хотя и было лишено владычества, неперестававало играть роли цивилизаторов по отношению к своим повелителям. Как в первые века по принятии ислама на поприще религиозных знаний и философии отличились более всего таджики, так и теперь еще в Бухаре, Коканде и Кашгарии известнейшие муллы и знатнейшие ишаны принадлежат к таджикам. Они же были устроителями ирригации в оазисах Туркестана[138].

В населении Бухары и Самарканда высшею целью действий является материальное приобретение, говорит В. В. Радлов[139]. Не обращают ни малейшего внимания на связи крови или другие отношения, когда могут приобрести какую-либо материальную выгоду; поэтому главное занятие жителей городов – торговля. После жадности и страсти к приобретению, главная черта горожан – скупость. По причине скупости самые богатые живут также худо, как и бедные и питаются тою же пищею. Кроме жадности и скупости, отличительные черты их характера: трусость, лютость и лицемерие.

Под словом таджик татарское население Туркестана, говорит А. Вамбери[140], разумеет человека, унижающегося, скупого, корыстолюбивого, хитрого, хвастуна, одним словом все, что представляет противоположность с узбекскою откровенностью, прямодушием и честностью. Таджик, несмотря на свою бедность, всегда хочет казаться не тем, чем он есть на самом деле, и потому дома, в своей семье он скуп и умерен, в обществе же почти всегда старается играть роль богача и щедрого человека. Не менее изыскан и самый его разговор: выражения вежливости и комплименты, им употребляемые, хотя и отзываются чем-то татарским для уха, привыкшего к персидской тонкости, но тем не менее, сравнительно с узбеком, его можно считать истым джентельменом. Предназначенные природою к мирным занятиям, таджики выказывают всюду склонности к земледелию, торговле, промышленности и ненавидят войну, а иногда по неволе берутся за оружие, но редко бывают храбры, а жестоки –

[138] Энциклопедический словарь. Т. 63. С. 474.

[139] Записки И.Р.Г. общ. по отдел. этногр. Т. VI. СПБ. 1886 г. С. 74 и 75.

[140] Очерки Средней Азии. С. 318 и 319.

часто. Они также не обладают тем чувством национальности, которое так часто проявляется у узбеков. Они хотя и живут всегда вместе, но это более происходит вследствие необходимости во взаимной поддержке притесняемой расы, чем вследствие особого стремления к поддержке своей национальности.

Более подробную характеристику таджиков дает А. Ф. Миддендорф[141]. Таджики, сколько мне известно, говорит А. Ф. Миддендорф, представляют единственный на нашей планете пример столь упорного существования, пробивающего себе путь, несмотря на враждебные, в течение столетий, воздействия против них. По своему устройству, голова таджика представляет образ высокого благородства и ума; то же должно сказать и об их врожденных духовных способностях; однако, как это ни странно, характер их совершенно лишен силы и способности к сопротивлению. Только потому, что таджики – народ совершенно невоинственный, покорный, они в течении тысячелетий постоянно переходили от одного к другому.

"Слабые и трусливые" – вот как призвал их старый китайский исследователь; другой говорит то же, но другими словами: "они чувствуют отвращение к пролитию крови". Их отвращение к кровопролитию не есть плод религиозного убеждения, как у меннонитов; это – то же самое врожденное чувство страха, которое овладевает персом при виде туркмена, или какое испытывает наш еврей перед преданием в рекруты. Но это не есть собственно страх смерти. Подобно тому, как трусливый в битве монгол с величайшим равнодушием к жизни принимает веревку, которою должен удавить сам себе, или кинжал, которым должен распороть сам себе живот, также точно таджики относились до настоящего времени с полнейшим равнодушием и пассивною покорностью к тому, что тираны – повелители резали и изводили их целыми толпами, стадами – в истинном значении этого слова. Тем не менее, один новейший наблюдатель уже слишком преувеличивает, восклицая: "таджик никогда не берется за оружие для своей защиты, никогда он не сражался за свою родину".

Чтобы составить себе понятие о духовных качествах таджиков, нам (Миддендорф) стоит только припомнит столь близко стоящих к нам евреев – с их большой нетребовательностью и хозяйственностью, никогда не дремлющею страстью к наживе и наклонностью к

---

[141] Очерки Ферганской долины. С. 399–402.

торговле, с их неутомимостью, лихорадочною подвижностью, приспособляемостью и находчивостью, с их способностями к духовной деятельности, к исскуствам и наукам. Но таджик еще более, чем еврей, с которым он так сходен во многих отношениях, отличается ловкостью и умелостью в ремеслах и промыслах, склонностью к домашней жизни и к усовершенствованиям; но что более всего возвышает таджика над евреем – так это превосходные способности к земледелию и садоводству, его удивительная производительность на этом поприще, благодаря чему он сделался в Центральной Азии, среди чистейших номадов, учителем и защитником этой основы всего государственного благосостояния. Если компетентные люди говорят, что таджик занимается земледелием, как предприниматель, то этим они заявляют лишь о его предприимчивости, ибо ошибочно, на основании этого, умалять значение таджика, как земледельца; да это и подтвреждается следующими словами: "тем не менее, поля таджиков находятся в лучшем состоянии, нежели поля узбеков". Духовная и телесная выносливость, необходимая при земледелии, сделала его способным также и к таким ремеслам, в которых требуется ниточку прикладывать к ниточке, с внимательностью и терпением, пока не получится ткань, или работать тяжелым молотом изо всех сил. Во всяком случае, даже при таком внутренном импульсе к деятельности у них проявляется ленность, обуславливаемая климатом, равно как и потребность более частого отдыха, которую так хорошо сумела усилить религия Магомета. В самом деле, даже прилежнейший человек, после тяжкой недельной работы, шабашит с полудня в четверг до вечера пятницы; он, или отправляется в мечеть для совершения религиозных предписаний, или проводит время в шатаньи, или же усевшись чрезвычайно не эстетически, присев на свои пятки, впирается в одну точку, пьет чай и курит, давая волю лишь своему языку. Конечно, обязательные, строгие посты часто сильно истощают.

В виде вышесказанного, продолжает г. Ф. Миддендорф, мы можем теперь судить и о прочих качествах таджика, поставляемых ему в упрек и часто совершенно противоречащих одно другому. Тирания сделала его послушным, низкопоклонным, замкнутым, скрытным, недоверчивым, лгуном; будучи мельником, он занимается фальсификациею муки и постного масла; будучи шелководом, он продает песочные зерна за грену шелковичного червя; будучи "ученым" он подделывает документы и монету. Как человек ловкий и алчный, он,

если занимает высокий пост, лучше всякого европейского дипломата проявляет свое мастерство в лжи и обмане; он – виртуоз в искусстве невозможных извращений и хитросплетений. Как житель больших городов, он в низостях всякого рода далеко превосходит европейца – жителя этих гнезд порока.

Если это так, то, само собой разумеется, объясняется обстоятельствами; вместе с тем сказанное дает нам ключ к пониманию того, каким образом один и тот же даровитый и точный наблюдатель в одном месте утверждает, что "иранцы отличаются чистотою нравов", а затем, после перечисления различных пороков, немногими страницами ниже, говорит: "все единогласно отрицают хорошие наклонности у таджиков".

На самом деле, надлежит сопоставить два контраста: развратника-горожанина и ведущего патриархальную жизнь селянина.

Точно также, рядом с общею жалобою, что таджику никогда нельзя доверять, мы встречаем следующее замечание, испытанного знатока и врача (д-р Шалыгин): между таджиками есть безусловно, честные люди, чего нельзя сказать о киргизах. Также и относительно жестокости характера. Уйфалви также признает ее; я же решительно стою за мягкость характера, который был вообще извращен тираниею и духовенством. При разумном европейском управлении, эти люди с характером и предусмотрительностью, по прошествии короткого времени, сделались бы совсем не тем, что они есть в настоящее время.

Если поставить на счет таджику все вышеупомянутые пороки, то нельзя не отвернуться от него с ужасом; но черт не так страшен, как его малюют. При всем том, таджики остаются столь же богато одаренными; при всяком более близком, личном знакомстве с ними хотя бы в течение только немногих часов, причем, конечно, не должно быть и тени чиновничего отношения, вы откроете у таджика, кроме того, пылкую, но вместе с тем очень добродушную натуру.

Только благодаря своему превосходству в духовном отношении, также как во всякой житейской практике, таджик и мог сохранить свою этнографическую самостоятельность. Способность к работе и великое искусство подчинять себе природу тяжелым трудом и обращать негостеприимные пустыни в райские оазисы выработали в этих людях особую выносливость, которой переход из рук в руки, от одного тирана к другому, придал еще большую эластичность. Несмотря

на непрерывные порабощения; несмотря на исторические события, которые, казалось, складывались так, чтобы уничтожить всякие типические особенности, как духовных, так и физических; несмотря на изолированность от главной массы западно-иранских единоплеменников, персов, из страны которых ни одна освежающая историческая волна не достигала таджиков, с той древнейшей эпохи, когда обе группы разделились, – несмотря на все эти насильственные влияния, сохранился своеобразный уклад, так что классическое изречение: Graecia victa ferum victorem cepit*, гораздо более подходит к таджикам, нежели к грекам. Нападения делали то варварские, кочевые орды, то народы, стоявшие в культурном отношении выше, носители культуры – китайцы, македонские греки; но все они опять уходили, или по крайней мере, должны были отойти на задний план.

Таким-то образом, ограбленные и порабощенные таджики, благодаря своему духовному превосходству, всегда опять становились у кормила, а из их рядов выходили заправители (как в селах, так и в городах), "седобородые" (аксакалы), сборщики податей, учителя, ученые знатоки священного писания, монахи и духовенство, и даже столь важные по своему значению "казы", т. е. судья и законодатели. Следовательно, они представляли собою высшее сословие. По временам, они, будучи в числе приближенных тирана, брали перевес и даже становились властителями страны.

О горцах-таджиках нет того разноречия во мнениях наблюдателей местной жизни, как мы встречаем в отзывах относительно таджиков равнин. Горец – дитя суровой, дикой природы. Его тип, его характер, мировоззрение – все отражает на себе влияние физических особенностей страны, с которыми приходится вести вечную борьбу, приходится и приспособляться. Древние аборигены Средней Азии не утратили и теперь свою типичность древнеперсидских времен. Горца никак не следует считать таким же таджиком-метисом, представители которых, горожане Ходжента, Ургута и др. оседлостей Туркестана, резко отличаются от каратегинцев, в особенности от дарвазцев, как типом, так и строем речи, обильной в горах провинциализмами настолько, что жители Среднего Дарваза мало понимают чисто персидскую речь каратегинцев, затрудняются объясниться с горцами Ванча, совершенно не понимают речь соседних шугнанцев.

Как у всех первобытных, неиспорченных народов, в характере горцев особенно выдается добродушие с общественным призрени-

ем сирот, вспыльчивость, кровомщение (хундор), уважение к старшим, к чужой собственности, правдивость в слове, отважность на все случаи опасности, с полным презрением трусов, терпеливость, стоическая выносливость всяческих лишений в борьбе с природой, с социальными явлениями, расположение к гостеприимству до готовности с каждым поделиться, хотя-бы и с случайным гостем, последними крохами домашнего хозяйства.

Умственные способности горцев выражаются большею понятливостью, наклонностью к наблюдениям, обширною памятью, которою отличаются дарвазцы и каратегинцы, и в знании своей генеалогии, преданий, легенд и в изучении восточных наук, привлекающих в бухарские и самаркандские медресе множество молодых людей, оканчивающих полный курс наук и скорее и с большим успехом, чем их товарищи из туземцев равнины, просиживающих обыкновенно в медресе над зубрением богословия, законоведения, восточной философии 16–25 лет[142].

По своему характеру таджик представляется весьма симпатичным: он добр, честен, трудолюбив и чужд корыстолюбия. Женщины у таджиков-горцев ходят с незакрытым лицом, но прячутся от посторонних[143].

Своим прямодушием и простотой гальчи составляют совершенную противоположность с лукавыми сартами и таджиками равнин. У них гостеприимство священно, и в каждом из их селений есть особый дом для приема странников. Рабство не существует и никогда не существовало в земле гальчей; все жители её люди вольные и управляются между собой: их старшины, обязанные этим титулом уважению, которое они приобрели правотой, нелицеприятной, должны преклоняться перед решениями народного собрания[144].

Трудолюбие и неутомимость на работах гальчей вошли в поговорку: "не нанимай сто работников узбеков – найми одного гальча".

Относительно сектантов*, я должен сказать, говорит гр. Бобринский, они произвели на моих спутников и на меня вполне благоприятное впечатление. Строгая, нравственная дисциплина, к которой пиры в продолжение долгого времени приучали своих подчиненных, вы-

---

[142] *Арандаренко.* У. с. стр. 471.
[143] *Новицкий В.* Изв. И.Р.Г.О. Т. IX, 1904 г. Вып. I–II. С. 10.
[144] *Реклю.* Т. VI. С. 346.

работала в них известную выдержку и сдержанность в обращении с людьми. Между собою они держатся с достоинством и с самоуважением. К старшим относятся с почтением, но без унижения.

Характер горца спокойный, мягкий; он с любовью относится к своей секте и к свом пирам (страцам), привязан к своему гнезду. На переселение горец решается только под гнетом, крайне тяжких обстоятельств[145].

Таджики Каратегина, говорит Васильев, по природе очень добры, спокойны, миролюбивы, несколько трусливы.

По словам А. Серебренникова, кроме трудолюбия, этого присущего всем таджикам Шугнана качества, следует отметить поразительную привязанность их к оседлой жизни, к земле, которую они обрабатывают и которая в большинстве случаев вознаграждает их труд крайне скудно.

Ближайшее знакомство с таджиками и изучение их нравов, обычаев и образа жизни невольно заставляет симпатизировать этому трудолюбивому народу, перенесшему в своей жизни так много гонений и страданий, что приходится только удивляться, каким образом, несмотря на все это, он не только не исчез с лица земли, но даже сохранил в чистоте свои племенные особенности[146].

Таджики Вахана, Шугнана и Рошана по натуре робки; под влиянием бедности, притеснений и поборов представляют собою людей забитых и загнанных[147].

На своих невозможных горных тропинках рошанец чувствует себя так же легко, как и горный козел и без малейшего утомления делает 50-70 верстные переходы; во время нашего движения таджики переносили на своих плечах четырехпудовые мешки с провиантом, которые едва были бы по силам вьючным лошадям. Но при всей своей силе и выносливости народ этот крайне вялый и миролюбивый. Никогда между рошанцами незаметно ни драк, ни ссор, ни даже сильного возвышения голоса и только в экстренных случаях слышится укоризненное "э"[148].

Главнейшие особенности характера таджиков памирских ханств составляет их замечательная способность к упорному труду и лю-

---

[145] *Гр. Бобринский.* Секта Исмаилья. Типограф. обозр. 1902 г. № 2. С. 19.

[146] *Серебренников.* "Турк. Вед." 1896 г. № 58 и 61.

[147] *Д-р Пропащих.* "Турк. Вед." 1903 г.

[148] *Баньковский.* "Турк. Вед." 1894 г. № 13.

бовь к оседлости и к земледелию. Упорство таджиков в борьбе с природой поистине удивительна. Чтобы обработать даже ничтожный клочок земли, встречающийся в узких долинах рек в весьма ограниченном количестве, им приходится предварительно совершить гигантскую работу, чтобы очистить поле от крупных и мелких камней, удобрить его и оросить. Кучи камней, собранных с поля и сложенных по его краям , красноречиво говорят о том, что владелец его добывает свой хлеб в полном смысле в поте лица[149].

Не взирая на войны, тиранию, рабство бадахшанские таджики описываются в лестных чертах редкими путешественниками, которые отваживались проникнуть в их страну. У бадахшанцев сильно развито чувство равенства, несмотря на различие происхождения и состояние; все они отличаются хорошими манерами, и даже ребенок подходит с важностью к пожилым людям, чтобы засвидетельствовать им свое почтение; женщины, между которыми много белокурых, приветливы, деятельны, хорошие хозяйки и, хотя мусульманки, пользуются, по крайней мере принадлежащие к бедному классу, полной свободой открывать лицо и разговаривать с мужчинами, знакомыми их семейства.

Бадахшанцы очень гостеприимны, скромны, хотя и любопытны в глубине души, имеют веселый нрав, несмотря на важный вид; но их природные качества вполне развиты только в "возмутившихся" округах, т. е. в тех округах, где население сохранило свою первоначальную независимость[150].

Племена, населяющие Гиндукуш, имеют мягкий и спокойный характер, склонны к веселью и забавам, не жестоки и не сварливы и охотно подчиняются властям. Страшные жестокости во время войн Яссина с Кашмиром совершались, исключительно, классом яссинских и чигиральских ашамадеков, которые весьма не выгодно отличаются в этом отношении от других племен. Нигде в рассказах о нападениях канджутцев на караваны или о войнах, в которых принимали участие Хунза и Нигер, не упоминается о напрасной жестокости и истязаниях[151].

---

[149] *Серебренников.* Еж. Ферг. обл. Т. I. Вып. 1902 г. С. 144.

[150] *Реклю.* Т. VI. С. 356.

[151] *Биддельф.* Народы населяющие Гинду-Куш. С. 96.

23. ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПОРОКИ

О преступности равнинных таджиков сведения можно иметь из рассмотрения дел, поступающих в общие судебные учреждения и народный суд. Недостаток этих сведений тот, что они относятся ко всему населению, а не к таджикам только, и потому могут характеризовать общий характер преступности туземного населения, преимущественно горожан. Сделавши эту оговорку, укажем на проступки, поражающие своим разнообразием, которые имеют вид уголовных преступлений. Преступления эти таковы: сопротивление властям, оскорбление должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, побег арестантов, подделка и сбыт фальшивой монеты, педерастия, лжесвидетельство, смертоубийство, покушение на убийство, нанесение увечий и ран, изнасилование и покушение на него, разбой и грабеж, кража со взломом, кража вооруженная и простая, мошенничество и растрат сумм, подлог актов, обязательств и векселей, поджог, захват чужого имущества, преступления по должности, подделка паспортов, составление подложных указов и предписаний, скотоложство, оскорбление чести, растление, самоуправство, злоупотребление правами супружескими, покушение на кражу, истребление и повреждение чужого имущества, присвоение неподлежащего звания, лишение свободы, насилие, обольщение замужней женщины, двумужество, государственые преступления, продажа в рабство, угроза на словах лишить жизни, сводничество, лжеприсяга, возбуждение к неплатежу податей, самовольное присвоение власти и подлог в официальных бумагах.

У казиев и на съездах рассматривались следущие дела: кража и укрывательство похищенного, похищение женщин и мальчиков и покушение на такое преступление, распутство мужчин и женщин, нанесение побоев и ран, драки и нарушение общего спокойствия, оскорбление туземных должностных лиц, оскорбление мусульманской религии, насильственное вторжение в чужой дом, оскорбление частных лиц, пьянство, буйство и дурное поведение, обман и мошенничество, клевета и ложная жалоба, захват чужого имущества, азартная игра, самоуправство, растрата чужого имущества, скотоложество, подлог и утайка документов и ложная присяга[152].

---

[152] *Емельянов И.* "Турк. Вед." 1886 г. № 11.

Кражи разных видов и оттенков составляют самое разорительное хроническое бедствие; кражи скота преобладают, кражи имущества со взломом, кражи обрезыванием карманов (кисабури), грабежи, разбои, вооруженные нападения на женщин дают наибольший процент случаев в районах оседлого населения с большим числом базарных пунктов.

По роду преступлений, согласно однодневной переписи, в самаркандской городской тюрьме содержалось 163 туземца (в том числе одна женщина) по следующим категориям: по убийствам 20 мужчин и 1 женщина, по грабежам – 33, кражам со взломом- 9, кражам простым – 17, за побег из тюрьмы – 3, побег из Сибири – 4, за продажу в рабство туземцев – 2 и за подделку монет – 2[153].

Заслуживают объяснения довольно частые случаи лжеприсяги в русских судах. По учению шариата клятва (касам или ямин) бывает трех родов: касами гамус, касами мунакыда и касами лагв. Касами гамус есть клятва, произносимая в подтверждение или отрицание события уже совершившегося, при этом показание по существу дела предшествует приносимой клятве. Этот род присяги допускается шариатом в судебных делах по отношению лишь тяжущихся сторон, и предоставляется ею воспользоваться как доказательством, по указанию судьи истцу или ответчику, для подтверждения или отрицания иска. Эта присяга для мусульманина имеет весьма важное религиозное значение по той причине, что в случае противоистинного принятия ее, тяжущийся, свидетельствуя именем Господа заведомую ложь, совершает клятвопреступление, причисляемое учением Мухаммеда к так называемым "смертным грехам", для которых нет искупления, ибо, сказал пророк: "кто клянется ложно, того Господ присудил к аду".

Не рекомендуется шариатом прибегать к этой присяге даже в подтверждение истины в тяжебных делах, ибо произносимое тяжущимся имя Господа настолько велико и свято, что к нему не следует мусульманину обращаться из-за личных жизненных интересов. Вот почему всякий добропорядочный мусульманин бывает готов удовлетворить хотя-бы неправое требование своего противника, лишьбы избежать неприятной для него присяги. Этим же объясняется существующий презрительный взгляд мусульман наших, кто принимает перед казием клятву касами гамус.

---

[153] *Арандаренко.* У.с. С. 181.

Второй род клятвы касами мунакыда дается относительно события, которое должно совершиться. К этой категории относятся клятвенные обещания – сделать или не сделать того-то. Нарушение такой клятвы особенно важных последствий для клятвонарушителя не имеет, так как тут не свидетельствуется именем Господа заведомая ложь, а усматривается лишь неисполнение обета, данного именем Бога. Исходя из того соображения, что человек как слабое, сравнительно, с его творцом существо, не может предрешать своего будущего, а потому и не всегда может исполнить то, что он обещал исполнить, шариат снисходит к подобному нарушению клятвы и причисляет последнее к грехам "мубах", т. е. безразличным, которые требуют все же искупления. Искупление это состоит в том, что клятвонарушитель обязывается: или отпустить раба на волю, или одеть, или накормить 10 бедных, или же, при несостоятельности исполнить хотя-бы одного из этих условий, поститься три дня.

Третий род клятвы – касами лагв (пустой, вздорный), произносимой по опрометчивости против истины, но с убеждением, что содержание даваемой клятвы согласно с действительностью, греховного значения не имеет. Если ко всему сказанному прибавить, что шариат не только не обязывает свидетелей к принятию присяги, но напротив, положительно освобождает их от нее, то станет ясно, что проведение свидетелей, согласно требованию русского закона, к предварительной присяге представляется мусульманину совершенно чуждым его понятию и верованию явлением. Исполняя, однако, это требование закона и согласуя его с учением религии, мусульмане относят такую присягу ко второй категории клятвы (мунакыда), так как объектом ее служит не событие, по которому должно даваться показание, а самое клятвенное обещание. Отсюда сплошь и рядом выходит то, что свидетель перед судом торжественно дает клятвенное обещание, таким образом принимает на свою душу грех, относимый шариатом, как уже сказано, к степени "мубах". Надо заметить, что для мусульманина всякое постановление шариата, будь оно религиозно-нравственного, или политико-юридического, или просто частно-семейного характера, одинаково имеет силу божественного закона. Закон этот повелевает клятвонарушителю искупить свой грех, а искупление, как уже сказано, кончается роздачей 10 лепешек или трехдневным постом. Совершив такую сделку с совестью, освященную будто-бы божественным законом, неразвитый клятвонарушитель по

присущей ему привычке придерживаться не духа, а буквы закона, спокоен душою и не испытывает боли угрызнения совести. Отсюда ясно, что современное русское процессуальное законодательство, создавая из присяги для мусульманина лишь простую формальность, предоставляет ему широкий простор к злоупотреблению присяжными свидетельскими показаниями[154].

То, что преступно и наказуемо при одних правовых воззрениях, может быть не преступно и не наказуемо при других. Поэтому мусульманское законодательство должно оказывать большое влияние на мировоззрение туземцев.

Уголовное право мусульман совершенно противоречит тем основным началам, которые признаются европейскими законодателями. По той жестокости, которая лежит в основе этого права, едва-ли оно может быть сравниваемо с кодексом других народов. Цель наказания, которую преследует мусульманское уголовное право – восстановить равновесие, воздав преступнику за сделанное им зло, или внушить страх перед наказанием; вторая цель уже – возвращение потерянного через содеяное зло. По мусульманскому праву, вытекающему из Корана, преступления разделяются на три категории: 1) джинаят, к которым принадлежат: убийство, нанесение ран в широком значение слова; 2) хадд, т. е. такие преступления, за которые Кораном определяется известного рода наказания; 3) таазир, за которые следует арбитражное, исправительное наказание.

К первой категории относятся преступления: лишение жизни, увечья и нанесение ран. За смерть наказанием смерть же, хотя представляется возможность откупиться деньгами у родственников убитого. Убийство без умысла подвергается двухмесячному посту и уплате виры. Допускается кровавая месть, которая даже распространяется далее положенной Кораном, а у арабов доведена до 5-го колена; она приводит иногда к междуусобной войне между племенами. Кровавые мести избегают: женщины беременные, до разрешения, родственники убитого по восходящей линии, но с уплатою виры и рабовладельцы, убившие своих рабов; избавляются также несовершеннолетние и безумные, но с наложением поста и уплатою виры. Убивший же неверующего, не подлежит кровавой мести.

Соучастниками преступления считаются только принимающие действительное участие за совершение преступления; принимающие

---

[154] Сер-Али – Лапин. "Турк. Вед." 1900 г. № 33.

же участие после совершения преступления или скрывавшие его и давшие возможность преступнику избежать наказания, подвергаются исправительному наказанию. Скрывшие украденное поэтому не считаются участниками воровства.

В шариате не существует никаких особых постановлений относительно повторения преступления и о покушении на преступление. Уплачиваемые виры бывают 2-х родов: тяжелые, когда убийство было совершено в области Хиджаза или в месяцы мухаррам, раджаб, зулкадат и зул-хиджад, а также близкими родственниками. Стоимость тяжелой виры определяется в 1000 верблюдиц, а легкое – в 100 верблюдов. Уплата легкой виры, если неизвестен убийца, распространяется на жителей деревни, квартала или дома, а также на владельца земли, где найден был труп. Также поступают при отравлении и утоплении.

Вот как Коран говорит об убийстве: "не убивайте человека, о котором Бог дал запрещение, кроме того, кто повинен этому. Кто будет убит несправедливо, за того право мстить мы предоставили родственнику его; но этот не должен переступать меры в отмщение за убийство, потому что и те находятся под защитой". "В нем мы предписали им душу за душу, око за око, нос за нос, ухо за ухо, зуб за зуб; раны должны быть местью, но кто простит ее, как мылостыню, тому послужит это очищением от грехов".

Наказать, по некоторым толкованиям (школа Шафии), требуется таким же образом, как было совершено преступление, а по другим (Абу Ханифа) – наказание несколько смягчается в том смысле, чтобы жертва подвергалась меньшим мучениям.

Ко второй категории относятся следующие преступления: прелюбодеяние, наказанием за которое служит побиение камнями: "позволяйте (XXIV с.) вступать в брак безбрачным между вами, добрым слугам и служанкам вашим. Если они бедны, Бог обогатит их от щедрот своих. Бог благотворителен, премудр. А те, которые не вступили в брак, должны жить воздержанно, покуда Бог не обогатит их от щедрот своих".

За употребление вина или других напитков виновный подвергается наказанию 40 ударов плетью; это число может быть удвоено казием, по его усмотрению. "Верующие! Вино, игра в жеребьи, кумиры стрелованье – гнусны; это дело сатаны; потому устраняйтесь от этого: может быть, будете счастливы".

За присвоение себе чужой вещи наказанием служат отсечение правой руки. "Вору и воровке отсекайте руки в воздаяние за то, что сделали они, в назидание от Бога". Во второй раз пойманного в воровстве заключают в темницу, в 3-й раз – отсекают левую руку, в 4-й раз – правую ногу, и кроме того, возвращается украденное или уплачивается стоимость его.

За разбой, совершенный шайками на дороге или же в жилищах, наказанием служит тюрьма, а если при этом совершено убийство, повешение или обезглавление.

За воровство, соединенное с убийством, подвергаются такому же наказанию или распинанию.

Весьма важным преступлением признается вероотступничество, наказанием за которое – нравственная и гражданская смерть. Три дня вероотступник, заключенный в темнице подвергается увещаниям мулл и др. лиц и по прошествии этого времени над ним совершается смертная казнь; брак его расторгается, а имущество конфискуется и он лишается права на погребение по мусульманскому обряду. За мятеж против государя или неисполнение религиозных обязательств виновный также подвергается смертной казни. Затем, по 3-ей категории полагается исправительное наказание, которое состоит в увещании, наказании плетью, заключении в тюрьму, денежном штрафе и изгнании. Такое наказание полагается за следующие проступки: бегство с поля сражения, ложное свидетельство, ложное обвинение и некоторые другие.

Наказание за преступления против нравственности строги, но строгость этих постановлений сильно умеряется трудностью доказать вину, так как прелюбодеяние, не говоря уже о сознании, доказывается также четырьмя свидетелями мужчинами, которые должны видеть всю процедуру, во всех ее подробностях. Сверх того, сознание должно быть, по мнению Абу Ханифа, повторено четыре раза, а по мнению всех мусульманских законоведов, оно должно быт сделано лицом совершеннолетним, должно быть обставлено приличными мотивами во всех подробностях. Но светила мусульманского права, Абу Ханифа и большинство шафиитов допускают и отказ от сознания. Совершение запрещенных любострастных действий с женщиною, кроме сожития, как бы они не были безнравственны, не наказываются.

Вообще, нужно сказать, что таджики, как, впрочем, и все туземцы, находящиеся в русском подданстве, в смысле выработки устой-

чивого правосознания, находятся в самых неблагоприятных условиях. Причиною тому являются смешанность подсудимости местного населения с одной стороны русскому суду, а с другой – народному суду. Согласно положения об управлении Туркестанским краем ст. 141, 142, 143, 173, 208, 209, 210, 211 и 212 подсудимость туземного населения определяется: 1) принадлежностью обвиняемого к той или другой народности, 2) родом совершенного преступления, 3) местом, где оно совершено, 4) народностью лица против которого оно совершено. При существовании этих четырех условий подсудности одно и тоже лицо, в пределах, исключительно Туркестанского края, за совершение совершенно однородных проступка и преступления может подлежать суду русскому или суду народному, смотря по тому лишь, где совершено им это правонарушение и против каких лиц, причем ответственность изменяется совершенно. Стоит туземцу перейти границу, отделяющую русскую часть города Ташкента от азиатской его части, и он судится как всякий гражданин русского государства, но возвратясь за эту границу, т. е. переходя небольшой мость на арыке Боссу, и попав в старый город, он судится по шариату и ривоятам[155].

В русских пределах Туркестанского края изъяты из ведения народного суда только дела об измене, нападении на почты и военные транспорты, убийстве христиан, убийстве должностных лиц, разбоях, грабежах, нападениях на купеческие караваны, побеги в чужие владения, поджогах, явное сопротивление властям, делании и переводе фальшивой монеты, убийстве, похищении казенного имущества. Все гражданские дела возникающие из правоотношения туземцев одной народности и все уголовные дела, предусмотренные уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и уложением о наказаниях подлежат народному суду (выборному). Вне русских пределов судебный персонал состоит из казия – судьи и муфтиев. Как те, так и другие, вступают в должности не по выбору народа, а по назначению эмиром, или, в небольших районах, беком, из мулл, окончивших учение в медресе и выдержавших испытание в знании Корана и шариата.

Обязанность казиев при мусульманском правлении заключается: наблюдать через своих мирза и муфтиев за правильным действием на всех базарах торговой меры, веса и проч., выслушивать просите-

[155] С.Б. Народные судьи Туркестнанского края. "Турк. Вед." 1896 г. № 81.

лей, разбирать гражданские и уголовные дела и постановлять решения, утверждать имущественные сделки и договоры на всякую сумму и по всем предметам, утверждать акты брачные, бракоразводные, завещательные, охранять имущество после умерших и распределять его (таксим) между наследниками (ворис), с назначением, в случае надобности опекунов (васи) к малолетним или неправоспособным по физическим и духовным недостаткам.

Обязанности муфтия состоят в изложении письменных просьб истцов по делам всякого рода, в составлении договоров, подлежащих утверждению казиев, в участии с казием по делам охранительным, в распределении имущества после умерших, в составлении письменных решений казия, в подыскании в шариате, для каждого обращающегося, будь то истец или ответчик, постановлений (ривоят), соответствующих положению искового дела.

В некоторых городах существуют аглямы, компетентные юристы, назначение которых – утверждать своею печатью, при возникновении сомнения у казия, каждый правильный ривоят, дающий в таких случаях решительное и обязательное направление и обязательное направление решению.

Казий пользуется высоким общественным положением, сами стремятся создать себе имя безупречной деятельностью, находятся под контролем влиятельного класса общества и властей, не упускающих из виду книжных положений, требующих от казия знания шариата, высоких нравственных качеств и обязанности жить скромной, несуетливой жизнью, следовать которой может не каждый правоверный.

В книге "Хилоса", определяющий все, что касается частной жизни казиев, говорится: правители обязаны назначать на должности казиев людей, твердых от всяких соблазнов, усвоивших хорошо науки, выдержавших диспут (низог) с законоведами. Казий не должен быть беспечным, гордым, вспыльчивым и несговорчивым. Казий не должен принимать ни от кого подарков, не должен ходить по гостям, но может принимать участие в общественном празднестве и посещать больных, уклоняясь, однако, в обоих случаях от всего соблазнительного. На суде казий должен быть не суров, но серьезен. Без улыбок, без шуток он должен терпеливо выслушивать тяжущихся, относясь одинаково и к ученому, и к неучу, и к богачу, и к бедному, и к властному, и к бессильному, причем тяжущиеся должны сидеть

рядом, насупротив казия, который обязан относиться к ним вежливо, но не говорить по секрету и не угощать.

Казий, уличенный в намеренном неправосудии, в принятии от кого-либо взятки, в вымогательстве от тяжущихся: платы больше той, какая установлена нормою, в употреблении горячительных напитков (хамр), в развратном поведении немедленно должен быть отрешен начальствующими от должности.

Для того, чтобы казий, занимаясь делами судейскими, не терял познаний в науках, правителям предоставляется возможность оставлять их в должностях не более трех лет и затем определять на некоторое время в высшие школы мударрисами, впоследствии, вновь на судейские должности.

Получивший должность казия взяткою, недостойными ухищрениями, не может оставаться в этой должности, и все действия его недействительны настолько, что каждый правильно избраннный казий вправе перерешить определение, постановленное лже-казием.

По всем делам, как гражданским, так и уголовным, истец обращается к казию по месту жительства или временного пребывания ответчика.

Восседая на полу, окруженный муфтиями и мирзами, казий выслушивает усевшегося, с поджатыми ногами, просителя или просительницу при открытых дверях своей сакли, на пороге которой, соблюдая тишину, толпятся обыкновенно сторонники тяжущихся и праздные любители развлечений.

Если оба тяжущиеся имеются на лицо, казий приступая безотлагательно к разбору дела, предлагает истцу обратиться к одному из муфтиев для написания прошения (махзар), передающего только сущность дела: я, Узакбай, по сему прошению, ищу от Мирза Нурмагомедова, проживающего в селении таком-то, принадлежащего мне быка, выкраденного и находящего ныне в руках ответчика. Почему прошу вас, казий, приказать ответчику возвратить мне быка. Муфтий Камаледдин, приложивший к мазхару сему печать, прошу казия о допущении Узакбая к разбору этого дела и об удовлетворении истца, если заявление будет доказано".

Приняв исковое прошение, оплаченное истцом 20–40 коп., казий старается склонить тяжущихся к миру, что весьма часто и достигается, как в самой камере (казы-хана), так и вне её, при содействии родственников и людей посторонних, авторитетных.

При неуспехе в применении, казий, разбирая дело, выслушивает возражения ответчика, требует доказательств (далил) от истца. Доказательствами в каждом иске могуть быть документы, не оспариваемые в подлинности, или два нравственных, добросовестных свидетеля (шохид) мужского пола (допускается в свидетели две женщины вместе одного мужчины, но с тем, чтобы был и один свидетель мужского пола), или непринятие ответчиком принудительной (гамус) присяги (касам) в опровержение иска.

Так размешаются в полчаса времени все почти мелкие иски, когда истец является со своими свидетелями, а ответчик добровольно следует за ним к казию.

Но иски сложные, по торговым расчетам, по постановлению прав нарушенного владения, по делам о наследстве, об установлении опеки, по делам бракоразводным (талак) и браковенчательным (никох), продолжаются несколько дольше и порядок судопроизводства делается сложнее.

При неявке ответчика по иску, заявленному письменным прошением, казий делает ему словесный вызов через своего посыльного (мулязим), получающего в вознаграждение с призываемого 80 коп. за каждые 8 верст сделанного расстояния.

Ответчик или обвиняемый, не являющийся и после двукратного вызова, приводится через полицейскую власть и может быть наказан, по усмотроению административной власти, арестом за ослушание казия.

В ограждение интересов истца, обыкновенно такого ненадежного ответчика казий с первого же дня судебного разбирательства или отдает на поруки (кафил), или обязывает его ходить неотлучно с истцом (мулязимом), или, при несогласии на это ответчика, подвергает его аресту.

Заочных решений не существует по шариату, исключая случаев: оставлением мужем жены своей без всяких средств, случаев иска к имуществу безвестно отсутствующего.

Относительно поверенных мусульманское законодательство ограничивает право тяжущихся требованием, чтобы они передавали защиту своих прав только в определенных случаях, предусмотренным шариатом; случаи эти следующие: несовершеннолетие, умственная и старческая немощь, неопытность и угнетенность, подмеченная самим казием, ненахождение на месте, а также болезни, препятствующие явиться в камеру суда.

Только эти условия, при неоспаривании их другой стороной, допускают заместительство тяжущихся на суде поверенными их.

Передача прав поверенному совершается или словесным объявлением об этом подлежащему казию, или же письменною доверенностью (хати вакалат), засвидетельствованного каким бы то ни было казием. Каждому казию, однако, предоставляется отстранять и не допускать к разбору дела таких поверенных, которые известны в обществе за людей сомнительной нравственности, за людей, живущих за счет обманов (фиреб). Равным образом, казий обязан устранить и такого поверенного, в действиях которого по исковому делу обозначились злонамеренность в ущерб интересам доверителя. Другим поводом устранения поверенных для суда по шариату не представляется.

Обязанности поверенного ограничиваются поддержанием прав своего доверителя в пределах доверенности, причем доверителю предоставляется право устранения поверенного при всяком положении дела и без права последного вступать поверенным противной стороне.

Сказав, что никакое заявление тяжущихся о намерении представить ривоят, соответствующий положению дела, не может быть отвергнут казием, пояснить, что последнему предоставляется шариатом право назначить тяжущимися срок исполнения заявления, срок от одного дня до двух месяцев, сообразно с характером дела и серьезностью доказываемого или опровергаемого ривоятами случая или довода.

Хотя поводов к составлению защитительных ривоятов в каждом исковом деле, по характеру судопроизводства у казиев, может представляться весьма много для каждой из сторон, тем не менее никому нигде не приходится слышать, чтобы туземцы злоупотребляли этим правом свободной защиты на суде.

Ривоят есть письменная справка, указание судьям на закон, соответствующий положению тяжебного дела, поступившего на рассмотрение суда.

Ривоят, признанный казием правильным, получает юридическую силу, дает требуемое направление делу, вовсе не нуждаясь в санкционировании его приложением печати казия; наоборот, справка, несоответствующая положению рассматриваемого судом дела, остается без всякого на него внимания и возвращается предъявителю её.

Для составления правильного ривоята, муфтию требуется хотя бы поверхностное знание обстоятельств дела, требуется, главное, знание шариата. Такие муфтии, при добросовестном отношении к обязанностям защитника, пользуются громадною популярностью в обществе, имеют огромную юридическую практику.

Руководительным началом к отличию правильных ривоятов, к постановлению законных определений, служит основное правило, по которому казии и муфтии, по каждому возбуждающемуся делу, должны подыскивать подходящие законы сначала в книгах матун (коренные законы), как-то: Мухтасари Викоя, Викоя-и Кудури, Канз-ул-дакоик, Танвир-ул-абсор и других.

Если в этих основных законах разъясняющих статей не отыщется, в таком случае обязательно обращаться за справками к пояснениям (шархи) основных законов, кои изложены в книгах Хидая, Торикат, Шархи Викоя, Джамъ-ул-рамуз, Абдул-селий, Мулло Али Кори, Шамуни, Джалял Гур Амири, Фахриддин Айни и других.

Если же и эти книги не дадут требуемых разъяснений, в таком случае судьи должны подыскивать справки в других судебных книгах: как-то: Хуласа, Мухит, Захира, Хизмат-ул-муфтиин, Мултакот, Киния, Баззазия, Бурхани, Алятгири, с тем, чтобы разъясняющие тексты в этих последних судебных уставах были обозначены отметками: “биги юфна” – в этом было сделано постановление, “валаул – фатва” – на этом постановлено, “хувал сахих” – оно твердо, т. е. правильно, “хувал асх” – оно вполне правильно. Если, однако, на один и тот же юридический вопрос в книгах последней категории встретятся два различные толкования, то суд обязательно отдает предпочтение тому из них, в котором имеется отметка “биги юфна”, и вообще предшествующий термин, в порядке выше постановленном, имеет юридическую силу преимущественно над последним.

Необходимо заметить здесь, что преступления и проступки вообще не заменяются шариатом в вину несовершеннолетним, т. е. не достигшем 12 лет для мужчин и 9 лет для женщин. Карательную власть над ними мусульманское законоположение оставляет родителям, слагая с них, однако, обязанность удовлетворить потерпевших вознаграждением за ущерб, нанесенный каким-бы то ни было преступлением, хотя -бы убийством.

Такое вознаграждение взыскивается из собственности обвиненных, при получении ими таковой по достижении совершеннолетия.

При определении наказаний за проступки, согласно шариата, казий сообразуется с общественным положением обвиняемого, принимая за основание тот мотив, что людям развитым, людям высшего общественного положения, одно сознание о совершенном ими проступке и в особенности привод в камеру суда составляет уже чувствительное наказание, равнозначущее с теми карательными взысканиями, которые налагаются, по установленной шариатом традиции, на простой класс. Казию, однако, предоставляется отличать, при определении наказаний, и в высшем классе людей совести от безнравственных людей.

После длинного отступления возвращаемся снова к преступлениям и порокам таджиков, на этот раз – горных таджиков. Все авторы, писавшие по этому вопросу, единогласно утверждают, что горные таджики в нравственном отношении стоят несравненно выше своих соплеменников – горожан, равнин. Это объясняется тем, что горные таджики до сих пор довольствуются своими скудными средствами и в их среде отсутствует испорченное городское население, в среде которого, как известно, больше проявляется кимарбозов (игроков в кости), джоипбазов (любителей батчей), страсти, которые в большинство случаев служат поводами к самым тяжким преступлениям. В горах, если и бывают убийства, то это ничто иное, как проявление диких, необузданных, более животных страстей – ревности или родовой мести. Иногда и самая обыденная ссора, без корыстных целей, влечет за собой кровавую развязку, при помощи кетменя или топора, что прямо свидетельствует о младенческом состоянии тамошних жителей. Эта патриархальность народа и, пожалуй, безхитротность его дают возможность скоро и легко обнаружить преступления и виновников их[156].

Такие преступления, как убийство и воровство случаются у таджиков Памира весьма редко и наказываются весьма строго; еще реже преступления против супружеской верности, а некоторые виды преступлений, как например, детоубийство, можно сказать, совершенно неизвестны, так как подобных случаев не напомнят даже старожилы.

По суду казия виновный обязан возвратит пострадавшему, в случае воровства, в 1 ¹\₂ раза более украденного и уплатить самому

---

[156] "Турк. Вед." 1878 г. № 43.

казию за разбирательство дела две теньги. При этом, разумеется, похитителю делается наставление, сопровождаемое иногда даже телесным наказанием.

Еще реже бывают случаи убийства, повторяющиеся 1–2 раза в 10 лет и наказываются штрафом в 1000 тенег в пользу семьи убитого. За разбирательство дел об убийствах казий получает вола или его стоимость. В случае несостоятельности убийцы, у него отбирается все движимое и недвижимое имущество. Хотя по понятиям бедняков – таджиков, сумма в 1000 тенег, т. е. около 250 рублей, является весьма значительной, тем не менеее и она считается недостаточной одинокой человеческой жизни, вследствие чего допускается и нередко практикуется в этих случаях кровавая месть – хун.

Самоубийства и детоубийства, по уверениям таджиков, никогда не бывает среди них.

Чрезвычайно интересны взгляды таджиков на преступления против супружеской неверности, кстати сказать, случающиеся весьма редко. Муж, заставший свою жену с любовником на месте преступления, имеет право убить ее и её любовника, и не преследуется как убийца, но если он убьет только одного из виновников прелюбодеяния, то считается убийцей и обязан уплатить штраф в пользу семьи любовника в 1000 тенег, а в случае убийства жены, в пользу её семьи – 500 тенег.

Переходя к вопросу о пороках, распространённых среди таджиков Памира, нужно сказать, что пьянство у них совершенно отсутствует и в настоящее время даже не употребляется никаких спиртных напитков. Во времена ханов выделывалось в ничтожном количестве виноградное вино, предназначавшееся для самого хана и его приближенных, а простой народ и тогда, как и теперь, не имел понятия о вине и других спиртных напитках, запрещенных к тому же Кораном. Запрещение Кораном употребления спиртных напитков заставило, вообще, всех мусульман обратиться к другим наркотическим средствам, но и эти последние имеют весьма незначительное распространение среди таджикского населения. Из них наиболее распространен табак. Табак употребляется не только мужчинами, но и женщинами, а курение опиума распространено весьма мало[157].

В некоторых местностях суд, при помощи испытания огнем, практикуется до настоящего времени. Отмеривается расстояние в 7

---

[157] *Серебренников.* Еж. Ферг. обл. Т. I. Вып. 1902 г. С. 157.

шагов, и раскаленный до красна обух топора кладется на зеленый лист, лежащий на ладони обвиняемого. Он должен положить топор на назначенное место в семи шагах и, если у него на руке окажется ожог, то это служит доказательством его вины. Векиль тзума Хунзы однажды предлагал подвергнуть себя такому испытанию в присутствии г. Биддельфа, чтобы очистить своего господина от ложного обвинения[158].

24. РЕЛИГИЯ И ОБРЯДЫ

Таджики исповедуют магометанскую религию шиитского толка*. Они не отличаются особенною религиозностью, но недостаток её в том смысле, как её понимает большинство, или, лучше сказать, недостаток набожности не мешает таджикам быть в довольно высокой степени нравственными.

Главными представителями и хранителями религии в среде таджиков являются духовные лица – муллы, халифы и пиры. Всякий грамотный, умеющий читать и писать, носит название муллы и может совершить богослужение и справлять требы, но, за неимением достаточного числа грамотных, обязанности муллы нередко исполняются людьми совсем неграмотными, избираемыми из почетных стариков. Каждый район имеет своего наставника в вере, так называемого "халифа", назначенного на этот пост высшим духовным лицом – пиром*. Халифы в большинстве случаев имеют сильное влияние на граждан своего прихода, которые обращаются к ним за советом во всех сколько нибудь выходящих из ряда обыкновенных случаях.

Исторические судьбы иранцев, их древняя культура и национальный характер имели существенное значение в принятии таджиками не чистого ислама, а учении мусульманских раскольников шиитов. Иран, как одно из древнейших государств, жил не своими только идеями, но и идеями других более цивилизованных в свое время стран. Особенно это нужно сказать относительно его религиозной жизни. В доисторическое время в Иране господствующею религиею было звездопоклонство. Явился Зороастр и дал свою более возвышенную, более духовную религию.

[158] *Биддельф.* Народы населяющие Гинду-Куш. С. 124.

Чтение Зороастра сделалось религией древних жителей Ирана, первоначально мидийцев и бактрийцев*, затем персов времен Ахаменидов и Сасанидов. Основанием её считается Заратуштра (у греческих авторов – Зороастр, у персов Зардушт или Зердушт). По этому учению вся природа распадается на два царства: света и добра с одной стороны, мрака и зла – с другой.

Культ парсизма выражается в богослужении, жертвоприношениях, очищениях и множестве обрядов. На первом плане находится служение огню, как представителю света на земле, как стихии чистой и всеочищающей. Первоначально союзник бога, огонь мало по малу сделался почти ему равным и символом его; культ его чрезвычайно развился и существует до настоящего времени. У таджиков до сих пор справляется праздник огня или солнца, во время которого зажигают костры, подобно тому, как у европейских народов зажигают костры или смоляные бочки на Иванов день, и эти огни, также как и у нас в Европе, предназначаются для того, чтобы очищать своим пламенем всех. Больные должны три раза обойти вокруг костра, затем перешагнуть трижды через огонь; если же чающий исцеления слишком слаб, чтобы выполнить эти предписания, то ему нужно, по крайней мере, пристально смотреть на пламя в то время, как над ним произносят заклинания для того, чтобы прогнать болезнь к "пустыням и озерам". У горных таджиков запрещено дуть на огонь, ибо нечистое дыхание человека не должно прикасаться к пламени, чистоте по преимуществу; туземцы приобрели привычку гасить лучины, служащие ими светильником, производя течение воздуха маханием руки. Вокруг колыбели новорожденного, вокруг одра умирающего постоянно носят горящий факел.

Жертвоприношения у древних последователей состояли, главным образом, из произведений растительного царства: хлеба, зерна, цветов, плодов веток хаома* (растения, из которого приготовляется опьяняющий напиток), благовоний; сожжение на огне жертвенных животных было бы величайшим оскорблением этой стихии.

В учении парсизма мы находим высокие нравственные требования. Авеста постоянно настаивает на чистоте мысли, слова и дела. Ложь, обман, зависть – создание злого духа и составляют величайшее зло природы, с которым следует всеми силами бороться. Напротив, душевная чистота – великое благо, от которого зависит процветание всей материальной природы и человеческого общества.

Авеста внушает человеку противление злу физическому и духовному, побуждает к борьбе с неблагоприятными условиями природы (безводием почвы, засухой, вредными животными, болезнями) вызывает энергию к труду, учит думать, говорить и поступать правдиво. Она предписывает человеку занятие земледелием, насаждение полезных растений, проведение каналов для орошение почвы, вообще утилизацию природы на пользу человека.

При Кире, когда древняя Бактрия была присоединена к Персии, религия Зороастра потерпела изменение от религии магов, которая была господствущею у мидян. Кроме того, вследствие сношений с Индией и Грецией, еще задолго до мухаммеданства, в Персию проникли буддизм и греческие философско-религиозные идеи, по преимуществу мистического характера; и все это, соответствуя душевному строю персов, удобно привилось у них. Таким образом в Иране образовалось и существовало уже множество религиозных сект, в ученье которых вносили разнообразные элементы: магизм, маздеизм, буддизм, неоплатонизм и некоторые другие секты, между которыми следует отметить две. Об одной из них упоминается в Добистане (произведения неизвестного автора), как о такой секте, которая более чем на столетие до Мухаммеда, была уже в Персии и держалась чисто буддийских начал; это именно секта джемшастианов; другая секта была основана также столетием ранее Мухаммеда, магом Маздаком, который с манихейским учением об абсолютном дуализме связал основоположение строгого воздержания, с одной стороны, и уничтожающего всякую нравственность морального индиферантизма с другой. Из всех этих религий и сект у персов* привилось по преимуществу то, что носило на себе характер необычайного, сверхестественного и мистического. Так, из буддизма у персов особенно привилась идея боговоплощения, олицетворенная персами в третьем сыне Зороастра, Сазиохе*, который, по их верованию, при конце мира опять явится и победит Ахримана. А от магов персы усвоили главным образом различные мистические действия, каковы заклинания, заговоры, гадания, искусственные средства приводить человека в возбужденное состояние и тому подобное. После всего того становится понятным, почему в Персии не могло привиться мухаммеданство в своем простом чувственном виде, проповедующее только единство Божества и чисто формальное исполнение внешних религиозных обрядов, словом, в том виде, в каком представля-

ет его сам Магомет, а утвердилась в ней, изменившись в шиитскую веру, которая более соответствовала характеру и религиозному состоянию персов. Но утвердившись здесь и в таком виде, мухаммеданство все-таки продолжало изменяться под влиянием прежних верований и воззрений персов и разделилось на множества сект, из которых каждая носила на себе отпечаток известного постороннего элемента[159].

К мухаммеданскому символу веры: "нет Бога, кроме Бога и Мухаммед пророк его", шииты добавляют: "и Али наместник Бога". Правда, что прямо воплощением Божественного существа считают Али только члены особой секты, именуемой "Али- Илахи", – т. е. боготворители Али, – но в сущности для всех остальных не Аллах и его пророк, а Али настоящий предмет религиозного поклонения*. Как видно, к явному отрицанию первых халифов здесь присоединяется и молчаливое устранение арабского пророка. Та же черта, отнимающая у лиц и предметов их истинное арабско-исламийское значение, ясно заметно и в других частях религиозного значения шиитов. Правда, за Кораном признается значение Божьего слова, но его прямой смысл извращен аллегорическим толкованием, которое в сути своей сводится к подсовыванию разных преданий и сказаний об Али, тем же самым стремлением по возможности дальше отстранить все арабское был вызван и шиитский догмат об "имамате". Правда, сунниты в настоящее время верят, что первые преемники Мухаммеда – Абу-Бакр, Омар, Осман, были отмечены особенными божьими дарами и милостью, но им и в мысль не приходит отказывать Али в тех же свойствах. Кроме того, одновременно с названными четырьмя лицами они признают выдающуюся степень святости еще за целым рядом других товарищей пророка. Исторические факты настолько уважаются ими, что они уже не оспаривают больше ни у омайядов, ни у аббасидов законности их бывшего владычества. С тех пор как сунна заместила собою прямой авторитет халифа, как глава общины (имам), все это не имеет уже больше существенного религиозного значения. Совершенно иначе у шиитов. Легитимистическая теория проведена шиитами с такой последовательностью, что они вместо первых халифов, омайядов и аббасидов, считают имамом Али и одиннадцать его потомков, и признают этих имамов, т. е. опять таки от-

---

[159] *Позднев П.* Дервиши в мусульманском мире. Оренбург. 1886 г. С. 34–36.

рицание арабского владычества стало у них религиозным догматом и именно догматом существенной важности[160].

Что же касается сектанства, то история возникновения и развития суфизма в исламе очень проста. В Аравии религия Мухаммеда возникла под влиянием христианства и иудейства естественным историческим путем. Введенная затем насильно в странах с арийской культурой (в Персии, теперешнем Афганистане и Средней Азии) с населением, отличающимся от семитов по бытовым особенностям, духовному складу и языку, она не могла произвести внутренней ломки и радикального изменения старых народных верований, сложившихся веками. Ислам – религия нетерпимости, а потому старым верованиям пришлось выдержать жестокую борьбу с его строгою ортодоксальностью. Нигде, кажется, не было столько противоисламских движений, как в упомянутых странах. Достаточно припомнить движения Абу-Муслима и Муканны, причинившим мусульманам в самую раннюю пору ислама не мало огорчений. В конце концов, после продолжительной и упорной борьбы победа осталась на стороне старых верований. Но они должны были приспособиться к новой духовной и гражданской жизни. Им пришлось прикрыть себя текстами Корана, который имеет массу недомолвок и темных мест и дает самое широкое поле для всевозможных толкований и заключений. Эти особенности Корана и дала возможность приверженцам старой веры облечь самый широкий размах мысли в желательный текст священной книги, и то, что раньше называлась не иначе, как бидъат (ересь), теперь уже никого не смущало и признавались, как кость от кости ислама.

По существу своему шиизм представляет собою отрицание ислама. Главный догмат учения – отрицание законности существования первых трех халифов – Абу-Бакра, Омара и Османа, а также отрицание исходящих от них и окружающих преданий, и замещение авторитетности этих преданий преданиями (хадисами) , приписываемыми Али и его приверженцами.

В Коране нет ни одного места, где говорилось бы, что Мухаммед назначил своим непосредственным преемником Али. Между тем, это последнее и составляет самый важный и спорный пункт между ши-

---

[160] *Мюллер А.* История ислама с основания до новейших времен. Т. III. С. 10 и след.

итами и суннитами. И вот, чтобы утвердить свое учение на авторитет Корана, шииты, по своей любви к аллегории, стараются путем аллегорического толкования Корана, найти в нем благоприятствующие себе места. Сунниты же для подтверждения своего верования ссылаются не на Коран, а на предания, и так как эти предания действительно говорят в их пользу, то шииты отвергают их подлинность, собирают другие предания, которые говорят за них. Нужно добавить, что в той страстности, с которою еще до сих пор шииты ненавидят особенно Омара, завоевателя Персии, слышен отзвук старой злобы великого народа против чужеземного владычества.

По учению мухаммедан вообще, имам есть законный представитель Мухаммеда, а потому он есть духовный и светский глава и руководитель мусульманского мира; но вопрос в том, как узнать, что известное лицо есть законный имам? Сунниты признают законными всех имамов, избранных целым обществом или государством, а потому справедливо признают законными имамами и первых трех халифов – Абу-Бакра, Омара и Османа, так как они были избраны один за другим именно таким образом. Между тем, как шииты утверждают, что законным имамом может быть только потомок Али, четвертого халифа, потому что сам Мухаммед, назначив Али своим непосредственным преемником, тем самым выразил желание, чтобы его представителями (имамами) в обществе мусульман были его же собственные потомки, каковыми и являются только одни дети и потомки Али. В силу этого, шииты признают незаконными имамами и узурпаторами халифского достоинства первых трех халифов и всех других, не происходящих от Али, а вместо этих признают законными имамами иных лиц, и притом только двенадцать.

Первым халифом и законным имамом шииты признают Али; вторым первого сына Али от Фатимы, единственной дочери Мухаммеда, Хасана; третьим – второго сына Али – Хусейна. Хасан был отравлен и его тело было погребено в Медине, а Хусейн был убит Язидом, сыном Маавия и погребен в Кербале. Четвертым имамом был Али II, прозванный "Зейн-эл-Абедин" (украшение благочестивых), сын Хусейна, убитый Мерваном, сыном Язида, и погребен в Медине; пятым – Мухаммед Ал-Бакир (искатель правды) был убит Хишамом, сыном Абдул-Малика и погребен в Медине; шестым – Джафар Ас-Садык (правдивый), был убит Мансури Куфром и погребен в Медине; седьмым Муса Ал-Казым (владеющий собой); был отрав-

лен Гарун-ал-рашидом и погребен в Багдаде; восьмым – Али-Муса Ал-Риза (любимец Алаха); был убит халифом Мамуном и погребен в Хоросане; девятый – Мухаммед-Таки Ал-Джавад (великодушный), был убит халифом Мустакимом и погребен в Самире – близ Багдада; десятым – Али-Хак Ал-Аскари (воин); был убит халифом Мустакимом и погребен в том же месте; одиннадцатым – Хасан II, был убит халифом Мутамидом и погребен на том же месте; двенадцатым – Имам Магди; он, говорят, тайным образом скрылся в 15 день шаабана, в 266 году хиджри в Самире, где находится пещера, из которой, по верованию шиитов, он опять явится для восстановления царства Божия на земле в последние дни мира, перед светопреставлением.

Все эти лица были дети имама Хусейна.

Мечеть в Мешхеде близ Туса, где схоронен Али-Муса Ал-Ризо, наравне с святынями Неджефа и Кербелы, где погибли Али и Хусейн, и часовней над гробницами седьмого имама, Мусы, и дочери его, Фатимы, в мидийском местечке Куме, свидетельствуют о высочайшем почитании, с которым шииты относятся ко всему, имевшему какое либо касательство к их двенадцати имамам, почитании, основанном только на том, что эти имамы считаются ими жертвами суннитской несправедливости и преступности. Величайший праздник их – мухарремский, празднуемый в воспоминание о кончине Хусейна, умерщвленного в Кербале в 680 г. в одной из битв с омайадами.

Кроме этих важнейших пунктов, есть еще другие, которыми отличаются шииты от суннитов, но они касаюся лишь обрядовой стороны и самими последователями их признаются не важными.

Об остальных догматах и религиозных заповедях, предписываемых исламом, можно сказать в общем, что шиизм менее всего изменил те из них, которые не интересовали персов. Относительно понятия о Боге, персидские богословы держались различных взглядов по вопросу, следует-ли или не следует вести речь о божественных свойствах, но это у них не считается вовсе существенным вопросом. Также и на определение они смотрят довольно широко и свободной человеческой воле у них все еще оставлен широкий простор. В настоящее время у них обращается весьма мало внимания на эти метафизические умствования: образованные классы исповедуют большею частью довольно пантеистические воззрения, которые издстари нашли в Персии плодородную почву и сильно развились, осо-

бенно благодаря распространенному здесь суфизму. Учение о последних событиях даже в день воскресения мертвых уделяет Али наряду с Мухаммедом первое выдающееся место; в качестве заступника, он присуждает к мучениям ада в числе других неверующих и всех противников двенадцати имамов.

Своеобразно то, что из числа религиозных обязанностей, придается несоразмерное значение очищению: оно считается собственно среди всех религиозных обрядов самым существеным. Молитвы разнятся лишь в незначительных чертах от формул, употребляемых суннитами; более всего замечательна та разница в призыве к молитве, особенно вследствие добавления слов: "собирайтесь для лучшего из дел", т. е. таких слов, которые часто изображают собою настоящий шибболет (слово, по произношению которого можно узнать принадлежность данного лица к известному племени или партии. См. Книга судей, XII, 6) шиитского вероисповедания. Молитва по пятницам в мечети вообще не обязательна и произносится благочестивыми людьми всегда в одиночку, так как, со времени исчезновения двенадцатого имама, нет того, который имел (право) быть заступником и молельщиком всего народа. Пост в месяце рамадане по виду исполняется еще строже шиитами, чем суннитами. Паломничество к святым местам – излюбленная мечта персов, но путь в Мекку открылся для них лишь недавно, да и теперь персы направляются туда очень редко. Вследствие наследственной их вражды к туркам, последние закрывали шиитам в течение целых столетий проезд в Аравию. Только в царствование султана Абдул-Маджида (1839–1861 гг.) им разрешено вступать на турецкую территорию в облике паломников в Мекку. Но лишь немногие пользуются этим разрешением; большинство же довольствуется возможно частым посещением священных гробниц своих имамов, в особенности же гробниц Али и Хусейна в Неджефе и Кербеле и Али-Риза в Мешхеде. Посещение этих местностей кажется им настолько желанным, что уже с древнейших времен благочестивые персы, владевшие нужными для того средствами, завещали перевести свой прах и похоронить его в подобных священных местностях.

Вообще же нужно сказать, что законы Корана соблюдаются в шиитских землях слабее, чем в суннитских, и вообще религия играет роль, по-видимому, менее значительную. Жители городов большею частью преданы индиферентизму; духовенство пользуется не-

высоким значением. Несомненно, что в низших классах религия должна корениться глубже; на это указывает энтузиазм, явственно обнаруживающийся во время религиозных празднеств[161].

Необходимо сказать, что в шиитских странах, как и в суннитских распространено в сильной степени сектанство. Это религиозно-философское учение, носителями и распространителями которого являются ишаны, оказывало в своем историческом прошлом громадное влияние на жизнь мусульманских народов, отчасти перешедшее в качестве духовного наследия к народам, в настоящее время исповедующим ислам. Учение это, носящее у мусульман название тасаввуф, а у европейцев дервишизма и суфизма, в основе своей ничего общего не имеет с исламом*. Мало того, оно прямо противоположно Корану, который проповедует строгий монотеизм, тогда как суфизм, в котором нельзя не признать следов древноиндийской теософии, устанавливает пантеизм в широком значении этого слова.

Кроме пантеизма составным элементом в суфизме входит аскетизм, присущий индийским верованиям, но обязанный своим возникновением и широким распространением в исламе христианским монахам, основавшим не мало монастырей в Аравии и имеющим столь значительное влияние на арабов, что не только простые арабы, но даже царьки их, нередко обращались в монашество еще до появления ислама. Таким образом, суфизм как учение, состоит из трех элементов, – пантеизма, аскетизма и мистицизма, неизбежного спутника первых двух элементов.

Суфизм за весь более чем тысячелетний период своего существования не представлял чего-либо законченного, неизменного. Он непрерывно развивался в отдельных, хотя и несущественных частях, особенно во внешней организации. Признанный самими мусульманами за учение чисто исламское, суфизм быстро распространился во всех странах халифата. С этого момента замечается быстрый рост разного рода суфических орденов. Появление на первых порах этих орденов, отличившихся разными особенностями, можно объяснить тем, что мысль, скованная слепою верою в учение Корана, будучи выведена суфизмом на путь свободного исследования, терялась в необычной для неё обстановке и впадала в односторонность,

---

[161] *Мюллер А.* История ислама. Т. III.С. 10–17; *Позднев.* Дервиши в мусульманском мире. Ренбург, 1866 г. С. 36–39; *Гаури.* Ислам и т. д. С. 142 и след.

создавая раскол. Первые суфийские ордена и возникшие впоследствие ничем не отличились по основной мысли, а лишь в деталях. Причинами возникновения новых орденов служили: требования большой или меньшей строгости в уставе ордена, введение нового обряда в ритуал радений и проч. Впрочем, изредка создавались ордена, представлявшие новые пути в основах своего учения.

Учение суфиев весьма обстоятельно изложено в обширной суфийской литературе, в прозе и стихах, на арабском, персидском и тюркском языках. Как было сказано, учение отдельных орденов редко гармонирует между собою в детальях. Некоторые, кроме того, отличаются туманностью и неопределенностью. Сущность учения суфиев в кратких словах заключается в следующем:

Бог есть единое бытие, разлитое во всех его творениях, и все заключается в Боге. Он вечно обнаруживается, проявляется, т. е. вечно творит. Поэтому природа вечна и всякое творение по существу своему вечно, одно и тоже и только изменяется по форме, которая сотворена во времени. В сущности, форма природы, т. е. материи, не существует. Видимое нами есть кажущееся для наших чувств и, если мы видим оболочку, то единственно от произволения Божия. Все твари, меняя последовательно форму, переходя из одного состояния в другое, должны возвратится к своему первоисточнику Богу. Цель сотворения человека – служение Богу. Искание истины – совершеннейшая часть этого служения. Открывший истину получает познания, которые дают ему возможность окончательно устранить то пространство, которое мешает ему слиться с Божеством.

Учение суфиев о предопределении почти тождественно с Кораном*.

Зло в мире существует потому, что люди, находясь на разных ступенях приближения к Божеству, мыслят разно и впадают в заблуждения. Учение о рае и аде скорее в духе буддизма, чем ислама. Взгляд на Коран, Евангелие и Библию, хотя и похож на изложенный в священной книге мусульман, но имеет еще своеобразные аллегорические толкования. Людей разных религий разъединяет только форма, а соединяет чисто духовное тождество их. Высшая религия – ислам, явившийся на смену иудейства и христианства. Последний из пророков – Мухаммед передал пророческий дар Али и Абу Бакру, основателям суфизма, завещав им передать этот дар их преемникам. Суфии, по их мнению, получили от пророка особую благодать, без кото-

рой человек не может познать путь, ведущий к соединению с Божеством. Одна наука бессильна дать человеку даруемое благодатью; поэтому, чтобы достигнуть конечной цели, необходимо вступит в сулюк (орден), где особыми усилиями и упражнениями под руководством ишана (пира) проходится известный искус, направляющий новичка к совершенству, к полному уничтожению его индивидуальности и слияния с Божеством. Впрочем, благодать эта передается только суфиям, достигшим известной ступени искуса.

Суфизм – по истине самая выдающаяся сторона религиозной жизни мусульманских народов за весь более тысячелетний период их исторического существования под мощною властью ишана. Ошибочно было-бы допустить, что суфизм представлял или представляет нечто обособленное, чуждое народной жизни, общество или разряд людей, по своему мировоззрению отличных от остальной массы. Напротив, он с самого начала представлял явление типическое, т. е. выражал собою тот идеал, который жил в народной массе персидской нации еще до порабощения её исламом и который затем распространился на весь мусульманский мир. Его чувствовали на себе не только те, которые ради спасения отрекались от греховного мира и поступали в сулюк (орден), но и те, которые жили в мире и по мирски. Разница только в том, что первые через свое отречение от мира и его благ, имеют возможность удобнейше, скорейше и совершеннейше достигнуть идеала. По этой причине нет основания считать суфиями исключительно лиц, живущих в орден и по уставу ордена. Суфиями называются все те, которые признали над собою руководство того или другого ишана, выразили готовность состоять под его духовным воздействием, через вложение своей руки в руки ишана.

Суфизм представляет в полном своем развитии философскую систему, над разработкою, законченностью и примирением которой с Кораном трудились лучшие умы в мусульманстве. В этой форме он доступен пониманию лишь усвоивших себе своеобразную логику мышления ишанов и людей сулюка, а не народной массы.

Но тем не менее нельзя не признать того обстоятельства, что народ, все духовное развитие которого находилось под строгим моральным влиянием суфизма, вырабатывал свое мировоззрение, свой жизненный идеал именно под его вековым давлением.

Вместе с началом падения исламской культуры в Средней Азии, с конца эпохи Тимуридов, неудержимо начал падать и суфизм, на-

сильно связанный с Кораном. Как выше уже было сказано, тот первоначальный суфизм, в основу которого легли былые народные верования, с течением времени утратился в самой народной среде, растерянный по пути исторической жизни народа, видоизменившейся и затертой исламом. Теперь очередь дошла до суфизма, возведенного в философскую систему, в целую науку. Падение мусульманской науки и образованности отразилось и на суфизме в том смысле, что в орденах, старавшихся пополнять контингент своих членов людьми образованными, теперь по необходимости пришлось мириться с людьми, мало удовлетворящими требованиям орденских уставов. Разумеется, не замедлили обнаружиться результаты этого: в орденах быстро началось уменьшение количества людей ученых и просто более или менее образованных, таким образом, в составе иерархии орденов по необходимости пришлось терпеть людей неразвитых и невежественных, число которых с приближением к нашему времени все увеличивалось. Вместе с тем последовало количественное и качественное обеднение суфистической литературы, которая вращалась все в более и более узких горизонтах, при малом знакомстве с сущностью трактуемого предмета[162].

Среди таджиков наибольшее значение имеет секта исмаилитов. Эти сектанты уверяют, что их секта основана имамом Джафаром ас-Садыком (шестым имамом), потомок Али от дочери пророка, умершим в 148 г. хиждры. Впрочем, Абу Мухаммед Хусейн пишет в Зубдат-ул-ахбар, что Мухаммед, прозванный Махди, шестой потомок имам Джафара, основал секту, известную под именем исмаилитов (по имени Исмаила, сына Имам Джафара) в Египте в 299 г. хиждри. Его последователи прозвали его двенадцатым имамом и цитировали, будто бы, сказанные пророками слова, что каждые 300 лет солнце будет всходить на западе, объясняя, что проповедь Мухаммеда Махди в 300 г. составляет исполнение того пророчества. Абу Язид, мулла, не признававший происхождения Мухаммеда Махди от Джафара ас-Садыка, на основании того, что единственный сын Исмаила умер бездетным, был объявлен Деджал (антихристом). Покорение Египта султаном Сала-уддин Юсуфом положило конец силе секты в этой стране. Она в то время управлялась Азидом, потомком Мухаммеда Махди. Между тем догматы этой секты были занесе-

---

[162] "Турк. Вед." 1898 г. №№ 60, 61, 63 и 64.

ны в Персию Хасани Саббох, арабом племени химиар в Йемене, который позже поселился в Аламуте, где его внук, на 7 день рамадана 555 г., открыто объявил необязательным соблюдение постов и других обрядов шиитов.

Догматы и обряды их учения мало известны, так как согласно одной из их поговорок "человек должен скрывать свою веру и женщин". В кратких чертах содержание учения этой секты следующее: Бог, подлинное естество которого остается для человека сокровенным и неисповедимым, выслал в свет семь воплощений своего существа в виде пророков, чтобы возвестить миру свою волю; соответственно этому зовут их "Нотик" (проповедник), их имена следующее Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед, и наконец, Мухаммед Магди, сын Исмаил ибн Джафара. Каждый из них заменял проповедываемую ранее религию своего предшественника более возвышенной и совершенной догмой. Для распространения в мире и сохранения проповедуемого каждым "натиком" вероучения, назначаются имамы. У каждого "натика" есть свой помощник, прозываемый самить – "молчальник", потому именно, что сам от себя он не может ничего проповедать, но лишь повторяет слова натика и закрепляет их в сердцах людей; это имам известного религиозного периода. Таковыми помощниками были: Сет у Адама, Сим у Ноя, Исмаил у Авраама, Аарон у Моисея, Петр у Иисуса, Али у Мухаммеда. Для продолжения преемства проповеднической деятельности впредь до появления следующего натика, у каждого имама должно быть по шести преемников, так что на 7 натиков приходится 7x7 имамов. Так, например, седьмым имамом периода Моисея был Иоанн Креститель, за которым следует Иисус, новый основатель религии. Али завещал также точно имамат в наследство Хасану, Хусейну, Алию, сыну Хусейна, Мухаммеду, сыну Алия, Джафару, сыну Мухаммеда и Исмаилу, сыну Джафара. Сын последнего Мухаммед Магди, становится таким образом, натиком; он то и служит авторитетом для настоящего времени, поэтому называют его "владыкою века". Помощником у него является Абдулла ибн Майшун. Всякий обязан, конечно, неуклонно следовать предписаниям Махдия и его имамов, продолжающих проповедывать и распространять его учение. Махди не умер, он стал только невидим, но к концу времен снова вернется к своим[163].

[163] Мюллер А. Т. II. С. 288 и след.

Сунниты называют этих сектантов кафирами и рафизи, но сами они не отказываются молиться или есть с суннитами. Они отвергают будущую жизнь и верят в переселение душ. Дурные деяния наказываются отправлением души в собаку или другое низкое животное; напротив, добрые дела награждаются будущим воплощением в великого и святого человека. Они не признают никакой связи с другими мусульманскими сектами, говоря, что сунниты – собаки, а шииты – ослы. Они подвергают сомнению божественный характер Корана, хотя и верят, что он был поручен ангелу Гавриилу для передачи Али, но по ошибке был передан Мухаммеду.

Коран они заменяют персидскою книгою Калами пир, которую показывают только последователям своего учения. Наиболее часто приводят они следующее правило: человек должен ослепить себя, чтобы не чувствовать зависти при виде счастья ближнего; он должен обезсилить свои руки, дабы они не могли взять что либо принадлежащее другим и изуродовать себя, дабы не быть в состоянии ослушаться пира. Скот, который зайдет в посевы, нельзя оттуда выгнать, пока он не насытится. Истинный сектант считается уже как бы умершим и потому молитвы и посты не нужны. Если бы была сделана попытка заставить его насильственно поститься, то он, чтобы не допустить этого, проглотит щепотку пыли. Единственное предписываемое хождение на поклонение, это к живому главе их веры, которого называют Имами заман или Сахиби заман. Брачную церемонию может совершить всякий человек с седою бородою. Он садится, имея жениха по правую руку и невесту – по левую, берет несколько кусочков жареной бараньей печени в обе руки и, скрестив их, дает мужчине левою рукою, женщине – правою. Затем, взяв чашку воды, дает половину её женщине и говорит несколько слов из Калами пир; этим кончается вся церемония.

Пропаганда секты идет так: проповедник (даи – призыватель, глашатай) требует от жаждающего познания истины прежде всего дать ему святое обещание соблюдения молчания перед непосвященными, а также безусловной откровенности по отношению к нему, представителю святого дела. При малейшем колебании слушателя, даи резко обрывает свою проповедь; если же собеседник готов подчиниться всем его требованиям, наступает дальнейшее испытание доброй воли прозелита; от него требуется внесения, соразмерно средствам соответствующей суммы денег.

На основании данных разума и преданий, даи старается доказать, что Божья воля сознается и совершаема, а исполнение предписываемых обязанностей может быть приятно Всевышнему в таком только случае, когда совестью правомерного руководит не ложное учение обыденных богословов, причинивших уже столько зла на этом свете, а наставление имамов, которых Бог поставил истолкователями своей вечной правды и пастырями над людьми. Слушателю указывают на Али и его потомства, как на единственных истинных имамов, затем, предлагают безусловно и свято почитать Мухаммеда ибн Исмаила, как "владыку века".

Усвоив твердо все положение шиизма, новообращенный окончательно перестает быть муслимом, ибо ставит Мухаммеда на одну доску со всеми прочими пророками, а еще более дерзновенное утверждение, что последним и наивысшим пророком является вместо него Махди, противоречит окончательно казенному догмату ислама.

Помимо твердого усвоения четырех положений шиитизма установлены, сверх того, еще пять наивысших степеней познания; эти степени доступны лишь для лиц с сильной волей и одаренных большими способностями. Пятая ступень внушала, между прочим, что настоящий внутренний смысл Корана не имеет ничего общего с внешним буквальным значением священных слов; таким образом, проторена была дорожка для самого широкого аллегорического толкования, совершенно упразднявшего положительное вероучение и дававшего полную свободу философскому взгляду на все сущее. Шестая ступень учит понимать в иносказательном смысле также и религиозные обряды, значение которых в глазах посвященных чисто символическое. Следуя толкованию исмаилитов, пророки настаивали на обязательном исполнении внешних обрядов при молитве, омовении и т. п. При этом мало по малу умаляется еще более значение пророков по сравнении с философией и этим как бы подготовляется переход к трем последним высшим степеням, в которых вообще и помину более нет о так называемой положительной религии. Седьмая степень состояла в слиянии древнеперсидского дуализма с гностическим учением о демиурге, создавшем мир и подчиненном высшему существу; прозелит приходит к тому убеждению, что из этих двух высших одно, предвечное, есть первоисточник вещества, второе проистекающее из первого – создатель всевозможных форм, в которых вещество появилось в видимом мире. Но преждесущее выс-

шее существо должно было возникнуть из какого-то основного принципа, неведомого ни по имени, ни по его качествам, так как оно абсолютно непознаваемо.

С этим учением рука об руку идет опять таки из Индии почерпнутое представление, что каждый даи может, по мере самосовершенствования, по чистоте познания и действий стать имамом, натиком, зиждателем, наконец, творцом, высшим божеством, – известное воззрение буддистов, легко вытекающее из принципов абсолютного пантеизма. Кстати, таким образом, была соверщенно сглажена разница между божеским и человеческим естеством, легко уже усваивались истины девятой, высшей степени. По учению этой последней все религиозные воззрения должны быть рассматриваемы, как смутные представления о сущности вещей, подтверждающие одну тольку вечность материи. Поэтому можно было считать и все догматы степеней лишь аллегорическими. Так, например, вторичное пришествие Магди в действительности состоит только в познавании исходившей от него истины и в распространении его учения среди человечества. Что же касается всех остальных пророков, были они простые, часто ошибавшиеся люди, следовательно, проповедываемые некогда ими религиозные и нравственные законы нисколько не обязательны для посвященного.

Секту исмаилитян называют мауливи, моулаи, мавалли, мугли, что производят от арабского слова мауло, что значит Бог, владыко*.

Вначале секта составляла одно из разветвлений шиитского толка. В 864 году Абдаллат, прозванный Каддах, настолько изменил первоначальное учение секты, что сами шииты признали ее вредною, и всякого, присоединившегося к ней, считали безбожником.

Секта не раз подверглась преследованиям. В 1256 году, в Персии, она подверглась особенно усиленному преследованию со стороны монголов. Хулагу-хан, между прочим, при разгроме секты уничтожил её главный оплот, Аламут, причем передал огню чудную библиотеку последователей секты исмаилитов. Несмотря на частые разгромы, секта в Персии не была уничтожена, и последователей её можно найти по сие время в некоторых нижних частях Персии. В настоящее время, кроме Персии, секта существует на западном берегу Индии и в окрестностях Бомбея. В самом городе живет глава секты, официально признаваемый таковым англичанами. По английским сведениям известно, что секта имеет последователей в горах по обоим склонам Гиндукуша.

Секта распространена в Вахане, Зебаке, Мунджане, Читрале, Канджуте, Ишкашиме, Гороне, Шугнане, по обеим сторонам Пянджа, Рошане и в Сарыколе. Общее количество последователей секты, живущих в русско-бухарских пределах (не считая Дарваза, Ферганы и вообще городов низменности) распределяется следующим образом: в Вахане с Ишкашимом 219 домов, в Шугнане 512 домов, в Рошане 683 дома и в Ороширской волости 116 домов. В Яркенте 1500 домов, на Язгулеме 5-6 домов сектантов и домов 30 асна-ашария (т. е. двоенадесятники, так называют шиитов, признающих 12 имамов). В Дарвазе, на афганской стороне, сектанты живут в кишлаках Варф, Гумай, Омурд, Джамарч. Ниже Калай Хума с афганской стороны можно найти сектантов в кишлаках Ходора, Дзингирио. Кишлак Йодж, на этой стороне Пянджа, состоит на половину из маулаи, на половину из асна-ашария. В Катагане, в кишлаке Гури, несколько человек исмаилья, остальные жители сунни (чор-ёри). Этим прозвищем (чор-ёри) шииты и исмаилья называют суннитов. Племя хазера около Кабула большею частью маулаи и незначительная только часть асно-ашария. В Бухаре, в Оше, Коканде находятся выходцы из Шугнана и Вахана, которые также принадлежат к секте исмаилитов.

Глава секты называется Ага-хан (Ого-хон у горцев). Должность эта наследственная. Род Ага-хана ведется от Али и Фатимы, через Шо Исмаила и сына его Мухаммеда. Ага-хан есть воплощение Али; в нем его душа. Ага-хан живет в Бомбее. Имя настоящего Ага-хана султан Мухаммед Шо (родился в Карачи, 2 ноября 1877 г., получил прекрасное вполне европейское образование); отца его – Али Шо, дед Шо Саид Хасан. Переселились они из Хоросана, из кишлака Махалота.

Роль пиров или старцев в жизни сектантов – огромная. Пир является полным хозяином души и тела своего подчиненного; он полновластный руководитель сектанта в его духовной, семейной и гражданской жизни. Все страны, заселенные последователями секты исмаилья, разделены между известным количеством пиров. Каждый последователь секты обязан подчиниться которому нибудь из них.

Все пиры между собой равны; каждый из них сносится непосредственно с Ага-ханом. Через год-через два посылаются ему подарки, главным образом, деньги. Для этого снаряжается кто-нибудь из жителей, иногда же один из помощников (халифа) пира. Должность пира наследственная. Пира унаследует не обязательно старший сын,

а наиболее достойный. Недостаточно быть наследником пира, чтобы занять его место, необходимо согласие общества подчиненных умершего пира и утверждение его приговора Ага-ханом. Когда прямых наследников у пира-саида нет, то жители имеют право выбирать кого нибудь из его родственников и просить об утверждении его Ага-ханом. Пиры могут быть не саиды. Ага-хан может утверждать пиром не саида, а всеми уважаемого муллу, по просьбе жителей, или просто по своему личному усмотрению. Ага-хан в праве смещать кого-угодно и когда ему угодно.

Ага-хан решает все дела единолично. При нем совета нет. При поездках к Ага-хану по делам, обращаются не к нему лично, а к его служащим, и через них получают приказания и распоряжения главы секты.

К Ага-хану приезжие допускаются только для представления и на поклон. Иногда, после доклада какого нибудь дела, Ага-хан выражаеть желание повидать докладчиков. В таком случае приезжий имеет возможность беседовать лично с главой своей секты.

Каждый пир имеет своих помощников, которые распределяются по всем тем местностям, где у него находятся подчиненные или мюриды.

Называются эти помощники халифа. Они служат посредниками между пиром и его мюридами. Главная их обязанность собирать подаяния, предназначенных пиру, а также, отчасти, справлять некоторые требы. Назначаются халифы пиром, который предпочтительно выбирает их из саидов. Халифа зависит только от своего пира. Он не имеет права ни судить, ни делить по наследству, все этот лежит на обязанности пира.

Пиры полные хозяева над своими подчиненными; судят их по своему шариату. В настоящее время, как и прежде, к пиру ходят за всяким делом: за советом, на исповедь, и на суд. В Шугнане всегда существовали судьи (кази); к ним ходят судиться для вида, или же недовольные судом пира.

Разбросанность подчиненных мюридов у одного и того же пира объясняется частными переселениями горцев. Причин, послуживших поводом к подобным передвижениям в горах, было не мало: обиды и притеснения, которые горцы постоянно терпели от своих правителей, постоянные распри между соседними ханами, жестокие расправы с побежденным краем, недостаток земли, теснота в родном кишлаке и просто семейные обстоятельства.

Покидая родину, последователи секты ни в каком случае не меняют пиров, а всегда продолжают подчиняться своему старому пиру, оставшемся на месте. Менять пиров строго воспрещено сектой и считается большим грехом (гаида-вонь, скверно). Подчиненный принадлежит тому пиру, предкам которого подчинялись его собственные предки.

Гр. А. А. Бобринский, со слов пира Саид Ахмета в кишлаке Реджис в Шугнане, приводит следующие данные[164]: Четыре главных пира проповедывали учение исмаилья. Ша Али Муса-и Риза (Муса-Риза) в Хоросане, шейх Фараб Шакар Ганч (Фераб Шекяр Гяндж) в Индустане, Ходжа Ахмет Ясави в Туркестане и Саид Насир Хисрау (Насир-и Хосров*) в Кухистане (в горах).

Когда Ша Насир пришел в горы, то застал здесь людей разной веры: шиитов и суннитов. Среди них начал он проповедь свою очень осторожно; ничего не отвергал из их учений, ничего не отрицал: ни молитвы, ни постов, ни праздников, ни рая, ни ада. С шиитами был шия, с суннитами – сунни.

Говорил он о Боге, о добродетели, об уважении к старшим. Более близким своим ученикам понемногу открывал истинное учение секты. Признавая молитву, он пояснял, что истинная молитва заключается в том, чтобы хорошо говорить, говорить чистое, помнить всегда Бога и хорошо во всем поступать. Не отвергая праздников, говорил, что истинный праздник для последователей секты – посещение своего наставника, пира, беседы с ним, хороший поступок, совершенный человеком. Не отказываясь от постов, говорил, что Бог требует не воздержания желудка, а воздержания нравственного, что и есть истинный пост. Не отрицая рая и ада, он говорил, они обретаются не где-нибудь на небе, а находятся здесь, на земле, в душе каждого человека.

После смерти Ша Насира ученики его продолжали начатое им дело. Проповедники действовали крайне осторожно. Присоединение к секте горного народонаселения происходило без насилия и очень медленно, в продолжеие многих и многих десятков лет.

До сего времени горцы, по привычке, соблюдают много старинных обычаев, ничего с сектой не имеющих общего. Иногда, по необходимости, и только для вида, в присутствии чужих, горцы справляют обряды суннитов и шиитов. Мы (пир) им этого не запрещаем

[164] Секта исмаилия в русских и бухарских пределах Средней Азии. Этнографический обзор. 1902 г. № 2.

делать, считая все это не важным. Важно быт хорошим и добродетельным человеком.

В действительности у сектантов нет ни праздников, ни постов, ни намазов, ни общих молитв, ни мечетей. По пятницам, вечером, у пира или у халифа, собираются старики, старухи, а из молодежи мужчины и женщины, более достойные. Читают книгу Калами пир (букв. Речь старца или слова старца), объясняют читальное, разговаривают, поют известные места из книги на память, играют на музыкальных инструментах и тут же ужинают и таким образом, просиживают до рассвета. Главную книгу Ваджхи дин (лицо веры – главное изложение веры) или Калами пир написал пир Калан маулана Ша Нузар (также Низар), сын Малик Солом, в Хоросане, в Маалот-шаар (шехр). Ша Насир Хосрау перевел эти книги на язык Кухистана, Ша Али Муса-и Риза на язык Хоросана, Шайх Фараб Шакар Ганч на язык Индустана и Хаджа Ахмед Ясави на язык Туркестана.

Ша Насир в продолжение 72 лет прочитал четыре книги: Таурот Мусо, Енжил Исо, Забур Дауд и Фуркон Мухаммада (Пятикнижие, Евангелие, Псалмы и Коран). По прочтению этих книг Ша Насир нашел, что во всех них написано одно и то же и все, что в них написано, можно найти в Калами пир.

Из Калами пир Ша Насир составил более удобную для чтения и для понимания книгу "Ишхар" (возвещение, распространение). Умер он в кишлаке Юмгон и там же похоронен в пещере. Но, по книге, его тела в этой пещере нет. Говорят, что она сквозная. Верят, что он вошел в пещеру со стороны Бадахшана, а вышел со стороны Читрала. Что с ним стало после – неизвестно.

На вопрос гр. Бобринского: существует-ли у них обрезание, пир ответил: "что же у нас сохранилось-бы от мусульманства, если-бы мы уничтожили и этот обряд".

По поводу переселения душ пир Саид Мурсал из кишлака Сучон на Гунте, в Шугнане сообщил гр. Бобринскому некоторые подробности. По его словам, в одном роду одна душа. Душа отца переходит к сыновьям, причем пир пояснил образно, как понять переход одной души отца, к нескольким сыновям. В доме горит несколько огней, в очаге – большой огонь, в светильниках – малые, но как в очаге, так и в светильниках светится одно и то же пламя, происходящее от одного и того же огня*. Вообще душа постоянно блуждает. При смерти душа переходит в землю, из земли в траву, из травы в животное, из животного опять в человека.

Тот же пир говорит, что люди должны быть как братья, друг друга не обижать. Важно быть добрым, честным. Обряды: посты, молитвы, праздники не важны, справлять мы их не запрещаем. Все это делается для вида. Вор, который будет поститься и вместе с тем продолжать свое ремесло, поступает одинаково скверно, как и вор, промышляющий тем же, но без поста. Одинаково дурно поступает человек, который с одной стороны грешит, с другой – молится, надеясь без раскаяния, одной молитвой, отмолить грехи. Человек, который согрешил, должен прийти к пиру, искренне раскаяться, помолиться с пиром, и тогда только Бог может ему простить. Для того, чтобы человек не забывал совершенного им греха и чтобы удержать его от подобного же поступка в будущем, пир накладывает на него известную пеню, размер которой сообразуется с совершенным грехом. За большой грех взимается лошадь, за менее важный проступок – корова, за более легкие прегрешения – баран, птица, яйца и т. д.

Человек, который не пожелает сознаться в совершенном грехе, Богом не будет прощен и грех всей тяжестью своею ляжет на нем.

В честь Имама замана (живого главы веры) повторяется чаще всего следующая поэма:

Помоги! О, Али.

О, талисман жизни, ты слава, Сагиби заман; да прославится твое имя непрестанно Сагиби заман.

Ты повелитель обоих миров с востока до запада; все короли в сравнение с тобой – нищие Сагиби заман.

Солнце небес светит твоею красотою, солнце и луна твоим светом Сагиби заман.

Когда прекратятся злодеяния и ссоры Деджала (антихриста), если не будет твоего повеления Сагиби заман.

Я надеюсь, что моему сердцу удастся осветиться под пылью твоих ног Сагиби заман.

Когда придет мой последний день, я буду произносить тебе хвалы Сагиби заман.

Настало время, когда твоя труба должна быть услышана всем светом Сагиби заман.

От Кафа до Кафа возьми весь мир в твою покоряющую мир руку Сагиби заман.

Наступило время для верующих опоясать чресла и следовать за тобою Сагиби заман.

Никто не будет поклоняться Богу и почитать его, не поклонясь также тебе Сагиби заман.

Другие пойдут своею дорогою, а я останусь верен тебе Сагиби заман.

Я, Сулим, с помраченным рассудком, обращаюсь к твоей благости Сагиби заман.

Примечание. Нельзя не согласиться с следующими словами гр. Бобринского: в настоящее время мы покровительствуем только одним суннитам, игнорируя не только мелкие секты (исмаилья, бабидов), но даже шиизм, как будто наша цель- объединение мусульманства и поглощение всех его разветвлений суннизмом. Наш прямой политический рассчет признавать за всеми ветвями мусульманства права на официальную и самостоятельную жизнь и, как последствие этого признания, считать обязательным для нас охрану этого права, данного для всех, от посягательства на него со стороны более сильного и боевого исповедания. Этногр. обзор. 1902 г. № 2.

Маулаи не нетерпимы и, где им позволяют, живут дружно с суннитами и шиитами, с которыми вступают в браки совершенно свободно. Шииты к ним вообще относятся хорошо, вероятно, вследствие почитания, оказываемого ими Али, хотя они и не прославляют мученичество Хасана и Хусейна.

Когда умрет маулаи, то лучшие предметы из его движимой собственности откладываются для Имама замана. В доме не варят пищи от трех до восьми дней, смотря по положении, которое занимал покойный, а в это время для семейства приготовляют пищу где либо на стороне. Кушанья также помещают на деревья и другие открытые места, где их клюют птицы. Вечером в назначенный день в дом является халифа и тогда приготовляют пищу и подносят ему. Он съедает глоток и затем кладет кусок хлеба в рот наследнику умершего; после этого уже принимают участие в трапезе остальные члены семейства. Затем, зажигают светильник (отчего вся церемония называется "чирог рошан"), и при звуках шестиструнной гитары, называемая герба, всю ночь продолжаются песни[165].

Во многих местах Гильгита и Астора, в долинах Бадахшана и в Шугнане сохранились остатки будийских каменных алтарей, подобные столь часто встречающимся в Лидаке. В деревнях (кишлаках) сохранились большие камни, которые, более или менее, служат предметом поклонения. В каждой деревне этот камень имеет особое имя; клятва данная на нем, часто считается более священною, нежели данная на Коране. В некоторых местах ежегодно возле камня приносятся в жертву козлы, и камень обрызгивается их кровью. В деревнях Шугнана эти камни обыкновенно бывают облиты маслом; иног-

---

[165] *Майор Биддельф.* У.с. С. 142 и след.

да на камне насыпана небольшая горсть какого нибудь зерна (не нужно смешивать священных камней с мельничными, которые иногда встречаются около кишлаков). По словам горцев, они почитают священные камни с разрешения пиров, в память Сабзинапуш и других святых мужей.

В горах сохранилось также почитание гробниц своих святых. Так, г. Серебренников говорит, что в Шугнане на берегу Шах-дары имеется гробница святого мужа Бобо Абданя, настолько чтимого жителями Шах-Дары, что они, желая выразить святому свое уважение, проезжая мимо, слезают с лошадей и идут некоторое расстояние пешком. В Дарвазе наибольшим почитанием отличаются могилы: Хазрети Бурх на р. Оби Мазор, Пойи Мазор Хазрет Садыр- Сеиб в верховьях р. Ванч и Ходжаи Миратбаш Султан-Сеид на северном склоне Дарвазских гор, против кишлака Кальян[166].

Вообще горцы не отличаются особой набожностью, но тем не менее, почти каждый горец имеет на своем платье зашитую молитву, которая, по их словам, предохраняет от несчастий в пути.

Духовные лица получают крайне скудное вознаграждение от прихожан за исполнение своих треб венчания, погребение, за обучение мальчиков грамоте. Весь годовой доход имама в Дарвазе и Каратегине с приношениями (фитри руза) в пост уразы по одной чашке хлебного зерна с каждой души прихода, по одной шкуре барана, козла, убиваемых жертвоприношением в годовой праздник Курбон, едва составляет на деньги 20 руб. Имаму прихожане помогают, однако, в обработке земли, в уборке жатвы, в заготовлении топлива на зиму, с большим трудом добываемого в скалистых высочайших горах, за три -четыре перехода от селения.

В Ягнобе г. Коротков нашел кишлаки, где грамотные целую зиму занимаются перепиской Корана и других книг на продажу, продавая от 3–10 руб. за экземпляр.

Горцы верят в различных злых духов – пэри, аджина, амасти (албасти тюрков). За хорошее средство против этих духов считают траву "испанд". Испанд или хазариспанд, как называют ее бухарцы, известная в Средней Азии трава, употребляемая от отогнания злых духов. Семь коробочек (плодов) этой травы, зашитые в тряпочку, приве-

---

[166] Поездка на горы Фальгара, Ягноба и Искандер –Куль. "Турк. Вед." 1877 г. №31.

шивают на шею лошади, как амулет, для предохранения от дурного глаза. Часто можно встретить также какого нибудь монаха, ходящего по базару с дымящейся жаровней и обводящего ее вокруг встречных, приговаривая (обращаясь к духам): "уйди, выйди, бросься в холм, бросься в дерево, воду, уйди в поле". Существует также заговоры на хазариспанд.

Сватовство. Необходимо сказать, что горцы-таджики почты поголовно бедны. Бедность эта настолько велика, что утрачивается даже внешние различия людей по костюму. Житейские же обряды и обычаи равнинных таджиков немногим отличаются о сартовских и от узбекских вообще. Задумав жениться, горец-таджик отправляется предварительно на заработки в долины. Не побывавший с этой целью в городах, встречает разные серьезные препятствия со стороны родителей той, которую избрало его сердце. Родители предполагают в нем человека негодного к труду, человека без средств – и вот он идет в ближайшие пункты более культурной жизни. Благодаря большому спросу, в последнее время на рабочие руки в культурной части Туркестана, горец всегда находит работу. Заработав известную сумму, таджик покупает принадлежности костюма и подарки и возвращается к невесте, которая вскоре делается его женою. Горцы женятся рано. Бывают случаи, что богатые родители женят своих сыновей, когда им лет 10*. Обыкновенно юноша до 20 лет уже бывает женат. Само собой разумеется, что и невесты соответствуют такому раннему возрасту женихов. Таджики рассказывают про случаи, когда выдают замуж 8 летних; обыкновенный же возраст невесты 10–14 лет. Старее 16 лет девушки встречаются очень редко.

Невест просватывают родители или в детском возрасте (гахворабахш), и это служит часто поводом к тяжбам по сватовству, если девица отказывается выйти замуж за назначенного ей отцом жениха (домод), или же сватовство совершается по достижении дочерью совершеннолетия, без всякого принуждения родителей, и такой брачный союз всегда почти устанавливает правильную семейную жизнь. В первом случае за обещанную в невесты калым уплачивается женихом будущему тестю постепенно, в продолжении нескольких лет, во втором – сватовство сопровождается предварительными справками, иногда секретными свиданиями сватающегося с своим предметом, переговорами с родителями невесты.

Заручившись сведениями о сговорчивости родителей невесты, посылают к ним 2–3 близких родственников в качестве сватов (зав-

чи – по каратегински, габрасонь – по дарвазски, ходжа хиджаб – у вахячи). Если родители намеченной в невесты изъявят согласие, сваты приглашаются остаться и угощаются разными яствами, отвечающими, конечно, зажиточности хозяина. По объявлении доверителям согласия другой стороны, этим же сватам предстоит через 3-4 дня, пристроиться к посольству уже в 8–10 человек соседей, отправляемых в дом невесты с блюдами лепешек, каши молочной (ширбиринч), плова, сушеных фруктов и проч. Все гости усаживаются в сакле, читают предварительно про себя молитву и затем уже залпом приветствуют хозяина дома поздравлением. Поднесенные дары отправляются на женскую половину, чтобы, после некоторого переформирования, явиться снова для угощения посланцев, которые, не вдаваясь в отвлеченности вступают в переговоры относительно размера калыма, т. е. платы женихом родителям невесты, причем усердно рядятся с обоих сторон. Сваты уговаривают родителей невесты умерить свои требования, говоря, например, что это будет богоугодное дело, которое им зачтется на том свете и т. д., а те приводят свои доводы. Наконец, соглашаются и условливаются о дне, когда нужно будет представить выкуп за невесту.

Плата за жену (калым) в Ягнобе* не велика: за богатую дают быка, трех козлов, 8 аршин ситцу и галоши; бык и козлы поступают во владение родителей; за самую бедную – довольствуются несколькими козлами и даже одним; ситец заменяют алачей; галоши в обоих случаях необходимы, разница только в стоимости их.

В Матче калым больше, нежели в Ягнобе; за богатую и более почетную приходится заплатить: пять батманов пшеницы, один батман рису, одного быка, 4 козлов, 4 баранов, две штуки адряса, невесте на платье ситцу, 8 пар алачи и алачевный халат; за бедную – 5 баранов и козлов, 2 батмана пшеницы, 1\2 батмана риса, одну пару адрясу, ситцу на рубашку и 4 пары алачи. Отец невесты жертвует на свадьбу 3 козлов.

На Вахиё* разницы калыма также бывают различны и находятся в зависимости от богатства родителей жениха и достоинств невесты. Если родители богаты, то калым состоит приблизительно из 2-х хороших лошадей, 2 лошадей попроще, 2 пара быков, 4 коров, 3–4 телят, 3 баранов, 1 ружья называемого "камуни фаранг", 1 ружья "камуни сиях", 20 "красных тряпок", 2–3 ман (батманов) пшеницы, 1-го карчигай (род ястреба), 1 быка, называемого "гауи сукум" на

мясо для угощения. Иногда дается пика. Калым людей среднего достатка составляет: 1 хорошая лошадь, 1 лошадь похуже, 3 быка, 2 коровы, 9 "красных тряпок", 1 ружье "камуни сиях", 2 теленка, 2 мана пшеницы, 1 баран, 1 бык на мясо для угощения. Бедные дают за невесту 1 лошадь, 2 быка, 1 корову, 1 теленка, 1 сияхкамун, 7 "красных тряпок", 1–1 1\2 мана пшеницы, 1 бык на мясо.

При дешевизне скота и при неособенно высоком качестве экземпляров, входящих в калым, расходы на выкуп невесты не так велики, как могли-бы казаться с первого взгляда. Ружья, всегда входящие в число предметов калыма, местного производства, исключительно фитильные. Из других предметов, входящих в состав калыма, пика включается главным образом для славы – "сколько разговоров-то, что за дочь такого в калым дана пика" – говорят таджики. С прекращением междуусобий пики за последнее время в стране довольно редки.

Свадьба сопровождается множеством церемоний, отличающихся в каждой местности. В селениях, по Зеревшану, к вечеру дня, назначенного для венчания, собираются в дом родителей невесты соседи или все кишлачные, приезжает жених со своими товарищами, все усаживаются, кое о чем потолкуют, а затем мулла спрашивает невесту, через двух доверенных от нее (падар-вакиль), по своей ли воле решается выходить замуж за такого-то и, получив утвердительный ответ, спрашивает также жениха, брал ли он в жены такую-то и сколько уплатил в махр (обеспечение жены). Составив венчальный акт (никох-хат), со включением в него сведений о сделанных женихом издержек, мулла читает молитву (хутба) и обряд венчания над отсутствующей (и сидящей) в другой сакле невестой совершен. Этот вечер гости мужской и женской половины обильно угощаются лапшей (угра) в кислом молоке с зеленью, молочной кашей и в заключении пловом. К 10 часам вечера пир оканчивается, жених получает от родителей невесты халат и отправляется в свой дом, под песни товарищей, получасом раньше выступления из дома родителей невесты процессии кишлачных женщин, сопровождающих "молодую" в дом жениха при факельном освещении. Здесь в отдельной комнатке, перегороженной на тот случай занавеской, "молодой", в первый раз, наскоро приветствует свою жену и предоставляет ей оставаться эту ночь с своими подругами, угощающимися от всего усердия и достатка домохозяина. На другой день из дома невесты доставляется приданное, за которое молодой отплачивается родителям скромны-

ми подарками. Через 15–20 дней молодые навещают родителей невесты с приношением барана, 100 лепешек, сладостей и получают в ответ корову, одного козла, пять баранов, один платок, галоши. Далее жизнь идет проторонной веками колеей.

На Вахиё* свадьба бывает устраиваема несколько сложнее. Накануне свадьбы, с вечера начинают собираться гости в дом родителей жениха и устраивается "шав-туй" (ночной пир), который продолжается до полночи. В полночь зажигают факелы, приготовленные из разных тряпок, намоченных в масле и привязанных к палкам и при свете с пением 2 и 4 певцов (хафизов) гости отправляются с женихом в дом родителей невесты. Там всем предлагается угощение. Жених садится посреди народа; по бокам его усаживают двух юношей. К жениху, называемому "ша" – князь, все относятся с большим почтением, всякое его приказание должно быть исполняемо немедленно и безпрекословно. Сам жених с окружающими не говорит, а передает все приказания через двух, сидящих рядом с ним юношей. Свивают жгут ("дарра") и подносят с поклонами к князю-жениху, предлагая ему выбрать себе "ясаула". Жених через юношей предлагает одному из гостей принять этот сан. Выбранный, с выражением почтения приближается к жениху, берет жгут, читает фатиху (короткая благословенная молитва), удаляется, пятясь задом, чтобы оставаться лицом к "князю" и садится сзади него. Если из присутствующих кто либо не угодит "князю", или ослушался его приказаний, "ша" приказывает "ясаулу" (опять таки через юношей) наказать виновного, назначая число ударов и даже определяя место, куда они должны быть направлены: спина, лоб и др. Если "ясаул" плохо исполняет свои обязанности или чем нибудь не угодил "князю", последний его сменяет, назначает другого на его место, наказывает и т. д. До самого рассвета поются присутствующими песни, сменяясь пляской, которую танцуют женщины под звук бубна и песни играющего на нем музыканта. Мужчины только смотрят на танцы, но сами участия не принимают. Невеста в продолжении пира сидит в углу комнаты, окруженная девицами и женщинами. На рассвете жениха провожают обратно в его дом и затем гости расходятся. Проводя бессонную ночь, все ложатся спать. Около полудня в доме жениха варится пища и снова собираются гости. После еды мужчины готовятся к отправлению за невестой, но в путь не трогаются, пока не покажется посланный от невесты, называемый "ша-джахр" (пригла-

ситель князя). "Ша-джахр" еще издали, увидев жениха кричит "шаи олам, му джахр" (о, царь мира, я пригласитель) и затем, приговорив эту фразу, бросается со всех ног бежать, так как этого посланца с радостною вестью по обычаю всякий старается облить водою или обсыпать золой после того, как он, приговорив свое приглашение, бросается в бегство.

Многие любители еще заранее, притаившись на крышах или в подходящих углах, поджидают его появления.

После того, как последовало приглашение, поезд трогается. Жениха сопровождает одна женщина, единственная в поезде, называемая "мурова". Из гостей, у кого есть лошади – едут верхом, неимеющие – идут пешком. Сам жених едет на красивом богато-убранном коне, который для такого случая, если в доме нет хорошей лошади, достается со стороны. Подъехав к дому невесты поезд останавливается. "Мурова" входит в дом и смешивается с женщинами, среди которых находится невеста. Ожидающему жениху и поезжанам из дома невесты выносится угощение. Жених ест, сидя с двумя "нукари ша" (слугами князя). После еды начинается игра с зарезанным козлом.

В то время, когда публика развлекается игрой, около дома идут приготовления к отвозу невесты. Имам совершает формальности общемусульманского характера и заменяет также казия, который обыкновенно живет очень далеко. Затем жених входит в дом невесты, подходит к ней и наступает своей левой ногой на ее правую. После этого невесту с закрытым лицом выводят в сопровождении еще одной "муровы" с ее стороны и сажают на лошадь. Обыкновенно невеста горько плачет и отказывается ехать; ее уговаривают. Небольшой поезд, кроме жениха и невесты, составляет: 2 "муровы", 1 "сарджилаб", ведущий под узды лошадь невесты и назначаемый с её стороны.

В доме жениха уже заранее приготовлен отделенный занавесом угол для помещения невесты. Как только поезд подъехал к дому жениха, отец жениха, его старший брат, дядя или какой нибудь другой близкий родственник подходит к невесте, снимает ее с лошади и относит за занавес. После этого туда входит "ша", снимает покрывало с невесты и уходит, оставляя её в обществе "муровы' и других женщин. "Мурова" находится вместе с молодой за занавесом 3 дня. По истечении этого времени занавес снимают и "мурова" удаляется.

Через неделю после свадьбы молодая отправляется вместе с мужем к своим родителям и получает от них подарки, называемые "патахе", состоящие из коровы, нескольких баранов и разных предметов домашней утвари[167].

В Читрале и Сарыколе день свадбы назначают родители жениха. После предупреждения частным образом, нарядно одетый друг жениха посылается объявить, что этот последний явится такой то день за получением невесты. При этом происходит обмен подарков. В назначенный день жених, в сопровождении своих друзей, вооруженный луком, стрелами и секирой направляется к дому невесты.

Невеста остается во внутренних покоях, одетая в праздничное платье, и с повязкою из раковин на голове. Это украшение, говорят, введено шинами, и среди них оно обязательно. При входе в дом, сжигают кедровые ветви на железном блюде, и прибывших обсыпают мукою. Когда все сядут, большое блюдо с хлебом подается жениху; он раздает хлеб присутствующим и кладет на блюдо свое ружье или саблю, которые остаются в подарок подававшему блюдо. В Гильгите двое друзей невесты садятся напротив двух друзей жениха и передают друг другу хлеб; каждый из друзей невесты отламывает от него кусок, который оставляется на блюде, а друзья жениха кладут на него свои чалмы или шапки, в знак того, что их головы в распоряжении невесты. Блюдо посылается к ней и она возвращает чалмы назад. Прежде, в это время, жених и невеста ели вместе хлеб и это служило завершением брачной церемонии; причем считалось, что кто первый успеет съесть кусок хлеба, будет главою в семействе; вследствие этого происходила борьба.

Каждый обряд сопровождается обменом подарков, условленных заранее. Друзья же обоих семейств проводят этот день и всю ночь снаружи дома в пении и пляске. После передачи семейству невесты, выкупа за нее и условленных подарков, является мулла и читает брачную молитву, согласно шариату. В Читрале после этого молодой направлется с новобрачною к себе домой.

В Гильгите жених и невеста после свадьбы не встречаются, а на следующий день происходит "калак малак" составляющий особенность Гильгита. Он считается утверждением брака и состоит в оценке подарков, данных с начала до конца. Два друга с каждой стороны оценивают все подарки жениха. Три толу золотого песка, т. е. около

---

[167] *Андреев М.С.* Вахие. 'Турк. Вед." 1899 г. № 93.

24 рупий, представляют стоимость самой невесты. Затем её отец дает большой котел, кровать, уборы, платья, блюда и остальные предметы для хозяйства. Тогда призывается невеста и ей представляется выбрать какие либо два предмета, которые не войдут в оценку. Затем, определяется стоимость остального, не забывая цену подарков обменненых при помолвке и разницу немедленно уплачивает непременно жених или его отец.

Покончив все эти вопросы, приступают к выдаче невесты. Жених и его друзья становятся кругом у двери и всех посыпают мукой. В Читрале мать выводит невесту и передает ее жениху, от которого взамен получает подарок. В Гильгите родственницы невесты провожают молодых, осыпая жениха бранью и бросая в него грязью; проследовав таким образом около мили, жених дает подарок матери невесты, и затем ему позволяют удалиться спокойно. Иногда при выходе из дома перед молодыми убивают козла. Обсыпание мукою делается повсеместно несколько раз в течение свадебных церемоний. Этот обычай в Гильгите называется дубон.

Несколько дней спустя родители навещают новобрачную, где их встречают, обсыпая мукою; это повторяется также при первом посещении его своих родителей. В некоторых местностях, вскоре после свадьбы, молодые переселяются к родным новобрачной и живут несколько месяцев. В Вахане и Читрале муж, отведя новобрачную, сам возвращается и кладет на очаг подарок, состоящий из ружья или сабли. В Мунджане и Лудхо все женщины деревни с плясками и песнями сопровождают молодых до их дома, где их оставляют в течение семи дней одних; в это время им приносят пищу, но никто не входит в дом и им не позволяется выходить из него.

В Торване жениха сопровождают, переодетые женщинами мужчины, которые танцуют и в увеселениях принимают участие вся деревня. На следующий день после свадьбы к новобрачной приходят родственницы мужа, которым она должна представить доказательства, что она не внесла в семейство "разбитую чашку". В этом случае ее поздравляют и хвалят; но если бы она не была в состоянии представить требуемые доказательства, то к ней будут относиться с презрением.

Хотя молодые люди часто уговариваются между собой ранее, нежели спросят разрешения родителей, но раз дело решено, им более не позволяется видеться. При случайной встрече вне дома, при-

личие требует, чтобы они разошлись, не говоря ни слова и даже не смотря друг на друга.

Иногда при заключении брака молодые приглашают одного из общих друзей сделаться их приемным отцом. Узы утверждаются в то время, когда жених и невеста едят вместе хлеба. Они садятся друг против друга; избранный приемный отец помещается между ними и, взяв по куску хлеба в каждую руку, скрещивает их, наблюдая, чтобы правая рука была выше левой и кладет хлеб в рот обоим. С этой минуты он становится их приемным отцом[168].

Полигамия, конечно, признанное учреждение, но к разводу прибегают вообще не часто.

Получившая развод судейским, казиевским актом пользуется правом полной свободы выхода замуж за другого, как это всегда и бывает, потому что разведенная стоит дешевле, да и развод подготовляется тайным влиянием какого-нибудь возлюбленного, хотя, надо сказать, случаи нарушения супружеской верности вообще очень редки между горцами.

Убегание молодых жен в дом родителей своих, вследствие неуживчивости, практикуется также и в горах, но чаще оканчивается примирением без всяких судебных понуждений, которых вообще избегают горцы, как народ незлобный, хотя очень вспыльчивый до самозабвения.

Муж, недовольный женою, отсылает ее на неопределенное время к отцу или матери – это первая степень развода. Провинится после этого жена – она снова отсылается в дом родительский; это – вторая степень развода. Затем, идет третья и окончательная степень, после которой сожительство уже невозможно.

Погребение. В настоящее время в употреблении обыкновенный мусульманский способ погребения. Небольшая плоская земляная насыпь, около 2 футов длиною, аккуратно укладываеться на могилах, на которых первое время (не везде) поддерживается по ночам огонь, под предлогом удаления диких зверей, пока земля не успеет окрепнуть. О старых могилах не заботятся вовсе и вид их, большею частью, крайне неряшливый вследствие того, что сводчатые покрытия провалились. Практикуются погребальные поминки с раздачею на кладбище пищи и подарков на память (иртыш). Поминки продолжа-

---

[168] *Биддельф.* Народы населяющие Гинду-Куш. С. 103–107.

ются в течение года, выражаясь жертвователем имаму и молящимся прихожанам большой чашки супа и десяти лепешек каждую пятницу.

Обычаи. У горцев имеется тайники, куда складываются деньги, металлические сосуды, женские украшения и вообще ценные вещи. По временам хозяин украдкою пробирается к своему тайнику, откуда вещи берутся для употребления только на время празднеств. Не считается постыдным присвоить себе чужое сокровище, если случайно оно будет найдено; по этому поводу возникают частые споры. Сокровища часто погибают, в случае внезапной смерти владельца, когда он не успел открыть своему сыну место, где они спрятаны.

Интересен обычай приветствие при встрече. Приветствия у высших классов после долгого отсутствия изящны и любезны. После объятий встречающиеся подают друг другу руки и каждый целует руку другому.

Высших приветствуют, как при встрече, так и при расставании или целованием руки или прикосновением к ноге. В Читрале, при встрече лиц разных классов, низший целует руку высшему, который отвечает поцелуем в щеку. Подобный обычай, говорят, существовал у древних персов.

При посещении каким-либо начальником другого, происходит довольно интересная церемония, называемая "кобах". По прибытии, гостя приводят на шаваран, и свита обоих начальников состязается в ловкости, стреляя с лошади на полном курьере в цель, установленную на длинном шесте. После этого приводят теленка, которому гость должен отрубить голову одним ударом сабли; иногда он поручает это кому-либо из своей свиты, которой и отдается убитое животное. Обычай этот существует в Шугнане, Бадахшане, Вахане, Читрале, Яссине, Гильгите, Хунзе и Нигере. В последнем теленка убивают из лука стрелою. В последние годы обычай несколько изменился, вследствие более строгого соблюдения мусульманского закона; обыкновенно часто передают теленка живым, чтоб было возможно ему перерезать шею по правоверному способу; но иногда и в настоящее время начальник, желающий показать свою силу и качество своей сабли, предпочитает старый обычай.

Здесь, отчасти, стоит привести один чисто таджикский обычай, перешедший и к узбекам. Украдены, например, у кого-либо деньги; на кого-нибудь падает подозрение; обокраденный заявляет об этом старикам; собирается сход, начинается увещание подозреваемого,

но он, конечно, запирается. Тогда старики решаются кончить дело посредством хок-партау. Народ расходится по домам, но скоро снова собирается к дому обокраденного, причем каждый приносит в поле халата немного земли с своего двора, которую один по одному и высыпает в указанное стариками место в конюшне или в сакле. Когда все уйдут, хозяин разрывает кучу и, по большой части, находит в ней завернутые на какую-нибудь тряпицу деньги или, иногда, часть их. Этот обычай зовется хок-партау, от таджикского слова хок – пыль, прах и глагола партофтан – бросить.

Молочное родство признается среди всех владетельных семейств и его узы почитаются более тесными, нежели узы крови. По рождении сына или дочери, дитя передается кормилице и остается у неё в доме, так что часто отец не видит своих детей до шести или семилетнего возраста; все члены семейства кормилицы в распоряжении питомца, с которым до конца жизни неразрывно связана их судьба, каковы бы не были впоследствии несчастия и даже преступления его. Они за ним следуют в изгнание и, наоборот, если питомец достигнет впоследствии высокого положения, то приемный отец делается наиболее близким советником его, а его молочными братьями даются самые важные поручения.

Обычай этот теперь несколько ослабевает. Вообще молоку женщины придают важное значение. Молоко женщины считается лучшим лекарством от бельма и других глазных болезней. Обращение к нему также устанавливает навсегда молочные узы.

Представляет интерес обычай “фидия” – расплаты за неисполненные религиозные обязанности. В книгах “Рад-ул-мухтар” и “Джамъ-ур-рамуз” имеются довольно подробные сведения, как должен исполняться наследниками умершего эта религиозная обязанность по отношению к неисправности умершего в исполнении молитв.

Если умрет мусульманин, говорится в этих книгах, который при жизни не исполнил в точности все свои религиозные обязанности по отношению намаза (молитвы) и поста, и если им было завещено, что за каждую неисполненную во время молитву и за каждый день пропущенный во время поста, наследники обязываются сделать ”фидия”, то наследникам надлежит исполнить это завещание на счет одной трети имущества, оставшегося после умершего.

”Фидия” должна быть исполнена до погребения, но разрешается исполнить это и после похорон умершего. За каждый пропущенный

во время поста день, или неисполненную своевременно молитву, надлежит раздать бедным ½ "саха" или 4 ½ ф. пшеницы, или 8 ½ ячменя, или муки из этих продуктов. Это количество заменяется в случае надобности 8 ½ фун. фиников или изюма, наконец, взамен передачи продуктов в натуре, бедным может быть уплачена деньгами стоимость соответствующего количества продуктов; деньгами уплачивать всего лучше, потому что бедняк лучше может удовлетворить свои нужды.

Для того, чтобы определить общее количество "фидии", необходимо прибегнуть к рассчету, а именно: из возраста умершего вычесть 11 лет для мужчины и 9 лет для женщины и, затем, вычислить сколько было пропущено молитв (считая по пять в день) и дней поста, полагая ежегодно по одному месяцу поста в 30 дней. Когда число подлежащих оплате молитв и постных дней будет определено, следует вычислить количество продуктов, долженствующих быть выданными в "фидию" или их стоимость и сразу раздать бедным из трети оставшегося после смерти почившего наследства.

Если наследство настолько незначительно, что нет возможности сразу внести всю сумму вычисленного вышеуказанным способом "фидии", то разрешается исполнить эту обязанность следующим образом: из всего определенного ранее времени подлежащего оплате выделяют несколько лет или месяцев и следующую за этот период "фидию" передают какому нибудь бедняку. Бедняк, приняв известное количество продуктов, или их стоимость, в свою очередь, дарит все это наследникам умершего. Эти последние, снова передают то же количество или сумму денег бедняку за следующий период жизни умершего, чтобы вновь получить уплаченное в дар (хлеба) от бедняка. Путем такой последовательной передачи одним и тем же количеством продуктов, или одной и той же суммой денег, оплачиваются все пропущенные покойным молитвы и постные дни.

Может случиться, что умерший настолько беден, что после его смерти в распоряжении наследников совершенно не оказывается имущества, которое они могли бы передать бедняку. В таком случае разрешается занять ½ саха (4 ¼ ф.) зерна и, путем последовательных передач бедняку и получения от него в дар этого количества зерна, оплатить понемногу пропущенные покойным молитвы и постные дни. Если покойный не оставил завещания, то наследники могут и по своему почину сделать "фидию", но в таком случае для них

обязательно при каждой передаче упомянуть, что "фидия" дается на такого-то, сына такого-то, а принимающий "фидию" бедняк каждый раз должен изъявлять свое согласие на принятие "фидии'.

25. РАЗДЕЛЕНИЕ НА КЛАССЫ

В таджикских бывших ханствах не существует деление на классы и сословия и прямые потомки правителей, так называемых "ша", ничем не отличаются от обыкновенных смертных, чему, например, в Шугнане, не мало способствует почти поголовная бедность. Но это не везде. В некоторых местах рождение и образование дает известные привилегии. Н. Г. Маллицкий сообщает следующее: в 1898 г. при производстве топографических работ в долине Пянджа, М. А. Кирхгов нашел в 3–4 верстах от селении Шид (в Рушане) вниз по Пянджу хорошо сохранившуюся надпись, высеченную над скале над рекою. Надпись состоит из "тариха", т. е. хронограммы события в стихах, текста и приписки справа. Перевод хронограммы: "о, Али, царь небес, о, Али, приятный сердцу повествующего, о, Али, мы утешили нуждавшихся: схватили мы рукою полу Али" (т. е. прибегли под покровительство Али). Перевод текста: смысл написанного там, что было воскресенье 14 шевалля, по счислению (хиджры) тысяча сто семьдесят седьмого – 1177 года (5 апреля 1764 года), когда, по позволению Всемогущего Творца последовало соизволение (на разработку) берега сего, а 7 числа зюлькаде (27 мая 1764 г.) с помощью духов горы (дело это) достигло окончания. Заведывал работами ничтожный перед чертогом (Господином) Ша Гадо (буквально князь – нищий), сын Ходжи Салмона, из потомства Сайид Назар* Хысрау и от семени Сайид Сухраб Вали и Баба Умар Майкора, а разрабатывали берег сей (вероятно тропу) люди Шиза (ныне Шид, кишлак на правом берегу Пянджа, между устьями р. р. Бартанга и Танг-шивы), писал же бедняк мулла Гулать Насыр, сын муллы Мухаммед Садыка". Перевод приписки справа –стих: "Я много значу в твоей памяти, – не забудь меня, пожалуйста. Ничтожный перед чертогом (Господним) казий Хушал-бек, из урочища Шиз".

Надпись, говорит г. Маллицкий, характеризует общественный строй общины рушанских горцев во второй половине XYIII столетия. Во главе общины стоит "ша" (князь), потомок феодальной аристократии края, с гордостью вычисляющий своих предков; известно,

что "ша" припамирских стран возводили свою родословную к самому Александру Македонскому. Наряду с "ша", (идет имя) по происхождению, повидомому, узбек, насколько о том можно судить по имени*. Узбеки долго владели Бадахшаном и, вероятно, прилегающими припамирскими странами. Ниже этих двух представителей власти стоят прочие члены общины, люди Шида и представитель местной интеллигенции, мулла Гулат Насыр[169].

26. МИРОСОЗЕРЦАНИЕ ТАДЖИКОВ

Мировоззрение горцев, отвечая полной замкнутости их жизни, отсутствию правильных понятий о естественных законах природы, исполнено суеверия и боязни злого духа, мстительного (лятгор) и покровительственного (потахгор).

В Дарвазе не знают ни года магометанской эры, ни названия стран света. В мире светил солнце (офтоб) считают источником жизни, света; луну – убежищем усопших, полярную звезду (кутор) – указательницей пути. Молнию и гром приписывают попытке черта подняться на небо, при чем ангелы бросают в него камни. Весна и лето посылается Богом из отделения рая, а осень и зима из ада. Землетрясение, часто причиняющее своею продолжительностью горные обвалы и гибель целых селений (Мумин-абад), приписывают вздрагиванию ада от мук грешников[170].

Космические воззрения туземцев весьма скудны; по их – вселенную (дунё), составляют: земля, солнце, луна, небо с большими и малыми звездами, земля в два раза, а луна в 1 1\2 раза менее солнца; земля представляет шар (курра), остающийся неподвижным с тех пор, как Бог нагромоздил на него горы, составляющие, таким образом, прикол этого шара; солнце также неподвижно, но распространяет на землю свет и теплоту, оставленную там Богом, через облака, которые обходят вместе с луною вокруг солнца и земли по двенадцати колеям (бурджа), оттого и бывает, что луна, очутившись позади земли, не светит; затмение же солнца посылается Аллахом за очень тяжкие грехи людей.

---

[169] "Туркестанские Ведомости". 1900. № 6.

[170] *Арандаренко.* У.с. стр. 472.

О распределении на земном шаре суши и морей составляют представление, бросая в пруд (хаус) тыкву: насколько тыква выдается из воды, столько на земле суши, остальное – моря, 1/4 часть всей земли обитаема людьми (рубъи маскун), а остальное 3/4 – пустынны. В некоторых местах считают, что землятрясение производят ангелы, по приказанию Бога, за грехи людей; но ученье муллы допускает, однако, что оно бывает и вследствие стремления подземных испарений (бухорот) прорваться наружу, молния (чакмокак) и гром происходят от борьбы между собою облаков (блуд); град – явление необъяснимое.

Это мировоззрение постигают очень немногие из туземцев, именно только тот класс пытливых людей, которые вопреки одной из сур Корана, дерзают разбирать тайны мира самостоятельным мышлением, или по запрещенным для мусульман книгам илми хикмет, китаби нуджум (астрономия), встречающимся в Бухаре у некоторых мулл как библиографическая редкость.

Каждый большой город, каждое большое селение имеют не то метеоролога, не то астронома (хисабдон, у киргизов – исыпчи). Показания этого хисабдана существенно необходимы для целей религиозных: правильного определения дней годовых праздников (Рамазан, Курбан), для точных расчетов землепашцев времени посева разных хлебных злаков. Их деятельность ограничивается точным определением по лунным склонениям начала каждого магометанского месяца, наступления праздников, а предсказания погоды основывается на заключениях стариков.

Если в последние часы месяца саур (апрель), говорил один хисабдан в Пенджакенте, до пополудня 9 мая по старому стилю, небо будет облачно, то надобно ожидать суровой, снежной зимы; если первые дни мая (джаузо) дождливы, то будуть дожди и в ноябре, а в противном случае надо ожидать дождей в начале октября . Если горячий ветер (гармсел) начнется около 25 мая по старому стилю, то октябрь будет очень холодный, если же в половине октября разразится снег и холод, то надо ожидать очень многоснежной зимы.

По наблюдению Пенджакентских хисабданов, весенному (в марте) дождю предшествует западный (кибла) ветер; апрельские дожди предсказываются тучами на южной стороне небосклона; молния (чакмакак) и гром (мама кулдурак) происходят от ударов плетью по облакам надсмотрщиком, ангелом Каркаилем; гроза никаких пред-

сказаний не дает, а град (джала) есть просто: "Богом посланная кара неба"; гармсел (горячий ветер) по общему заключению, прорывается в Зеравшанскую долину из Голодной степи, чрез ущелье Джеланута (в Джизакских горах), огибает порою западные склоны Туркестанского кряжа на Зеравшане и устремляется в ущелья Фальгара, проникая также по пути в боковые горные щели Магиана и Кштуда. Туманность гор Фальгара в мае и июне месяцах служит, по наблюдениям туземцев, верным предсказанием за несколько дней вперед движение с запада горячего ветера, продолжительность которого здесь не бывает более трех порывов в день, при чем случается, что гармсел дует несколько дней сряду, носится по вершинам гор и это обозначается половодьем Зеравшана.

Горцы Фальгара и Кштуда замечают еще, что сгущение облаков наблюдаемое в апреле и мае месяцев, предшествует грозе (раъд); что облака перовидные предвещают в апреле дождь, а в ноябре – снег, что бездождная весна (с 15 марта по 2 апреля) обещает дожди в июле, августе месяцах и сильные сухие холода зимою.

В цветах радуги туземцы видят сочетание яда (зеленый цвет) с кровью (красный цвет). Зеленый цвет – это яд, которым был отравлен своею женою внук Мухаммеда, Хасан, а красный цвет есть кровь второго внука пророка, Хусейна, убитого*.

Многоснежная зима (с декабря по 15 февраля) считается земледельцами истинным благодеянием, как покрывало (курпе) для озимых посевов и источник летнего половодья рек. Ранние, весенние дожди безусловно полезны для землепашества, но частые дожди в первой половине апреля неблагоприятны для злаковых посевов на тучной, перегойной почве по берегам Зеравшана; от излишней сырости посевы эти подвергаются болезни, называемой зерда (род ржавчины).

В некоторых селениях Матча горцы умилостивляют природу в ниспослании снежной зимы, необходимой для того, чтобы озимая (тирамои) пшеница (гандум) хорошо уродилась, следующим диким обычаем, аккуратно выполняемым каждогодно осенью, в праздник Рамазан*. После полудневного намаза, которым заканчивается мусульманский 30-ти дневный пост, все население кишлака прямо из мечети отправляется на площадь, куда выносят большое корыто (корсан), с мешанкою из муки, называемою атала. Каждый из присутствующих, малый и большой, должен попробовать это даровое уго-

щение, затем толпа схватывает кого-либо из стариков, кладет его в корыто, где он добровольно и лежит, пока эта оригинальная колыбель не будет раздавлена ногами всех присутствующих, умилостивляющих такою жертвою Аллаха.

У ближайших соседей, горцев Фальгара, Фана и Ягноба этого обычая нет. Можно догадыватся, что этот обычай есть грубое извращение установления (угощения бедных), действующего в долине. В Пенджакенте это делается три раза в год и имеет целью также умилостивление Аллаха к ниспосланию дождя. Обыкновенно в апреле месяце, под впечатлением бездождья, столь губительного для большинства посевов, условливаются сделать в определенный день угощение бедным. Извещенные об этом прихожане мечети отправляют добровольные жертвования деньгами, мукой, лепешками и овцами. Распорядитель покупает припасы, приглашая повара, приготовляет в большом количестве пшеничную кашу с мясом (ходыса) и в назначенный час раздает эту пищу чашками каждому прихожанину. Затем, после угощения (дарвешона) молятся Богу о ниспослании дождя.

В Зеравшанской долине, во время продолжительной засухи, в апреле месяце практикуется также и такое средство умилостивления Аллаха: мулла подвешивает к ветвям деревьев (обыкновенно на тале) тумар, т. е. сверток молитвы, и безмолвно побрызгивает на него снизу водою, по крайней мере, в течение около получаса; это делается в уверенности, что Бог, в свою очередь окропит сверху дождем тумар, оставленный на дереве[171].

Созвездие "Большой Медведицы" называется "тело девушки", предполагается, что четыре угловые звезды представляют собою гроб; малая звезда выше средней звезды хвоста называется "звездою жизни", так как есть поверье, что она становится невидимою для человека за 40 дней до смерти. Плеяды называются стадом баранов; комета, или "звезда с хвостом", по поверью, предвещает смерть правителя. Млечный путь называется "след коровы и лошади"*, по поверью, в шаровой части около середины лошадь упала, вследствие быстрого бега, а корова прошла весь путь благополучно. Предполагается, что земля покоится на рогах коровы, которая иногда покачивает головою вследствие людских грехов; это и есть причина землятрясений.

---

[171] *Арандаренко.* У. с. С. 285 и след.

О западе и о юге всегда говорят, как о лежащих вверху, а о севере и востоке – как о лежащих внизу. Человек отправляющийся в какое-нибудь место на юг или на запад, говорит, что он поднимается на него[172].

Представляют интерес некоторые верования. По мнению мусульман ночь имеет преимущество перед днем; они верят, что при наступлении первой ночи Рамазана Бог повелевает ангелу райского входа (Ризван) отворить райские врата до конца Рамазана, разукрасить и убрать рай для постящихся последователей Мухаммеда; ангелу ада (Малик) повелевается в то же время закрыть врата ада до окончания Рамазана, и не впускать в ад постящихся мусульман, а ангелу Гавриилу – заковать в цепи всех дьяволов и злых духов, находящихся на земле, чтобы они не возмущали держащих уразу, не причинили им вреда, не соблазняли и не сбили их с истинного пути. Мусульмане веруют, что рай ежедневно украшается при наступлении Рамазана; когда наступит ночь Рамазана, из под престола Бога (арш) повеет приятный ветерок (иначе называемый мушире, т. е. приводящий в движение), от дуновения которого шелестят листья на райских деревьях, а кольца, петли, двери и окна райских дворцов приходят в движение; от сотрясения их слышен тихий звук, лучше и приятнее которого не можеть быть ни какой гармонии. Черноокие райские гурии (хур-ул-айн), в это время услышав райские звуки, выбегают на середину террас рая и с удивлением спрашивают ангела райского входа: "Что за ночь сегодня!?" Ангел отвечает: "о, доброта, и зенит красоты! Сегодня наступила первая ночь Рамазана и поэтому Всеславный Бог повелел мне открыть райские врата!" По закате солнца, при разговеньи, в каждую ночь Рамазана, Бог освобождает семдесять тысяч мусульман от мучений ада.

Мусульмане веруют, что 27 числа Рамазана, в 2-м году хиджры, когда Мухаммед с 360 своими сподвижниками, жителями Медины, сражался при колодце Бедре, со своими противниками, 950 меккинскими воинами, во главе которых был злейщий враг Мухаммеда, Абу-Джахл, то в этот печальный для Мухаммеда день, сошли с неба 1000 ангелов, с архангелом Гавриилом во главе, которые и помогли Мухаммеду в сражении, вследствие чего он одержал блестящую победу над своими врагами, мекканцами.

Накануне праздника иди Фитр Бог повелевает архангелу Гавриилу сойти на землю с ангелами, и до наступления рассвета благо-

---

[172] *Биддельф.* У. с. С. 122 и спед.

словлять всех спящих, сидящих и совершающих намаз последователей Мухаммеда и, укрепив их силы, помогает им молиться. А когда наступит утро для праздника, архангел Гавриил взывает, обращаясь к ангелам: "воротитесь, воротитесь". Ангелы, собравшись в одну толпу, спрашивают: "о, архангел Гавриил! Скажи нам, какую милость оказал Всевышний Бог для правоверных и верующих в него?" Архангел отвечает: "всеблагий Бог, будучи владыкою славы и величия, в эту ночь излил свою неистощаемую благодать на них и простил грехи верующих в него".

Когда наступает день праздника, Бог опять посылает на землю своих ангелов, которые, стоя на дорогах, говорят мухаммедянам: "о, глубоко верующие в Бога мусульмане! Выходите, идите и обращайтесь к своему милостивому и питающему всех Богу, который, награждая вас, простит ваши великие грехи". А когда последователи Мухаммеда идут для совершения общественной праздничной молитвы в большую соборную мечет или на идгах, т. е. к открытому месту, где должно совершаться общественное, праздничное богослужение, тогда Бог, обращаясь к ним, говорит: "о, мои рабы! Просите от меня то, что вы хотите и исполню ваши желания как в этом лете, так и в будущем".

В некоторых мусульманских книгах духовного содержания, например, в "Аджойиб–ул-махлукот"-е* (чудеса лета) сказано, что в месяце Рамазане прощаются грехи последователей мусульманского вероучения; будто бы в третью ночь Рамазана патриарху Аврааму дана с неба книга Мусхаф (т. е. свиток), в 13-ю ночь Рамазана Бог послал Давиду псалмы (Забур), Евангелие (Инджил) дано Иисусу Христу тоже в 13-ю ночь, а в 15-ю ночь Мухаммед получил с неба, через архангела Гавриила, Коран (Куръан, иначе называемый мусульманами Калами Аллах, т. е. слово Божье[173]).

До сих пор среди горных таджиков сильно распространена вера в духов, как это, между прочим, видно из надписи в Рушане, сделанной по поводу продолжения тропы по берегу реки.

Волшебницы и демоны, живущие в пещерах среди гор или в пустынных местах, занимают также видное место в числе верований. По поверью, сумасшествие происходит, когда демон направит свою тень на человека; напротив, тень волшебницы сообщает дар проро-

---

[173] *Казбеков Ю.* "Турк. Вед." 1878 г. № 1.

чества. Чтобы соблазнить людей и погубить их, демоны принимают человеческий образ, но их можно узнать, потому что их ноги обращены назад[174].

Прорицание также практикуется в горах. Дайналь, или гадатели, бывают обоих полов, но чаще встречаются женщины. Дар ясновидения они получают по поверью, вследствие того, что на них во сне упала тень какой нибудь пари или феи. Они встречаются чаще среди пастушеского населения и не трудно понять, что одиночество между дикими скалами Гиндукуша развивает верование в силу сообщаться с невидимым миром. Совершенно молодые люди делаются дайниал и дар прорицания, по поверью остается у них на всю жизнь[175].

Чрезвычайно оригинален обычай носить талисманы, называемые таджиками "тумар". "Тумар" представляет собою молитву, написанную халифой на обыкновенной бумаге, завернутую для сохранности в восковую бумагу и зашитую в мешочек из материи или кожи. В этих молитвах испрашивается у Бога и святых выздоровление от разных болезней. Тумары носят и мужчины и женщины, привязывая их веревочками и шнурками, украшенными бусами, против больных мест. В случае общего недомогания, тумар носится на шее и чаще всего можно встретить именно такие талисманы, помогающие от всех болезней. Многие носят несколько штук тумаров сразу. За написание тумара халифа получает, конечно, подарок. Такие тумары привязываются также к гриве любимой лошади.

Некоторые ручьи, как предполагают, имеют силу произвести бурю, если в них опустить что либо нечистое, например, кожу коровы. Как кажется, это очень древнее и распространненое поверье. Бабур о нем упоминает в своих записках. "В некоторых книгах сказано, что в Газни есть источник, в который, если бросить что-либо нечистое, то тотчас подымается буря с дождем и снегом".

О повериях таджиков интересен рассказ Н. В. Ханыкова. Откуда бы вы не вступали в Хоросан, т. е. с севера ли из Мазандарана, или с запада из Герата, вас поражает обычай, неведомый вами дотоле в Персии, а именно, что деревенские пишвозы, выходящие для почетной встречи путешественника, едущего с казенным проводником или михмандором, всегда предшествуемы человеком, несущем на голо-

---

[174] *Биддельф*. Народы населяющие Гинду-Куш. С. 122.
[175] Там же. С. 125.

ве как зимою, так и летом, жаровню с горящими угольями. Чем более вы подвигаетесь к востоку, тем более эти следы древнего огнепочитания учащаются. Вуд на 333 стр. своего путешествия к вершинам Аму-Дарьи говорит: "я уже имел случай упомянуть об отвращении бадахшанцев тушить свечу, дуя на неё, здесь (т. е. в Вахане) также можно найти следы древней религии Зороастра. Ваханец считает дурной приметой, если потушат свечу, подув на неё. Он предпочитает махать рукою перед зажженой сосновой лучиной, служащей ему свечою, чем прибегнуть к более действительному средству, но средству для него противному". Почти одновременно с поездкою английского путешественника к вершинам Оксуса я (Ханыков) был в Бухаре, и там заметил также остатки подобных поверий, о которых упомянуто в описании Бухарского ханства. Так, например, у них есть обычай, сильно порицаемый духовенством, праздновать всякую весну, так называемую суннитскую среду, чахоршанбеи сунни*, напоминающую наш канун Купалы. После заката солнца разводят костры и прыгают через пламя. Больных лечат огнем, обводя их три раза вокруг костра и заставляя их прыгать чрез него; кроме того, зажигают машал и заставляют больного смотреть на пламя, при чем больного легко ударяют по спине, приговаривая, ступай (болезнь) в пустыни, ступай в озера. К этому нужно добавить, что зажиточные, после рождения ребенка, зажигают в течение 40 ночей над колыбелью новорожденного свечу с тем, чтобы отогнать от него злых духов.

Во время Рамазана народ предается игре огнем, оташбози, причем это слово, значущее в Персии просто фейерверк, имеет совсем другое значение. Играющие образуют два стана и в пространстве, разделяющем их, зажигают нечто в роде наших фальтфейров, называемых махтоби (лунным светом). Каждый стан старается завладеть ими, осыпая противников бурьками и шутихами[176].

27. НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА

Народная медицина равнинных таджиков близка к народной медицине сартов; об этом мы уже подробно говорили в книге "Сарты". Что же касается народной медицины горных таджиков, то она со-

---

[176] *Ханыков Н. В.* Примечание VI. Иран К. Риттера. СПБ. 1874 г. С. 519.

вершенно не исследована и почти нет никаких сведений по этому вопросу, не считая например, того, что съевший кусок мяса агу (кийка) очищается на 40 дней и каждый горец хотя бы дважды в жизни должен поесть этого мяса. Известно также, что мясо дикообраза употребляется в пищу при лечении венерических болезней[177].

Думаю, что представляет большой интерес статья г. Лыкошина о том, как понимают мусульманские ученые такие болезни, как чума и холера. Описание этих болезней приведено г. Лыкошиным в статье "Таъун"[178]. Г. Лыкошин делает перевод описаний этих болезней следующими словами: 1) в толковом на персидском языке словаре "Гыяс-ул-лугат" сказано, что чума называется в книгах "таъун". Таъун – это опухоли, появляющияся на testiculi, или на груди, или под мышками, или в паху. Причина болезни – яд, который поражает место, где появляется опухоль. Болезнь сопровождается сердцебиением, нравственным угнетением и рвотой. 2) В персидской книге "Шарх сафр-уль-саадат" или "Книге счастья", в отделе о средствах против чумы (таъун) и холеры (ваба) говорится следующее: "в словаре "Камус", в отделе 8-м в главе "нун', сказано, что ваба и таъун – одно и то же. В отделе "хамза", в главе "вау" упомянуто, что ваба – это таъун, так называется эпидемия. В сочинении "Нагая" приведено, что таъун – болезнь народная, эпидемия, которая происходит от заражения воздуха. От нечистоты воздуха нарушается самочувствие человека и тело его становится нездорово. Казий Абубек б. Араби говорит, что таъун это бедствие, поражающее дух человека. Эту болезнь называют таъун потому, что она поражает всех и скоро убивает, а казий Аяз поясняет, что таъуном называют язву, которая появляясь на теле, гноится и влечет за собою смерть. Таъуном её называют еще и потому, что (таън – рана от пики) оно как укол пикою, умерщвляет человека. Наваи в книге "Тагзиб" говорит: "таъуном называют небольшую язву, которая появляется на теле, вызывая повышение темпратуры, и очень болезненна. При появлении язвы сохнут губы, окружность губы принимает черный, красный или зеленый цвет. Появление её на теле сопровождается сердцебиением и рвотою; чаще всего язва появляется на горле или под мышкою, но иногда бывает на пальцах рук или других местах тела. Абу Али ибн Сина (Авицен-

---

[177] Туркестанские Ведомости. 1876 г. № 41.

[178] "Турк. Вед". 1897 г. № 81.

на) говорит, что таъун – это яд, который производит смертельные опухоли; по словам этого ученого, язва появляется чаще всего под мышками и за ушами. Причина болезни, по его же мнению, дурная кровь, которая появляется в каком либо месте тела и поражает человека. Появление язвы сопровождается рвотой и серцебиением и чаще всего болезнь поражает обессиленные организмы. Когда окружность язвы чернеет, то такой вид болезни наиболее опасен, и из числа пораженных болезнью в этой степени очень немногие выздоравливают; если же края язвы краснеют, то такой вид болезни менее опасен и выздоравливающих больше. Еще благоприятнее, если окружность язвы желтеет. Чаще всего таъун появляется вместе с холерой, почему обеим болезням придается одно и то же название. И поистине, обе эти болезни, когда в воздухе появляется болезнотворное начало, вредно влияют на дух человека. Есть и другие эпидемические болезни, происходящие также от нечистоты воздуха, и их тоже собственно по аналогии можно назвать "таъун". Между ними есть то сходство, что все они прилипчивы и убивают много народа – так сказано в книге "Мавахиб- уль- ладуниа". Существует другое мнение, что таъун – это одно, а ваба – другое. В доказательство этого мнения приводится то обстоятельство, что болезнь "таъун" не появлялась в Медине, городе пророка Божия (мир и благословение ему Божие) и в преданиях также ничего не говорится о появлении этой болезни в Медине, но упоминается, что в Медине была холера – ваба. Некоторые объясняют, что таъун – это такая болезнь, которая уносит много жертв. Одним словом, таъун – это эпидемия. Ее называют ваба по разным причинам; например, автор книги "Сифр-ас-саадат" пишет, что пророк (мир и благословение на нем!) говорил при жизни, что Бог послал таъун на одно колено Израиля, когда люди эти не послушались Его повелений, и в один час умерло 24000 человек. Эта же болезнь поражала и другие народы. Если вы услышите, говорил пророк, что где нибудь свирепствует чума не ходите туда, если же появится чума в том месте, где вы находитесь то не думайте бежать оттуда. Бухари и Муслим, Муватта и Абу-Даур из Ибни Аббаса приводят, что Ибни Аббас рассказывает следующее: Амир правоверных Умар (да будет им доволен Бог!) двинулся в сторону Шама (Сирии) и дорогою узнал, что в Сирии ваба. Он позвал Ибни Аббаса и приказал ему пригласить к себе лиц, принимавших непосредственное участие в бегстве пророка (мухаджирун). Умар обра-

тился к этим людям и сказал: "в Сирии – ваба; что вы посоветуете мне: идти туда или вернуться?" Спрошенные спорили и не пришли к согласию: одни говорили, что если уже Умар вознамерился идти в Сирию, то ему и следует идти; другие же утверждали, что вместе с Умаром идут сподвижники пророка и другие люди, а потому отправляться в такое место, где свирепствует эпидемия, не следует. Потом позвали шейхов курейшитов, бывших среди мухаджиринов и спросили их мнение. Все они согласно дали совет возвратиться, потому что не следует ходить туда, где ваба. Умар (да будет им доволен Бог!) последовал их совету. Среди спутников Умара был некто Абу Убайда б. Джарах; он спросил Умара "Разве ты думаешь избежать предопределения Божия?" Умар (да будет им доволен Бог!) сказал: "Если бы эти слова сказал мне кто нибудь другой, а не ты, то я ему сказал бы кое что. О, Абу Убайда! Я бегу от предопределения Божия к предопределению Его (повинуясь тоже предопределению)". Абдурахман б. Асор не был с ними, но пришел потом и сказал: "я знаю основание к тому, чтобы тебе вернуться и не ходить туда, где свирепствует ваба. Пророк (мир и благословение Божие на нем!) приказал: "когда вы услышите, что где нибудь свирепствует эпидемия, не ходите туда". Умар (да будет доволен им Бог), выслушав это, прославил Бога и возвратился. В другом предании говорится, что кто из мусульман умрет от болезни таъун, станет "шахидом" (умершие внезапно от ран дома и на войне, удостаиваются райского блаженства) в том случае, если будет терпеливо оставаться там, где появилась чума.

В другом предании говорится, что таъун есть рана, причиняемая джинном (дух) но объяснение этого известно одному Богу; нашего человеческого ума недостаточно, чтобы понять причину этого. Поэтому наши врачи не говорят об этом подробно в своих книгах, а упоминают только, что таъун это рана, язва или опухоль такая-то и такая-то. Что это действительно видимая для глаз рана джинна, явствует из того, что эта болезнь появляется и там, где в атмосфере нет никаких обстоятельств, способствующих возникновению болезни, и воздух чист. Если бы таъун появлялся вследствие нечистоты воздуха, то болезнь эта должна бы постоянно свирепствовать на земле, потому что нет места на ней, где никогда не портился бы воздух. Если бы таъун происходило от испорченности воздуха, то болезнь эта должна была поражать все тело, между тем она появляется только

на известных его частях. По другому ривояту выходит, что таъун ниспосылается на людей по молитве пророка: если пророк помолится, то Бог ниспосылает на людей таъун. Есть еще предание, которое не противоречит ни объяснению, что таъун происходит от испорченности воздуха, ни предположению, что болезнь происходит от укола джинна.

Вышеприведенное предание, которым пророк запретил идти в тот город, где ваба, и не бежать оттуда, где эпидемия уже появилась, показывает, что этой болезни необходимо остерегаться. Идти туда, где ваба, будет равносильно тому, как идти навстречу несчастью, а это противно шариату (в другом предании говорится: идущий навстречу несчастью, погибнет), но почему же сказано, что не надо бежать оттуда, где ваба? На это существует два объяснения: 1) что необходимо в таком случае положиться на Бога и оставаться на месте, терпеливо перенося несчастье и тем выражая покорность предопределению и 2) табибы (врачи) говорят, что надо остерегаться болезни ваба и во время эпидемии поменьше есть и изгонять из тела сырость (влагу) мягкими средствами (лекарствами). В книге "Мавахиб" вместо слова "латиф" – мягкий, поставлено слово "хафив"- легкий и не советуют аскетических упражнений (риязат) и бани, потому что при аскетических подвигах и в бане все находящееся внутри тела выходит наружу, а также настойчиво советуют находиться в покое. При этих условиях, говорят табибы, возможно избежать заражения. Без всякого сомнения, бегство из того места, где появилась ваба, и путешествие в другие места вызывает много усилий и потому приносит неминуемо вред. Из этого видно, что запрещение бежать из того места где ваба, есть лекарство против этой болезни.

Хорошо, что автор (Сифр-ус-саадат) рассказал о средствах против таъуна и ваба. Стало известно, что следует делать с телом; узнали мы и то, что следует предпринимать по отношению к духу.

Некоторые ученые еще иначе объясняют запрещение бегства из мест, пораженных ваба: 1) таъун и ваба всегда появляются эпидемически и уж если в каком городе появится эта болезнь, то ему все-же не удалось бы избежать смерти. Поэтому бегство бесполезно. Раз уж болезнь поразила какого нибудь человека, то спастись бегством немыслимо и умному человеку так поступать неприлично; 2) если все люди пораженного эпидемией города вздумают искать спасения в бегстве, то больные будут беспомощны и никто не будет за ними

ухаживать, а по смерти их некому будет хоронить. Если бы в шариате было указание, что бежать из пораженного эпидемией места можно, то все бежали-бы, и это было причиной горя и невзгод для остающихся на месте больных и слабых; напротив, если какое нибудь войско воюет с кафирами и часть войска бежит, то это отразится пагубно на состоянии духа остающихся воинов, а потому запрещено каждому думать, что если бы он бежал, то, может быть, остался-бы жив. Это не хорошо. Еще доказательство того, что нельзя спастись бегством от посланного Богом испытания, это истина, что все, что должно случится, непременно случится. Каждому человеку предопределено умереть. Можно было бы бежать, если-бы Бог дозволил бегство, но Бог запретил это и, кроме терпения, нет другого средства. Нужно быть довольным, положиться на Бога, – так сказано в книге "Мавахиб- ул-лафуния". 3) В арабской книге "Зод-ул-лабиб фис сифр-ул-хабиб" (поля в книге друзей) говорится следующее: В предании сказано: таъун есть средство сделаться шахидами для моих последователей и знак к ним милости; вместе с тем это казнь от Всевышнего Бога кафирам. Не бежите оттуда, где есть таъун, и не ходите туда где есть таъун. Всякий кто будет терпиливо оставаться в том месте, где появится таъун, удостоится степени шахида. Таъун – это опухоли, появляющиеся на теле. Причина появления опухолей – яд. Таково мнение табибов. Или таъун – это пика, укол джинна, которому это приказано Всевышним Богом, но вследствие людских злодеяний.

Вслед за ваба в книге этой упомянуто название таъун, как будто бы обе эти болезни одно и то же. В некоторых местах сказано, что таъун происходит от нечистоты воздуха, причем загрязнение воздуха может произойти с неба (атмосферные осадки) и с земли (испарения).

Рассказывают об Абдулле б. Марване, что он бежал от таъуна, сел на лошадь ночью и имел при себе раба (гулам). Когда Абдулла ехал верхом, он задремал и приказал своему спутнику рассказывать ему что нибудь, способное разогнать дремоту. Гулам стал рассказывать о том, как он встретил лисицу, служившую льву, в расчете в случае опасности воспользоваться его заступничеством. Однажды лисица заметила, что ей грозит опасность со стороны гигантского беркута, намеревающегося её убить. Лисица побежала ко льву и сказала ему о грозящей ей опасности. Лев стал успокаивать лисицу, но

это на нее не подействовало, так она была перепугана. Тогда лев, чтобы ободрить лисицу, посадил ее к себе на спину и беркут улетел. Лисица сошла со спины льва и обратилась к нему со следующими словами: "О, отец, покровитель угнетенных! Обрати внимание на мои вопли и окажи мне защиту, тобой обещанную". Лев ответил: "Я способен спасти тебя от зверей, находящихся на земле, но я ничего не могу поделать с опасностью, грозящей с неба: я не могу достать до живущих в небе животных. Будь довольна исполнением предопределения Божия. Когда настанет предопределенный час смерти, бежать от смерти не имеет смысла". Абдулла б. Марван сказал: "Очень хорошую проповедь сказал ты мне, о гулам!" Он подчинился предопределению Божию и возвратился со своим спутником в ту местность, откуда бежал.

В книге "Ашбар" говорится, что от таъуна спасает молитва. В книге "Гаийат" сказано ясно: если мусульман постигает какое- нибудь бедствие, имам должен читать молитву "кунут" во время утренного намаза. Такого же мнения держатся Каули Саури и Ахмад.

Сподвижники пророка, передавашие предания, советуют во время народных бедствий читать молитву "кунут" при каждом из пятивременных намазов. В книге "Фатх ул-Кадыр" (толкование на книгу "Хидая") сказано, что "кунут" предписан шариатом и потому во время народных бедствий следует постоянно читать эту молитву.

В книге "Тагауви" сказано: "кунут" не читается во время намаза "бамдад", если нам не предстоит народное бедствие, а когда несчастье постигнет народ, то необходимо читать эту молитву. Говорят, что и пророк читал эту молитву во время народных бедствий. Если кто спросит, надо-ли исполнять намазы во время таъуна, мы скажем, надо поступать так, как указано для затмения луны: полагается исполнить два ракаата намаза. Это видно из книги "Мунниат ул-муфти", где об этом говорится выше книге, посвященной закету. Во время затмения луны, во время дневной темноты, во время урагана, во время снега и дождя, приносящих вред человеку, и во время эпидемии каждому отдельно, не собирясь, надо прочесть два ракаата молитвы, вознамерившись просить Бога об избавлении от страшного бедствия.

Шейх ул-ислам говорит в книге "Шархи Бухари" о причине таъуна, об умерших от этой болезни, об оставшихся на своем месте во время таъуна с терпением, о бежавших от болезни и о приходящих в местность, где появилась болезнь таъун.

Шейх ибни Хаджар говорит о необходимости лечения таъуна (ваба), доказывает на основании шариата, что необходимо не только беречься таъуна, но и лечиться от него, советует изгонять из тела сырость, воздерживаться в отношении питания, не утомлять себя религиозными упражнениями, не ходить в баню, беречь себя от вредных влияний воздуха и хорошенько одеваться.

28. ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН

"Женщина – черт", говорил г. Хорошхину один старый мулла, когда г. Хорошхин доказывал ему, что замкнутость женщин вредит обществу. "За женщиной нужно сто глаз, да и то мало. Снимите с наших жен сетку (закрывающую лицо) и вы не рады будете тому, что пойдут по городу: драки, убийства, насилия… И теперь, когда женщины наши закрыты, за ними нужно строго следить, а что будет тогда… Упаси Боже"! Мулла продолжал, что женщина – шайтан, что ит вафа, хатун – джафо, т. е. собака идеал верности, а женщина ложь или обман.

Такова в общих чертах характеристика женщины привилегированных таджиков Самарканда; таковы впрочем, воззрения всех мусульман на женщину.

В Фальгаре и Матче, также как и везде у равнинных таджиков, вся тяжесть труда тяжелым бременем ложится на женщину, и она появляется из под родительского крова в саклю своего мужа как необходимая рабочая сила и поддержка незамысловатого хозяйства, и только.

Словом, женам горцы уделяют очень мало внимания и забот; содержат их бедно и кормят плохо: женщина питается объедками после своего властелина и плов видит очень редко*, а между тем она с утра до вечера завалена работой: шьет, моет, возится с детьми, ходит за скотиной, ткет мату, вяжет на продажу чулки, стряпает, и за все это – мало благодарности и никакого отдыха, не говоря уже про какое либо развлечение, тогда как сами горцы, отделавшись от летних полевых работ, все время палец о палец не ударят, разве съездят на базар променять женину работу на хозяйственные припасы, и просиживают по целым дням где нибудь на соседней завалинке, болтая между собой о пустяках[179].

---

[179] "Турк. Вед." 1878 г. № 43.

Чем дальше внутрь гор, тем женщина больше получает прав, тем меньше на нее действуют стеснительные постановления Магометова учения, а через это самое и жизнь мужчин всего горного населения ближе подходит к нормальной жизни; отношения мужчин к женщинам делаются естественнее, что составляет резкую разницу с жизнью мусульман долин.

Жительница гор ходит по кишлаку не закрывая своего лица. Мужчина выбирает в жены ту, которая ему нравится; в свободной жене он находит для себя помощницу в полевых и других работах. Где собираются мужчины, там могут быть и женщины, одни других не исключают и бачебазство, как следствие отсутствия женщин в мужском обществе, само собой исчезло из нравов горцев, да навряд ли оно и было когда нибудь присуще им.

Горец редко женится на двух женах. И это, вообще, не потому, что ему нечем заплатить калым – он в горах черезчур ничтожен. Женщины Алая и Памиров, Вахана и Дарваза ходят также с открытым лицом, без покрывала, накладывая только на голову платок; присутствуют даже на праздниках, т. е. публичных увеселениях.

За бесчестие девушки виновный подвергается смертной казни. В Вахане все деньги семьи обыкновенно отдаются на руки жены.

Жизнь домашняя гиссарцев – горожан уже иная: замкнутость женщин, ревность к духовным обрядам, приближают гиссарцев к бухарцам.

Грамотных женщин между таджиками мало, хотя женские школы существуют; но должно быть в них не доучиваются, потому что девушки рано выходят замуж; среди грамотных женщин встречаются хорошие каллиграфы. Но что между ними довольно много честных жен и умных женщин, то это не подлежит никакому сомнению.

У народов заселяющих Гиндукуш жены составляют полную собственность мужа и его наследников. По смерти мужа, его брат имеет право взять себе в жены всех его вдов, и ни одна из вдов не имеет права выйти снова замуж без согласия братьев мужа. Часто, если умерший оставляет несколько вдов и несколько братьев, эти последние делят между собою вдов. Это соблюдается настолько строго, что если единственный наследник ребенок, то вдова не может выйти замуж до тех пор, пока он не подрастет настолько, чтобы решить, женится ли он на ней или нет. С другой стороны, не принято отказываться от брака с вдовою брата, и потому часто случается, что деся-

тилетний мальчик женится на женщине вдвое старше его. Во всяком случае вдова не может отказаться от выхода замуж за брата своего умершего мужа, и ее родители при этом не имеют никакого голоса. Вследствие этого часто случается, что две сестры становятся одновременно женами одного и того же человека, хотя по мусульманскому закону это воспрещается. В Читрале выход замуж за брата умершего мужа случается очень часто, но это не обязательно для вдовы.

Случаи супружеской неверности очень часты и мужья вовсе не выказывают ревности, столь свойственной более древним мусульманским общинам. Оскорбленный супруг имеет право убить неверную жену и её сообщника, если застанет их на месте преступления; но в случае умерщвления лишь одного из двух, он считается виновным в обыкновенном убийстве. Такой взгляд существует не только на юге от Гиндукуша, но и в Сарыколе и Вахане.

В случаях, разбираемых визирем или правителем, и в которых нет убедительных доказательств, ручательством за будущее со стороны обвиненного служит прикладывание губ к груди женщины. С этого момента она считается его кормилицею, и между ними могут существовать лишь отношения матери к сыну. Устанавливаемые таким образом узы считаются настолько священными, что не бывало примера их нарушения, и самый ревнивый муж после сего прекращает свои подозрения, хотя бы виновный и сознался в прежде совершенной им вины. В этом последнем случае он кладет к ногам мужа барана и толу золота и униженно просит прощения.

Ислам и до настоящего времени не исключал женщин из общества и они везде свободно встречаются с мужчинами. Молодые люди и девушки разных семейств едят вместе и разговаривают друг с другом без всяких стеснений; молодые же женщины пользуются большей свободой и часто ею злоупотребляют. Детоубийство, как последствие незаконных связей, весьма обыкновенное явление и не считается преступлением[180].

Закончим эту главу разъяснением, вызывающим в настоящее время большие дебаты, о том, необходимо ли мусульманской женщине закрывать лицо.

Почти во всех научных и популярных сочинениях, касающихся семейного быта мусульман, мы постоянно встречаем положение, что

---

[180] *Биддельф.* У.с. стр. 100 и след.

ислам строго предписывает женщинам тщательно скрывать свое лицо от не скромных взоров посторонних мужчин.

В то же время мы знаем, говорит г. Снук-Гюргронш (Snouck Hungronge), что во многих мусульманских странах это установление соблюдается только в некоторой, более или менее слабой степени. В Индийском архипелаге, например, оно положительно составляет лишь мертвую букву. В Сирии миловидные девушки не закрываются, а в Дамаске часто можно видеть даже замужних женщин с открытым лицом. Даже у многих бедуинов Аравии покрывала надеваются женщинами только в исключительных случаях. В Египте феллахские женщины часто показываются с открытыми лицами и покрывала служит им скорее орудием кокетства.

В Европе все эти факты признаются крупным отступлением от законов пророка.

Но существуют другие явления, которые проходят незамеченными большинством европейских авторов и которые, однако, требуют серьезного разъяснения.

Открывая "Руководство к обязанностям ислама" (Фригх), в главе, относящейся до богослужения (салят), находим условия, необходимые для того, чтобы салят был действительным. Главные из предписываемых условий заключается в том, чтобы, произнося обычные молитвы и совершая приличные случаю телодвижение, обращать лицо в сторону Мекки и чтобы "стыд" правоверных был закрыт.

Тут же описан и самый "стыд", который 1) у мужчин и женщин – рабов составляют части тела от колен до пупка и 2) у мужчин (и женщин) свободных – все тело, за исключением лица и рук.

Во многих мусульманских странах принято, чтобы женщины ходили в мечети только в большие праздники. Просвещенные правоверные знают очень хорошо, что закон Мухаммада предписывает женщинам возможно чаще посещать мечети и что некогда они принимали правильное участие в богослужение; но они же объясняют, что этот обычай вышел из употребления вследствие постоянно возрастающей безнравственности женского пола. Женщины в мечетях только отвлекли бы внимание мужчин от возвышенной цели, которая призывает их туда. "Вот почему", прибавляют правоверные мусульмане, "мы очень редко позволяем нашим женщинам присутствовать при наших молитвах".

Но такой взгляд не везде преобладает, и преимущественно в Мекке, всегда можно видеть значительное число женщин, бывающих по

пяти раз в день в мечети, где они имеют даже особое, специально для них предназначенное место, отделенное от помещения мужчин. Г. Стук-Гюргронж, который бывал очень часто в мечети, говорит, что не только во время службы, но даже до начала её, он всегда встречал там очень много женщин с открытыми лицами; но их прическа, которая включена в "стыд", определяемый Фригхом, была старательно скрыта платком, так как малейшая прядка волос, вырвавшаяся из повязки, что, конечно, случается очень часто, навлекает на неосторожных обвинений со стороны фанатиков в самом непростительном кокетстве и тяжким нарушением установлений культа. Поэтому не было ли бы совершенно нелогичным, если бы пророк допустив, что он запретив женщинам открывать свое лицо при посторонних, позволил или даже приказал им нарушать исключительно это запрещение в мечети, т. е. в таком месте, где они встречаются с людьми всех классов и всех сословий? Этого мало. Во время церковной службы, как мы только что видели, женщины могут открывать свои вуали. Кроме того, кто бы ни пожелал совершить поломничество, обязан с той минуты, когда он дал обет, или согласно общепринятому выражению, когда вступил в ихрам, подчиниться некоторым установлениям относительно одежды до тех пор, пока не совершит главным образом "хафна". Так мужчина "хаджи" не должен покрывать головы в течение всего "ихрама", а женщина не должна закрывать *ни своего лица, ни своих рук,* значит тех именно частей тела, которые согласно вышеприведенному указанию, не составляет частей женского "стыда".

Эта особенность хаджи часто чрезвычайно затрудняла женщин больших городов и высших классов, привыкшие выходить из дому не иначе, как закутавшись в непроницаемые покрывала, они кончали тем, что изыскали особую уловку, чтобы обойти это затруднение. Они надевают под вуаль маску, приготовленную из волокон пальмы, таким образом, что она отстоит от лица на несколько сантиметров. Покрывало, наброшенное сверх маски, не касается лица, и предписания Мухаммеда, взятые в буквальном смысле, соблюдены. Очевидно, такое обыкновение находится в прямом противоречии с духом закона пророка; но привычка мусульманок постоянно носить покрывало сделало его необходимым.

Таким образом, мы констатируем в современных нравах ислама те ходы принятых обыкновений, которые противоречат предписани-

ям Корана. История сообщает нам об этих обыкновениях с таких древних пор, что они проникли даже в арабскую литературу.

Удивительно то, что ориенталисты полагающие, будто обыкновение женщин закрываться возникло в силу предписаний Корана, все вообще признают содержащим это предписание тот его стих, в котором на самом деле нет и помину ни о покрывалах или вуалях, ни о *всех* мусульманских женщинах *вообще*. Мухаммед вследстие частного случая, который должен был возбудить в нем сильную досаду, делает верующим указание, как они должны вести себя, находясь в гостях у пророка. Прежде всего они могут являться к нему не иначе, как по приглашению и должны уходить тотчас же по окончанию торжества. Далее он прибавляет: "и если вы имеете просьбу к женщинам из дому Мухаммеда, делайте это через *перегородку*, эта предосторожность составляет залог чистоты их сердца и вашего, а иначе вам не позволяется покой в доме представителя Бога".

Хотя арабское слово "хиджаб" переводится словом "перегородка" или "отделение", но возможно, что здесь дело идет об обоях, о дверях, о переборке, а в крайном случае – даже о покрывале или экране. Но достоверно то, что предписание относится только к мужчинам и имеет в виду их сношения только с *женщинами одного дома Мухаммеда*.

Другой стих той же главы Корана (гл. 33, ст. 59), который может придать более веса этому установлению, говорит: "О, пророк! Прикажи своим женам, своим дочерям и женам правоверных, чтобы они опускали часть своих "джильбабов" для избежания неприятностей".

Джильбаб, повидимому, был род шали, но каким образом женщины должны были опускать часть её, это решить довольно трудно. Можно бы было сказать, что в этом последнем стихе, более чем в предыдущем, дело идет о закрытии части лица; но г. Снук-Гюргронж утверждает, что ученые мусульмане никоим образом не признают ни в одном, ни в другом из этих стихов предполагаемого распоряжения о ношении покрывал. Ученый Байзави полагает, что этот вопрос об опускании части "джильбаба" относится исключительно для женщин простонародья, обязанных выходить из дома для естественных надобностей.

Срокиги (законоведы) обыкновенно относят упоминание о покрывалах к главе "о браке". В этой главе идет речь о праве верующего иметь свободные сношения с женщиной и видеть её лицо. Пределы

этого права мужчины *видеть* и разрешения женщине *позволить видеть* свои природные прелести указаны в Коране (гл. 24, ст. 30–31). Тексты этих стихов были дополнены преданиями и толкованиями. Как общее правило, сначала рекомендуется правоверным, мужчинам и женщинам, опускать глаза, чтобы избежать искушения; затем, женщинам исключительно – обнаруживать из своих частей тела только то, что невозможно держать скрытым при всех, за исключением *мужей, старых отцов* и прочие. Итак, здесь еще ничто не указывает на обязательность покрывал. К исключениям, приведенным в этом стихе (мужья, старые отцы и проч.) многие правоведы, а преимущественно сианиты присоединяют тех, которые имеют абсолютную необходимость видеть женщин, как например, её доктор, человек предполагающий на ней жениться и проч. Сунниты полагают, что видеть женщину не только позволительно тому, кто намерен на ней жениться, но даже составляет вполне законный обычай (суннат), т. е. рекомендовано с религиозной точки зрения и угодно Аллаху. Если сама женщина или тот, кто располагает её рукой, отказывает в этом, то претендент имеет право пользоваться всяким благоприятным случаем, чтобы увидеть лицо той, которую он намерен взять себе в жены. "Для этого ему достаточно соизволения Божия", говорят ученые арабы, "следовательно, он не нуждается в позволении людей".

Но, замечают правоверные, мусульманское общество совершенно изменилось после Мухаммеда. Новая литература изображает женщину, как существо все менее и менее религиозное, менее рассудительное, менее честное, менее серьезное, чем большинство мужчин. Причины такого положения мусульманской женщины многочисленны. Правоверные это приписывают самой природе вещей: "Такими де уж их создал Господь!". Самый даже закон ислама не чужд этому печальному взгляду на женщину. Мужчины видят в ней только большое дитя, плохо воспитанное, которое трубует, чтобы его держали в строгом повиновении.

Этот недостаток уважения к женщине начал замечаться почти со смерти Мухаммеда. Очень вероятно, что значительное число блестящих побед, которые ислам доставил правоверным, было одною из главных причин этого явления. Уже во времена калифата Омара мы слышим жалобы женщин на непочтительное обращение с ними. Они него-

дуют на то, что Омар желает их исключить из мечети в известных обстоятельствах и что он сравнивает их с ослами и собаками, тогда как во времена Мухаммеда, они пользовались почетом. Но уже и в эпоху калифата Омара ответ правоверных на жалобы этого рода был тот-же, что и теперь: "Женщины должны сами на себя пенять: они стали тщеславными, безрассудными и ведут себя безнравственно".

Не нужно забывать, что закон пророка, в первоначальной своей чистоте, не составляет книги, которой следуют магометане. Они вдохновляются главным образом объяснениями, которые дали ей ученые всех времен. Эти ученые обязаны следовать традиции, преподанной их предшественниками. Они могут только выбирать между мнениями авторитеты более древние. Если большая часть этих авторитетов, при толковании законов Мухаммеда, допустили влияние существовавших предрассудков на смысле самого толкования, то в настоящее время очень трудно, если не совершенно невозможно, сделать что либо, что изменило бы существующий порядок вещей. Это случилось и с вопросом о покрывалах.

Во все времена мнения об этом предмете были различны; они различествуют еще и в настоящее время. Некоторые ученые абсолютно требуют, чтобы было запрещено женщинам показывать лицо в обществе. Они его включают в число прелестей женщины. Даже Байзави, который своими комментариями бросил столько света на самые темные места Корана, колеблется по поводу текста в гл. 26, ст. 31 Корана: "не исключая лица и рук, которые не составляют частей "стыда". Он полагает, что это исключение действительно только во время молитвы (салят).

Знаменитый Баджури, муфтий суннитов в Египте и директор университета Азхар в Каире, следовательно, один из ученых, наиболее сведующих в Коране, высказывает мнение, что покрывала женщин составляет обычай чисто условный. В то же время он полагает, что его полезно сохранить.

Гораздо раньше Мухаммеда, даже между христианами, покрывало было в употреблении у женщин востока. Мусульманское общество развилось в условиях крайне неблагоприятных для прекрасного пола. Таким образом, мужья, особенно в больших городах, вскоре настойчиво потребовали, чтобы их супруги непременно носили покрывала. Неспособные направить своих жен и дочерей на добрый

путь посредством серьезного воспитания, они не нашли ничего лучшего, как заставить их скрываться от нескромных взоров.

Но как только что было указано, ничто не указывает в законах пророка, чтобы мера эта была обязательна. Первый из суннитских муфтиев, знающий очень хорошо Коран, говорил нам, говорит г. Снук-Гюргранж, что покрывала составляют только договор мусульман. Он бы лучше сделал, назвав его договором большинства мусульман.

29. УХОД ЗА ДЕТЬМИ, ИХ ПИТАНИЕ, ОБУЧЕНИЕ И ШКОЛЫ

Изолированное положение занимаемое вообще горными таджиками, позволило среди них в продолжение веков сохраниться многим характерным обычаям. Так в Вахиё*, когда по расчету приблизилось время рождения ребенка, на ночь за несколько дней до рождения начинают зажигать светильники (обыкновенно же на ночь огня не оставляют), для того, чтобы различные злые духи – пэри, аджина, албасти, дэв и др. во мраке не могли повредить роженице, – вытащить из неё, например, печень или сердце, что они очень любят делать в таких случаях. С этою же целью, чтобы охранять роженицу и отгонять злых духов, а также помогать ей и в других случаях, собираются в дом несколько родственниц или соседок (что при их замкнутой жизни маленьких селений почти одно и то же). Хорошее средство против злых духов, между прочим, это "испанд" – особая трава, которую духи очень недолюбливают и боятся. Поэтому роженицу до рождения и после него от времени до времени окуривают этой травой. Как только родился ребенок, один из мужчин, находящихся по близости, стреляет из ружья, а вестник радости, называемый "хадйагир", бежит к отцу и ближайшим родственникам, извещая их о благополучном рождении и получает подарки. С рождением ребенка светильники зажигаются еще на три ночи. В это время в доме родильницы, кроме прибывших ранее, собираются еще новые гости, их развлекают, почтуют угощением. Начинаются танцы, звучат бубен. После трех дней все входит в норму.

Если родившийся первенец и при этом, в особенности мальчик, то, спустя некоторое время, иногда довольно продолжительное, ус-

траивается в продолжение 3 дней пир, называемый "пос". На "пос" приглашаются, кроме жителей своего селения, еще обитатели окрестных деревень. Собираются мужчины и женщины. Последние ходят в Вахиё с открытыми лицами и показываются в мужском обществе. Устраиваются танцы, большею частью ночью под звуки бубна, причем танцуют женщины; мужчины же только смотрят на их искусство. Днем в числе развлечений вводится козел, известная в Средней Азии конская игра, называемая в Вахиё "быз-каши", которая составляет неотъемлемую принадлежность "поса". Другое развлечение, обязательно вводимое в число номеров "поса", это призовая стрельба в цель. Вахьёчи большие охотники и очень любят свое оружие, несмотря на его примитивное устройство. К дереву подвешивают мешочек, наполненный золою, что составляет цель, в которую с определенного расстояния начинают палить любители стрельбы. Более ловким стрелкам выдаются призы. Если "пос" устраивают люди богатые, то призом является вол или лошадь, у бедных же его заменяет халат[181].

В долине реки Аму и Сарыколе, когда родится сын, то все друзья отца вешают свое оружие на стены его дома, чтобы приучить новорожденного к воинственным зрелищам. По истечении семи дней оружие возвращается владельцам, кроме принадлежащего ближайшим родственникам, которые взамен получают соответствующие подарки.

После рождения ребенка женщина считается оскверненною и никто не будет есть из её рук в течение семи дней. На севере от Гиндукуша этот период доходит до сорока дней, и в течение первых семи дней мать не должна кормить грудью ребенка[182].

Дети с самых малых лет представляются самим себе и особенного ухода не требуют, так что можно сказать смело, что уход за домашним скотом поглощает гораздо больше времени у хозяйки, чем уход за собственными детьми. Когда ребенок немного подрастает, его начинают постепенно приучать к работам, заставляют пасти скот, а также помогать взрослым при уборке полей и в других работах.

В жизни горца, как у всех правоверных, наиболее торжественное событие составляет празднество обрезание сына (той, хатнасур),

---

[181] "Турк. Вед." 1899 г., № 93

[182] *Биддельф.* У. с.

совершаемое над подростками в 8–10 лет*. По заведенному обычаю, на этот праздник приглашаются не только односельцы, но и все жители ближайших селений. К богатым собираются, таким образом, иногда до 500 человек, мужчин, женщин и все угощаются в продолжении трех суток разными лучшими явствами в размере, смотря по достатку домохозяина. На таком празднике, в то время, когда на женской половине идет трескотня о разных обыденных делишках, мужчины, от старого до малого, ристают верхами на игре разрывания козла, называемой также копкори, улак. В Дарвазе этой забавой занимаются пешие любители – мужчины. К вечеру третьего дня празднество кончается, гости расходятся и разъезжаются по домам, а на следующий день цирюльник делает над мальчиком свое дело[183].

Обрезание в Вахиё совершается удивительно поздно. Обыкновенно оно бывает, когда мальчик достигает 12–14 лет. В более раннем возрасте бывает как исключение. Опьяняющие сласти, употребляемые у сартов и городских таджиков для того, чтобы лишить детей сознание, в Вахиё не применяются. Обрезание не сопровождается никакими пиршествами.

Грамоте обучаются дети лишь немногих зажиточных таджиков в период от 8 до 12-летного возраста и вообще грамотность распространена весьма мало. Обучением у себя на дому грамоте в селениях занимаются имамы. У горцев живущих невдалеке от больших городов и равнин, жаждующие просвещения с детства переходят в города, где проводят несколько лет в школах и медресе. Из этих выходцев редко кто возвращается опять на родину.

Школьное образование заключается, главным образом, в том, чтобы обучить ученика догматам религии и порядкам пятивременной молитвы. Учение мальчик начинает с азбуки, далее, проходит абжад- подготовительное руководство к чтению Хафтяк (7-ая часть Корана). Вследствие того, что в школе система преподавания производится по старинному "в зубрежку", ученику в течение одного лета едва удается выучить азбуку и абжад, и то при усиленном старании. На другой год он выучивает суры (тексты) из Хафтяка. В то же время учитель объясняет ученику обряд совершения омовения и порядок для исполнения пятивременной молитвы. Чтобы усвоить все

---

[183] *Арандаренко.* У.с. С. 469.

это – требуется, по меньшей мере, два-три года. Когда школьник усвоил себе требуемое от каждого мусульманина знание начальных догматов религии, тогда он и заканчивает учение в школе. Родитель, считая, что данным сыну образованием он исполнил отцовский долг– "фарз", берет сына домой и обращает его к домашним занятиям. Из этого мы имеем возможность сделать вывод, что образование в сельских мусульманских школах, в отношении распространения в населении грамотности, никакого значения не имеет. (По сообщению О. К. Короткова, посетившего Ягноб в конце семидесятых годов и близко познакомившегося с бытом местных жителей, между последними встречаются грамотных более женщин, которые в зимнюю пору, на досуге, усердно занимаются переписыванием различных книг, преимущественно духовного содержания на продажу, что дает им порядочный заработок).

Постоянных учителей в сельских школах мало; учителями большею частью бывают ученики медресе из городов, которые, пользуясь продолжительным каникулярным временем (таътил), расходятся по кишлакам, занимают свободные вакансии сельских учителей, чтобы заработать что нибудь на зиму. Плата сельскому учителю производится зерном от 8 до 5 батманов за лето по добровольному соглашению с родителями учеников[184].

Нам известно, что мусульманская школа всегда была школой церковной и как таковая, всегда прекрасно отвечала своей цели. Это доказывается уже одним тем фактом, что вероотступничество в рядах представителей Корана почти неизвестно. Школа эта с избытком поставляла необходимый контингент церковников и за посильное вознаграждение давала и дает желающим грамотность и зачатки знаний, по части догмы религии и права. Но задачи школы у какого бы то ни было народа этим ограничиваться не может без вреда для него самого; школа должна быть проводником в массу народа всей совокупности знаний его времени. Что же касается науки в настоящем значении этого слова, добытым путем свободного исследования, завоеванных усилиями целого ряда поколений, при помощи точных методов, этих рычагов познания, – то с такою наукою мусульманская школа, eo ipso, не могла никогда иметь общения. А так как уровень народного сознания массы, даже в самых отсталых странах

[184] *Кульчин.* У.с. С. 442.

Востока, не может долго оставаться одним и тем же, так как, помимо школы, в массу проникают идеи и знания самыми различными путями,и возникают запросы жизни, на которые школа не дает ответа – то обаяние её исчезает, лучшие силы народного ума ищут себе иного приложения (вместо столь почетного раньше книгоедства) и прежний "светоч истины" теперь едва теплится[185].

При явном упадке церковных школ у мусульман, мы видим в настоящее время возникновение школ нового образца, по крайней мере, в больших и торговых городах.

Г. Биддельф приводит интересные сведения о счислении времени у горцев. Хотя ислам, говорит г. Биддельф, и ввел неудобный мусульманский календарь, но древний способ счисления по солнцу все еще в употреблении.

В Гильгите и в долинах месяцы называются арабскими именами знаков зодиака. В Хунзе и Нагере сохранилась древняя номенклатура, подобная существовавшей до недавного времени в Гильгите; но в этом последнем большая часть названий ныне забыта. Год разделяется на два времени от солнцестояния до солнцестояния, называемые "йол" (по буришски) и "халлал" (по шини). Время начинающееся от зимнего солнцестояния называется "бай", а следующее "шини".

Каждое время года разделяется на 6 месяцев*, имена которых повторяется в обоих, но в ином порядке. Именно, второе время года начинается первым месяцем, а затем остальные идут в обратном порядке. Месяцы называются по некоторым предметам или воображаемому сходству предметов, лежащих на горизонте, за которые солнце садится в определенные числа, если смотреть из ворот жилища правителя, так что в каждом месте месяцы имеют особые названия.

В Читрале принят солнечный год, начинающийся с зимнего солнцестояния, но названия даны месяцам не по местностям, а по особенностям времен года или по земледельческим занятиям.

Впрочем в настоящее время обыкновенный мусульманский календарь входит в употребление, особенно среди ашимадеков. Дни недели называются по нему, за исключением пятницы, называемой адина[186].

---

[185] *Васильев И.* "Турк. Вед." 1890 г. № 8.

[186] *Биддельф.* У.с. С. 119 и след.

30. ПРАЗДНИКИ И НАРОДНЫЕ УВЕСЕЛЕНИЯ

Во время уразы (поста) Рамазана магометане исполняют несколько религиозных молитв и обрядов, которые в прочее время не исполняются. Главнейшие из этих молитв и обрядов следующие: молитва тарових, читаемая на распев ночью и состоящая из двадцати земных поклонов; чтение наизусть Корана карием (хатми Куръан). Чтец или кари, умеющий читать Коран по всем правилам его (илми кираат), во время молитвы (тарових) читает наизусть весь Коран в продолжении 3,6 или 10 ночей в больших медресе и мечетях. При чтении Корана наизусть карием все присутствующие на молитве стоят на ногах. Кари заступив место имама или муллы в михрабе, соответствующем христианскому алтарю, обращаясь лицом к Мекке, направляя прихожан к предстоящей молитве и к слушанию Корана и подымая вверх обе руки, обоими большими пальцами прикасается до мочек своих ушей и вслух громко говорит: "Бог велик!" (Аллах акбар, такбири тахриме); потом тихо говорит, про себя, с глубоким благоговением: "о, Всемогущий Господ Бог! Я намерен совершить молитву намаз, такую-то, состоящую из столько-то земных поклонов. Боже святый! Вспоминаю тебя; вознесу благодарение и хвалу Тебе, Единому; имя Твое прославлено и высоко чтится, достоинство Твое выше всех, кроме Тебя нет Бога обожаемого. Убежище мое в Боге от сатаны, прогнанного каменьями, во имя Бога милостивого и милосердного". После этого кари, стоя, наизусть и очень скоро читает Коран нараспев; прочитав несколько глав, он вслух произносит: "Бог велик!' и припадая вниз, произносит: "Самиъ уллахи ли ман хамида", т. е. Господь Бог слышит того, кто Его славит (троекратно), а все прочие говорят: "раббано лян ал-хамд", Пресвятой Бог, дающий пропитание! Все мы восхваляем Тебя и поклоняемся Тебе, Единому!" и потом все, сидя, делают земной поклон (это называется седжу или суджут, т. е. поклонение) и три раза произносят "Хвала Господу всевышнему субхан раббил алла"; потом, подняв голову и говоря Аллах акбар, снова делают земные поклоны, произнося тот же самый возглас: субхан раббил алла и, наконец, произнося "Аллах акбар" встают все, а кари опять читает наизусть текст Корана и, повторив все вышесказанные возгласы и молитвы, приседает и тихо

читает молитву благословения, называемую "аттахият", содержание которой следующее: "все богослужения, совершаемые языком, действием, телом и пожертвование имуществом делаются ради Бога. О, пророк! Да будет над тобою мир, благоволение и милосердие Божие! Да сохранит Господь Бог нас и всех своих добрых рабов! Свидетельствую в том, что нет иного Бога, кроме Аллаха; Мухаммед пророк и раб Божий; еще свидетельствую: да будет мир и благоволение Божие над пророком Мухаммедом и его родом!".

Затем кари или имам, оглядываясь справа налево, а потом налево, вслух говорит: "да ниспошлет Господь Бог на вас мир, здоровье и благодатное милосердие!". Все остальные, следуя примеру кария и обращая свое лицо в правую сторону, тихо говорят: "да ниспошлет Господь Бог мир и милость как вам, так и ангелам".

Во время поста Рамазана, ночью, когда совершается намаз после каждого четырехкратного земного поклона (рякаата) все сидят минут 15 или 20; при этом кари или имам сидит, обращаясь лицом к прихожанам и все про себя читают молитву "тесбих" или "мунаджат" т. е. гимн, заключающий в себе хваление Богу.

Когда кари в продолжение 3, 6 или 10 ночей, во время ночной молитвы (таравих) прочитывает наизусть весь Коран (хатми Куръан), то прихожане и другие посещавшие мечеть при чтении карием Корана, смотря по своему богатству, дают карию деньги, халат, чай и т. п., а какой-нибудь богатый человек или ишан, достигший изучением магометанского богословия до фанатизма, раздает прихожанам и другим, присутствовавшим при окончании чтения Корана, по одной горсти кишмиша, который называется табаррук, т. е. благословенный. Это соответствует христианскому обряду раздачи просфоры.

Во время поста Рамазана богатые приглашают к себе разговеться (по закату солнца – ифтар) мулл, имама или некоторых учащихся в высшей школе, своих одноквартальцев, знакомых и близких родственников, угощают их чем Бог послал; это делается ради угождения Богу. Приглашающий к себе на разговенье ставит перед каждым гостем несколько больших и маленких лепешек. Приглашенные, возвращаясь домой, берут несколько из этих лепешек. Угощение состоит из вареной баранины, плова, жидкой кашицы, пирожков и неизбежного чая. По захождению солнца мусульмане перед ужином разговляются или шувалдой (битый белок с сахаром), или фиником, или солью, или же, наконец, водою.

Перед рассветом (в 2–3 часа ночи*) мусульмане встают и едят, а затем постятся до солнечного заката, воздерживаясь в продолжение целого дня от пищи, питья, курения и вообще от всяких удовольствий.

Ишаны и благочестивые люди разделяют 30 дней уразы Рамазана на три десятка: первые 10 дней называются даха-и рахмат, что значит в переводе "Бог имеет сострадание к людям и благословляет их"; средние 10 дней называются даха-и мегфират, т. е. "Бог прощает грехи людей", а последние 10 дней называются даха-и мин аннар, т. е. "Бог спасает людей от адского огня". Ишаны и другие набожные люди, в продолжение первых, средних или же последних 10 дней, безвыходно сидят в мечети, день и ночь проводят в молитве, читают Коран и духовные книги, возносят хвалу и благодарность Богу, прославляют Бога и кроме отправления богослужения не думают ни о чем другом. Вообще некоторые мусульмане проводят свой пост весьма набожно и по временам дают тайные и явные милостыни.

Во время Рамазана или по окончании поста, в день праздника, утром, после совершения общественной праздничной молитвы, каждый мусульманин обязан дать, по шариату, как за себя, так и за свою жену и детей, набожному мулле или какому-нибудь нищенствующему благочестивому бедняку 4 ф. пшеницы, или 4 ф. кишмишу, или 8 ф. ячменя, или 8 ф. финика или же деньги, соответствующих их цене.

День 1-го лунного месяца шавваля, т. е. день праздника, называется днем милосердия, сострадания, потому что Бог в этот день посылает благодать своим рабам и благословляет их; в этот же день (1-го шавваля) Всемогущий Бог избрал архангела Гавриила для доставления божественных откровений пророкам.

Между ночами Рамазана особенно значительна ночь предопределения или всемогущества, называемая лайлат-ул-кадр, шаби кадр; в некоторых мусульманских книгах говорится, что Коран был ниспослан Богом Мухаммеду в эту ночь; эта ночь имеет более значение, чем тысяча месяцев, и один намаз, совершенный в ночь шаби кадр равняется 1000 намазам, совершенным в другое время; в эту ночь, будто-бы, отверзаются небесные врата, происходят во вселенной разные события и чудеса; в тот момент, когда открываются небесные врата, о чем бы мусульмане не просили Бога, Господь исполнит все просимое и примет молитву верующих. Мусульмане говорят, что ежегодно, в ночь лайлат-ул-кадр проверяется книга о по-

ступках людей (нама-и аъмол) и таблица вечного предопределения (судьбу, рок) на один год, короче сказать, в эту ночь положительно определяется то, что должно случиться в мире в следующем году. В эту ночь ангелы с архангелом Гавриилом в особенности, сходят с неба на землю, по повелению Бога, и возносят хвалу Богу за постящихся мусульман ходатайствуя перед Богом о прощении их грехов. В день страшного суда они будут свидетелями, что магометане, молясь Богу, держали уразу (пост).

Ночь лайлат-ул-кадр скрыта между ночами Рамазана и неизвестно, на какую именно из ночей уразы она бывает. По мнению некоторых законоучителей мусульман, эта ночь бывает в последних 10 дней Рамазана и в особенности в следующих числах: 17, 21, 23 и 27-го. Большинство из этих магометанских законоучителей, основываясь на произведенных ими наблюдениях, пришли к заключению, что ночь лайлат-ул-кадр должна быть 28 числа уразы Рамазана. Накануне этой ночи, будто-бы солнце восходит в багровом темноватом тумане и без лучей; но в эту ночь бывает тихая, ясная погода, и никогда не бывает слышен лай собаки. Ночь лайлат-ул-кадр скрыта от людей для того, чтобы магометане проводили, по мере возможности, все ночи Рамазана в молитвах и в чтении Корана; в эту ночь они должны совершать особую молитву намаза – лайлат-ул-кадр, состоящую из четырех коленнопреклонений и земных поклонов (рекоят). Каждый рекоят или земной поклон должен сопровождаться чтением первой главы Корана 1 раз (суре-и фатиха), 97 главы 5 раз (суре-и лайлат-ул-кадр) и 112 главы тоже 5 раз (суре-и ихляс); по окончании четырех земных поклонов, совершающий намази кадр должен 70 раз произносит: "Боже! Прости и спаси меня! Каюсь", возглас, соответствующий христианскому "Господи, помилуй!".

Во время поста уразы мальчики туземцев ночью приходят к дверям и воротам своих соседей и богатых людей и поют хвалебную песню Рабби ман, краткое содержание которой следующее: "о, Боже мой, Боже мой! О, Рамазан! О, Господи, Рамазан! Мы пришли к твоей двери с песнею; да даст Господь Бог вам сына с домашней колыбелью. В священном городе Мекке есть одно высокое дерево с фруктом фиником; да даст вам Господь Бог сына, подобного Магомета и Али; в Мекке есть одно высокое пальмовое дерево с черною ветвистою вершиною осеняющее храм Каабу; Господь Бог да даст вам сына с черными бровями; сквозь этот дом мы намедни видели луну,

служащую эмблемою нашей религии; мы замечаем, что хозяин этого дома богат; на углу этого дома мы видели гроздь хлопка; Господь Бог даст вам сына; в честь хозяина дома мы поем песню Рабби ман и стоим так; у нас пока нет бороды, но между тем мы состарились".

Хозяин дома дает мальчикам деньги, сахар, кишмиш или лепешки. Мальчики с этою песнею, по очереди обходят почти всех жильцов своего квартала, а иногда заходят и в другой квартал.

Накануне ночи праздника уразы (в ночь с сочельника на день праздника), перед рассветом, женщины с лепешками и с пловом, придя на могилу своих близких родственников, молятся Богу, громко плачут, вспоминают умерших, некоторые рвут свои волосы и царапают свое лицо. Принесенные с собой лепешки и плов они дают убогим муллам и слепым кариям (знающим наизусть весь Коран), чтобы они помолились Богу за их умерших родственников; им также раздают и деньги; эти убогие муллы и слепые карии накануне праздника нарочно приходят на кладбище, а некоторые из них живут даже здесь. По шариату запрещается громко плакать по умершим. Обычай посещения женщинами кладбища утвердился вследствие предания, будто-бы ночью накануне праздника уразы, души умерших опускаются с небес на свою могилу и ждут от своих родственников и вообще от всех благочестивых мусульман теплой молитвы, доставляющей душе грешника облегчение от адских мучений. Поэтому, магометане в ночь с арафы на день праздника, по пятницам и в дни двух главнейших праздников, уразы и курбан, должны читать Коран за упокой душ умерших и за прощение Богом грехов всех магометан и мусульманок вообще.

По окончании поста Рамазана, именно 1-го числа месяца шавалла, у мусульман бывает большой праздник "ураза–байрам" (иди шериф), продолжающийся обыкновенно три дня.

Рано утром, в день праздника, мусульмане совершают полный обряд омовения всего тела (гусл); насколько это возможно, одевают новую одежду, разговляются одним или тремя финиками, кишмишем или сладкою пищею, приготовленного с медом и сахаром, затем идут в большую соборную мечеть или в идга (большое открытое место, где происходит общественное богослужение, отправляемое в дни двух годовых и главнейших праздников). Когда все молящиеся соберутся к известному времени, именно – когда восходящее солнце поднимается от горизонта на расстояние длиною в 2 или 3 пика, тогда начина-

ется общественный, праздничный намаз, состоящий из двух коленнопреклонений и земных поклонов. Тут же, по окончании этого общественного праздничного намаза, имам или хатиб (проповедник, мулла), взойдя на возвышенное место – минбар, держа в руках посох или саблю, вслух нараспев читает молитву хотба, соответствующую христианской эктении и содержащую в себе: прославление величия Бога и восхваление пророка Мухаммеда, его преемников халифов – Абубакра, Омара, Османа и Али, испрашивание благословения над Мухаммедом, халифами, их родами и семействами и, наконец, над всем народом, исповедующим магометанское вероучение. Кроме того, к содержанию хотби прибавляются некоторые правила, относительно раздавания милостыни бедным и содержащимся под стражею, ведения правильной жизни, раскаяния, прошение у Бога дожить еще до нескольких постов в течение многих лет в тишине, спокойствии, счастливой, благополучной жизни и проч.[187].

Наурузу, т. е. староиранскому новому году, не каноническому лунному, а солнечному, празднуемому около весенного равноденствия*, относится целый ряд обрядов и обычаев, отчасти общих всем арийским народам.

Общая схема новогодних обычаев и обрядов в том виде, в каком они сохранились до настоящего времени в Самарканде, такова: 1) зажигание огней и хождение с огнями в арык Аби Рахмат, 2) купание в этом арыке, 3) предсказания, 4) питье заговоренной воды, 5) "казан тулды", 6) употребление в пищу преимущественно птичьего мяса, 7) взаимное дарение вареных крашенных яиц, 8) восхождение на высокие места, 9) хождение с визитами, 10) гульянья за городом, скачки с козлом, борьба и проч.

Автор сочинения "Самария" в одном месте говорит: "в Самарканде издревле существует такой обычай и обряд: в конце года "аджами" (персидского, т. е. солнечного), именно в ночь на последний понедельник истекающего года, народ собирается на арык Аби Рахмат, в водах которого обмывается и получает благодетель".

В самое последнее время обычай купания перед новым годом стал выходить из употребления и теперь справляется очень немногими. Однако еще в памяти теперешних стариков он совершался всенародно и особенно торжественно.

---

[187] "Турк. Вед." 1878 г. № 1 и 2.

В последнее воскресенье перед Наурузом, после заката солнца, жители Самарканда, его пригородов и окрестных селений собирались в более или менее обширные толпы, причем каждый квартал или приход составлял отдельную группу. Предварительно заготовлялись "аташ-байдаки", иначе "машъал". Первое в переводе означает огненный бунчук, а второе – светило, факел. Аташ-байдаки представляет древко в руку толщиною и длиною сажени в 2–2 $^1/_2$ с укрепленным на одном конце пучком тряпок, а чаще старым ватным халатом, пропитанным кунджутным маслом. Аташ-байдаки зажигаются и процессия направляется к арыку Аби Рахмат, имея в среде своей танцующих бачей и ребятишек впереди. По пути процессии зажигаются зарасте, устроенные костры и пускаются ракеты. Придя в место, народ располагается по арыку и приступает к купанию. По длине арыка в разных местах также зажигаются костры и факелы. Купанье совершается с целью омыться от прошлогодних грехов. Вода названного арыка в эту ночь считается целебной, а потому уносится в маленьких кувшинах домой, закупоривается и хранится до времени в укромных местах.

Женщины активного участия в этих процессиях не принимают, а купанья совершают, – впрочем очень немногие – в садах, расположенных по арыку, подальше от нескромных взоров, или только вброд переходят арык, что уже считается достаточным для очищения.

Хотя обычая ворожить в новогодние дни и нет, по крайней мере, в настоящее время, но предсказания "мунаджимов" (астрологов), составленные на основании сочетания небесных светил, пользовались прежде широким распространением.

Обыкновенно за несколько дней до Науруза мунаджимы составляют так называемые "солнома" (в переводе – годовая грамота), которые в большом количестве списков рассылаются знати, богачам, знакомым и пр. Мунаджимы за солнома, конечно, получают вознаграждение, смотря по щедрости и состоятельности лиц, для которых они предназначаются.

В солнома изготовляются общие предсказания на поступающий год, как то: урожай, война, засуха, мор и проч., а также частные, например, каким образом данное лицо должно провести вечер перед новым годом – в обществе-ли ученых, наедине, в компании-ли веселых людей, слушая-ли музыку и проч., какого рода должно употреблять пищу, в какого цвета одежде следует быть в этот вечер. Разу-

меется, все эти предписания, которые стараются строго выполнять, направлены к тому, чтобы наступающий год прошел для данного субъекта наиблагополучнейшим образом и не принес с собою каких-либо бед и несчастий.

Чтобы застраховать себя от всякого рода напастей, существует и другое средство – питье заговоренной воды. Перед самым Наурузом в продаже появляются лоскутки бумаги с написанною на них шафрановым соком молитвою, известная под именем "хафт салам" (семь благопожеланий). Молитва эта содержит пожелания мира и благополучия семи пророкам – Адаму, Ною, Моисею и др. Бумажка и тексты из Корана с написанною на ней молитвою хафт салам опускается в чашку с водою; к воде для вкуса примешивается сахар или мед. После того, как краска распустится и буквы побледнеют, вода становится целебной и принимает свойство предохранять от болезней и бед. Она выпивается по очереди членами семейства.

"Казан тулды" в переводе значит – котел наполнился. Обычай этот заключается в том, что в ночь Аби Рахмата или в канун нового года в каждом доме варят пищу в котлах, причем смотрят за тем, чтобы котлы были совершенно полны. Варят лучшую пищу, кто какую может, но непременным условием этого обычая считается, чтобы котел содержал возможно большее количество пищи. Справляется этот обычай для того,чтобы наступающий год был урожайный, обильный жизненными продуктами, как "полный котел".

"Ежегодно в новый год до восхода солнца бухарские маги (парсы) приносили на могилу Сиявуша (в Бухаре) по одному петуху и резали их", говорит автор Тарихи Наршахи. Хотя заметка эта и не дает указаний той цели, ради которой резались петухи, но вряд-ли может быть сомнение в том, что обычай этот входил в ритуал новогодних обрядов в качестве жертвы, для умилостивления божества, или же гадания на основании тех или других примет при резании. Обычая резать петухов в новый год не сохранилось, однако в том обстоятельстве, что туземцы в этот день стараются употреблять в пищу преимущественно птичье мясо, нельзя не видеть видоизменения этого обряда. В некоторых кишлаках беднота единственный раз в году, в Науруз, позволяет себе такую роскошь в столе, как вареная курица. На базарах Самарканда и Бухары перед Наурузом распродается масса кур, немало куропаток, перепелов и другой дичи.

Повсеместно в Средней Азии около Науруза появляется в продаже большое количество варенных крашеных яиц. Туземцы, большие

охотники до всякого рода спорта, бьются яйцами и взаимно дарят их. Многие русские ошибочно думают, что обычай красить яйцо заимствован у христиан, с приходом русских в край. Туземцы уверяют, что этот обычай существует у них с самых древних времен и считается национальным. Действительно, подтверждение этому находится в сочинении "Хайрат-ул-фукахо", написанном в 696 году хиджри в Бухаре Бин Садр-уд-дином, который рассказывает, что известный бухарский святой Абу Хафси Кабир, живший в III в. хиджри, восстал против обычая взаимно дарить в новый год яйца, находя его греховным и несовместным с чистой верой, так как он есть заблуждение магов. Тот-же святой возмущался и осуждал хождение за город с "атащ-байдаком". Судя по характеру и тону проповеди, можно догадываться, что оба эти обычая были сильно распространены в Бухаре.

Чтобы получить должность, разбогатеть, приобрести выгоды и проч., в Науруз восходят на высокие места. Для гуляний в эти дни выбираются тоже преимущественно возвышенности.

Так называемый "сайл"* и связанные с ним борьба, скачки и прочие увеселения те же и в ночи уразы[188].

Науруз, этот староиранский новый год, всегда начинается в день начала весны и продолжается 13 дней.

У шиитов празднуется печальное торжество мученической кончины Хусейна в Кербале, которое каждое 10-го мухаррема знаменуется большими процессиями, а в предшествующие дни-театральными представлениями, изображающими историю страданий Хусейна. В этих процессиях участвующие стараются превзойти друг друга страшным криком и биением себя в грудь. Некоторые благочестивые люди доводят даже до того свое усердие, что сами наносят себе многочисленные раны.

У шиитов остальные празднества – оба праздника*, день рождения пророка, день убиения Омара и т. д. празднуются отчасти только высшими классами, отчасти и вовсе не празднуются больше.

Несмотря на обращение горных жителей в мусульманство, прежние полурелигиозные праздники, большею частью имеющие связь с земледелием, все еще соблюдают более или менее согласно с древними обычаями.

В Вахане начало посевов празднуется в каждом доме. Чашка зерна, половина которого поджарена, разбрасывается кругом жили-

---

[188] В.В. Науруз в Самарканде. "Турк. Вед." 1897 г. № 14.

ща. После этого глава семейства отправляется пахать; но вскоре он возвращается, влезает на крышу своего дома и бросает зерно через находящееся в середине отверстие, служащее для вентиляции и освещения. Снова он отправляется в поле, проводит вокруг него дважды борозду, бросает немного семян и идет домой; тут он находит двери запертыми и женщины его впускают лишь после многих просьб. На следующее утро, до рассвета он вводит в дом осла, что дает повод к шуткам и смеху, после чего осла посыпают мукой и прогоняют вон.

В Вахане, Шугнане и Рушане во время больших праздников обыкновенно два раза в год, пекутся блины. Изготовляют их следующим образом. Берется мука, молоко и масло и делается жидкое тесто. Роль сковороды играет большой плоский и тонкий камень. Раскаливши этот камень на огне, льют на него масло и потом тесто, почерпнув это последнее ложкой. Когда испечется одна сторона, блин берут и переворачивают на другую. Подают горкой (как книга из листьев, говорит горец) на деревянном блюде, поливши маслом.

В некоторых местах блины относят на кладбище, ставят на могилы, потом берут и поминают ими покойников; кусочки блинов (целые тратить на это жалко) оставляют на могилах совсем. После идут на могилы святых (мазар) и там тоже едят блины.

Печенье блинов сопровождается весельем и шутками и составляет в быту горцев маленькое событие, которое ожидается – особенно ребятишками и молодежью – с нетерпением[189].

Г. Мусафир говорит, что, судя по описаниям печения блинов, они не блины, а оладьи, а если это так, то их туземное название, может быть, вызывает такое же воспоминание, как и наши оладьи, именно: “ой ладо, ой дид-ладо”, – песнь при празднествах встречи весны, в честь божеств Ладо и Лады, олицетворении солнца и луны[190].

Важнейшим из всех праздников в году – это Чили, которым некогда прославлялось поклонение дереву Чили (Juniperus excels). Он совпадал с началом хлебных посевов.

Церемония поклонения кедру в Гильгите заключалась в следующем: в течение трех дней избранные не женатые юноши подвергали себя ежедневным омовениям и очищениям. На четвертый день они

---

[189] *Андреев.* “Турк. Вед.” 1905 г. № 32.
[190] *Мусафир.* “Турк. Вед.” 1905 г. № 36.

отправлялись в горы, снабженные вином, маслом, хлебом и всякого рода фруктами. Найдя подходящее дерево, они выбирали ветвь, на которую брызгали вином и маслом, а хлеб и фрукты съедали в виде жертвенного пиршества. Затем срезывали ветвь и приносили её в деревню. При входе в нее, их встречало все население в праздничных нарядах и с музыкою и радостными возгласами сопровождали их в назначенное место, где ветвь клали на большой камень близ текущей воды. Затем приносили в жертву козла, кровью его обрызгивали ветвь, и начиналась дикая пляска, сопровождаемая размахиванием оружием. Голову козла устанавливали на шесте, как мишень, для стрельбы из лука и ружей. Каждый хороший выстрел награждался бутылкой вина и куском мяса козла. Когда все мясо было выиграно, кости бросали в ручей, и происходило общее омовение. Затем каждый возвращался домой с ветвью кедра. Он находил дверь своего дома запертою, и на его стук жена спрашивала: "что ты принес"? Он отвечал: "если тебе нужны дети, я их принес; если тебе нужна пища, я её принес; если тебе нужен скот, я его принес; все что пожелаешь, я имею". Дверь отворялась, а он вносил ветку кедра. Жена брала немного листьев и, облив их немного вином и водою, клала на огонь; остальное посыпалось мукою и подвешивалось к потолку. Затем жена посыпала мукою голову и плечи мужа и обращалась к нему со следующими словами: "О, Шири Багертзум, сын волшебниц, ты пришел издалека"! Шири Багертзум, "горный король", название, которое давали кедру, обращаясь к нему с мольбами. На следующий день жена пекла несколько хлебов и, взяв их с собою, отводила козлов к камню Чили. Здесь, когда козлы собирались вокруг него, она бросила в них камнями, не переставая призывать Чили. Смотря по направлению, куда бежалы козлы, судили о количестве и поле козлят, которые должны были родиться в течение следующего года. Орехи и гранаты клали на камень Чили, хлебы разделяли и ели, а козлы шли на пастьбу по какому хотели направлению. В продолжении пяти дней после этого распевали во всех домах следующую песню: "Грозный волшебник король, тебе я приношу жертву. Как ты благородно стоишь! Ты наполнил мой дом, ты мне дал жену, когда у меня её не было; вместо дочерей ты мне дал сыновей. Ты мне указал пути праведные, ты мне дал много детей. Ты меня сделал подобным горе. Я привел семейство с вершин гор; я ходил в Саргин, Гилит, чтобы посмотреть народ. Ты убил много диких козлов, ты с

ружьем на плече, ты с мечом в руке. О, ты верхом на коне! О, ты в богатом одеянии! О грозный король, я убью для тебя барана. О, ты, пришедший с горы, я натру твои ноги маслом. О, ты, пришедший снизу, я смажу твои ноги маслом. Я был на равнине; там народ убил в честь твою козла, убил барана; я тебе поклоняюся сегодня. Завтра мы расстанемся. Иди грозный, волшебный король, я поклоняюсь тебе. Ты мне дал благоденствие, как мне тебя отпустить!" Камень Чили можно видеть и до настоящего времени при входе в каждую деревню шинов.

Дерево Чили, или падам, и до настоящего времени привозится в Пенджаб, где употребляется при индусских церемониях. По сведениям Пржевальского это же дерево считается священным у монголов и тангутов, сжигающих его ветви при молитвах[191].

При всяких увеселениях туземцы пользуются музыкой. В равнинах и больших городах музыкальные инструменты разнообразные, у горцев же, конечно, попроще. В употреблении наичаще следующие музыкальные инструменты: 1) Нагара – пара глиняных горшков с затянутыми кожею отверствиями. На этом инструменте играют двумя небольшими прутиками. Звук барабанов не особенно громкий, но тон их настолько высок, что дробь далеко слышна. Нагара из виду напоминает литавры, изображенные на египетских памятниках. 2) Карнай – большая медная труба, по виду и устройству напоминающая рожок пастуха, но только с широком раструбом. Труба эта прежде служила боевым сигнальным инструментом и употреблялась для воодушевления мусульманских полчищ в битвах. Теперь эта "иерихонская", как зовут её в шутку русские, труба употребляется главным образом для созывания гостей на семейные праздники и при общественных увеселениях. Эта же труба дает знать туземному населению о начале поста в месяц Рамазан и о наступлении годовых праздников – Рамазана и Курбана. На мельницах она своими громкими звуками оповещает окрестных жителей, что поставы освободились от помола. 3) Сурнай – род кларнета, но с мундштуком от гобая и отверстиями без клапанов. 4) Балабам – похож на сурнай, но несколько короче его и с другим мундштуком из дерева, без металлических клапанов. 5) Кошнай – две дудочки из обыкновенного камыша, с отверстиями для перемены звука. Во время игры музы-

---

[191] *Биддельф.* У.с. С. 131 и след.

канты держат обе дудочки рядом и дуют в оба разом, перебирая пальцами одновременно по отверстиям обеих частей инструмента, получившего свое название от слова "кош", что значит пара.

Три последние инструменты имеют довольно резкий звук, но когда играют их несколько вместе, особенно при участии немного хриплого кошноя, то в общем получается довольно гармоничное соединение звуков. Эти инструменты постоянно в ходу у туземцев и могут быт названы национальными. Под звуки их мусульманин является на свет Божий. Сурнайчи постоянно ходит по городу, чтобы звуками своей музыки приветствовать рождение ребенка, особенно сына. Вечно играющая на улице детвора отлично знает, у кого на махалле рождается в данную минуту или только что родился ребенок и, как только музыканты появляются по близости, толпа детей встречает их и ведет в дом, где есть приращение семейства. Музыканты получают от родителей ничтожное вознаграждение и этим кормятся. Свадьбы также не обходятся без сурнайчи: когда жених идет в дом невесты, ему предшествует толпа знакомых и поезжан, а впереди непременно идет сурнайчи, громко выводя свои несложные мотивы.

6) Чильманда – бубен с прикрепленными по борту деревянного обруча железными кольцами. Этот простого устройства инструмент в большом употреблении у туземцев. Звуки чильманда составляют в оркестре аккомпанемент струнных инструментов; без бубна не поется ни одна туземная песня, а главное без бубна не танцует бача; чильманда – признак веселья; если проезжая по улице туземного города, слышен мерно отбиваемый на бубне такт, значит невдалеке происходит "базм" – собрание, где танцует бача и где находятся его поклонники; если такт бубна перерывистый, то медленный, то скорый, – значит на этом инструменте собираются аккомпанировать пению "хафиза", прилагающего обыкновенно все усилия, чтобы возможно громче и выше спеть оригинальную, в большинстве случаев заунывную, песню с красивыми персидскими словами. 7) Рубаб – большая склеенная из орехового дерева бандура с причудливым корпусом и длинным изогнутым грифом. Пять струн служат для мотива и еще штук десять представляют лады. Все струны металлические, на колках. 8) Дутар – похож по строению на мандолину; он тоже ореховый, с очень длинным грифом и маленьким корпусом. На колках две металлические струны, дающие весьма слабый, но не лишенный приятности звук. 9) Сетар (три струны) или тамбур очень похож

на дутар, но имеет три металлические струны, почему и называется сетар (се – по персидски значит три) . 10) Гиджак – делается из пустого кокосового ореха, к которому приделана дощечка для струн и гриф. На этом инструменте, имеющем четыре струны из жил, играют волосяным смычком, поставив инструмент вертикально перед собою, как виоленчель. Музыкант играет, как и все другие, сидя на корточках, по азиатски. Смычек не имеет приспособления для постоянного натяжения волос, как смычек скрипки, а делает это сам музыкант, для чего он берется за смычек так, что четыре пальца правой руки приходится между древком смычка и волосом.

Упомянутые струнные инструменты не могут похвалиться ни полнотою звука, ни красотою тембра, ни обширным регистром. Сочетание звуков тем не менее способно доставить своей оригинальностью удовольствие и европейцу; слушая туземную струнную музыку, поддается восточной мечтательности. Она довольно сильно действует на нервы. Вероятно, в виду последнего свойства, рассказывает г. Ликошин, один его знакомый ишан применяет струнную музыку для скорейшего приведения себя и своих мюридов в состояние экстаза.

Обыкновенно струнная музыка составляет украшение всякого собрания туземцев и неприменную принадлежность их "гапов"* (очередных угощений). Одни ученые туземцы до сих пор не допускают в своих домах этой игры, ссылаясь на неодобрение, высказанное в Коране занимающимся музыкой.

11) Кайрак – собственно не музыкальный инструмент, а скорее только принадлежность оркестра; это четыре плоских булыжника, которые "кайракбоз" берет по два в руку и пускает их очень искусно в ход, как кастаньеты. Есть особый танец, котрый исполняют два кайракбоза. 12) Чанг – представляет пустой прямоугольный ящик с натянутыми в большом числе металлическими струнами на колках. Звуки извлекаются посредством удара по струнам в разных местах двумя тонкими прутиками. Инструмент напоминает гусли или цитру. Этот инструмент служит хорошим дополнением к струнному оркестру[192].

Инструменты музыкальные у горцев проще. Так у дарвазцев наиболее употребительными инструментами являются: сетар, рубоб, най (флейта медная) и куги най (кларнет камышевый[193]). Майор Бид-

---

[192] *Лыкошин Н.* "Турк. Вед." 1896 г. № 53.

[193] *Кузнецов.* Дарваз. С. 66.

дельф говорит, что у народов, населяющих Гиндукуш, музыка состоит из барабана, в который бьют палочками, двух или трех небольших металлических литавр и двух или трех кларнетов, сделанных из абрикосового дерева. Музыканты принадлежат к касте домов, и каждый человек, занимающий известное положение, имеет свой хор, который всюду его сопровождает при передвижениях. Каждая деревня также имеет свой хор[194].

Мирным развлечением для туземцев служат также голуби. Между ними много охотников до голубей (кафтар); они стараются переманить к себе чужих, почему либо замечательных голубей. Для этого они заставляют кружить около них своих, и затем чтобы заманить их вниз, на крышу сакли, употребляют довольно своеобразный прием: над двором, на довольно высоких шестах, поднимают чучела голубей, показывая вид, что эти голуби летают низко, над самым двором. Иногда, вместо чучел, поднимают сделанные из тряпок подобия птиц, мало схожих с действительными. Если туземец хочет для чего нибудь заметить голубя, то он продевает ему в ноздри белый или черный волосок.

Бои кекликов (горных рябчиков) и перепелов составляет совершенно оригинальный средне-азиатский спорт, которому многие туземцы предаются с увлечением. Богатые туземцы относятся к этим развлечениям с пренебрежением, находя ниже своего достоинства смешиваться с толпою и разделять её общественные забавы.

Вообще же туземцы страстные охотники до боя животных и птиц: верблюдов, баранов, петухов, рябчиков и перепелов. Местом этих забав являются или жилища частных лиц, или особые дома – каландархона или, наконец, чайхана. "Каландархана" собственно значит в переводе "дом нищих"; но название это вполне соответствует тому, что мы разумеем под словом "трущобы". Понятно, здесь собираются только подонки населения; более состоятельные люди устраивают бои птиц в медресе или частных домах. В пятницу утром, сотворив обычный намаз, такой спортсмен спешит на излюбленный сборный пункт. Обыкновенно ареною боя служит обширная яма, по отлогим стенкам которой, на верху и даже на окрестных деревьях, усаживаются зрители. Большие, откормленные кеклики–самцы приносятся в клетках любителями травли и становятся по средине пло-

[194] *Биддельф.* У. с. С. 114–115.

щадки. Заключаются пари, иногда на довольно крупную сумму. Затем верхушки клеток снимаются и освобождаются птицы; в припадке ревности последние начинают драку. Бои устраиваются обыкновенно во время спаривания кекликов. Бой продолжается минут 5–10, иногда четверть часа, пока один из дерущихся самцов не обратится в бегство, или же не упадет от изнеможения. Тогда бойцов разнимают, садят в клетки и кормят просом. С утра, в течение 2–3 часов, успевают перебраться пар 50–60.

Старые, опытные бойцы продаются довольно дорого, до 5-6 рублей. Иногда цена крупного, сильного, задорного самца кеклика доходит даже до цены порядочной лошади.

Бой перепелов (бедона) мало чем отличается от боя кекликов. Этих небольших птичек владельцы их носят обыкновенно не в клетках, а за пазухой, или в рукаве. Сильный перепел-самец ценится иногда до 3-х рублей[195].

Игорные дома и сходбища получили право гражданства у туземцев. Еще в XYIII столетии в г. Бухаре, по свидетельству одного из описателей Бухарского ханства, было несколько тысяч игорных домов, и Шахмурад – один из государственных людей того времени*, занявший впоследствие трон Тамерлана, будучи ярым фанатиком (суфи), с толпою своих последователей неоднократно предпринимал экскурсии для разорения этих вертепов.

С особенной страстью, увлекающей любителей азартных игр за пределы всякого благоразумия, туземцы предаются игре в кости (кимар), для чего служат бараньи кости (os talus). По законам анатомии бока бараньей косточки отличаются один от другого различною конфигурациею. Игра в эти кости состоит в следующем: один из участников берет 4 косточки и подняв их на поларшина от земли, выпускает из рук. Если все косточки при падении лягут на один и тот же бок, то бросивший их получает выигрыш; в противном случае – проигрывает.

Жизнь горца не слишком весела: монотонна, однообразна, особенно зимой; тянутся дни за днями. Молодежь собирается на вечеринки (гаштак). Местом сборища в Каратегине и Дарвазе служат приходские мечети. Обыкновенно, по установившемуся издревле обычаю, вследстие тесноты домашних помещений горцев, все под-

---

[195] *Маев Н.* Туркестанская выставка. Ташкент, 1890 г. С. 45–47.

ростки с 10 лет и вся молодежь вообще с вечера отправляется с кое-какой подстилкой, с горстью топлива (поочередно), с одной лепешкой в сельскую мечеть, где весело по своему проводит время в разговорах, шутках и пении, засыпая в повалку на полу перед общим костром и удаляясь на рассвете к себе домой, чтобы освободить мечеть для молящихся стариков.

В горах эти вечеринки в мечетях во время продолжительной зимы заменяют те очередные сборища, которые устраиваются любителями во всех городах и больших селениях на артельных началах.

Обыкновенно же забавы горцев состоят в бегании по горам с терзанием прирезанного козла, в борьбе (гушти) силачей, в плавании с песнями на кожаных турсуках (мешках) по горным бурным рекам. Других развлечений у горцев мало, а для женщин и еще меньше этих развлечений, потому что с 12-ти летнего возраста, сделавшись женами, они поглощены заботами о семье, о домашном хозяйстве, о призрении стариков, к которым относятся все вообще с большим уважением.

Изредка жители ближайших кишлаков собираются вместе и развлекаются музыкой, танцами и пением, которые они все очень любят. Поводом для таких собраний большею частью служат свадьбы и праздничные дни. Мотивы песен очень мелодичны и отличаются задушевностью с непременным оттенком грусти. В песнях отражается угнетение материальное, отчасти зависть к живущим в довольстве и стремление освободиться от влияния тяжелых условий жизни и несправедливостей судьбы. Воспевается в них также неудовлетворенная любовь какого-нибудь молодца джигита к девушке, которую выдают замуж за немилого или какой нибудь одинокий горный цветочек.

Вот наиболее любимые песни горцев в четыре стиха:

Потомки благородных семейств, чистых, как серебро, теперь хуже заржавленного железа.

Нищий, бродивший из дома в дом, превратился в богача и ест сахарные лакомства.

Старая лисица была ничтожнее ишака и собаки, – посмотришь, превратилась теперь в тигра.

Пользовавшийся когда то объедками, сделался важным гордым шахом.

Щедрый человек, раздававший всегда хлеб нуждающимся, сам сделался нищим и не встречает помощи; в это время ни совести, ни стыда.

У лошадей завязаны рты и они не ржут, а откормленный бык ревет во все горло.

Кроме этих морализующих песен, есть немало и веселых куплетов, воспевающих о жизни цветов, о прелести голоса влюбленного соловья, о семейной заботливости голубя.

В Гильгите, Хунзе и Нагере песни, за немногими исключениями, воинственного характера и воспевают подвиги правителей. Хотя народ Хунзы и Нагера говорит по буришки, песни его на языке шина, так как народный язык не пригоден для поэтических произведений. Песни шина грубы; они представляют несколько резких образов, плохо связанных между собою и часто повторяющихся с утомительным однообразием.

Праздники, рождение, свадьбы и всякие собрания служат предлогом для танцев. Зрители становятся в круг, внутри которого музыканты садятся напротив старших из присутствующих. Инструменты настраивают, а в кругу совещаются, кто будет танцевать. Наконец останавливаются на каком-нибудь, или же входит внутрь круга охотник и, дав знак музыкантам, начинает. Есть несколько фигур, каждой из которых соответствует особая музыка: дунни, соз, балос (скардо), тупнут, тадживер, сарыкольский и кашмиский танцы. Почти все они начинаются тихо, затем ускоряются, пока наконец, танцующий не дойдет до наибольшей возможности быстроты; уставшего сменяют новые; часы проходят, а забава не надоедает ни исполнителям, ни зрителям. Танцующий выделывает ногами мелкие па, изгибается довольно грациозно корпусом в разные стороны, жестикулируя руками и ударяя в такт кастаньетами.

В Хунзе исполняется очень оживленный танец с мечами. Иногда два или три танцора входят в круг вместе; один исполняет роль руководителя. На свадьбах присоединяются еще 10 или 12, каждый с мечом или секирою. Публичные танцы мужчин и женщин совместно в настоящее время, остались только в Хунзе.

В Читрале и Яссине ашимадеки выказывают презрение к танцам и не принимают участия в них; впрочем, правители этих стран держат для забавы танцующих мальчиков.

Общественной жизни в том смысле, как понимаем мы, горные таджики, разумеется не знают, а вследствие отсутствия базаров они почти незнакомы с базарной жизнью туземцев равнин, которые проводят нередко дни и ночи в чайхане, где всегда можно встретить большое общество и за чашкой чая и за кальяном, узнать всевозможные новости, до которых восточные большие охотники. Редкость

населения, разбросанность кишлаков на большом сравнительно расстоянии, а главное, постоянные заботы – лишают таджиков возможности пользоватся обществом и заставляют их проводить большую часть времени дома, на своем поле, или в своей хате, в кругу своей семьи. Имея, бесспорно, хорошие стороны, такой образ жизни вместе с тем способствует тому, что у таджиков вырабатывается характер замкнутый и крайне недоверчивый.

На лето городское население равнин покидает города и переселяется в загородные сады и на дачи. По пятницам остающиеся в городе также спешат уехать за город. Здесь и там между садами раскинулись овощные, хлопковые, рисовые и другие хлебные плантации; дороги между садами обсажены тутовым деревом в перемешку с вербой и вязом, – арыки, крутые балки, закрытые зеленью мелочные лавки на перекрестках и чайхане, постоянное движение, особенно в базарные дни, все это придает прелесть и оживление загородной жизни летом и настраивает на поэтический лад. По словам доморощенного поэта:

Тополи страстно рядами,
Обнявшись ветвями, стоят.
И вереск с густыми кудрями
Роскошный чинар, виноград...
Забыв про горе – неволю,
Забыв про супружеский гнет,
Восточная женщина в волю
В садах беззаботно поет.

В садах и поклонник пророка
Меняет свой пасмурный вид:
Вокруг его роща востока
Немолчно шумит и гудит.
И персик на солнце сверкает,
И алая вишня видна,
И громко в тени распевает
Его молодая жена.

31. ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ТАДЖИКОВ

Относительно заболеваемости равнинных таджиков существует довольно значительный материал, так как характер заболеваемости этих таджиков вполне совпадает с заболеваемостью вообще туземного населения региона. Этот материал нами был разработан в книге "Сарты".

Что же касается заболеваемости горных таджиков, то по этому предмету существует только отрывочные сведения путешественников, отмечавших попутно только то, что прямо бросалось в глаза. Существует только одно более обстоятельное наблюдение, произве-

денное в Шугнане и это наблюдение принадлежит доктору Аверкиеву[196].

Этими данными др. Аверкиева, произведенными систематически в течение 17 месяцев, мы и воспользовались. За 17 месяцев к др. Аверкиеву за врачебной помощью обращалось 411 больных, сделавших 2105 посещений, т. е. в среднем по 5 посещений на каждого. Из 411 больных на долю мужчин и мальчиков приходится 350, женщин и девочек – 61.

Наибольший процент заболевших падает на возраст от 11 до 20 лет (26, 41%). Первое, третье и четвертое десятилетия болеют почти одинаково (до десяти лет 17, 32 %, от 21 года до 30 лет – 17,02%, и от 31 года до 40 лет – 16, 10 %). После четвертого десятка число заболеваний уменьшается (от 41 года до 50 лет 13, 95 %, от 51 года до 60 лет 5,77 %, от 61 до 70 лет 0,91 % и более 70 лет 1, 51%). Маленьких пациентов, до одного года, было принесено только трое, что составит общее число больных 0,92 %.

По временам года все больные распределяются так: весною – 30, 17 % , летом – 25, 61 % , осенью – 23, 50 %, а зимою наблюдается течение заболеваний 20,72 %. Состояние погоды и дорог имеет существенное влияние на обращаемость больных к врачебной помощи. С улучшением этих последних, т. е. весною и летом, увеличивается число приходящих больных.

По месту жительства наибольшее число больных дали три кишлака – Нижний Хорог, Поршнев и Верхний Хорог; эти кишлаки дали 75,07 % общей суммы больных. Такое огромное сравнительно количество посещений объясняется просто тем, что из всех населенных мест Шугнана эти именно кишлаки находятся ближе всех к месту жительства врача; самый дальний из них лежит в 16 верстах от Хорога (амбулаторного пункта).

По характеру заболеваний наибольший контингент больных дали паразитические болезни кожи, а именно 20,36 % всех больных. Так как единственными представителями названной группы являются накожные болезни – чесотка и парша, то сюда же с полным правом можно присоединить и данные об остальнх заболеваниях кожи и подкожной клетчатки.

---

[196] Врачебная помощь Памирскому населению. "Турк. Вед." 1905 г. № 178, 185 и 186.

В таком случае получится внушительная цифра кожных болезней, составляющая 38,90% общего числа зарегистрированных у шугнанцев болезней. Громадному накоплению этого рода болезней у шугнанцев способствуют те бытовые условия, среди которых приходится им жить, а именно нищета, теснота жилищ, личная неопрятность и вообще грязь.

Второе место в числе больных занимают травматические и термические повреждения (16,71 %). Входящие в состав этой группы ушибы и ранения относятся к числу обычных повреждений рабочего люда. Ожоги, составляющие ¹\₄ всех случаев, наблюдались только зимою и при том исключительно у маленьких детей, благодаря примитивному устройству туземных печей и безпризорности малолеток.

Следующее место по количеству заболеваний принадлежит общим заразным болезням. Больных этой группы было 14,28% общего их числа. Благодаря относительной чистоте горного воздуха и воды, которую берут из быстро текущих горных речек, здесь совсем не наблюдается тех заразных болезней, для передачи которых требуется содействие этих элементов. Несмотря на плохие условия гигиенические и более чем скудное питание таджиков, др. Аверкиеву не пришлось встретить ни одного больного бугорчаткой. Из заразных болезней наибольшее число случаев приходится на перемежную лихорадку.

Весьма значительный процент общего числа заразных заболеваний падает также на сифилитические болезни. По рассказам старожилов западного Памира до начала 90-х годов прошлого столетия "бад мараза" не было ни в Вахане, ни в Рушане, ни в Шугнане. Когда же в начале 80-х годов названные ханства завоеваны были афганцами, таджики массами бежали в Бухару и вернулись обратно на родину лишь после изгнания афганцев русскими в начале 90-х годов. Эти же беглецы и занесли сюда сифилис из Бухары. Передается последний среди таджиков почти исключительно вне половым путем. При той ужасающей обстановке, в которой живет таджик (скученность, пользование общей посудой для пищи и питья, личная неопрятность) этот способ передачи сифилитических болезней является наиболее опасным в смысле легкости заражения ими, а равно быстроты и широты распространения их среди населения. Огромное распространение сифилитических болезней и внеполовой путь их передачи не создал здесь сифилису репутации "дурной" или "секретной" болез-

ни. Таджики его не скрывают, напротив, скорее даже пересаливают, называя "маразом" самые разнообразные, часто невиннейшие накожные сыпи. Других венерических болезней – перелоя и мякого шанкра – у таджиков не существует.

Четвертое место по числу больных принадлежит болезням органов пищеварения, составляющим 9,72 % всех заболеваний. Причины, влияющие на большое сравнительно распространение этих заболеваний между таджиками, кроются в плохом и недостаточном питании, а равно в употреблении в пищу крайне неудобоваримых веществ. На это, между прочим, указывает и значительное количество желудочно-кишечных катаров преимущественно затяжного хронического характера (треть всех болезней пищеварительного аппарата). Болезни зубов здесь не так часты, как на восточном Памире.

Из прочих болезней по числу больных заслуживает упоминания болезни органов зрения и слуха. Почти три четверти глазных заболеваний приходится на долю конъюктивитов. Как на причины происхождения этих последних следует указать на дым от противного устройства печей, на пыль от неотштукатуренных, сложеных из земли и камня стен и от земляных полов и на нецелесообразный в гигиеническом отношении головной убор мужчин, не защищающий глаз от вредного влияния сильного солнечного света.

Среди ушных болезней преобладает хронические воспаление среднего уха с гнойным истечением.

Болезни дыхательных органов встречается редко. В происхождении этих форм заболеваний заметную роль играет, так называемая простуда. Да и как не простудиться, когда туземные жилища совсем не приспособлены для зимнего времени, а теплая одежда и обувь таджиков из рук вон плоха: многие едва одеты и почти босы.

Др. Аверкиев указывает в Шугнане на существование только двух эпидемических болезней – корь с краснухой и натуральную оспу, заносимые сюда по временам, довольно впрочем редко, из Бухары через Рушан и распространяющиеся по наиболее бойким путям сообщения. Эти болезни щадят лишь те селения, которые затерялись где нибудь в глуши далеких горных ущелий. Страх перед чем-то таинственным, непонятным, как-бы роковым в возникновении и распространении эпидемий заставляет таджика опускать в бессилии руки. Он видит в эпидемических болезнях проявление гнева Божия и считает грехом всякую борьбу с ними. Из средств борьбы с такою

эпидемическою болезнью, как оспа, может иметь успех у таджиков, пожалуй только одно, – предохранительные прививки. Путем простого наблюдения, что раз перенесший оспу вторично ею не заболевает, они дошли до признания приобретенной невосприимчивости, а отсюда нетрудно было додуматься и до оспаривания, которое существует у них в самой примитивной форме. Обыкновенной швейной иглой делается царапина на тыльной поверхности кости и на нее наносится взятый с больного распад оспенной пустульи, который втирается в царапину пальцами.

Что эпидемии достигают значительной силы и распространения, об этом свидетельствуют те, правда, не вполне достоверные сведения, которые удалось добыть др. Аверкиеву относительно господствовавшей на Шахдаре зимою 1902–1903 годов коревой эпидемии. Оказывается, что из 22 кишлаков Шахдаринской волости захвачено ею было 18, причем на 4206 человек жителей обоего пола зарегистрировано 140 случаев кори, или 33 на тысячу здоровых. Смертных исходов отмечено 29, что составляет 20,71% общего числа коревых больных и 25, 21% всей смертности на Шахдаре за 1903 год (115 смертей). Если же принять во внимание только детское население этой волости (корью болели почти исключительно дети, и среди 140 коревых была лишь одна взрослая женщина), то названная эпидемия окажется еще более грозной. В волости числилось 1772 детей, и процентное отношение числа заболевших на тысячу здоровых детей будет 78,44, а число смертей 16,36. Процентное отношение смертностей от кори к общей детской смертности (80 смертей) выразится высокой цифрой 36,25.

Нужно о заболеваемости еще добавить, что среди горных таджиков встречаются завзятые курильщики опиума.

ЛИТЕРАТУРА

Роберт Ша. Очерки верхней Татарии, Яркенда и Кашгара. СПБ. 1872 г. Географическое распространение потомков арийцев в Восточном Туркестане и Памире; их язык.

А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПБ. 1890 г. Прародина арийцев, расселение арийцев.

А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. СПБ. 1865 г. Несколько слов о таджиках Бухары. (Новое издание: Москва, издательская фирма "Восточная литература" РАН, 2003).

Н. М. Пржевальский. От Кяхты до истоков Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по басейну Тарима. 4-ое путеш. в Центральной Азии. СПБ. 1888 г. Общая характеристика азиатов; этнография каракурчинцев, особенно племени мачин как горных, так и долинных.

Якорский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству. Т. 1 и 2 . (Во втором томе сказано только: таджиков наберется едва-ли более 100000. Они лучше сохранились в южных, гористых частях округа, особенно в Бадахшане. Затем описаны в общих чертах вообще жители края).

Быков. Очерки долины Зеравшан. Ташкент, 1880 г. При исчислении количества обработанных земель и количества населения – таджики не выделены.

В. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПБ. 1877 г. Происхождение юечжей, как древних арийцев.

И. В. Мушкетов. Туркестан. СПБ. т. I. Первая половина этого тома посвящена критическому обзору исследований Туркестана с древнейших времен по 1884 г.

А. П. Хорошхин. Сборник статей касающихся по Туркестанского края. СПБ. 1876. О таджиках в статье "Самарканд" и "Народы Средней Азии".

Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане 1874 –1889 г. СПБ. 1889 г. О народном суде, метеорологических познаниях, скотоводстве, лесоводстве и сельском хозяйстве, быте туземцев долинных и горных.

Н. Маев. Туркестанская выставка. 1890 г. Путеводитель по выставке и её отделам. Ташкент. 1890 г. Промыслы: земледелие, садоводство, охота.

А. О. Костенко. Туркестанский край. СПБ. 1880 г. в 3 тома. В I томе климат края; болезни, свойственные краю; этнографические данные, преимущественно касающаяся киргиз и сартов, характеристика жилищ и населенных пунктов. В III томе земледелие, промыслы и ремесла.

А. Вамбери. Очерки Средней Азии. Москва. 1868 г. Этнография туранских и иранских племен Средней Азии. Более подробно говорится о турках.

О таджиках: происхождение их, тип, характеристика, умственные способности и происхождение слова "таджик".

П. Позднев. Дервиши в мусульманском мире. Оренбург. 1886 г. Религиозные течения у иранцев до мусульманства; отличие шиизма от суннизма.

Варский. Антропологическая выставка 1879 г. Под ред. Богданова. Т. III. О типе таджиков.

Ю. Д. Южаков. Сарты или таджики. Отечественные зап. 1867 г. Т. 173.

А. Гребенкин. Таджики. Сборник "Русский Туркестан". Вып. 2. Москва, 1872 г.

Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г. Офиц. отчет. Об этнографических особенностях населения.

Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПБ. 1893 г. Описание поверий таджиков. (Новое издание см. История Средней Азии, Москва, Евролинц – Русская панорама, 2003. С. 202–227).

Минаев. Сведение о странах по верховьям Аму-Дарьи. Изв. И. Р. Г. Общества. 1879 г.

В. В. Григорьев. О скифском народе саках. СПБ. 1871 г. С. 781 и 805.

Иванов. Путешествие на Памир. Изв. И. Р. Г. О. Вып. 3. 1884 г. С. 209-252

Соч. **монаха Иакинфа.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. СПБ. 1857 г. особенно часть III. (Новое издание: Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, том I–III, Алмати, ТОО " Жалын баспасы", 1998–1999)

Иоганн Гаури. Ислам и его влияние на жизнь его последователей. Ташкент, 1893 г.

Стэнли Лэн-Пул. Мусульманские династии. СПБ, 1899 г. (Новое издание: Москва-Ташкент-Бишкек, международное издательство "Туркестан" КФМЦ "ТКИСО", 1996 г.)

В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1885 г. (Новое издание: См. в книге: История Средней Азии, Москва, Евролинц-Русская панорама, 2003. С. 250–418)

Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПБ. 1897 г.

Э. Реклю. Земля и люди, т. VI.

Корнилов. Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания. Ташкент, 1903 г.

А. Н. Куропаткин. Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. СПБ. 1879 г.

А. Мюллер. История ислама с основания до новейших времен. СПБ. 1895 и 1896 г. 4 тома (особенно т. II)

Майор **Биддельф.** Народы населяющие Гинду-Куш. Асхабад. Географическое распространение гальчей на юг от Памира, нравы и обычаи, праздники, религии прошлые и настоящие. Приложена подробная карта – на владения на юг от Памира, особенно по р. Инду.

И. Нафаль Курс мусульманского права. вып. I. 1886 г.

Фан-дер-Берг. Основные начала мусульманского права. СПБ, 1882 г. Хидая, комментарии мусульманского права. т. II.

Снесарев. Северо-индийский театр. Ч. I. Ташкент, 1903 г. С. 118 и 119.

Заборовский. Европейское происхождение арийцев. Вестник знаний. 1904 г. №5.

А. Серебренников. Очерки Памира. Военный Сб. 1899 г. Август.

Торнау. Особенности мусульманского права. 1886 г.

Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевод Лыкошина, под ред. Бартольда. Ташкент, 1897 г. (Новое издание: см. книгу: История Средней Азии. С. 119–202. На персидском языке книга несколько раз издана в Тегеране и Душанбе).

Бартольд. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. Среднеазиатский вестник. 1896 г. Июль. (Новое издание: Академик В. В. Бартольд. Сочинения. Том II, часть 2 Москва: "Наука", 1964. С. 322-323)

Ибрагимов. Древняя и новая Россия. 1876 г. № 9.

А. Е. Крымский. Очерк развития суфизма. Москва. 1895 г. С. 28 в примечании, а также стр. 47.

Кэмпель. Поземельные вопросы в Индии.

Мен. Деревенские общины на востоке и западе. СПБ. 1876 г.

Гордон. Путешествие на Памир. Изв. И. Р. Г. О. 1877 г. № 6. С. 24.

Ханыков. Об этнографии Персии. (Новое издание: Н. В. Ханыков. Записки об этнографии Персии. Москва: "Наука", 1977; Таджикский перевод этой книги: Н. В. Ханыков. Андешахо рочеъ ба таккики мардуми Эрон, мутарчим Кодири Рустам, Душанбе, "Ирфон", 1992).

Кузнецов. Дарваз. Рекогносцировка 1893 г. Новый Маргелан.

Гр. **А. А. Бобринский.** Секты исмаилия в русских и бухарских пределах Средней Азии. Этног. Обозр. 1902 г. № 2.

В. Ф. Новицкий. Поездка на хребет Петра Великого летом 1903 г. Изв. И. Р. Г. О. т. XL 1904 г. Вып. 1–11.

Карл Риттер. Землеведение Азии. Пер. Семенова. СПБ. 1859. История и этнография усуней – голубоглазых и русых арийцев на Или.

К. Риттер. Иран. СПБ. 1874 г. О происхождении таджиков, краткая характеристика таджиков. Обиталище и язык доисторических арийцев.

К. Риттер. Восточный Туркестан. СПБ. 1869 и 1873 г. Дополнения Григорьева.

К. Риттер. Землеведение Азии. Кабулистан и Кафиристан. СПБ. 1867 г. стр. 781 и 805.

К. Риттер. Т. I, стр. 558; т. IV, стр. 168; т. VII, стр. 714. Дизики –Гаскаи-таджики; т. I, стр. 192. Райская земля китайцев. Сравн. Т. V, стр. 336.

Природа и Люди. 1880 г. № 11. Статья "Народы России", отношения таджиков к религии и ишанам.

Записки восточноги отдела. YIII. 5. О борьбе зароастризма с буддизмом в Средней Азии перед мусульманством. III, 155–156 тоже. YIII, 9. О принятии ислама караханидами. II, 275. Завоевание Мaвеpанагра караханидими. X, 105 и след. Образование империи Чингиз-хана. VIII, 20–21 о колониях Маверанагра в степи.

Памятная книжка. Семир. обл. стат. ком. т. II, стр. 83, 89 о колониях Маверанагра в степи. II, 102 и след. О Кара-китаях.

В. В. Григорьев. О Греко-Бактрийском царстве. Журнал мин. нар. пр. 1867 г.

В. В. Григорьев. Комментарии на описание народов Александра Македонского, описан. Квинтом Курцием и Аррианом, что касается Туркестана. Журнал мин. нар. пр. 1881 г. Сентябрь и октябрь.

В. Н. Зайцев. Памирская страна центр Туркестана. Ежегодник Ферганск. обл. Т. II. Вып. 1903 г.

А. Г. Серебренников. Памир. Ежегодник Ферганской области. Т. I. Вып. 1902 года.

Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодники вып. 1,2,3,5.

Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской обл. т. III, V, VI, VII, VIII и X.

Справочная книжка. Самаркандская обл. 1897 г. вып. V, под ред. М. Вирского. Н. Д. Кирпичников. Краткий очерк некоторых туземных промыслов в Самаркандской области. 1) Гончарный промысел. 2) Чугунно-литейный промысел. 3) Кузнечный промысел. 4) Выделка кальянов и кумганов. 5) Столярный промысел. 6) Седельный промысел. 7) Ткацкий промысел. 8) Шелкоткацкий промысел. 9) Крашение шелка. 10) Кубовое крашение.

Н. Н. Петровский. Ирригация. Туземная единица объема воды и способы деления её.

Туркестанские Ведомости, 1870 г. Неизвестного автора о школьном образовании у мусульман Средней Азии, № 30.

Турк. Вед. 1876 г. М. Ростиславцев. О настоящем положении мусульманских школ в Зеравшанском округе, № 31. А. А. Кун. Мусульманские школы, № 37. Неизвестн. автор. Гальчи или горные таджики (язык, быт, занятия), № 41. *Арандаренко.* Заметка по сельскому хозяйству в нагорных тюменях Зеравшанского округа, № 42. О школьном образовании у мусульман Средней Азии (о высших школах), № 47 и 48.

Турк. Вед. 1877 г. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства, № 7 и 8. Ср. Коротков. Поездка в горы Фальгара, Ягноба и на Искандер-Кул, №№ 30, 31 и 32. Краткое описание быта таджиков Фальгара и Ягноба.

Турк. Вед. 1878 г. Ю. Казбеков. Мусульманский праздник Уйди-шерифи-Рамазан или Уйди Кабир, № 1 и 2. Порядок богослужения, некоторые обычаи и верования. Поездка в Фальгарскую и Матчинскую волость, № 43. Преступления и пороки горцев, калым и положение женщины. Сказано кратко.

Турк. Вед. 1881 г. Ш. Акимбетов. Очерки Когистана. Указание волостей, входящих в состав Когистана, число жителей, земледелие, садоводство, скотоводство, орошение полей и промыслы. Язык горных таджиков, № 2 и 3. Искандер-тюря. Сведения об ягноубском народе. Материалы для исследования ягноубского языка, № 3 и 4. М. Михайлов. На суде казиев, №№ 17, 18 и 19.

Турк. Вед. 1885 г. Древний усуньский город на берегу Иссык-куля, № 7. М. Миротиев. Хадж, религиозное путешествие мухаммедан в Мекку. Исторические сведения о шариате, значение слова "хадж" и подробное описание обрядов при совершении хаджа, №№ 26, 27, 28 и 29. Критика проекта положение об управлении краем в его части, касающейся землевладения в крае. Г. О пользовании водою по мусульманскому праву. Изложено по книге Хидая, № 30.

Турк. Вед. 1886 г. Н. Емельянов. Материалы для статистики Туркестанского края. Характер и род преступлений, № 11. М. Федоровский. Из Ферганской области. Юридические заметки. По поводу статьи Емельянова, помещенной в № 11. Заметка-мнение шариата о преступлениях против нравственности, № 17. Постановления мусульманского законодательства о дольщиках. 1) О съемке садов из доли. 2) Об обработке земли из части урожая. Изложено по книге Хидая, № 33 и 35.

Турк. Вед. 1887 г. Н. Емельянов. Численность вакуфов Туркестанского края № 2. Н. Дилгельштедт. Пользование водою по обычаю, №№ 16, 17 и 18. Г. Вакф. Из книги Хидая, № 38 и 39. Что такое вакф и какие имущества можно считать вакуфными по толкованию восточных правоведов. Н. Енгельгардт. Культурные очерки Ферганы (по А. ф. Миддендорфу), №№ 40, 41, 42, 43 и 44.

Турк. Вед. 1889 г. А. Прошевский. Покрывала мусульманской женщины. № 11. Перевод из Revue Scientifigue № 2 1888 г. Заметка д. Естра доказывает, что покрывала мусульманок носятся не по закону пророка, а по обычаю. В. Наливкин. Школа у туземцев Средней Азии, № 32. Общий эскиз народного образования у мусульман и доказательство, что современная школа у мусульман Туркестана дает своим воспитанникам очень мало. Н. Аристов. Западный Туркестан в VII ст. по описанию китайского путешественника Сюянь-Цзаня, №№ 38, 39 и 40. Характеристики жителей Самарканда, Ферганы, Осрушны и Тохаристана; их наружные признаки, религия и быт.

Турк. Вед. 1892 г. В. Гад-ский. Воспоминания об Алае и Памире, №№ 18 и 19. Этнографические заметки о киргизах Памира и горцах Дарваза, Шугнана, Рошана, Каратегина и Гиссара.

Турк. Вед. 1893 г. Путешествие Биддемера по Закаспийскому краю, № 32 и 41. Несколько слов характеристики таджиков Самарканда и Бухары. Н. Васильев. К вопросу о школьном образовании у современных мусульман, № 6, 7 и 8. Описание медресе Карауэн в Феце. Науки следующие: 1) толкование на Коране и наука о чтении Корана; 2) основные положение права; 3) обычаи; 4) право вообще; 5) грамматика; 6) риторика; 7) логика; 8) просодия; 9) ариф-

метика; 10) астрология; 11) метафизика; 12) куфизмы; 13) лексикография; 14) грамматическое производство слов; 15) теология; 16) история и география; 17) медицина; 18) практическое законодательство; 19) изящная словесность; 20) таинственные числа и определение посредством вычислений влияния ангелов, духов и звезд на человека; открытие имен победителей и побежденных, желаемых предметов. Выбор профессоров и предметов предоставления неограниченно студентам. Характер преподавания схоластический.

Турк. Вед. 1894 г. В. Баньковский. С Памиров. С Шаджана в Рошан и обратно, № 13 и 14. Этнографические заметки о горцах Рошана. Сер Али Лапин. О значении и происхождении слова "сарт" (по поводу заметки В. Бартольда), №№ 36, 38 и 39. Александр Македонский в Туркестане. Пер. $ 18 труда г. Шварца "Alexander des grossen Seldsuge in Turkestan". Объяснение происхождения слова "скифы", № 56. Н. Юнховский. Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза. Заметки об экономическом быте жителей, № 65. Кафиристан. Географическая заметка, № 66.

Турк. Вед. 1895 г. Всемирный потоп и великое переселение народов, № 7. Статья является передачей содержания в главных чертах труда Sraus u. Schwazza Jundfluth und Voelkervan derung. Объясняет потоп прорывом Монголского моря гор Алатау и последовательным затоплением его водами Западного Туркестана, юга России, вместе с гибелью населения. Кап. Александрович. Краткий очерк Шугнана по данным рекогносцировки 1894 г. Географический очерк, № 12. В. Бартольд. Еще о слове "сарт", № 30. Несколько слов о происхождении слова "таджик". (См. Академик В. В. Бартольд. Сочинения, том II, часть 2, стр. 310–314).

Турк. Вед. 1896 г. Реферат сообщения В. В. Бартольда "Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии" в эпоху арабского завоевания, сделанного в засед. Турк. кружка любителей археологии, № 43. (См. Академик ВВ Бартольд. Сочинения, том II, часть 2, стр. 322–332). А. Серебренников. Рекогносцировка Шугнана в 1894 г., №№ 50, 55, 56, 58 и 61. Краткие сведения о жизни и обычаях горных таджиков. Н. Лыкошин. Туземная музыка, № 53. Описание туземных музыкальных инструментов. С. Б. народные суды Турк. края, № 81. Присяга и лжесвидетельство мусульман в русских судах.

Турк. Вед. 1897 г. Н. Лыкошин. Таъун, № 8. Происхождение, клиническое течение и лечение чумы, по книгам мусульманских ученых. В. В. Науруз в Самарканде, № 14. Новогодний обычай, подробное описание его празднования. Золотопромышленность в Бухарском ханстве. Описание этого промысла в бекствах восточной горной Бухары, № 49.

Турк. Вед. 1898 г. Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений учебных заведений туземного населения Самаркандской области, №№ 60, 61, 62, 63 и 64. С. Еникеев. Несколько слов о народных судах. Отмечены темные стороны народного суда, № 86.

Турк. Вед. 1899 г. Русско-туземные и мусульманские школы. Отчет, № 1. Азартные игры среди туземцев, № 11. Н. Щербина-Крамаренко. В горах Гиссарского хребта, №№ 43, 46 и 47. Между прочим, описана пещера Хазрети Исхак пайгамбар близ кишлака Макшевата. М. С. Андреев. Вахие, № 93. Краткое описание обрядов при рождении, обрезании, сватовстве и свадьбе.

Турк. Вед. 1900 г. Надпись из Рушана. Указание на бывшее разделение горцев на классы и верования их в духов, № 6. Н. Лыкошин. Индулгенция и "фидия". Обычай расплачиваться деньгами или милостыней за совершенные грехи, № 7. Сер Али Лапин. Несколько слов о присяге с точки зрения русского процессуального законодательства в связи с учением шариата, № 33. С. Граменицкий. Инородческое образование в Туркестанском крае, №№ 6, 8, 9 и10. Н. Остроумов. История текста Корана, №№ 46, 47, 51, 52, 55, 57, 60, 62, 66 и 70.

Турк. Вед. 1901 г. Вакуфный вопрос в Ферганской области. Сделано перечисление вакуфов в области, и сколько из них могут в доказательство своего существования представить ханских грамот, № 15. Е. Смирнов. Развалины города Канка, № 17. Географическое распространение древних арийцев и доказательство их высокой культуры.

Турк. Вед. 1902 г. А. Снесарев. Великий Памирский путь в средние века, № 18. Н. Остроумов. Монотеизм и фанатизм Корана, №№ 87, 89 и 91.

Турк. Вед. 1903 г. Э. Леват. В горной Бухаре. Краткое описание добычи золота горцами, № 9 и 13. Др. Пропащих. Употребление опия в Вахане, Шугнане и Рушане, № 43. В. В. Водовладение в Ходжентском вилайате, № 76. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве, № 80.

Турк. Вед. 1904 г. Религия и обычаи горцев западного Памира, №№ 89, 90, 91, 92 и 93.

Турк. Вед. 1905 г. Андреев. Блины в припамирских странах, № 32. Мусафир. То же. № 36. Гр. Андреев. Мусульманская энциклопедия. Содержания книги "Матлаг-ул-улум", № 151. С. Н. Аверкиев. Заболеваемость горных таджиков, №№ 178, 185 и 186.

Турк. Вед. 1906 г. Подати и налоги в восточной Бухаре, № 6 и 7. Материалы к вопросу о распространении среди чинов Туркестанской администрации знания туземных языков. Приведены данные о численности таджиков, № 45.

КОММЕНТАРИЙ

Александр Поликарпович Шишов (5.12. 1860–30. 5. 1936) хотя и не был профессиональным исследователем истории и этнографии, тем не менее, оставил свой след в русском востоковедении, благодаря опубликованным в начале прошлого века книгам “Сарты” и “Таджики”. А. Шишов прибыл в тогдашний Туркестанский край царской России в качестве военного врача, работал в Кокандском лазарете, и затем с 1897 года главным врачом первого Туркестанского батальона в Ташкенте.

Шишов, несомненно человек одаренный, живо интересовался историей и культурой народов Средней Азии, их этнографией и антропологией. Работая в Ташкенте, в прошлом культурно-политическом центре региона, он одновременно собирал и изучал различные изданные материалы о географии Центральной Азии, истории, культуре, этнографии и антропологии среднеазиатских народов. Результатом его научных поисков стали две его книги. Книга “Сарты” издавалась в двух томах (том первый – ”Этнография”, 1904 год, том второй – ”Антропология”, 1905 г.) и была переиздана в 1915 г. По замыслу автора, книга ”Таджики” тоже должна была состоять из двух томов, но издавался только первый том – об этнографии таджиков, в 1910 г. (См.: *Б. В. Лунин*. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, издательство ”Фан”, 1965. С. 285, 396, 407). Был ли написан второй том книги, нам неизвестно. Нужно отметить, что часть первого тома ”Таджики” была опубликована в 1911 г. в журнале ”Средняя Азия”, издававшейся в г. Ташкенте. Шишов свои исследования по этнографии и антропологии продолжал при Советской власти. В этот период он написал различные статьи об узбеках (журнал ”Медицинская мысль Узбекистана” (1928, № 4, и 1929, № 1).

Книги А. Шишова – это не специальные научные исследования. Они, в основном, являются конспектом доступной автору существующей литературы. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что его труд ”Таджики”, является первым объемным трудом об этнографии таджиков на русском языке. В этой книге собраны материалы об этнографии, бытовой культуре, географическом расположении, обычаях, нравах таджиков, наиболее древних жителей края, об их взаимосвязях с другими народами, в особенности с узбеками.

А. П. Шишов впервые скурупулезно собрал воедино большое количество материалов об этнографии и бытовой культуре таджиков. Значительная часть материалов, использованных им, публиковались в XIX и в начале XX века в различных изданиях и ныне являясь библиографической редкостью, для широкого круга читателей вообще не доступны. Ценность данной книги, прежде всего в этом и заключается. В книге А. Шишова не только собран огромный этнографический материал, но и много интересного о духовной жизни и мировоззрении жителей края.

Несомненно, некоторые выводы автора устарели.За прошедшее столетие историческая наука обогатилась новыми, уникальними исследованиями. На основе новых археологических материалов, вновь раскрытых источников были по-новому осмыслены и уточнены некоторые исторические события и устоявшиеся научные взгляды. После фундаментальных исследований таких корифеев исторической науки, как академики В. В. Бартольд и Б.Г. Гафуров, других авторов, главы книги А. Шишова об истории уже вряд ли представляют интерес для серьезных исследователей. Тем не менее, многие страницы из этой книги все еще представляют очень ценный материал об этнографии таджиков. Многие обычаи и способы хозяйствования таджиков, о которых пищет автор, с установлением Советской власти и изменением уклада жизни исчезли, и узнать о них можно лишь в этой книге. Кроме того, в этой книге, мы можем найти научные суждения без оглядки на "равенство" и "уравниловку", исходящие от ложного понимания принципа дружбы народов и присущего значительной части научных работ советских историков о прошлом Средней Азии. Хотя и при царской Росии, как во времена Советского Союза, востоковедение служило, в основном, интересам правящего режима, (что не умаляет научное значение этих работ), и помогало ему в определении национальной политики, но кажется, в дореволюционной России были более заинтересованы в правдивом исследовании истории, этнографии и культуры народов, населяющих империю, чем при коммунистическом режиме, для которого "как должен быть" имел приоритет над "как оно есть".

А. Шишов в своей книге ссылается на разных исследователей, среди которых есть и выдающиеся ученые такие, как Н. Ханыков, В. Наливкин, В. Бартольд, Карл Риттер (он известен как знаменитый германский "кабинетный ученый), М. Андреев, а так же на наблюдательных путешественников, как майор Биддельф и Вамбери, чьи книги переиздавались и переводились на многие языки мира. В то же время он приводит высказывания абсолютно случайных любителей научных гипотез и дилетантов от науки. При этом, очень часто, противоречащие друг другу соображения разных авторов приводятся Шишовым без критического разбора. У некоторых авторов, цитируемых Шишовым было предубеждение относительно народов края. Европейские и русские востоковеды и путешественники, несомненно, исходили из тех задач и целей, которые были возложены на них государством или теми службами, которые их направляли для сбора материалов в восточных регионах. Кроме того, образ жизни европейцев значительно отличался от образа жизни восточных народов. Да и имперское мышление порой не давало возможность глубоко понять и почувствовать сущность тех явлений и вещей, которые происходили в других краях. Поэтому в работах иных авторов, описывающих жизнь и быт народов Востока, в частности, Центральной Азии встречаются множество высокомерных высказываний. Также, часто мы сталкиваемся с противоречивыми взглядами, а порою с антинаучными суждениями.

К сожалению, подобные недостатки встречаются и в данной книге. Автор который жил в Средней Азии, изучал жизнь и быт народа на местах, порою верит литературе больше, чем самому себе.

Отсюда беспочвенное утверждение (в главе "Религия и обряды"), о том что таджики являются шиитами, хотя автор прекрасно знал что, абсолютное большинство таджиков являются суннитами-ханафитами. В других главах, А. Шишов сам же указывает на это. К примеру вся глава о землевладении в Средней Азии построено на высказывании имама Абу Ханифы – основателя юридической школы в исламе, названной его именем и его учеников - авторов школы мазхаб ханафи, к которому и принадлежат таджики.

Основное место в книге занимает описание этнографии и бытовой культуры таджиков горных местностей Средней Азии: Каратегина, Вахиё, Дарваза, Шугнана, Рушана и верховья Зерафшана – Матча, Ягнаб, Фалгар, Кштуд, Магиан и т.д. В то же время мало уделяется внимания своеобразию культуры и быта равнинных таджиков, особенно городов, ядро населения которых составляли таджики. Из равнинных мест относительно подробно описана этнография и способы хозяйствования таджиков города Ходжента и его пригородов и частично городов Самарканда и Бухары – колыбели национальной культуры таджиков. Гиссарская долина, находящаяся ныне в составе Таджикистана и Узбекистана, и равнины Куляба также описаны недостаточно. В книге приводится некоторая информация о таджиках восточной и северной частей Афганистана. Но о жителях Кабула, Герата, Панджшира и других городов Афганистана, а также таджиков Ташкентской и Кашкадарьинской областей в современном Узбекистане, Ферганской долины, ныне находящейся в Узбекистане, Кыргизстане и Таджикистане (кроме Ходжента) в книге нет никаких материалов.

Этот огромный пробел связан, прежде всего, с двумя причинами. Во первых, в конце XIX – начале XX веков (впрочем, как и в наше время) бытовые и этнографические особенности таджиков горных территорий, были изучены более основательно и глубоко и описаны намного подробнее, чем быт жителей городов и равнин. Этнографы и антропологи были убеждены в том, что древние обычаи иранцев, и их первоначальный тип в силу того, что жизнь протекала в горных местностях в течение веков изолированно, сохранились здесь лучше, чем где бы то ни было. А поскольку работа А.Шишова является, как уже было отмечено, конспектом трудов других авторов, естественно подробное описание этнографии таджиков горных районов отразилось и на его книге. Во вторых, А. Шишов почти в каждой главе своей книги, говоря о быте и этнографических особенностях таджиков равнин и городов отсылает читателя к своей предыдущей книге – "Сарты", так как в этнографическом и бытовом отношении таджики долин и так называемые "сарты"- абсолютное большинство которых по происхождению являлись таджиками, были идентичными и автор не хочет повторяться. (О сартах подробнее см. ниже). Пробел в

описании таджиков Афганистана, как нам представляется, связан с тем, что автору, жившему в Ташкенте, материал об этой стране, не находящейся под протекторатом России, просто не был доступен в достаточном объеме. Вместе с тем, автор почти в конце каждой главы, также описывает этнографические особенности народов Гиндукуша. Хотя, большинство из этих народов являются родственниками таджиков по общей – индоарийской семье, и некоторые их обычаи и этнографические особенности схожи с таджиками Памира, но, естественно их нельзя называть таджиками. Весь материал о народах Гиндукуша автором привлечен из книги майора Биддельфа, изданной в Ашхабаде.

Единственное издание "Таджики" осуществленное типографией "Туркестанского товарищества печатного дела" города Ташкента, к сожалению, изобилует ошибками и опечатками. В силу того что, в книге пересказывается содержание книг различных авторов, часто одни и те же географические названия приводятся по-разному. Мы постарались устранить эти ошибки и опечатки, а также исправили географические названия в соответствии с современным правописанием, оставив лишь в первоначальном виде названия книг и статьей.

Данное издание является перепечаткой вышеуказанного издания книги "Таджики". Лишь в некоторых случаях избегая повторов, мы сократили текст. Например, в главе "О происхождении таджиков" мы сократили четыре абзаца (одну страницу) так как они полностью были приведены раньше, в главе "Исторический очерк". Или же в главе "О характеристике таджиков" сокращен один абзац ввиду повтора его в этой же главе. Еще четыре абзаца из других глав нами были сокращены из-за повторов, а также из-за того, что они противоречили самой сути книги и не вписывались в его контекст.

Несмотря на все эти замечания, книга А. Шишова дает богатый материал для исследователей истории и культуры народов Центральной Азии. В ней заложена информация о жизни и быте таджиков конца XIX и начала XX века и, несомненно, представляет интерес для всех, кто не безразличен к истории и жизни народов, населяющих регион. Исходя из этого мы решили издать данную книгу и убеждены что она расширит кругозор и станет важным материалом для новых поколений исследователей.

В "Комментарий" помещены некоторые наши соображения по разным темам, или уточнения к тексту. Такие слова и предложения в тексте книги отмечены звездочкой (*).

Также, в списке использованной литературы, мы добавили в скобках некоторые новые издания из этих книг, чтобы заинтересованным читателям легче было их найти.

К стр. 4. Европейские, и в частности, русские ученые и путешественники, в XIX – начале XX веков под "сартами" понимали и описывали быт и

этнографические особенности разных, хотя бы по языку, народов. Некоторые (в том числе и А. Шишов) считали сартов отдельным народом, наряду с таджиками и узбеками. Другие, как В. Наливкин, автор истории Кокандского ханства, говоря о сартах в Ферганской долине, отличают "сартов-узбеков" и "сартов-таджиков". Часть исследователей за сартов признают тех же таджиков, (статья Ю. Д. Южакова изданного в "Отечественных записках" за 1867 год называется "Сарты или таджики"), а другая часть считают их узбеками. Разное понимание этого термина стало предметом горячих споров еще в конце XIX века с участием выдающегося ученого, великого знатока истории и культуры народов Средней Азии и Ирана академика В.В.Бартольда. Этому вопросу он посвятил ряд специальных статей. К этой теме академик Бартольд обращался не раз, постоянно внося ценные уточнения и дополнения к своим изысканиям

Но и в настоящее время все еще у специалистов нет единого понимания о значении слова "сарт".

Для понимания причин почему нет единого мнения относительно термина "сарт" (я, воздержусь от использования слова "этноним" в отношении "сартов" в силу неоднозначного понимания его) надо рассмотреть его использование в литературе в историческом и географическом контексте.

По В.Радлову и В. Бартольду "сарт" - заимствованное санскритское слово у тюрков и потом у монголов обозначающее "торговцев", позже у последних стал обозначать "таджика" – иранца Средней Азии. Такая метаморфоза, происходящая со словом "сарт", как указал Бартольд, связана с тем, что "представители мусульманской культуры появлялись на отдаленном востоке главным образом в качестве торговцев; оттого монголы, по всей вероятности, первоначально называли сартами приезжавших к ним мусульманских купцов. Торговля в Средней Азии велась в то время главным образом, если не исключительно таджиками", поэтому слово "сарт" у монголов стал синонимом слова "таджик". (*В.В. Бартольд*. Сочинения, том II, часть 2. Москва, "Наука", 1964. С. 312).

Академик Бартольд также указывает на то что, после монголского нашествия на Среднюю Азию термин "сарт" в смысле таджик был принят тюрками от монголов. Но, как нам представляется, не все тюркские племена так называли таджиков, ближайших своих соседей, а только те, которые происходили от монголов. Такие тюркоязычные авторы, как Алишер Наваи, Бабур и Абулгазихан, на которых ссылается Бартольд, были представителями монгольских племен, которые осели на территории Дашти Кипчак, стали тюрками и потом перебрались на Моварооуннахр и Хоросан.

Неизвестный автор описания Хивинского ханства, изданного в 1840 году в Москве сартов считает, "настоящими первобытными жителями" этого края. (Общее географическое положение Хивы и прилегающих к ней стран. В книге: История Средней Азии. Москва, издетельства "Евролинц – Русская пано-

рама", 2003. С. 50) И Арминий Вамбери в 1863 г. говоря об исконных жителях Хорезма называет их сартами и подчеркивает, что "сарты" и "таджики" один и тот же народ: "сарты называемые в Бухаре и Коканде таджиками, - древнее персидское (иранское. – *К.Р.*) население Хорезма" (*Арминий Вамбери*. Путешествие по Средней Азии. Москва, издательская фирма "Восточная литература" РАН, 2003. С. 256). Но некоторые исследователи "сартов" называли не народом, а социальной группой. А. Шиле, опять таки говоря о жителях Хорезма, отличает сартов от таджиков."Оседлые жители городов и деревень, за исключением более развитых таджиков, называются сартами **без различия происхождения"** и здесь же указывает, что "впрочем, имя сартов чаще всего употребляется не для обозначения особой национальности, а класса, отличающегося родом занятий и нравами" (*А. Шиле*. Хива и хивинцы. В книге: История Средней Азии. С. 79) Последняя цитата и его сравнение с высказываниями двух предыдущих авторов, наглядно показывает метаморфозу произошедшего со словом "сарт" в Хорезме. То есть, здесь в середине XIX века под сартами имели в виду особый, отдельный персоязычный народ – того же таджика, но уже в конце XIX – начале XX века (книга Шиле впервые была издана в 1914 году) этот термин начинает терять свой первоначальный смысл и приобретает новое значение. Это на наш взгляд связано прежде всего с тем, что сарты – ираноязычное население Хорезма, насчитывавшееся в 40-х годах XIX века 100 тысяч человек, и по меньшей мере в два раза перевосходившее по количеству узбеков, населявших ханство, уже теряли свой персидский язык и говорили на том же языке как и узбеки, то есть на тюрко-чагатайском. Тем же самым, смывается самая главная разница между иранцем-сартом и тюрком-узбеком. По этой же причине, и таджик, сохранивший свою персидскую речь отличается от сарта, потерявшего её и одновременно термин "сарт" теперь не название народа, а социальный класс.

Впрочем, Шиле приводит пословицу тюрков-хивинцев, которая показывает, что и в начале XX века, узбеки Хорезма все еще четко понимали, что таджик и сарт являются одним народом: "Когда гость приходит к тебе и ест твой хлеб, называй его таджиком; когда он будет далеко, можешь сказать, что это сарт".

Итак, разброс во мнениях о слове "сарт", во первых, был связан с изменением этого понятия в связи с процессом отуречивания части иранцев Средней Азии. Но так как, процесс отуречивания сартов-иранцев в разных регионах происходил в разное время, то естественно в одно и то же время разные тюркские народы Средней Азии, и даже разные племена одного и того же тюркского народа, понимали под сартом разное. Иллюстрацией к сказанному может быть еще следующее: Абай – казахский поэт и просветитель в своей книге "Кара соз", написанной в начале второй половины XIX века под сартом разумеет таджиков, а переводчик его книги на русском языка, наверное на основе подстрочника осуществленного казахом, в тексте книги "таджика" заменял "узбеком", и сарт от таджика превращался в узбека.

Если резюмировать все высказывания о слове “сарт”, то можно указать на следующие моменты:

1) В начале под словом “сарт” имели в виду таджиков, и наверняка незначительную часть тюрков, осевших в Средней Азии и перешедших от кочевничества к оседлости еще до монголского нашествия.

2) Во второй половине XIX века часть тюркских, в основном узбекских племен, перешли от кочевого к оседлому образу жизни, восприняли целиком образ жизни, бытовую культуру и способы хозяйствования от таджиков и как бы стали ”таджиками”. Эти тюрки в глазах их сородичей- кочевников превратились в ”сартов”.

3) Одновременно в некоторых районах Средней Азии, и прежде всего в Хорезме, Ташкенте и Ферганской долине, т. е. в периферийных территориях своих расселений в Мовароуннахре в XIX веке иранцы (таджики-сарты) перешли на тюркский язык. Этот народ с иранской (таджикской) культурой, иранским образом жизни, в корне отличный от кочевых традиций монголов и тюрков, в конце XIX – начале XX века говорил в основном на тюркском языке, хотя с огромным количеством персидских слов и грамматических оборотов. Доказательство этому можно видеть и в книге ”Таджики”, когда А.Шишов, говоря о бытовых и культурных особенностях таджиков равнин отсылает читателя к книге ”Сарты”. Несколько примеров: ”Таджики равнин питаются также, как и сарты”, ”говорить о земледелии равнинных таджиков все равно, что говорить о земледелии сартов”, ”о полеводстве равнинных таджиков говорить нет надобности, так как это было бы повторением того, что сказано о полеводстве сартов”, ”одежда равнинных таджиков та же, что у сартов”.

Таким образом, помимо того что сами узбеки приняли иранскую культуру от таджиков, другой источник этой культуры у них, который теперь отличает узбека от его собрата казаха, являются сарты, т.е. таджики перешедшие на узбекский язык. Отсюда ныне очень распространенные ”узбекский плов”, ”узбекская лепешка”, ”узбекская музыка”, ”узбекские музыкальные инструменты” и т. п.

С учетом изменений которые происходили со словом ”сарт”, можно понять почему русские и европейские авторы в 40-60 годы XIX века говоря о сартах имели в виду таджика- иранца, а в 90-ые годы XIX и начале XX века, уже отдельного тюркского народа или узбека.

После октябьрской революции, при переписях всех, кого считали сартами, и тех, которые говорили по-тюркски и тех, кто продолжали говорить по-персидски писали как узбеков.

К стр. 4. Здесь согласно русской дореволюционной традиции этноним ”киргизы” обозначает казахов, а ”кара-киргизы” собственно киргизов. Но в книге Шишова этноним ”киргизы” не имеет четкого обозначения и в дальнейшем автор этим же этнонимом часто имеет в виду современных киргизов. Впрочем, это опять таки связано с тем что, Шишов пересказывает раз-

личных авторов, которые под этим этнонимом обозначали двух, хотя родственных, но разных народов.

К стр. 5. Ахси или Ахсикат - древняя столица Ферганы, родина таджикского поэта XII века Асируддина Ахсикати.

К стр. 6. Естественно, Ходжент не мог быть единственным центром таджиков равнин. Этот город можно было бы назвать центром таджиков Ферганской долины. Для истории и культуры таджиков более значительную роль играли Самарканд и Бухара в Зеравшанской долине, Балх, Герат, Газни и Кабул в современном Афганистане и до политико-религиозного разделения двух ветвей персоязычных иранских народов в XYI веке, различные города на территории современного Ирана, особенно в Хоросане.

К стр. 8. Имеется в виду не только город Бухара, а все города Бухарского эмирата. По военной-демографической переписи на территории Бухарской республики, образованной в пределах бывшего Бухарского эмирата в начале 20-х годов XX века, "таджикское население составляло 70 % от общей численности населения т. е. около 2 100 000 человек, а узбеков вместе с тюркоязычными племенами было около 25%, что составляло 750 000 человек" (*Рахим Масов.* История топорного разделения. Душанбе, "Ирфон", 1991. С. 87).

К стр. 9. Гиссари Шодмон - подразумевающее в настоящее время как прилагательное слово "Шодмон" (радостный, счастливый), скорее всего исходит от древного названия этого края – Шумон.

К стр. 10. В Каратегине киргизы живут в Джиргатале, и естественно, что не таджики Каратегина живут среди тюрок, а наоборот, киргизы живут среди таджиков.

К стр. 11. "Хингоу" в переводе с персидского означает "белая вода", в отличие от "Сурхаба" – "красная вода".

К стр. 16. Таджики Памира исповедуют исмаилизм - ветвь шиизма.

К стр. 16. Миф, кстати очень древний, который, тем не менее, исторической основы не имеет.

К стр. 16. Таджики в Афганистане населяют, не только восток и север страны, а огромную и обширную территорию. Помимо названных автором провинций преобладающим населением Герата и Фараха на западе, Кабула, Панджшира, Джабал-ус-Сираджа являются таджиками. Таджики живут и в южных провинциях Афганистана, среди паштун и в Бамияне вместе с хазарейцамы.

К стр. 18. Имеется в виду Ага-хан, глава исмаилитов.

К стр. 18. В названных провинциях Афганистана таджики составляют основное население.

К стр. 20. Кир (годы правления 550–530 до н.э.) – основатель древнеиранской империи Ахаменидов. Родился на западе Ирана.

К стр. 20. Ни шииты, ни тем более сунниты не считают Али, четвертого халифа, пророком.

К стр. 21. Кафиристан еще в 1895-96 годах был завоеван афганскими властями и его жители насильно обращены в ислам. После этого их называли нуристанцамы и саму провинцию Нуристаном (страна света).

К стр. 22. О жителях Гиндукуша, их обычаях и верованиях имеется обстоятельная работа германского этнографа Карла Йеттмара. (См.: *Карл Йеттмар.* Религии Гиндукуша. Москва, издательства "Наука", Главная редакция восточной литературы, 1986).

К стр. 29. Кули Алаутдин (иначе Кули Калан) – автор смешивает два разные озера в верховьях Зеравшана. Кули Калан находится в Кштуде, относящемся к Пенджакентскому району, а Кули Алауддин на Фане, территориально находящемся в современном районе Айни Таджикистана.

К стр. 31. Стена Ходжента известна с древнейших времен. То, что Акбутабек впервые укрепил город в начале XVIII века, вызывает, по крайней мере, сомнение.

К стр. 31. О борьбе между Кокандским ханством и Бухарским эмиратом за Ходжент, а также за Ура-Тюбе см.: "Краткая история Кокандского ханства" *В. Наливкина.* (История Средней Азии. С. 250–418)

К стр. 34. Авесто – священная книга зороастрийцев, а Занд или Позанд, комментарий к ней, написанной в эпоху правления Сасанидов на среднеперсидском языке.

К стр 35. По современному чтению - Аирьянем Ваэджа (Иранвич), что означает "Иранский" (арийский) простор". По теории, принятой большинством иранистов "Аирьянем-Ваэджа" включала территории иранских народов Средней Азии, север и юг Афганистана и Хоросан и прилегающие к нему территории современного Ирана. (*Б. Г. Гафуров.* Таджики, книга I, Душанбе, "Ирфан", 1989. С. 72)

К стр. 42. Трансоксания - "Страна за Оксом", так греки называли территорию между рек Аму и Сыр, впоследствии получившую арабское название Мовароуннахр. В бейте, приписываемом некоторыми источниками Фирдоуси, а другими Рудаки, приведено древнее иранское название территорий междуречья Аму и Сыра - Варазруд.

К стр. 42. Марв входил в состав Парфии, а позже Сасанидской державы.

К стр. 43. Еще в 1902 году академик В.В. Бартольд указал на сказочный характер этого похода. (*В.В. Бартольд.* Работы по исторической географии. Москва, идательская фирма "Восточная литература", 2002. С. 23). О реальности данного похода сообщает сам же Шишов чуть ниже. Но, "большинство ученых, отвергая конкретное содержание рассказа Ктесия, полагают вместе с тем, что за ним скрываются распространненые в Иране предания о могущественной Бактрии" (*Б.Г. Гафуров.* Таджики, книга I. С. 73).

К стр. 44. "Книга царей" – "Шах-намэ" Фирдоуси (934–1020) величайший эпос иранских народов. Главным источником Фирдоуси является пехливийское "Худой-намак".

К стр. 46. По более распространненой версии “Заратуштра” означает “погонщик верблюдов”, или как указывает И.М. Стеблин-Каменский “по-древнеирански “Заратуштра” означает буквально что-то вроде “Староверблюдий” (т.е. “Обладающий старыми верблюдами”). По его мнению это могло быть защитным, охранительным именем, предназначенным для того, чтобы отвлечь от новорожденного враждебные силы. Подобные имена встречаются у многих иранских и других народов Средней Азии, в таджикской среде они известны как “номи паст”- низкие имена”. (Примечание к книге *Мэри Бойс.* Зороастрийцы, верования и обычаи. Санкт-Петербург, издательства ”Азбука-классика”, изд. ”Петербургское Востоковедение, 2003. С. 40).

К стр. 46. Спор о характере зороастрийской религии продолжается до сих пор. Некоторые ученые, в том числе Фаридун Джунайди, современный иранский исследователь, не согласны с укоренившимся взгядом о дуалистическом характере зороастризма и считают его религией единобожия. Джунайди указывает на то что, Ахриман, не бог наряду с Ахура-Маздой, а просто дьяволь – аналог христианскому ”сатане” и исламскому ”шайтану”. Часть ученых считают, что зороастризм в первоначальном виде, при пророке Зороастре, была монотеистической религией, однако, потом приобрел характер дуалистический. (*Мэри Бойс.* Зороастрийцы, верования и обычаи. С. 292–293).

К стр. 47. Этот миф, отсутствующий в первоначльном “чистом” зороастризме, появился позже (возможно, в конце правления Ахаменидов) у зурванитов.

К стр. 50. Анахронизм. Скорее всего имеются ввиду тюркские племена.

К стр 52. Впрочем, ты будеш иметь в нашем лице стражей Азии и Европы: если бы нас не отделяль Танаис, мы соприкасались бы с Бактрией; за Танаисом мы заселяем земли вплоть до Фракии. Молва доносит, что Македония граничит с Фракией.

К стр. 55. Таван – вернее Даван. Даван китайских источников большинством ученых отодежствлен с Ферганой, а Усрушана в этих источниках называется Цао восточным. Кроме того, в китайских летописях Фергана названа Бохан и Полона. (См.: *А. Н. Бернштам.* Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд “Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена” в книге Н.Я.Бичурин. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена, Алматы, ТОО “Жалын баспасы”, 1998, том. I, стр. LXXIII, LXXV; *Б.Г.Гафуров.* Таджики, том I. С. 171–172).

К стр. 56. Атилла- вождь гуннского союза племен в 434–453 г.г. (до 445 г. совместно с братом Бледой, затем, убив брата, единолично), который в период правления Атиллы достиг наивысшего могущества. После ряда опустошительных походов на территорию Восточной Римской империи (443, 447–48 г.), в результате которых гунны добились от империи уплаты огромной ежегодной дани, Атилла устремился на запад, в Галлию, но в битве на Каталаунских

полях (451 г.) был разбит. Во время похода 452 г. подошёл близко к Риму, но отступил, ограничившись выкупом. После смерти Атиллы гуннский союз племён распался. Образ Атиллы (Этцель) вошёл во многие средневековые легенды.

К стр. 58. Первоначально словом "дехган" и его арабской формой - "дехкан" обозначался только землевладелец-феодал, хозяин села. После утверждения ислама некоторое время это слово как аристократ-иранец противопоставлялся арабу. Современное его значение как "крестьянин" появилось позже, после того, как тюркские династии в Мовароуннахре и Хоросане сменили Саманидов, и иранские аристократы-землевладелцы потеряли своё былое значение.

К стр. 58. Как указал К. А. Иностранцев (1909 г.) этот обычай не был обязательным и применялся только в особых случаях. (*Б.Г. Гафуров*. Таджики, том I. С. 361).

К стр. 61. Бинкент- Бенакет или Банокит, "город… на правом берегу Сыр-Дарьи, недалеко от впадения в нее "реки Илака", т.е. нынешнего Ангрена (собств. Ахенгеран). (*В. В. Бартольд*. Работы по исторической географии. С. 273).

К стр. 63. В то время большинство жителей нынешнего Ирана тоже были суннитами.

К стр. 64. Как Абу Муслим не был шиитом, так и всех антихалифских движений в Мовароуннахре и Хоросане нельзя считать шиитскими.

К стр. 65. Т.е. иранский. Иранский элемент при дворе Аббасидов был особенно сильным во время правления Мамуна (813–833), родившегося от матери персиянки и выросшего в Хоросане. Мамун пришел к власти,благодаря военной помощи хоросанцев, после того, как ими был побежден и убит его брат Амин.

К стр. 68. Ошибка автора. Тюркская гвардия при халифе Муътасиме (833–842) была образована из тюрков – военнопленных и рабов и была отдельной от воооруженных сил, состоящих из иранцев Мовароуннахрских владений (Усрушна, Фергана, Бухара, Хутталан и т. п.) под командованием Афшина (Хайзар ибн Кавуса), сына правителя Усрушны, который впоследствии за попытку организации всеиранского выступления против халифата был умерщвлен в темнице. (Торих-и Табари, том 13. Тегеран, 1369 год шамси. С. 5804–5930).

К стр. 69. Неверное и ошибочное утверждение. Саманиды не только поддерживали национальные устремления масс, но и способствовали этому. При них персидский язык стал официальным языком, появилась великая поэзия на персидском, возрождался национальный эпос, и Коран был переведен на персидский дари. Кстати, этот перевод считается первым переводом Корана с арабского на другой язык. Стремление быть независимым от Багдада отражено в стихах Рудаки, величайшего поэта этой эпохи, который ставил Бухару- столицу Саманидов, выше Багдада – столицы халифата.

К стр. 70. Не только в X, но и в XI веке жители Исфиджаба (современный Сайрам на юге Казахстана), Тараза и Баласагуна продолжали говорить по-согдийски, наряду с тюркским. (*В.В. Бартольд.* Сочинения, том II, часть 2. С. 467). Титул правителя Исфиджаба – "дихкан" указывает, скорее всего на его иранское происхождение.

К стр. 71. Религиозное оппозиционное движение при Наср II ибн Ахмад Самани (914–943) было исмаилитским.

К стр 76. Ал-котиб Ас-Самарканди – таджикский писатель XII века Мухаммад Захири Самарканди. Его перу принадлежит последняя персидская редакция древнеиранского "Синдбад-намэ". Он также сочинил две книги по науке управления государством: "Аъроз-ул-риёсат фи агроз-ул-сиёсат" и "Самъ-уз-захир фи чамъ-ул-захир" (См.: Послесловие *Дж. Азизкулова* к книге Китоби хаким Синдбод. Душанбе, "Ирфон", 1971).

К стр.77. Булгари – предки современных татар, жили в то время, как и сейчас, в Привольже.

К стр.77. Преобладание тюрков над таджиками в вооруженных силах Хорезмшаха, ни как не может отражать национальный состав населения Мовароуннахра. Во-первых, основная территория и столица государства Хорезмшахов находилась вне Мовароуннахра, во-вторых, Мовароуннахр (и то, не полностью) был завоеван Мухаммедом Хорезмшахом, только за несколько лет до монгольского нашествия. В-третьих, по традиции, начавшейся еще при аббасидских халифах – Мамуне и Муътасиме и потом распространившейся по всем полузависимым государствам халифата, в армии Хорезмшаха основные силы составляли чужые элементы, в данном случае жители Дашти Кипчака, и в особенности от племени кангли, к которому принадлежала и всемогущая мать султана- Таркони хатун.

Не только после нашествия монголов, но до нашествия узбекских шайбанидов в XVI веке абсолютное большинство жителей Мовароуннахра оставались иранцами (таджиками) и говорили по-персидски.

К стр. 80. Барласы – племя монголского происхождения, к которому и принадлежал Тимур, прибыло в Мовароуннахр (Кашка-дарья) из Семиречья (юго-востока современного Казахстана) после 1266 года и уже было в значительной степени тюркизировано. Этот процесс в Кашка-Дарье ускорился, и прошло около сто лет до того, как барласы вошли в состав тюркских племен. (*А. Якубовский.* Тимур. См. книгу: Властелин Евразии Тамерлан. Алматы, издательский дом "Кочевники", 2003. С. 91).

К стр. 81. Т. е. казахов.

К стр. 84. Существуют различные, порой противоречивые теории относительно происхождении этнонима "таджик". Значительная часть статьей по этой теме собрано и издано в Тегеране Мирзо Шукурзоде. (См. Точикон дар масири торих, Техрон, интишороти "Алхудо", 1373 г. шамси.)

К стр. 85. Слово "тат" тюркского происхождения, хотя является самоназванием народа иранского происхождения в Азербайджане, Дагестане и Иране, не имеет этимологической связи со словом "таджик".

К стр. 86. Этноним "таджик" в текстах после утверждения ислама, впервые употребляется в стихотворении Унсури – таджикско-персидского поэта начала XI века, придворного поэта Махмуда Газневи. Мухаммад Дабир Саёки, иранский ученый, определяет год написания касыды Унсури, в котором приводится слово "таджик" до 416 года хиджри, то есть, по крайней мере за 50 лет до написания "Девон ал-лугот ат-турк" Махмуда Кашгари. (см. статья *Мухаммад Дабир Саёки* в книге: Точикон дар масири торих. С. 159). В этом же веке этноним "таджик" используется впервые в литературе на санскрите в Кашмире (См.: *Сомадева.* Океан сказаний, Москва, Терра - Книжный клуб, 1998. С. 130) . Таким образом, с учетом географического распространения этнонима "таджик" от Туркестана до Индии в XI веке и частота его употребления в литературе на разных языках, и четкого обозначения его в смысле персоязычного иранца можно утверждать, что "таджик" как название этноса был в употреблении по крайней мере, с середины, вероятно и с начала IX века. То, что название "таджик" не обнаружено в литературе IX–X веков, может быть связано с тем, что из великой персидской литературы эпохи Саманидов дошла до нас капля с моря. Например, из одного миллиона триста тысяч поэтических строк Рудаки, сохранилось чуть более одна тысяча бейтов.

К стр. 88. "Гальча" является искажением слова "гарча" и означает "горец". Это слово состоит из двух частей: древнеиранского корня "гар"– "гора" (одного корня с русским "гора") и суффикс "ча". От этого слова образовалось название области "Гарчистан" – в Мервруде. "Гар" в названиях гор и до сих пор сохраняется в Таджикистане и Узбекистане. Например, "Фалгар", "Упогар", "Шогар" в верховьях Зеравшана. Ошибочная интерпретация слова в смысле "провозитель хлеба", скорее всего исходит из книги Мирзо Шамса Бухари "О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре", изданной В.В.Григорьевым в Казани в 1861 год. "Галча", то есть искаженное "гарча", появилось в средние века, во всяком случае, слово в этом виде зафиксировано в словаре "Фарханги Чахонгири", написанном в конце XVI века ширазским автором в Индии.

К стр. 92. Во всех персидских источниках имя этого народа приводится в форме "хайтол", "хайтоли". От этой же формы образовалось слово "Хатлон"- географический термин, обозначающий юг современного Таджикистана (Кулябская группа районов и Вахшская долина, что совпадает с современной Хатлонской областью).

К стр. 95. Ошибочный термин "зендский язык" был распространен в XIX веке. "Зенд" ("знание") является комментарием к "Авесте".

К стр. 95. Семитские элементы в "пехлеви" или среднеперсидский язык

были незначительными и неощутимыми, а новоперсидский язык, после утверждения ислама в Иране образовался от пехлеви с огромным количеством заимствованных арабских слов. Новоперсидский литературный язык – “порсии дари” сложился в Мовароуннахре и Хорасане.

К стр. 96. Абу Абдуллах Джафар ибни Мухаммад Рудаки Самарканди (858–941) – первый великий поэт, писавший на новоперсидском языке, родился и умер в селении Панджруд, находящемся на территории современного Пенджакентского района Таджикистана, в 120 км от Самарканда. Ошибка в его нисбе – т.е. Бухари, может быть связан с тем, что поэт жил и творил, в основном, в Бухаре – столице Саманидов.

К стр. 96. В Дарвазе и Каратегине вообще отсутствует узбекская речь. Примесь узбекского или другого тюркского народа в крови жителей этого региона тоже не соответствует действивительности и противоречит антропологическим данным.

К стр. 98. Ягнобцы являются прямыми потомками согдийцев и предания об их выходе из Кашмира не сооответствует действительности.

К стр. 99. По данным, приведенным газетой “Зарафшон” (издававшейся на узбекском языке) от 29 декабря 1923 г., через 26 лет после переписи 1897 года в Средней Азии проживало более 3 млн. 350 тыс. таджиков. Из этого число 2,1 млн. в Бухарской народной республике, 750 тыс. в Самаркандской области, 400 тыс. в Ферганской области, более 100 тыс в других областях. (*Рахим Масов.* Таджики: история с грифом “совершенно секретно”, Душанбе, Центр издания культурного наследия. Стр. 93; Также см. статья *Туракул Зехни* в книге: Точикон дар масири тарих. С. 215 (на персидском языке).

Количество таджиков Афганистана тоже явно занижено. По сведениям Элфинстона – посланника Великобритании к двору афганского эмира, относящимся к 1809 году и впервые изданным в 1815 году, в начале XIX века в Афганистане проживало 1 млн. 500 тысяч таджиков и других персоязычных. (См . персидский перевод книги Элфинстона: *Монстворт Элфинстун*. Афгонхо. Чой, фарханг, нажод, тарчумаи Мухаммад Осафи Фикрат, Машхад, бидуни соли нашр. С. 98)

К стр. 113. ”Вагнич”, не дерево, а кустарник.

К стр. 117. В верховьях Зерафшана, по крайней мере в Кштуде и Магияне при постройке домов, не только на крыше, но и в стенах использовали и используют дерево в огромном количестве. Сначала устанавливают деревянный каркас дома, а потом между деревянными балками кладут кирпич. Такие дома могут выдерживать сильные землетрясения.

К стр. 118. Это утверждение не имеет основы. Жители горных территорий только зимой и то на одну ночь (если ночь слишком холодная), держат дома новорожденного козленка или теленка. Наоборот, в некоторых селениях

верховья Зерафшана, в частности в Фане, хлев для животных находится за пределами кишлака.

К стр. 119. Превращение религиозных сооружений прежних религий в храм новой религии победителей практиковалось везде. Особенно часто этот прием как доказательство и символ своей победы использовали мусульмане. Возможно, первоначальные мечети в Ягнабе, также были построены на месте "храмов огня" и присутствие огня в мечетях здесь стало традицией.

К стр. 119. Не таджики выходцы из Ирана, а наоборот предки жителей нынешнего Ирана мигрировали из Средней Азии, как утверждается, в том числе и в книге А. Шишова. Так же зороастризм возник на восточных территориях расселения иранских племен и потом распространился на запад. Средняя Азия в древности и средние века была частью Ирана.

К стр. 121. У большинства таджиков "равзан".

К стр. 131. Прокипяченное и заквашенное молоко у таджиков называется "мост" или "чургот". Тюркский "катык", соответствует персидскому (таджикскому) "чакка" и производится от "моста" (айрана).

К стр. 132. Глава явно написана в результате изучения узбекского быта. Отсюда часть таджикских блюд приводится в тюркских названиях. "Ун –ош"- у таджиков "оши угро" (или "оши борик"), "узма ош"- "оши омоч", "гурда" – у таджиков "шула".

К стр. 132. "Бешбармак" – национальное блюдо казахов и киргиз, у таджиков почти не употребляется.

К стр. 132. "Сумалак" (суманак) блюдо, которое готовится во время празднования Навруза, то есть Нового года по древнеиранскому календарю из проросшего зерна пшеницы и является одним из важнейших элементов новогоднего дастархана у иранских народов.

К стр. 133. "Чачвара" или "тушбера" тюркское название блюда, у таджиков Пенджакента называется "барак" ("бурак"). Под этим же названием зафиксировано у поэта Абу Исхака Атъима

К стр. 151. Абу Ханифа – Нумон ибн Сабит ибн Марзбон, основатель мазхаб ханафи – один из четырех религиозно-правовых школ у суннитов. Его отец был иранцем (таджиком) родом из Кабула, а сам Абу Ханифа родился в городе Куфа в 699 году. (О его жизни и деятельности, также короткая биография его учеников см.: *Мухаммадшариф Химматзода.* Зиндаги ва осори имом Абуханифа, Хучанд, 2004; См. также: *Абу-Ханифа Нуман ибн Сабит.* Трактаты, Москва, "Муравей", 2001).

Саманиды объявили ханафи официальным мазхабом своего государства, благодаря чему эта религиозно-правовая школа стала самым распространенным в восточных странах халифата. Абсолютное большинство таджиков (более 90%) являются суннитами-ханафитами.

К стр. 151. Мухаммед ибн Хасан Шайбани (749–805) – один из известнейших факихов-ханафитов. Ученик Абу Ханифы и Абу Юсуфа, он также обучался у имама Молика – основателя мазхаба молики. Знаменитый Шофеи учился у него фикха Абу Ханифы. Мухаммед ибн Хасан автор многочисленных книг, среди которых "Мабсут", "Зиёдот", "Ал-джамеъ-ул-сагир фи алфуруъ", "Джамеъ-ул-кабир", "Китоб-ул-осор" и другие.

К стр. 151. Ахмад ибн Мухамммед Кудури (умер в 1036 г.) факих-ханафит, автор книги "Ат-таджрид".

К стр. 151. Абу Юсуф Яъкуб ибн Ибрахим ибн Хабаб (год рождения 730) самый знаменитый ученик Абу Ханифы. Некоторое время был главным судьей халифата. Автор многочисленных книг.

К стр 153. Ат-Тахови – Абу Джафар ибн Мухаммед (умер в 931), ученый-факих и знаток хадисов пророка, комментировал различные книги ханафитов.

К стр. 153. Щафии – Мухаммед ибн Идрис ибн Усман ибн Шафи (767–820), основател религиозно-прававвой школы **шафии** в исламе суннитского толка.

К стр. 171. Шамсулаимма Абу Бакр Мухаммед ибн Ахмад Сарахси (умер в 1096 или 1106 г.) Автор книг "Ас-сиярул-кабир", "Ал-мабсут", "Ал-мухит". Факих-ханафит.

К стр. 181. Буквальный узбекский перевод персидского "як осиё об", т.е. определенный объем воды, который мог приводить в движение мельницу.

К стр. 187. В горных местностях не было возможности выпаса скота в зимнее время, и жители были вынуждены содержать домашних животных в хлевах.

К стр. 187. Как приводит сам автор, поля таджиков не только состояли из поливных земель, но их значительная часть, особенно в горах, составляли так называемые "лалми", то есть богарные земли.

К стр. 189. И "сипар" и "омоч" персидские слова. "Омоч" и "сипар" разные части деревянного земледельческого плуга, посредством которого с помощью быков или ослов пашут землю.

К стр. 195. "Сам"– (устаревщее и простонародное). Первая часть неизменяемых сложений с количественными словами: "друг", "третей", "четверг", "пят","шест", "сем"… со знач: больше во столько раз, сколько указано количественным словом . Урожай сняли сам-друг, сам-пят (т.е. вдвое, впятеро больше того, что было посеяно). (*С.И. Ожегов* и *Н.Ю. Шведова*. Тольковый словарь русского языка. Москва, 2001)

К стр. 198. Шелководство в Средней Азии было распространено с древнейших времен, т. е. обилие тутовых аллей в крае ни как не связано с деятельностью ханов и беков.

К стр. 217. Лошадь на персидском языке "асп", а тюркское слово "ат" таджиками не употребляется.

К стр. 222. Кажется речь идет о Кули калан (Большое озеро), а не Кули

кулан, как пишется в книге. Это озеро и поныне существует. См. также комментарий к стр. 29.

К стр. 239. То, что монголы занимались разработкой данного месторождения, вызывает сомнения. Разработка месторождений драгоценных металлов и камней в Средней Азии известна со времен Ахаменидов (V в. до н.э.) При том использовались разные способы добычи.

К стр. 260. Строка древнеримского поэта Горация: "Побежденная Греция победила диких победителей" (лат.)

К стр. 261. Имеются в виду исмаилиты.

К стр. 278. Абсолютное большинство таджиков (более 90 %) являются суннитами-ханафитами. Сам автор, который в других главах постоянно ссылается на мнение Абу Ханифы и других ханафитских авторитетов, здесь почему-то повторяет ошибочное мнение некоторых авторов, которые явно путали восточных иранцев (жителей Средней Азии и Афганистана) с западными (персами- жителями современного Ирана)

Вообще, глава "Религия и обряды" самое слабое место в книге А.Шишова. Вопреки мнению многих исследователей, в том числе Шишова, шиизм не был первоначальной "иранской разновидностью" ислама, а был привезен в некоторые регионы Ирана арабами (например, в Табаристан и город Кум- духовный центр шиизма в Иране). Причем уже в X веке абсолютное большинство жителей Кума составляли арабы-мигранты, которые из-за противоречий и конфликтов с представителями официального ислама, вынуждены были бежать или выдворялись властью из Междуречья. . До XVI века, когда Сефевиды повсеместно насильно насаждали шиизм, в Иране был распространен наряду с шиизмом и суннизм (в основном ханафи и шафеи). Причем в количественном отношении сунниты имели перевес над шиитами. (См. подробнее об этом И.П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII–XV веках, издательство Ленинградского университета, 1966)

Исторические факты противоречат мнению тех иранских и зарубежных исследователей, которые считают шиизм – выражением иранского духа, или тому, как сказано в книге Шишова "шиитская вера… более соответствовало характеру и религиозному состоянию персов". Политическое и культурное возрождение Ирана после арабского нашествия связано с именем суннитских правителей (Тахириды и особенно, Саманиды). Великая персидская поэзия появилась и развивалась в Бухаре и других городах государства Саманидов, в областях преимуществено, населенных суннитам- ханафитами и шофеитами. В то же самое время основным языком, в том числе главным языком литературы при дворе Буидов-шиитов был арабский. Для развития и распространения персидского языка, наряду с благосклонностью и поддержкой Саманидов, важнейшую роль играли указание и разрешение (фатво) имама Абу Ханифы о возможности читать намаз на персидском языке. Правоведы и богословы- ханафиты более активно использовали персидский язык,

нежели другие мазхабы ислама. Утверждение ханафитского мазхаба в качестве официальной религиозно-правовой доктрины в Саманидской державе, благодаря чему ханафизм распространился в восточные части халифата, наряду с культурной ролью иранцев, являлось важнейшим фактором, способствовавшим успешному противостоянию персидского дари арабскому языку, которое закончилось полной победой персидского языка на всей территории Мовароуннахра и Хоросана в IX веке. В дальнейшем литературный персидский язык развивался и распространялся по всему Ирану и в сопредельных странах, как язык культуры и литературы, а также был признан как второй язык исламской религии.

Вообще, в этой главе много не только явных ошибок, но порой и антинаучных высказываний, таких как, например: "шиизм не является чистым исламом", "по существу своему шиизм представляет собою отрицание ислама", или "молитва по пятницам в мечети вообще не обязательна" и так далее. Конечно, это не результат научных изысканий, а отражение взглядов фанатиков суннитского толка, принятое без критического анализа этой проблемы некоторыми западными учеными.

К стр. 278. Имеестя в виду у исмаилитов.

К стр. 279. Зороастризм, как утверждается, в том числе в этой же книге, появился в Восточном Иране, а потом распространился на запад, среди мидийцев и персов.

К стр. 279. "Хаома" – священное у зороастрийцев растение, и напиток от него и сейчас называется у таджиков верховья Зеравшана "хома" (эфедра).

К стр. 280. Персов, т.е. иранцев.

К стр. 280. Правильнее Саошйанта, то есть "тот, кто принесет пользу, благо", грядущий Спасатель мира, родится от чудесным образом сохранившегося на глубине озера семени пророка – Зороастра. . Он будет бороться с силами зла во главе с Ахриманам и победит их, после чего во всем мире будет править добро. (*Мэри Бойс.* Зороастрийцы. С. 73–74).

К стр. 281. Секта "Али-илахи" порицаются самими шиитами.

К стр. 286. Вопреки этому ложному мнению, "тасаввуф" или "суфизм" не только тесно связан с учением ислама, но человек, не сведущий в *шариате* (основе ислама) не может прийти к *тарикату* (путь суфиев). То, что иногда между суфиями и официальными представителями духовенства возникали горячие споры, и некоторые муллы не признавали суфиев, можно рассматривать в контексте противоречий различных течений и школ внутри ислама.

К стр. 287. Учение о предопределении - одно из самых противоречивых в исламе, и среди суфиев толковалось по-разному.

К стр. 293. Арабское слово "мавло" или "мавли" имеет значение "владыка", "господин", но не "Бог".

К стр. 296. Носир Хусрау Кубодиёни (1003–1088) великий таджикско-

персидский поэт, мыслитель и религиозный деятель. Он был представителем исмаилитов-фатимидов в Хорасане и имел ранг "Худжати Хоросан". Родился в Кубодиёне (Таджикистан), умер в Юмгане, находящемся в нынешном афганистанском Бадахшане.

К стр. 297. Этот же образ исползован несколько веков назад в зороастрийском сочинении для доказательства единства Ахура-Мазды и его творений – щести божеств. (См. *Мэри Бойс.* Зороастрийцы. Стр. 44)

К стр. 301. По шариату девочки с 9 , а мальчики с 12 лет считаются юридически ответственными и только после достижения этого возраста могли создавать семью, но это условие не всегда соблюдалось.

К стр. 302. В Ягнобе, как и во всех местностях верховья Зеравшана, "калыма" нет. Здесь скорее всего имеется в виду "махр".

К стр. 302 и 304. В оригинале "Вахон", но на самом деле речь идет о "Вахиё".

К стр. 312. Так в тексте, но возможно, Насир, что связано с именем Насир Хисрау (См. комментарии к стр. 296).

К стр. 312. Имя Бобо Умар, не может быть доказательством того, что носящий его является узбеком, а скорее наоборот.

К стр. 315. Большинство таджиков называют радугу "камони Рустам" (лук Рустама). Это название связано с именем древнего богатыря иранских народов, одного из главных героев "Шахнамэ".

К стр. 315. Рамазан каждый год приходит на десять дней раньше прошлогоднего и естественно, не всегда совпадает с осенью.

К стр. 316. Распространенное название "Млечного пути" у таджиков "Рохи Кахкашон", что означает "Путь возчиков сена"

К стр. 318. "Аджоиб-ул-махлукот" ("Книга о чудесах творения") не является религиозным трактатом, а повествует о животных и их поведении.

К стр. 320. Ошибка Н. Ханыкова. Не "чоршанбеи сунни" (суннитская среда), а "чоршанбеи сури", что означает "священная" или "счастливая среда". Этот ритуал связан с доисламскими верованиями и отмечался у иранских народов перед Наурузом, в последнюю среду года по иранскому солнечному календарю.

К стр. 327. В корне неверное утверждение. Сам образ жизни таджиков вынуждал их обедать совместно всей семьей. Это правило соблюдалось тем более в бедных семьях со скудными запасами продуктов питания.

К стр. 335. И здесь в оригинале "Вахан", что не правильно. Автор пересказывает статью М. С . Андреева о "Вахиё".

К стр.337. Возраст 8–10 лет не являлся обязательным для совершения обрезания. Данная процедура могла совершаться и в более раннем возрасте.

К стр. 339. У древних иранцев также год состоял из двух времен: первое лето – порождение Ахура-маздо, второе – зимой порождение Ахримана.

К стр. 342. Начало приема пищи в месяце рамазан связано с тем, в какое

время года наступает священный месяц и лишь летом, когда рано наступает рассвет, совпадает к 2- 3 часам ночи.

К стр. 345. Науруз по существу, должен отмечаться в день весенного равноденствия, но в средние века в виду неточности календарей и появлением местных традиций он праздновался в различных местах иранского мира в разные времена. Абурайхон Беруни отмечает, что Науруз в Хорезме праздновался на 10 дней позже бухарского.

К стр. 348. "Сайл", т.е. "сайр" – гуляния.

К стр. 348. Имеются в виду праздники "ал-фитр", который отмечается в первый день после окочания рамазана и "курбан".

К стр. 355. Шахмурад – бухарский мангытский эмир, годы правления 1785–1800.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. Шишов

Таджики

(Этнографическое исследование)

Подготовка текста *Кадира Рустама*
Редактор *Саломуддин Мирзорахматов*
Корректор *Мамнуна Амони*